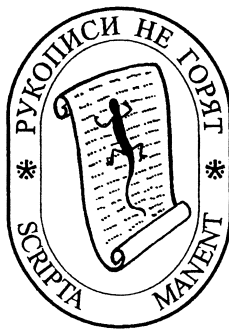

Научно-образовательный форум
по международным отношениям
Журнал «Международные процессы»
Иркутский государственный университет

*Экспертный совет Научно-образовательного форума
по международным отношениям*

д.ф.н. Т.А. Алексеева, д.пол.н. А.Д. Богатуров,
член-корреспондент РАН О.Н. Быков, д.пол.н. А.Д. Воскресенский,
д.и.н. Л.М. Дробижева, к.и.н. Н.А. Косолапов, д.и.н. В.А. Кременюк,
к.и.н. М.П. Павлова-Сильванская,
член-корреспондент РАН В.А. Тишков,
д-р философии М. фон Хаген (США), д.и.н. А.С. Ходнев,
д.ф.н. П.А. Цыганков, д.пол.н. Т.А. Шаклеина

**Стабильность и конфликт
в российском приграничье**

Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе
в середине 2000-х годов

Ответственные редакторы В.И. Дятлов и С.В. Рязанцев

Academic Educational Forum on International Relations
«International Trends» Journal
Irkutsk State University

Regional Scholar's Library Series

STABILITY AND CONFLICT IN RUSSIA'S BORDERLAND

Ethno-political situation in the Caucasus and Siberia

Moscow
2005

Научно-образовательный форум
по международным отношениям
Журнал «Международные процессы»
Иркутский государственный университет

Региональная библиотека международника

СТАБИЛЬНОСТЬ И КОНФЛИКТ В РОССИЙСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ

Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе

Москва
2005

ББК 66.5 (2Рос)

Стабильность и конфликт в российском приграничье. Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе / Отв. ред. В.И. Дятлов, С.В. Рязанцев. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. 344 с.

ISBN 5-901981-12-X

Авторский коллектив

д.фил.н. В.А. Авксентьев (раздел I, гл. 3),
 д.пол.н. М.А. Аствацатурова (раздел III, гл. 2),
 д.и.н. М.Н. Балдано (раздел III, гл. 1), д.г.н. В.С. Белозеров (раздел II, гл. 2),
 к.и.н. О.В. Боронин (раздел II, гл. 3), к.и.н. А.В. Ващенко (раздел III, гл. 3),
 д.и.н. В.Г. Дацышен (раздел II, гл. 5),
 д.и.н. В.И. Дятлов (раздел I, гл. 2; Заключение),
 к.и.н. Н.А. Коробий (раздел III, гл. 4), к.и.н. В.В. Миронов (раздел II, гл. 4),
 А.Н. Панин (раздел II, гл. 2), Н.П. Рыжова (раздел II, гл. 6),
 д.э.н. С.В. Рязанцев (Предисловие; раздел I, гл. 1; раздел II, гл. 1; раздел III, гл. 5),
 д.пол.н. М.В. Савва (раздел I, гл. 4), к.г.н. И.А. Соловьев (раздел II, гл. 2)

Ответственные редакторы

доктор исторических наук В.И. Дятлов
 доктор экономических наук С.В. Рязанцев

В книге исследуется соотношение потенциалов межэтнического сотрудничества и этнической напряженности в сибирских и северокавказских приграничных регионах Российской Федерации. Авторы оценивают роль этнополитического фактора в политическом и социальном развитии российских регионов, имеющих особое геоэкономическое и стратегическое значение для международных позиций России. Полевой материал исследований проанализирован с использованием современной методологии изучения этнополитических процессов. Авторы базируются на последних концептуальных достижениях науки о конфликтах.

Издание адресовано специалистам в области этнополитических вопросов и политических проблем безопасности, а также широкому кругу читателей, интересующихся внешней политикой России и вопросами обеспечения безопасности южных и восточных приграничных территорий Российской Федерации.

ББК 66.5 (2Рос)

Книга опубликована при поддержке Фонда МакАртуров

ISBN 5-901981-12-X

© Коллектив авторов, 2005

© Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005

© С.И. Дудин, эмблема, 1997

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 7

РАЗДЕЛ I. ПОДХОДЫ И МЕТОДЫ

- Глава 1. «Новая полиэтничность» в приграничье: подходы к определению, основные параметры и характеристики 12
- Глава 2. Этническое многообразие в приграничных регионах современной Азиатской России: новые вызовы и новые возможности 33
- Глава 3. Становление подходов к изучению межэтнического конфликта в приграничье 53
- Глава 4. Методика оценки конфликтного потенциала межэтнических отношений в приграничье (на примере Краснодарского края) 72

РАЗДЕЛ II. ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ПОЛИЭТНИЧНОСТИ В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ

- Глава 1. Этнодемографические процессы и типология конфликтов на Северном Кавказе. Основные тенденции и факторы миграции 86
- Глава 2. Этнические миграции на Северном Кавказе 125
- Глава 3. Фактор этно-группового ирредентизма в контексте обеспечения безопасности приграничных регионов Сибири и Дальнего Востока: к оценке приоритетов исследования 134
- Глава 4. «Новая граница» России как фактор межэтнического взаимодействия (на примере Омской области) 157
- Глава 5. Республика Тува: социально-экономический кризис и потенциал этнической напряженности 176
- Глава 6. Благовещенск — форпост империи или зона свободной экономики? 202

РАЗДЕЛ III. МЕХАНИЗМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ И САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ПРИГРАНИЧЬЕ

- Глава 1. Панмонголизм: идея государственного объединения монгольской историко-культурной общности как инструмент нациестроительства 228
- Глава 2. Национально-культурные общества и организации Северного Кавказа в достижении межэтнической безопасности 244

Глава 3. Функционирование силовых структур в условиях изменения этнополитической ситуации (на примере Главного управления внутренних дел Краснодарского края)	263
Глава 4. Международные институты и этнополитическая безопасность (на примере Северного Кавказа)	284
Глава 5. Концепция миграционной политики и интеграция мигрантов в приграничных регионах (на примере Северного Кавказа)	306
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	318
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	324
ПРИЛОЖЕНИЯ	
1. Этнические конфликты на Юге России	326
2. Этнические конфликты в Ставропольском крае	328
3. Международные организации на Северном Кавказе	330
4. Деятельность международных организаций на Северном Кавказе	332

Предисловие

Книга, которую Вы, читатель, держите в руках, не тривиальна и не стандартна. С самого начала нам было достаточно трудно определить и обозначить однозначно ее жанр, который по мере работы над проектом стал вырисовываться как «проблемный сборник». Под такой формой научной деятельности мы понимаем попытку рассмотреть феномен «новой полиэтничности» не только под разными ракурсами, но порой и с кардинально отличающихся позиций и концептуальных подходов. Однако данный шаг был вполне предсказуем с самого начала проекта и определяется нами как наиболее продуктивный на сегодняшнем этапе изучения «новой полиэтничности».

Наша жизнь столь динамична и скоротечна, что не только разрушаются казавшиеся еще некоторое время назад незыблемыми государства и границы, а кардинально меняется общество и социальное пространство. В первую очередь открытыми к переменам и изменениям становятся сообщества приграничья, где контактируют популяции, этносы, культуры.

Тем не менее, настоящая работа имеет важнейшую концептуальную «точку кристаллизации» — это сам факт появления и существования «новой полиэтничности» в приграничье как особой формы социального пространства, отличающегося значительным этнокультурным разнообразием. Именно ее в самых разных проявлениях и под разнообразными углами зрения мы и рассматривали. Феномен новой полиэтничности складывается буквально на наших глазах за относительно короткий по историческим меркам период: он активизировался сразу после распада огромной и закрытой системы Советского Союза.

Главная цель настоящего проекта заключается в том, чтобы попытаться в первом приближении сформулировать теоретический подход к пониманию понятия и описание феномена «новой полиэтничности», который реально существует в приграничье, вполне осязаем и частично описан немногочисленными исследователями в самых разных регионах. Возможно, заявляемая цель выглядит достаточно амбициозной, но мы полагаем, что она имеет под собой все основания — назрела необходимость более активно «копнуть глубже» эту проблему, задать некоторый вектор для исследования новым авторам интереснейшего феномена «новой полиэтничности», а возможно, и вызвать научную дискуссию по этой проблематике.

Необычность проекта заключается также в его неоднородности с точки зрения специализации исследователей, которых собрал проект. Среди наших авторов в нем приняли участие этнологи, историки, политологи, социологи, демографы и географы. Но в этом же и уникаль-

Предисловие

ность данной работы. Собрав воедино буквально «кусочки», мы увидели некоторую общую картину, что представляет собой и как видится исследователям «новая полиэтничность» с различных исследовательских площадок. Именно междисциплинарный подход мы посчитали наиболее продуктивным и перспективным способом развития данного феномена по крайней мере на нынешнем этапе.

Конечно, на этом пути были и остаются проблемы. Ведь порой даже содержание терминологического аппарата, которым оперируют ученые разных отраслей знания, имеет существенную дифференциацию и требует согласования. В нашем проекте, хотя и не удалось окончательно избежать этой проблемы, но, по крайней мере, был реализован принцип: «О терминах не спорят – о них договариваются».

Наконец, пытливый читатель может задаться вопросом, при чем все же здесь Сибирь и Северный Кавказ? Не есть ли это попытка «совместить несовместимое» и «объять необъятное»? Предотвратим такие вопросы некоторым разъяснением. Долго обсуждая географию и споря над выбором «пилотных» регионов, мы пришли именно к такой географии. Это не простое сопоставление по четкому списку заданных шаблоном стандартов и характеристик «новой полиэтничности» – это видение разными авторами «кейсов» по избранным регионам с разной степенью и формой проявления этого явления.

Два избранных нами российских макрорегиона – Северный Кавказ и Сибирь – это типичное приграничье. И только на первый взгляд, это разные регионы. С точки зрения исследуемого феномена, у них больше черт сходства, чем отличия. После распада Советского Союза в этих регионах начинается формирование особое социальное пространство («приграничное сообщество»), характеризующееся интенсивным взаимодействием разнообразных общностей людей (этнических, территориальных, религиозных, культурных), увеличением форм взаимодействия между населением, появлением новых форм общения (приграничные перемещения, «челночная миграция»), изменением в сторону разнообразия этнического состава населения.

Исходной предпосылкой этого является уникальное геополитическое положение регионов, именно приграничность в самом широком смысле этого слова порождает в Сибири и на Северном Кавказе формирование «новой полиэтничности». Тематика и география проекта смогли привлечь и объединить в исследовательский коллектив ученых из самых разных российских городов: Барнаула, Благовещенска, Иркутска, Краснодара, Красноярска, Москвы, Новосибирска, Омска, Пятигорска, Ставрополя, Улан-Удэ.

Книга состоит из трех крупных разделов. Первый раздел посвящен истории изучения проблематики этнополитического взаимодействия и конфликта в приграничье в отечественной и зарубежной науке,

Предисловие

методическим вопросам изучения конфликтного потенциала в приграничье, который накопили некоторые участники проекта (В.А. Авксентьев, М.В. Савва). В этой части работы также сформулировано понятие, содержание и основные характеристики феномена «новой полиэтничности» (В.И. Дятлов, С.В. Рязанцев).

Вторая и третья часть книги – это региональные «кейсы», в основе которых лежат интересные и ценные эмпирические исследования, проведенные участниками проекта в различных регионах Сибири и Северного Кавказа по различным аспектам полиэтничности. Во второй части представлен анализ этнодемографических процессов (включая этническую миграцию) на Северном Кавказе в целом, а также в Ставропольском крае как уникальном регионе, де-юре не являющимся приграничным, но де-факто имеющим все признаки формирования новой полиэтничности (С.В. Рязанцев, В.С. Белозеров, А.Н. Панин, И.А. Соловьев). Рассматривается этническая и миграционная ситуация в приграничных регионах Сибири – Омской области и Республике Тыве, где особые социально-экономические и этнополитические наложили свой отпечаток на различные стороны жизни и характеристики приграничного сообщества (В.Г. Дацышен, В.В. Миронов). Интересное эмпирическое исследование новых форм и особенностей трансграничного взаимодействия между россиянами и жителями Китая было проведено в Благовещенске (Н.П. Рыжова).

Третий раздел книги посвящен механизмам регулирования и саморегулирования полиэтничности. В этой части работы затрагиваются и всесторонне освещаются идеи «панмонголизма» в Сибири (М.Н. Балдано), особенности возникновения и развития национально-культурных обществ и организаций в регионах Северного Кавказа (М.А. Аствацатурова). Уникальным направлением исследования стало изучение вклада и роли силовых структур в регулирование этнополитических конфликтов и обеспечение этнополитической безопасности на региональном уровне (Ващенко А.В.) и международных институтов на Северном Кавказе (Н.А. Коробий).

Несколько слов о рождении и реализации проекта. Идея исследования возникла неслучайно, она стала частью единой концепции развития и логическим продолжением целого направления масштабной организационной и научно-исследовательской работы, которую проводит с момента своего возникновения Научно-образовательный форум по международным отношениям (НОФМО) под руководством известного российского ученого А.Д. Богатурова.

До этого в рамках НОФМО был осуществлен целый ряд интересных исследовательских проектов, в том числе межрегиональный сетевой проект «Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ РФ», в рамках которого была подготовлена книга «Проз-

Предисловие

рачные границы: Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России» (2002), получившая широкий резонанс в научном сообществе.

Однако главная заслуга НОФМО состоит в том, что он предоставляет реальную возможность для постоянного контакта исследователей из разных регионов России, побуждает своих партнеров к постоянным научным изысканиям, дает возможность для содержательного общения молодым исследователям и авторитетным ученым.

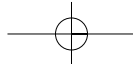
Проект состоялся благодаря усилиям нескольких человек. Мы хотим выразить огромную признательность всем организаторам проекта и прежде всего Алексею Богатурову, который сподвиг нас на такой трудный и, казалось, нереализуемый шаг. Огромная признательность Михаилу Троицкому – основному координатору проекта и прекрасному организатору. Мы также хотим поблагодарить организаторов со стороны НОФМО и Кубанского государственного университета, на базе которого в рамках проекта 24-25 октября 2003 г. в Краснодаре прошла международная конференция «Этнополитические аспекты безопасности в конфликтных очагах и зонах потенциальной напряженности на Кавказе и в Сибири», позволившая значительно продвинуться нашему проекту.

Наконец, выражаем признательность Фонду МакАртуров профинансировавшему издание данной книги и директору его Московского представительства Т.Д. Ждановой.

Важнейший вывод настоящего исследовательского проекта заключался в том, что формирование «новой полиэтничности» как особого приграничного сообщества – это объективная реальность и явление, имеющее и позитивные, и некоторые негативные моменты. Однако необходимо признать, что его формирование идет на шаг вперед с политическими решениями государств, имеющих общую границу. Население действует более энергично, гораздо более мобильно и прагматично, нежели государство и власти. И именно люди меняет объективную реальность в приграничных территориях, создавая взаимовыгодные сообщества, так называемые «трансграничные социально-экономические симбиозы». В целом назрела необходимость преломления результатов научных исследований на прикладной уровень, в область стратегии действий, в том числе в сфере государственного управления. В работе предложен и обоснован новый взгляд на концепцию миграционной политики в приграничных регионах как на часть государственной политики в этой сфере.

Наш коллектив, подготовивший книгу, надеется, что идеи и результаты исследований будут востребованы, вызовут интерес и, возможно, дискуссию, но при этом мы открыты и готовы к научному спору и новым исследованиям.

РАЗДЕЛ I. ПОДХОДЫ И МЕТОДЫ

Глава 1. «Новая полиэтничность» в приграничье: подходы к определению, основные параметры и характеристики

Основная идея настоящего исследования заключалась в том, чтобы попытаться в первом приближении сформулировать теоретический подход к пониманию понятия и дать описание феномену «новой полиэтничности», который реально существует в некоторых странах и регионах, вполне осязаем и описан многими исследователями. В этой связи также следует остановиться на взаимосвязи понятия «новая полиэтничность» с другими ключевыми терминами, принятыми в отечественной и зарубежной науке.

Отправным в анализе можно считать термин «этничность». Детальное исследование, проведенное отечественным социологом Б. Винером констатирует, что зарубежной научной литературе сложилось несколько подходов к определению данного понятия. По его мнению? суть подходов конспективно можно свести к пяти основным позициям: 1) «этничность как принадлежность к социальному меньшинству (Х. Штейн, Р. Хилл), 2) этничность – это этническая группа (В. Исайив), 3) этничность – это этническая идентичность, 4) этничность – это социальная граница (С. Олзак), 5) понятие «этничность» имеет ограниченную пригодность (М. Бэнкс)»¹. По свидетельству известного российского этнолога В. Тишкова, большинство современных специалистов придерживаются мнения, что этничность представляет собой форму социальной организации культурных различий². Норвежский ученый Ф. Барт в конце 1960-х гг. обратил внимание на то, что центральным моментом в научном анализе феномена этничности является этническая граница (*ethnic boundary*), которая определяет группу, а не сам по себе содержащийся в пределах этих границ культурный материал³.

В отечественной науке наиболее удачным можно считать определение, сформулированное В. Тишковым: этничность – это категория, обозначающая существование культурно отличительных (этнических) групп и форм идентичности. При этом он отмечает, что среди ученых нет единства в подходе на определение феномена этничности, но есть некоторые характеристики, свойственные для общностей, которые позволяют считать их этническими или говорить о присутствии этничности как таковой. К числу таких характеристик, по мнению исследователя, относятся: разделяемые членами группы представления об общем территориальном и историче-

«Новая полиэтничность» в приграничье...

ском происхождении, единых язык, общие черты материальной и духовной культуры; политически оформленные представления о родине и особых институтах, как, например, государственность, которые могут считаться частью того, что составляет понятие «народ»; чувство отличительности, то есть осознание членами группы своей принадлежности к ней, и основанные на этом формы солидарности и совместные действия⁴.

В основе этничности лежит этническое самосознание, которое Л. Дробижева определяет как осознание принадлежности своему народу, осознание интересов своего народа, представления о культуре, языке и территории. Традиционно на основе этнического или национального (гражданского) самосознания строились национальные доктрины многих государств. Причем большинство из них формировались под влиянием мощных и разнообразных волн этнической миграции. В зарубежной теории и практике управления этнокультурными процессами исторически сложились и до сих пор существуют различные модели мультикультурализма – явления, при котором происходит сосуществование и взаимопроникновение элементов нескольких иноэтнических культур друг в друга, при сохранении этнического своеобразия каждой этнической группы. Феномен мультикультурализма сформировался в первую очередь под воздействием международной миграции в так называемых иммиграционных странах, или государствах «переселенческого капитализма» (США, Канада, Австралия и Новая Зеландия), а также в «национальных» государствах Западной Европы⁵.

В настоящее время сложилось два основных способа интеграции иммигрантов в мультикультурное общество – модель ассимиляции и модель взаимного сосуществования культур. К странам с ассимиляционной моделью – так называемым «плавильным тиглям» («плавильным котлам») – можно отнести такие страны, как США, Францию, Германию, Швейцарию. Их основная идея – создание этнически гомогенного государства, в котором ни одна из этнических или религиозных групп существенно не должна выделяется из основной массы граждан страны. Некоторые страны, напротив, придерживаются политики взаимного сосуществования культур, то есть допускают существование этно-культурного разнообразия в обществе. В их числе – Великобритания, Канада, Австралия, Нидерланды, Бельгия, государства Скандинавии.

В общем смысле под интеграцией следует понимать процесс приспособления личности или социальной группы (иммигранта или группы иммигрантов) с иными, отличными от коренного населения, социо-культурными, религиозными и этническими характеристиками к жизни в обществе. По отношению к внутренним мигран-

Раздел I. Подходы и методы

там, либо к внешним мигрантам той же национальной группы, что и коренное население скорее применим термин «приживаемость». В этом случае речь идет о мигрантах, близких к коренному населению по культурному уровню, этнической идентичности, вероисповеданию. Как правило, их приспособление к новой среде проживания происходит с меньшими проблемами и более быстрыми темпами.

Отметим, что интеграция иммигрантов представляет собой двусторонний процесс вхождения людей в общество в местах нового проживания, совершивших миграцию. От того, насколько успешно иммигранты интегрируются в него, будет зависеть, с одной стороны, самочувствие самого переселенца, а с другой – социально-экономическая и политическая стабильность в обществе в целом. Многие авторы оперируют данным понятием в рамках способов интеграции, не давая при этом конкретного определения. Например, английский исследователь П. Стокер понимает под интеграцией «состояние, которое может быть достигнуто через ассимиляцию, либо через взаимное существование различных культур, либо комбинацию двух этих состояний»⁶. При этом он отмечает, что интеграция никогда не может быть окончательно завершена. Ученый Э. Нитобург пользуется термином «интеграция» исключительно для характеристики процесса вхождения евреев в американское общество и «американский этнос», подразумевая под ней сохранение еврейских этнических свойств и общности культурно-религиозных норм, поведения, качества жизни и иных социально-экономических и этнических характеристик при одновременном включении их в это общество.

Наиболее распространены несколько способов интеграции этнических мигрантов в новое общество⁷. *Во-первых*, этническая миксация – смешение различных этнических общностей, в результате чего возникает новая этническая группа, сочетающая черты обеих исходных. В качестве примеров подобного пути можно назвать формирование на Американском континенте в последние столетия так называемых переходных рас – метисов, мулатов и самбо.

Во-вторых, ассимиляция – социо-культурное «поглощение» одной этнической группой преобладающей этнической общностью как насильственным, так и естественным способами. При этом ассимиляция может быть полной (окончательной) или неполной (неокончательной). Можно говорить о том, что ассимиляция – это своего рода «распыление» иммигрантов среди сообщества и постоянное их поглощение так, что по возможности они становятся неотличимой частью коренного населения. Отечественный исследователь М. Дьячков понимает под ассимиляцией «частичную или полную утрату индивидами, представляющими данный этнос (как правило, миноритарный по численности), национальных особенностей под воз-

«Новая полиэтничность» в приграничье...

действием количественного и социального доминирующего (мажоритарного) этноса...»⁸. Данный вариант интеграции называется «плавильным тиглем». Конечным результатом ассимиляции является смена этничности (обретение новых этнических свойств при полной или частичной утрате исконных) или деэтнизация (утрата собственных национально-культурных и языковых черт без адекватной замены новыми). Российский ученый Н. Федоров иначе называет деэтнизацию «этническим ничто», которое выражает безэтничность, утрату исторических национально-культурных и языковых корней без адекватной замены новыми⁹. Некоторые авторы считают, что примером деэтнизации можно назвать формирование общностей типа «советский народ» или «югославский народ»¹⁰. Однако это весьма спорно, поскольку распад Советского Союза и Югославии, а также последовавшие вслед за этим рост национализма показали, что этническая идентичность населением этих стран не была окончательно утрачена.

В-третьих, аккультурация – результат неполной ассимиляции, при котором этническая группа частично усваивает обычаи и культуру другой этнической общности, но при этом сохраняет свое этническое своеобразие. Классическое определение аккультурации дали западные исследователи Р. Рэдфилд, Р. Линтон и М. Херкесковиц, которые полагают, что изменения могут происходить в обеих контактирующих этнических группах, заканчиваясь обычно существенными этническими изменениями¹¹. Выделяют несколько вариантов или способов аккультурации. Бикультурализм – это результат этнического взаимодействия, который выражается сочетанием культуры, обычаев и языка, присущих данной и другой этнической группам. Для многих этнических меньшинств характерен именно подобный способ интеграции в европейское общество. Некоторые исследователи рассматривают аккультурацию не как разновидность ассимиляции, а скорее как ее альтернативу. В частности, английский ученый П. Стокер называет это явление «взаимным существованием различных культур», которое отличается терпимостью к иной культуре и позволяет существовать возможности сохранения этнических, культурных и языковых традиций. В результате образуется разнородное по этническому и культурному составу, но стабильное в социально-экономическом и политическом отношении общество. Он считает, что этот вариант интеграции можно назвать «миской салата, в которой все ингредиенты создают единое блюдо, но каждый из них сохраняет свою отдельную сущность»¹².

Необходимо признать, что при любом варианте интеграции мигрантов в новое общество не происходит окончательного исчезновения этнических и культурных отличий между этническими группа-

Раздел I. Подходы и методы

ми. Как правило, первое и второе поколения иммигрантов представляют собой переходные группы, которые характеризуется некоторой этно-культурной двойственностью. С одной стороны, мигранты сохраняют этническую идентичность, «этническую память», придерживаются традиций в своей повседневной жизни и говорят на родном языке родителей, но с другой – они часто не считают себя представителями той страны, из которой происходят их родители. Этот вполне закономерный процесс, происходящий по мере смены поколений, можно назвать процессом этно-культурного размывания или своеобразного «растворения» этнической группы, казавшейся еще недавно сплоченным монолитом.

Например, Франция успешно ассимилировала многие этнические группы иммигрантов – поляков, русских, итальянцев, которые иммигрировали сюда до Второй мировой войны. В то же время некоторые этнические группы (португальцы, алжирцы, марокканцы, тунисцы), прибывшие в эту страну позже, до сих пор сохраняют свою четкую этническую идентичность, достаточно далеки, а зачастую не особенно стремятся к ассимиляции¹³. В Германии достаточно далеки от ассимиляции не только представители этнических меньшинств ранних волн миграции – турки, марокканцы и курды, но и новые этнические группы – этнические немцы, мигрировавшие из стран Восточной Европы, в том числе и из бывшего СССР после его распада. В современной России иммигранты различных этнических групп достаточно долгое время, на протяжении нескольких поколений, проживающие в стране, практически полностью ассимилировались с российским населением. При этом существует достаточно большое количество этнических групп, которые прибыли сюда на протяжении последних двух десятилетий (китайцы, вьетнамцы, афганцы, армяне, азербайджанцы и др.) и сохраняют свою этническую идентичность. Они достаточно сильно локализованы и этнически изолированы.

Современные общества с полным основанием можно назвать мультикультурными или мультиэтничными. По мнению отечественного социолога А. Согомонова, ключевым понятием нового символического осмысления мира и себя становится мультиэтничность – доктрина культурного и этнически не структурированного пространства постсовременности. При этом термин «мультиэтничность» представляется ему более адекватным духу постсовременности, чем понятие «полиэтничности», поскольку полиэтничность в его понимании включает в себя компонент властного вмешательства¹⁴. Таким образом, главное отличие мультикультурного пространства заключается в том, что оно обустроивается не властно, не с позиции государственного «верха», а по воле и согласию населяющих

«Новая полиэтничность» в приграничье...

его рефлексивных субъектов. Конструируемая сегодня мультиэтничность отражает, во-первых, предельное усложнение социальной реальности, а, во-вторых, кризис вертикальной оси «мы – солидариты», указывая на зарождение и развитие горизонтальной, прежде всего «соседской», оси «мы – солидариты» постсовременного социального пространства.

Преимущественная идентификация себя с «местом» приводит, в свою очередь, к трансформации «гражданской» модели современного государства – нации на «соседскую» модель государства – сообщества. Эта трансформация по сути означает кардинальный разрыв нашего времени с идентификационными традициями «простой» современности, отказ от раннемодернистской троицы *гражданство* – язык – граница, и при этом – не менее решительный перенос ценностных акцентов постсовременной культуры с универсального на множественное, с нормы на различие. Мультикультурность, констатируемая «соседствующими» субъектами, неизбежно приводит к кризису модели нации – государства. Но мультикультурное пространство, уже хотя бы в силу своей изначальной неструктурированности, по факту минимизирует напряжения в межэтническом взаимодействии, придавая воспроизводимым конфликтам статус соседско-бытовых¹⁵. Очевидно поэтому, как отмечают отечественные исследователи, мультикультурализм пока не применяется широко ни в качестве обозначения культурного разнообразия общества, ни в качестве политики, направленной на поощрение культурного разнообразия. Элиты новообразованных государств (стран СНГ. – С.Р.) предпочитают игнорировать культурную неоднородность населения, а там, где это невозможно, обращаются с ней как с досадным препятствием на пути нацио-строительства¹⁶.

Необходимо заметить, что все описанные выше процессы и явления достаточно активно происходят в своеобразных этноконтактных зонах – приграничных регионах. Немецкий исследователь О. Бауэр пишет о том, что национальное сознание «скорее всего появляется у купца, у военного человека, у рабочего, заброшенного в чужие страны; особенно оно развито в пограничных областях, в которых сталкиваются несколько национальностей»¹⁷. Поэтому настоящее исследование во главу угла поставило необходимость изучения феномена мультиэтничности именно в приграничных регионах.

Словосочетание «государственная граница» рождает в сознании большинства людей такие ассоциации, как «барьер», «рубеж», «контрольно-пропускной пункт», «пограничный контроль» и прочее из подобного ряда терминов и понятий. И действительно, исторический опыт существования крупных империй достаточно прочно закрепил в сознании многих людей идею о том, что государство

Раздел I. Подходы и методы

должно иметь надежные и хорошо охраняемые границы (классическими примерами могут служить Великая китайская или Берлинская стены), которые могли бы стать надежным барьером на пути проникновения нежелательных явлений и потоков в страну.

Подобный подход к толкованию термина «граница» восходит не только к прежним историческим периодам развития общества, но также доминирует и в современной нормативно-законодательной базе, и среди многих политиков. Например, согласно Закону РФ «О государственной границе» от 1 апреля 1993 года, государственная граница определяется как «линия и проходящая по этой линии вертикальная поверхность, определяющая пределы государственной территории Российской Федерации, т.е. пространственный предел действия государственного суверенитета»¹⁸. В период усиления борьбы с терроризмом задача укрепления и усиления охраны государственной границы становится одной из самых приоритетных задач для российских силовых структур. Вне сомнений, в общем это можно рассматривать как позитивную тенденцию с точки зрения предотвращения контрабанды и нелегальной миграции. Однако крайне важно, чтобы усиление контроля на границах, прежде всего со странами СНГ, в этой ситуации не стало бы дополнительным препятствием на пути социально-экономического и культурного взаимодействия приграничных сообществ.

Отметим, что в настоящее время протяженность российской государственной границы по суше составляет около 14,3 тыс. км, в общей сложности наша страна граничит с 14 государствами. Сейчас приграничными регионами России являются 36 субъектов федерации, в том числе 21 область, 4 края, 10 республик и 1 автономная область (см. Таблицу 1). Многие из ныне приграничных регионов Российской Федерации после распада СССР кардинально поменяли не только свое географическое положение, став новым приграничьем, но претерпели существенные качественные преобразования: изменились социально-экономический уклад и занятость населения, поменялись этно-демографические характеристики приграничного сообщества и т.п.

Как показывают региональные исследования, не только непосредственный выход на внешние рубежи России делает регион приграничным. Можно привести множество примеров, когда де-факто приграничными территориями становились российские регионы, не имеющие государственной границы, а расположенные в некотором отдалении от нее, но испытывающие сильное влияние тех социально-экономических и этно-демографических процессов, которые протекают в типично приграничных территориях. В социально-экономической географии относительно таких территорий существует термин

«Новая полиэтничность» в приграничье...

Таблица 1
Основные характеристики сухопутной государственной границы России

Страны – соседи России	Протяженность сухопутной границы, км	Приграничные регионы России
Казахстан	7.200	Республика Алтай, Алтайский край, Новосибирская область, Омская область, Тюменская область, Астраханская область, Волгоградская область, Саратовская область, Оренбургская область, Челябинская область, Курганская область
Китай	4.209	Приморский край, Хабаровский край, Еврейская автономная область, Амурская область, Читинская область, Республика Алтай
Монголия	3.485	Читинская область, Республика Бурятия, Республика Тыва, Республика Алтай
Украина	1.270	Ростовская область, Белгородская область, Воронежская область, Курская область, Брянская область
Финляндия	1.235	Ленинградская область, Республика Карелия, Мурманская область
Беларусь	990	Брянская область, Смоленская область, Псковская область
Эстония	437	Псковская область, Ленинградская область
Азербайджан	367	Республика Дагестан
Грузия	250	Краснодарский край, Карачаево-Черкесская Республика, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Северная Осетия-Алания, Республика Ингушетия, Чеченская Республика, Республика Дагестан
Латвия	250	Псковская область
Польша	236	Калининградская область
Норвегия	219	Мурманская область
Литва	150	Калининградская область
КНДР	39	Приморский край

«соседи второго порядка». В этой связи целесообразно расширить географию приграничья за счет регионов, которые хотя не имеют непосредственного выхода к государственной границе, но служат своеобразными этно-контактными зонами, где происходят активные этнокультурные процессы. В качестве таких примеров можно привести Ставропольский край на южных рубежах России – этому уникальному региону посвящены несколько сюжетов данной книги.

Раздел I. Подходы и методы

Феномен границ в последнее время стал предметом активных научных исследований, оформилась отдельное направление науки «погранология». Сторонники подобной «узкой» трактовки определяют погранологию как «науку, изучающую мир пограничного, особую область общественной жизнедеятельности и государственного функционирования, где по присущим ей законам фиксируются и взаимодействуют проявления конечности одного социального образования и начало другого. Мир пограничного представляет собой целостный социально-политический феномен, охватывающий пограничную сферу, или пограничное пространство соприкасающихся народов и их государств, стержнем которого является государственная граница»¹⁹.

В качестве объекта погранологии сторонниками подобного подхода определяется «сложный и многогранный феномен пограничного как совокупность многочисленных объектов и предметов, процессов и явлений, связанных с государственной границей, с межгосударственным разграничением и взаимодействием. Погранология исследует взаимосвязи и взаимодействия лишь определенных социальных систем – государств и лишь в определенной сфере их взаимодействия и взаимосвязи – в пограничных отношениях»²⁰.

Эпоха глобализации, политической и экономической интеграции привнесла в жизнь иное, более «широкое» понимание границ, которые порой становятся практически невидимыми («прозрачными») и представляют собой скорее не разделительные рубежи, а контактные полосы («фронтиры»), в которых происходит активное взаимодействие населения. Даже сторонники «узкого» подхода отмечают, что «в пределах пограничных пространств наряду с процессами межгосударственного разграничения происходят трансграничные взаимопроникновения и взаимовлияния, взаимосвязи и взаимодействия»²¹.

Эпоха поменялась, изменилось понимание и содержание границ. В подтверждение достаточно привести примеры фактически «прозрачных» границ между странами Европейского Союза, США и Канадой, Швейцарией и Лихтенштейном и т.п. Некоторые государства словно «шагнули навстречу друг другу», введя безвизовые режимы въезда для граждан соседних или некоторых других стран. Как отмечает польская исследовательница И. Рогозиньска-Митруд, своеобразные модели и механизмы приграничья включают в себя всю совокупность черт и свойств, благодаря которым они могут функционировать в виде локальных, региональных, национальных и интернациональных моделей. Эти модели могут действовать на основании эффективных интеграционных схем, спланированных сообщества приграничья, в том числе и с помощью механизмов свободной торговли, а также таможенных, валютных, социально-экономических и культурных союзов»²².

«Новая полиэтничность» в приграничье...

Однако модели могут испытывать дезинтеграционные воздействия и порождать ограничения, несогласованность и регресс в общественной и хозяйственной жизни. Подобной точки зрения придерживается известный исследователь проблем приграничья Э. Штельтинг, полагая, что государственные границы выполняли не только функцию определения национальной идентичности, но и были инструментальны в формировании внутренних конфликтов. Современные границы, по его мнению, имеют глубоко противоречивое значение, которое воплощается в различных формах социальной напряженности²³.

Парадокс современных границ заключается в том, что границы не только разделяют людей, но и их разделяющие свойства вызывают активные взаимодействия между населением, порождают новые солидарности, и, соответственно, новые социально-экономические сообщества, основанием для конструирования которых становится граница²⁴. Приграничье становится местом соприкосновения систем и своеобразной полосой сотрудничества, в которой происходит активное социально-экономическое и культурное взаимодействие людей.

С точки зрения частоты перемещения и интенсивности контактов, можно выделить приграничье с насыщенным, частым и ограниченным передвижением населения через границу, приграничье с сезонным, маятниковым, национальным и транснациональным движением. Любое ужесточение режима пересечения границы приводит к замедлению взаимодействия между населением, возникают огромные очереди и «пробки» на контрольно-пропускных пунктах.

Приграничные регионы занимают двойственное географическое положение в пространстве государства, будучи одновременно центром и периферией. Де-юре являясь окраинами и рубежами страны, они вроде бы не что иное, как периферийные зоны, удаленные порой на тысячи километров от столиц, крупных мегаполисов, центров промышленного производства и концентрации населения. Де-факто приграничные регионы становятся центрами притяжения и формирования неких особенных территорий и субрегионов, в которых протекают активные социально-экономические, культурные, этнодемографические процессы. Как считают некоторые исследователи, это позволяет говорить о формировании некой «региональной культурной гомогенности приграничья в противоположность внутригосударственной гомогенности»²⁵.

Таким образом, центральной категорией социального анализа феномена границ становится понятие приграничья (borderland), которое понимается не только как два региона, близлежащие по обе стороны границы, а прежде всего как единое социальное простран-

Раздел I. Подходы и методы

ство²⁶. В настоящее время граница становится принципиальным фактором, формирующим уникальный феномен приграничного сообщества, который можно назвать «новой полиэтничностью».

Очевидно, что под «новой полиэтничностью» следует понимать особое социальное пространство в приграничье (так называемое «приграничное сообщество»), характеризующееся интенсивным взаимодействием различных общностей населения (этнических, территориальных, религиозных и пр.) и трансформирующейся структурой населения под воздействием уникального приграничного положения регионов.

Основной предпосылкой формирования «новой полиэтничности» в приграничье является разница экономического, этнического, демографического и других потенциалов, существующих изначально между сопредельными регионами (территориями), входящими в приграничье. В случае России подобная разница потенциалов довольно наглядно существует практически на всем протяжении границ.

Наглядно ситуацию демонстрирует разница демографических потенциалов России и Китая, которая способствует активизации формирования «новой полиэтничности» в российско-китайском приграничье. КНР занимает первое место в мире по численности населения, причем за последние сорок пять лет она выросла в 2 раза, составив в 2000 г. около 1,3 млрд. человек²⁷. Ежегодно численность китайского населения увеличивается примерно на 15-20 млн. человек²⁸. Средняя плотность населения в Китае в 1996 г. составляла 127 человек на 1 кв. км, что существенно превышает мировой и российский показатели. При этом в приграничной с Россией территории Китая проживает около 100 млн. человек, в то время как на территории российского Дальнего Востока насчитывается всего 7,5 млн. человек. В границах с Приморским краем сопредельных территориях КНР насчитывается около 70 млн. человек, в то время как в самом Приморском крае – 2,6 млн. человек²⁹. Общая численность населения двух провинций и автономного округа Китая составила примерно 86 млн. человек, что в 17-18 раз превышает общую численность граничащих с ними российских регионов Дальнего Востока и Забайкалья³⁰.

В Китае в результате реформы сельского хозяйства конца 1970-х гг. начался рост производительности труда, на фоне с ростом численности населения также появился избыток рабочей силы. Значительная масса сельских жителей устремила в китайские города. Новый всплеск безработицы в Китае отмечается в 1990-е годы. Сейчас в стране в общей сложности насчитывается не менее 10 млн. безработных. Кроме того, углубление экономических реформ требует высвобождения еще как минимум 15 млн. рабочих и служащих в

«Новая полиэтничность» в приграничье...

промышленности, секторе управления и пр. Наконец, в сельской местности от 50 до 150 млн. человек постоянно ищут работу в городах и поселках страны³¹.

Китайские производители крайне заинтересованы в российском рынке сбыта товаров широкого потребления, игрушек, бытовой техники и пр. По некоторым данным, ежегодно Китай получает от челночной торговли доходов на сумму более 6 млрд. долларов. В России можно гораздо дешевле покупать лес, металлы, растительное и животное сырье. Годовой объем официальной взаимной торговли КНР и России составляет сейчас около 6-7 млрд. долларов. Благодаря торговле с Россией многие приграничные китайские провинции сделали значительный шаг вперед в своем экономическом развитии. Правительство КНР поставило перед собой задачу: создать в Маньчжурии пограничный пояс открытости, города которого превратятся в форпосты выхода на российский рынок, а базы – ориентированного на экспорт промышленного и сельскохозяйственного производства³². Описанная выше разница в демографическом и экономическом потенциалах создает реальные предпосылки для формирования «новой полиэтничности» в приграничных регионах России и Китая.

Трансформацию социального сообщества в условиях приграничья необходимо рассматривать как минимум по трем основным составляющим или «измерениям», которые можно назвать характеристиками «новой полиэтничности». Именно им *свойственны те уникальные черты, которые отличают приграничные сообщества от сообществ глубинных регионов страны.*

Территориально-географические параметры «новой полиэтничности» выражаются в качественных изменениях территории приграничья как географического пространства с точки зрения транспортных условий, рисунка расселения, стагивания населения из глубинных регионов, изменения режима пересечения границы.

Заметим, что в первые годы после распада Советского Союза обозначилась «центробежная» тенденция в социально-экономических процессах, которая характеризовалась политическим и социально-экономическим обособлением бывших советских республик, миграционным оттоком «титовых» народов из России в страны СНГ, а также активным возвратной миграцией (репатриацией) русских и других российских народов в Россию из бывших советских республик.

И хотя формально правительствами многих стран СНГ декларировалась политика интеграции и взаимной открытости, на практике же миграционный режим на границах ужесточался, причиняя неудобства гражданам новых государств при пересечениях границ. При этом в новых социально-экономических условиях на

Раздел I. Подходы и методы

Таблица 2

Параметры и характеристики «новой полиэтничности» в приграничье

Параметры	Характеристики
1. Территориально-географические	1.1. Возникновение устойчивых транспортных связей между приграничными населенными пунктами
	1.2. Упрощение режима пересечения границы для краткосрочных перемещений жителей приграничных территорий
	1.3. Трансформация сети поселений в приграничных регионах
	1.4. «Стягивание» населения из глубинных регионов в приграничные территории (внутренняя миграция населения)
2. Социально-экономические	2.1. Формирование особых социальных сетей в приграничье между общностями населения, живущими по обе стороны границы (включая неформальные экономические отношения)
	2.2. Интенсификация различных форм экономической миграции (трудовой, коммерческой, сезонной и пр.) и туристического обмена между населением приграничных регионов на индивидуальном уровне и стихийной основе
	2.3. Формирование этнически выраженных ниш на рынке труда («этническая специализация», «этническое предпринимательство»)
	2.4. Активизация деятельности институциональных форм экономического взаимодействия в приграничных зонах и повышение инвестиционной активности соседних стран (открытие «свободных экономических зон», формирование «полюсов роста», появление предприятий с участием иностранного капитала и пр.)
3. Этно-демографические	3.1. Активизация этнических миграционных волн и усиливается их влияние на этно-демографического состава населения в приграничных регионах (процесс «этнической миксации»)
	3.2. Изменение этнического состава населения, увеличение этнического многообразия («этнической мозаичности») населения в приграничных регионах
	3.3. Формирование общин этнических мигрантов, нового «этнокультурного пространства», новых «этнокультурных сегментов»
	3.4. Усиление межэтнических противоречий по линии «свой – чужой»
	3.5. Изменение характера воспроизводственных процессов и их влияние на этно-демографический состав населения

«Новая полиэтничность» в приграничье...

постсоветском пространстве возникли разнообразные формы занятости населения, включая трудовую и коммерческую миграцию, которая не только обеспечивала значительную часть населения средствами к существованию. Также сохранялись достаточно интенсивные социальные контакты между населением вновь образовавшихся стран СНГ, прежде всего между родственниками, оказавшимися на территории разных государств. Подобное «давление снизу» стало объективной необходимостью для упрощения режима пересечения границы.

В 1997 г. Россия заключила двусторонние договоры с некоторыми странам СНГ о безвизовом (упрощенном) режиме пересечения границы правительствами Украины и Азербайджана. Основные положения этих документов сводятся к тому, что «граждане одной из сторон, независимо от места проживания, имеют право въезжать, выезжать, следовать транзитом, передвигаться и пребывать на территории другой стороны без виз с соблюдением правил пребывания и регистрации». В 2000 г. был одобрен проект Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения о взаимных безвизовых поездках граждан, а также проект Соглашения о взаимных безвизовых поездках граждан Российской Федерации и Республики Молдова.

В ноябре 2000 г. в Москве были проведены переговоры с представителями Грузии о заключении двустороннего соглашения, регламентирующего порядок взаимных поездок граждан РФ и Грузии. Множество вопросов вызывала ситуация, при которой территория Грузии, в частности Панкисское ущелье, расположенное на границе с Чеченской Республикой и населенное родственными чеченцам кистинцами, использовалось для переброски боевиков в Чечню. Несмотря на наметившиеся в ходе переговорного процесса разногласия, российская сторона в лице МИД РФ получила распоряжение правительства его продолжать. Однако переговоры завершились безрезультатно, и с декабря 2000 года, руководствуясь интересами национальной безопасности, в связи с угрозой международного терроризма и экстремизма Россия ввела на границе с Грузией визовый режим³³. Тем не менее достаточно интенсивные социальные контакты вызвали необходимость упрощения режима пересечения государственной границы в некоторых приграничных регионах. К примеру, под влиянием социального фактора в 2001 г. был введен безвизовый режим пересечения российско-грузинской границы через контрольно-пропускной пункт Верхний Ларс – Казбеги. Им могли воспользоваться россияне – жители Северной Осетии, а также граждане Грузии – жители приграничного Казбегского района для пребывания в течение десяти дней на территории Казбегского района при нали-

Раздел I. Подходы и методы

чий одного из заявленных в прилагаемом перечне документов³⁴. В декабре 2003 г. Россия упростила визовый режим с Абхазией³⁵. Также имеется опыт введения упрощенного порядка пересечения российско-китайской государственной границы для некоторых категорий населения³⁶.

«Новая полиэтничность», с точки зрения территориально-географических параметров, также характеризуется стягиванием населения из глубинных регионов в приграничье. Интенсификация межрегионального движения населения привела к усилению социально-экономического, информационного и культурного обмена между приграничными регионами. За счет высокой интенсивности подобных контактов многие приграничные регионы в свою очередь стали также активно стягивать население из глубинных регионов России – здесь можно открыть свой бизнес, реализовать свои предпринимательские способности, увидеть мир. Таким образом, социальные сообщества в приграничье представляют собой продукт интенсивного миграционного обмена, который протекает в самых разнообразных формах. Активная территориальная подвижность населения приводят к формированию новых этнических общин, социальных групп, зон расселения и даже населенных пунктов в едином пространстве приграничья.

Социально-экономические параметры «новой полиэтничности». В приграничных регионах проявляются активные формы взаимодействия населения, которые выражаются в экономической миграции, приграничной торговле, туристическом и культурном обмене. Социально-экономическое пространство приграничья постепенно структурируется, в первую очередь социальными сетями по обеим сторонам границы. Как считают некоторые исследователи, сообщество приграничья живет по собственным законам (порядка и хаоса). Оно представляет собой относительно автономную систему обмена товарами, услугами и людьми, персонализации или же подавления индивидуальной автономии, соперничества и успеха³⁷. Неслучайно, заметив данный феномен в условиях «прозрачных» границ, западные исследования были направлены на индивидуальное пространственное поведение людей в приграничных регионах. В частности, проект шведского социолога Т. Лундена ставил целью объяснение причин паттернов передвижения и контактов людей, живущих вблизи южной части шведско-норвежской границы³⁸.

Первооткрывателями единого межграницного пространства становятся люди, которые постоянно пересекают границу (мигранты) с разнообразными целями и периодичности выездов – трудовые мигранты («гастарбайтеры»), коммерческие мигранты («челноки»), приграничные рабочие («фронтальеры»), сезонные работники

«Новая полиэтничность» в приграничье...

и туристы. Периодически возвращаясь в свою страну, помимо денег мигранты привозят информацию и знания о соседях, несут и транслируют особенности быта их населения, образ жизни, культуру потребления и прочие элементы повседневности.

После распада СССР и ликвидации «железного занавеса» население приграничных территорий России довольно активно включилось в подобное межграничное пространственное взаимодействие. Первооткрывателями такого межграничного обмена стали коммерсанты-«челноки» и туристы, которые «проторили дорожки» в Польшу, Китай, Турцию и другие страны. Постепенно активизировался выезд россиян на работу за рубеж, значительно увеличились размеры туризма. Например, если в 1998 г. с туристическими целями выехали за границу всего 590 тыс., а с частными целями – 136 тыс. россиян, то по итогам 2000 г. эти цифры возросли до 4,3 и 2,9 млн. человек соответственно³⁹. Только по официальным данным, на работу за рубеж из России в 2002 г. выехало более 49,2 тыс. человек⁴⁰.

В приграничье (Краснодарском крае) активно развивается стихийная торговля. В условиях послевоенной разрухи, острейшего экономического кризиса и действовавшего в 1994-1999 гг. режима блокады торговля стала для населения Абхазии важным источником существования. Абхазы везут цитрусовые, чай, лавровый лист, стоимость которых в Краснодарском крае значительно выше. В свою очередь, в Абхазию направляется поток российских туристов, который нельзя назвать значительным в сравнении с советским временем, но он существует. По данным пограничной службы, через КПП «Веселое – Автодорожное» на российско-абхазской границе ежедневно из Абхазии в Краснодарский край и обратно проходят 5 тыс. человек. В сезон сбора цитрусовых их количество увеличивается до 12 тыс. человек, перевозящих 400-450 тонн фруктов⁴¹.

Этно-демографические параметры «новой полиэтничности» выражаются в интенсивном взаимодействии населения различных общностей (гражданских, этнических, территориальных и религиозных) на основе общих экономических интересов, то есть в трансформации этно-демографических процессов. Прежде всего, происходит активизация этнических миграционных волн и усиливается их влияние на этно-демографического состава населения (процесс «этнической миксации»); изменяется этнический состав населения, увеличивается этническое разнообразие («этническая мозаичность») населения; формируются общины этнических мигрантов, новое «этнокультурное пространство» («этнокультурные сегменты»); усиливаются межэтнические противоречия по линии «свой – чужой»; наконец, изменяется характер воспроизводственных процессов и изменяется этно-демографический состав населения.

Раздел I. Подходы и методы

Согласно одному из двенадцати миграционных правил, сформулированных английским ученым Е. Равенштейном, любому миграционному потоку соответствует встречный миграционный поток – контрпоток. Иммигранты, непосредственно попадающие в страну, часто оседают именно в приграничье, привнося в жизнь региона свой культурный, языковой и бытовой колорит. Местное население перенимает от мигрантов, живущих в непосредственной близости, некоторые элементы быта и культуры, умение организовать и вести бизнес и т.п.

В итоге «новая полиэтничность», как правило, характеризуется сосуществованием нескольких этнических, культурных и конфессиональных групп. Приграничье в условиях «новой полиэтничности» становится территорией со своеобразным типом этно-демографического общежития, которому порой на ранних стадиях формирования свойственно возникновение противоречий и конфликтов.

Необходимо признать, что изменение этнического состава населения приграничных регионов и стран – необратимая тенденция глобализации. И даже если гипотетически предположить, что в один момент прекратится международная миграция населения, то это не остановит процесс трансформации этнической структуры населения, поскольку показатели естественного движения различных рас и этнических групп отличаются на порядок. Например, согласно данным по США, среднегодовые темпы естественного прироста населения в 1980-е гг. составляли всего 4%, афроамериканцев – 13%, латиноамериканцев – 18%, а выходцев из азиатских стран – около 19% в естественном приросте. С учетом показателя миграционного прироста разрыв возрастает среди всех рас, кроме белых.

Сегодня каждый четвертый американец – латиноамериканец или «небелый». По данным Бюро переписи США, в 2000 г. около 18% населения США не разговаривают дома на английском языке, а 4% – английского языка просто не знают или владеют им очень слабо. В 60% случаев общение идет на испанском языке, что связано с ростом иммиграции из стран Латинской Америки. Если современные тенденции в области миграции и естественного движения сохранятся, то к 2020 г. латиноамериканское и небелое население увеличится до 115 млн. человек (или около 35% населения), в то время как белое население почти не увеличится. К 2056 г. небелое население составит около 50% населения США⁴². В этнической структуре населения города Нью-Йорка доля белого населения сократится с 45% до 29%, афроамериканцев – с 27% до 25%, выходцев из азиатских стран, напротив, увеличится с 10% до 20%, а метисов и представителей других рас – с 18% до 26%. Сходные процессы происходят и в Европе. Официально в странах ЕС проживают

«Новая полиэтничность» в приграничье...

18,4 млн. иммигрантов, или всего около 5% населения. Если же принимать во внимание нелегальных иммигрантов и натурализовавшихся иностранцев, то, по оценкам Центра исследований населения, бедности и социальной политики (CEPS), эта цифра будет больше по крайней мере на 40-60%, то есть примерно 25-29 млн. человек⁴³. В Лондоне доля белого населения сократится с 72% до 45%, африканцев – с 11% до 9%, в то же самое время доля выходцев из Южной Азии увеличится с 10% до 26%, китайцев – с 3% до 6%, метисов – с 4% до 14%⁴⁴. Не является исключением и Россия, где происходят сходные процессы.

Остановимся на некоторых наиболее масштабных исследованиях в области изучения «новой полиэтничности». В России подобные исследования различных аспектов «новой полиэтничности» приграничных регионов активизировались после распада СССР, когда была снята «завеса секретности» с исследований разных аспектов жизни приграничных регионов. Результаты не заставили себя ждать, и в отечественной науке был реализован целый ряд интересных проектов по приграничью. Отметим некоторые из них.

Проекты Центра независимых социологических исследований в Санкт-Петербурге закладывают основу социологического анализа феномена приграничья в самых разнообразных формах его проявления. На обширном эмпирическом материале Северо-Западного региона России исследователи рассматривают влияние границы на формирования новых этнических, культурных, социальных и экономических общностей в приграничных регионах. Весьма успешным стал межрегиональный сетевой проект «Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ РФ», реализованный при поддержке Научно-образовательного форума по международным отношениям (Москва). В исследовании был проведен глубокий анализ формирования новых границ России, возникающих в связи с появлением угроз и трансграничной кооперации.

Не остались в стороне географы и демографы. Под эгидой Независимого исследовательского Совета по миграции стран СНГ был реализован интересный исследовательский проект по трансграничным (фронтальерским) миграциям между странами бывшего СССР⁴⁵. Были детально изучены приграничные миграции населения с социально-экономической точки зрения. Основной вывод, который сделан в результате исследования: различные формы трудовой и коммерческой миграции в приграничье стали реальным средством адаптации населения к новым экономическим условиям и механизмом интеграции населения в рамках СНГ. Учеными Института социально-политических исследований РАН был реализован научный проект, посвященный миграционному обмену приграничных регионов России

Раздел I. Подходы и методы

с рядом сопредельных стран в трех регионах – на Северном Кавказе, Дальнем Востоке и в российско-казахстанском приграничье⁴⁶. Исследованием была зафиксирована тенденция и формы проявления «новой полиэтничности» в приграничных регионах, которая заключается в расширении социально-экономических связей, трансформации демографического и этнического состава населения.

Многие сюжеты («кейсы»), приведенные в настоящей книги, подтверждают гипотезу о формировании феномена «новой полиэтничности» в российском приграничье. На Северном Кавказе, Дальнем Востоке, в районе российско-казахстанской и российско-украинской границ и других приграничных районах страны набирает силу процесс формирования локальных или региональных социальных общностей, своеобразный генезис единого социально-экономического и поликультурного пространства, основанный на тесных социально-экономических взаимосвязях населения (торговых контактах, разнообразных формах миграции и т.п.).

Тем не менее, фиксируя тенденцию генезиса, мы не возьмем на себя смелость утверждать, что за прошедшие с момента распада Советского Союза годы в российском приграничье окончательно сформировалась «новая полиэтничность». Процесс генезиса не завершен, его развитие нуждается в детальном и всестороннем рассмотрении. «Новая полиэтничность» открыта к познанию со стороны ученых различных направлений научного знания – социологов, политологов, демографов, экономистов, философов.

Примечания

¹ Винер Б.Е. Этничность: в поисках парадигмы изучения // Этническое обозрение. 1998. № 4. С. 3-4.

² Тишков В.А. О феномене этничности // Этнографическое обозрение. 1997. № 3. С. 6.

³ Ethnic Groups and Boundaries // The Social Organization of Culture Differences / Barth F. Bergen (ed.). London, 1969. P. 15.

⁴ Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. М.: Наука, 2001. С. 229.

⁵ Малахов В. Зачем России мультикультурализм? // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. М, 2002. С. 51.

⁶ Стокер П. Работа иностранцев: Обзор международной миграции рабочей силы. М., 1995. С. 84.

⁷ Авксентьев А.В., Авксентьев В.А. Северный Кавказ в этнической картине мира / Под ред. В.А. Шаповалова. Ставрополь: Изд-во СГУ, 1998. С. 22-23.

⁸ Дьячков М.В. Об ассимиляции и интеграции в полиэтничных социумах // Социологические исследования. 1995. № 7. С. 89.

«Новая полиэтничность» в приграничье...

- ⁹ Федоров Н. Проблема этносоциальной интеграции иммигрантов из бывшего СССР в германское общество. М.: Социэкономика, 1998. С. 16.
- ¹⁰ Дьячков М.В. Об ассимиляции и интеграции в полиэтничных социумах // Социологические исследования. 1995. № 7, 1995. С. 89.
- ¹¹ Redfield R., Linton R., Herskovits M. Memorandum on the study of acculturation in American Antropologist, 1936. P. 149-152.
- ¹² Стокер П. Указ. соч. С. 85.
- ¹³ Heisler B. The future of immigrant incorporation: Which models? Which concepts? // International Migration Review. 1992. Vol. 26. No. 2. P. 9.
- ¹⁴ Согомонов А. Мультиэтничность // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. С. 120.
- ¹⁵ Согомонов А. Указ. соч. С. 120-121.
- ¹⁶ Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. С. 5.
- ¹⁷ Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия // Нации и национализм. М.: Практика, 2002. С. 91.
- ¹⁸ Закон РФ «О государственной границе» от 1 апреля 1993 г. № 4730-1, статья 1.
- ¹⁹ Бондаренко В.А., Василенко А.И., Дмитриев В.А. и др. Погранология: методологические вопросы. М.: Отделение погранологии МАИ, 2001.
- ²⁰ Гришин М.Л., Губченко В.Н., Дмитриев В.А. и др. Проблемы пограничной политики государства и пути их решения: Монография. М., 2001. С. 7.
- ²¹ Там же.
- ²² Рогозиньска-Митруд И. Миграционные процессы пограничья восточноевропейских стран и их социально-экономические последствия / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. М.: ИСПИ РАН, 2004. С. 10.
- ²³ Штельтинг Э. Социальное значение границ // Кочующие границы: Сборник статей по материалам международного семинара. Санкт-Петербург, 1999. С. 6.
- ²⁴ Бредникова О., Воронков В. Граница и реструктурирование социального пространства (случай Нарвы — Ивангорода) // Кочующие границы: Сборник статей по материалам международного семинара. Санкт-Петербург, 1999. С. 22.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Baud M., Schendel W. Toward a Comparative History of Borderlands // Journal of World History. 1992. Vol. 8. No 2.
- ²⁷ Ван Дун. Демографические процессы во второй половине XX века / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. М.: ИСПИ РАН, 2002. С. 4.
- ²⁸ Тренин Д. Китайская проблема России. Доклад в Фонде Карнеги за международный мир. М., 1998. С. 8.
- ²⁹ Писарев А. «Два берега Китая» и интересы России // Pro et Contra. 1998. Том 3. № 1. С. 85.
- ³⁰ Рыбаковский Л.Л., Тарасова Н.В., Сигарева Е.П. и др. Концепция миграционной политики в южных районах Дальнего Востока. М.: ИСПИ РАН, 1999. С. 10-11.
- ³¹ Ван Дун. Указ. соч. С. 21-22.

Раздел I. Подходы и методы

- ³² *Золотых А.* Азиатский тигр на дальневосточной тропе // Миграция в России. Октябрь-ноябрь 1999. С. 36.
- ³³ *Кулматов Т.Ш., Сластунина О.А.* Правовой режим перемещения граждан государств — участников СНГ // Журнал российского права. 2003. № 10.
- ³⁴ Распоряжение Правительства РФ от 21 мая 2001 г. № 708-р, пункт 2.
- ³⁵ *Новиков В., Сысоев Г.* Грузия сделала ход послом // Коммерсантъ. 2003. 10 декабря.
- ³⁶ Постановление Правительства РФ «О заключении соглашения между Правительством РФ и правительством КНР об упрощенном порядке пересечения российско-китайской границы» от 21 августа 2001 г. № 613.
- ³⁷ *Рогозиньска-Мурд И.* Указ. соч. С. 10.
- ³⁸ *Lunden T.* Individens rumsilga beteende i ett graensomrade. Stockholm, 1973.
- ³⁹ Выезд российских граждан за рубеж // Иностранец. 2002. № 2. С. 21.
- ⁴⁰ Труд и занятость населения в России 2003: Статистический сборник. М.: Госкомстат РФ, 2003. С. 303.
- ⁴¹ Прозрачные границы. Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России / Под ред. Л.Б. Вардомского и С.В. Голунова. Москва — Волгоград, 2002. С. 339.
- ⁴² *Хенри У.* Новые иммигранты // Америка. Февраль 1992. С. 4.
- ⁴³ *Кокшаров А.* Европа на игле миграции // Эксперт. 2002. 7 октября. С. 58.
- ⁴⁴ *Алексеев А.* Лицо столичной национальности // Коммерсантъ-Власть. 2002. 22 января. С. 42-44.
- ⁴⁵ Россия — Казахстан: фронтальерские миграции. Сборник научных трудов / Под общей редакцией Ж.А. Зайончковской и М.Н. Сдыкова. Москва — Уральск, 2002; Миграция и пограничный режим: Беларусь, Молдова, Россия и Украина / Под ред. Ж.А. Зайончковской. М., 2001.
- ⁴⁶ *Гришанова А.Г., Кожевникова Н.И., Рязанцев С.В. и др.* Современные миграционные процессы в приграничных районах России. М., 2003; *Рязанцев С.В.* Миграция между приграничными регионами России и новым зарубежьем (на примере Северного Кавказа) // Россия на пути к возрождению. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2003 году / Под ред. Г.В. Осипова, Н.В. Кузнецова, В.В. Локосова. М.: ИСПИ РАН, 2004.

Глава 2. Этническое многообразие в приграничных регионах современной Азиатской России: новые вызовы и новые возможности

Воздействие границы на развитие этнонациональных процессов, на динамику контактов и конфликтов на этнической основе (и наоборот) – тема глобальная и не новая. Даже те государства, которые считаются моноэтническими, как правило, на деле имеют пестрый этнический состав. Особенно ярко это выражено в приграничье – естественных зонах контактов и диффузии. «Правильными» границы бывают только в теории и в политических манифестах. Конечно, XX век продемонстрировал массу попыток реализации таких манифестов в жизнь, попыток создания этнически гомогенных государств – через чистки, массовые депортации и геноцид, прежде всего. Но и они, в конечном счете, оказывались безуспешными – из-за естественных процессов миграций и перемешивания. И эти процессы активнее всего шли в приграничье.

Поэтому само приграничное положение, специфика этнической композиции населения края придают особую напряженность и энергетику процессам межэтнического взаимодействия. С другой стороны, эти процессы оказываются факторами стабильности и конфликта для всей страны и даже нескольких стран, приобретают иногда трансграничный характер. Приграничье, по условию, не рядовой регион страны, и все, что происходит там, прямо или косвенно влияет на ее место в мире. Само приграничное положение региона делает его особенно чувствительным к реальным или потенциальным угрозам дестабилизации и конфликта. Этнические или этнически-маркированные конфликты здесь неизбежно попадают в контекст межгосударственных взаимоотношений, соответствующим образом воздействуют на них, получают, в свою очередь, от них дополнительные импульсы и энергетику.

Уникальность современной российской ситуации определяется взаимодействием как минимум трех факторов, причем взаимодействие это создает кумулятивный эффект. Для начала просто перечислим их:

1. «Новая граница».
2. Новая этнополитическая и миграционная ситуация и – как результат – формирование «новых диаспор».
3. Гигантское многообразие страны и, соответственно, масса региональных ситуаций, которые могут отличаться друг от друга качественно.

Раздел I. Подходы и методы

* * *

Начнем с последнего фактора, так как он предопределил выбор тематического поля статьи. Россия не просто велика. Она невероятно разнообразна. Это «Мир Миров», по блестящей метафоре М.Я. Гефтера. И это разнообразие, ранее нивелировавшееся советской системой, загнанное ею куда-то вовнутрь, сейчас всплывает, проявляется. Во всех процессах наблюдается огромная масса вариантов и разнообразие проблем.

Поэтому при полном понимании того, что необходимо и общестрановой анализ, упор предпочту сделать на региональном. Тем более, что Сибирь и Дальний Восток – это не просто огромный, богатый ресурсами и стратегически важный для судеб страны регион. Без него Россия осталась бы Москвией, то есть не просто небольшим, но качественно иным государством. Без него и сейчас страна перестанет быть Россией и вновь станет Москвией. При этом его нахождение в составе России не безусловно, это далеко не закрытый историей вопрос.

Стоит оговориться, что Сибирь и Дальний Восток принято рассматривать сейчас как отдельные регионы, и для этого имеется масса исторических, экономических, географических, административных и иных объективных и субъективных оснований. К тому же и сами они настолько велики и разнообразны, что требуют внутренней регионализации. Однако если рассматривать категорию региона в качестве инструмента типологизации и анализа, как некую мыслительную исследовательскую конструкцию, то – с точки зрения изучаемой проблемы – есть масса оснований и для отдельного рассмотрения того, что еще с дореволюционных времен называют «Азиатской Россией».

Традиционно принято говорить о ней как о переселенческом, изначально полиэтническом обществе. Это стало общим местом, даже тривиальностью. Но при всей справедливости сама по себе эта констатация не слишком эвристична. Прежде всего, потому что постоянно меняется значение и роль этничности, этнической идентификации и самоидентификации, роль этого фактора в общественных отношениях и «дискурсе власти». В конце концов, меняется само общество и представления о нем. И каждый новый радикальный поворот в жизни страны вообще и Сибири в частности заставляет заново осмысливать эту проблему.

Это невозможно сделать, в свою очередь, без постоянной рефлексии по поводу базовых понятий и терминов, тех слов, в которых мы пытаемся описывать и осмысливать реальность. Они сами являются частью этой реальности и могут менять и меняют ее при том или ином употреблении. За терминами стоят огромные пласты на-

Этническое многообразие в приграничных регионах современной Азиатской России...

копленных смыслов, в них заложены ценностные и идеологические предпочтения.

Это особенно относится к категориям этнического и национального. Сегодня они находятся в эпицентре дискуссий, которые неизбежно выходят за пределы научного дискурса и приобретают характер идеологических, ценностных, политических. Нет смысла излагать еще раз позиции примордиалистов и конструктивистов. Это стало уже задачей вузовских и, возможно, даже школьных, учебников. Но здесь, в этой работе, принципиально важно определиться в том, кто/что является субъектом социального действия. Люди, создающие связи и отношения, или нерасчлененные общности? Создают ли люди этнические общности или принадлежат к ним по факту рождения? Неизменны и константны ли эти общности во времени или они находятся в процессе постоянных перемен? Насколько образ жизни человека, его ценности, предпочтения, поведение, в том числе политическое, обусловлены его этничностью? Выбор радикально меняет угол зрения. Принципиально важно, чтобы этот выбор был осознанным, чтобы он оставался в границах исследовательской гипотезы, был эвристическим инструментом, а не символом веры.

Второе базовое для этой работы понятие – граница. При всей внешней простоте и определенности – это чрезвычайно сложный феномен¹. Конечно, это прежде всего топографический термин². Но не только. Это и что-то большее, чем линия раздела двух государств, место физического соприкосновения двух суверенитетов. Граница – сложнейший комплекс взаимоотношений между людьми, группами людей, государствами. Это и то, что думают и как представляют границу люди. Это комплекс институтов, граница связей, контактов, конфликтов, интересов.

* * *

И если исходить из такого понимания, то можно утверждать, что Сибирь вновь оказалась на границе. На границе не в смысле «фронтира», а на обычной государственной границе.

Строго говоря, и раньше, во времена СССР, несколько сибирских регионов граничили с Монголией. Однако реальный статус этой страны в то время, ее положение в системе межгосударственных взаимоотношений, не давали сибирякам ощущения приграничности, не формировали соответствующей психологии и не создавали каких-либо значимых специфических проблем. Как Монголия была в массовом советском сознании неполноценной «заграницей» («Курица не птица, Монголия – не заграница»), так и граница ощущалась соответственно. Сейчас Монголия стремительно и

Раздел I. Подходы и методы

мощно обретает **реальный** суверенитет, становится **реальным** и довольно влиятельным **актором** политических и экономических процессов в регионе. Это особенно важно для Бурятии и, в меньшей степени, для Тывы. По словам Л.В. Вардомского, «граница с Монголией не является пороговым культурным рубежом, поскольку Бурятия и Тыва близки к монголо-ламаистской культурной системе»³. А это означает, помимо прочего, и большую заинтересованность в делах друг друга и большее значение границы, в том числе в сознании и повседневной жизни.

Помимо «актуализации» старой границы с Монголией, Сибирь получила и новую – с Казахстаном⁴. Проблема ее состоит не только в гигантской протяженности и слабой обустроенности. Не завершен процесс ее институционализации в этом качестве, только начинается ее, если можно так сказать, ментальное формирование, вхождение в качестве границы в массовое сознание. Это тем более сложно, что в значительной части прошла она по густозаселенным и обжитым (по сибирским меркам) местам, рассекла давно сложившиеся экономические, социальные, этнические, семейные связи и отношения, создала для массы людей вполне реальные житейские трудности и проблемы. Новая граница заставила выстраивать новые отношения на всех уровнях – от межгосударственного до индивидуального.

Старая, привычная граница с Китаем осталась на Дальнем Востоке и в Забайкалье (за небольшим, но существенно важным исключением – передачи небольших участков территории при демаркации). Однако и здесь радикально меняется ее роль. Произошел (или происходит) стремительный переход от границы как стены, барьера, одно время – почти линии фронта, к месту интенсивного стыка, контакта, взаимодействия. Радикально изменилось соотношение фундаментальных свойств границы – барьерности и контактности⁵. И хотя историческое значение этого сдвига только осознается, можно, видимо, и здесь говорить о «новой старой границе».

Таким образом, формируется новая граница, радикально меняется роль старой, и это ведет к появлению массы новых проблем политического, экономического, криминального характера. Возникает новое ощущение границы, появляется приграничное сознание. Масса людей осознает, что граница стала теперь реальным фактором их повседневности, что она, так или иначе, определяет их жизненные стратегии. Старая, китайская граница обретает новые функции, трансформируясь из «железного занавеса» в место взаимодействия, контакта. Эта ситуация болезненно переживается обществом и властью, что ведет, помимо всего прочего, к формирова-

Этническое многообразие в приграничных регионах современной Азиатской России...

нию и устойчивому функционированию массы фобий и мифов. Показательно, что граница видится пока, прежде всего и главным образом, источником угроз, опасностей, но не возможностей, линией размежевания, но не контакта.

* * *

Общие перемены в стране привели к тому, что новая приграничная ситуация совпала с новой фазой развития этнических и этнополитических процессов. Очень сложно соотноситься и взаимодействуя друг с другом, создавая иногда кумулятивный эффект, эти факторы постепенно входят в центр общественно-политической жизни региона. Ключевой является в этом смысле ситуация с так называемыми «новыми диаспорами».

Говорить о них трудно, скорее всего невозможно, не сформулировав своего понимания феномена диаспоры вообще. Уже стало общим местом, что и в научном обороте этот термин может лишиться своего эвристического смысла из-за чрезвычайно широкого спектра его использования и трактовок⁶. Это само по себе интересно и показательно, так как говорит о сложности и многослойности предмета изучения. Но это же может и чрезвычайно затруднить процесс профессионального общения и взаимопонимания.

Мне кажется, что диаспора – это не просто рассеяние, пребывание представителей некой этнической группы вне своего «национального очага», места компактного поселения, в качестве национального меньшинства. Понимание этничности как процесса, представление об актуализации этничности допускает и представление о «спящей этничности», о ситуации отеснения этнической самоидентификации на низкую ступень иерархии идентичностей. Иначе говоря, диаспору можно понимать и как особый тип человеческих взаимоотношений, как специфическую систему формальных и неформальных связей, основанных на общности исхода с «исторической родины» (или представлениях, исторической памяти и мифах о таком исходе), на усилиях по поддержанию образа жизни «в рассеянии» – в качестве национального меньшинства в иноэтничном принимающем обществе. Диаспора – не данность, ее существование (или не существование), возникновение и исчезновение, может быть ситуативным ответом на вызов времени, места и обстоятельств. Исходя из такого подхода, наличие совокупности лиц одной национальности, живущих вне национального очага, пусть даже многочисленных и укорененных на новой родине – это еще не диаспора, а только необходимое условие к ее реализации. Другими словами, одни и те же люди, совокупность этих людей, могут быть, а могут и не быть диаспорой.

Раздел I. Подходы и методы

Советский период (по крайней мере, после войны) – пример того, как это условие не реализовывалось, или реализовывалось в угнетенных, маргинальных формах и масштабах. На самоощущении мигрантов и их потомков, их самоидентификацию, образ и стиль жизни огромное влияние оказывала политика советских властей, подозрительно относившихся к национальной самоорганизации, к диаспоральности, стремившихся унифицировать, советизировать, а фактически максимально быстро русифицировать мигрантов. Отсюда – пониженное (хотя и куда более высокое, чем у принимающего большинства) место этнической самоидентификации на общей шкале ценностей у мигрантов и их потомков. В том же направлении действовал и внутригосударственный, межрегиональный характер миграции. Равный правовой статус мигрантов, возможность свободного общения с «национальным очагом» в рамках единого государства уменьшали опасения по поводу сохранения этничности. Свежая память о сталинских репрессиях заставляла опасаться связи с «национальными очагами» вне пределов государственных границ, делали демонстрацию диаспоральности занятием не безопасным или тупиковым с точки зрения выстраивания успешной жизненной стратегии. Можно предположить, что этничность в качестве ресурса адаптации и достижения успеха на новом месте вряд ли играла решающую роль в жизненной стратегии мигрантов.

Современный период принес радикальные перемены в ситуацию. В качестве новое состояние пришли межнациональные отношения. С одной стороны, с окончанием политики официального интернационализма проблема перестала быть табуированной, ушли в прошлое внешние запреты и внутренняя неловкость при ее обсуждении. С другой стороны, повсеместно и быстро идут процессы, часто называемые «национальным возрождением», растет значение этничности, национальный фактор мощно врывается в политику как инструмент политической мобилизации и борьбы за власть. Многие социальные конфликты приобретают этническую окраску. Существовавшие всегда национальные предубеждения, предрасудки, реальные и мнимые обиды и недовольства открыто проговариваются и становятся фактором общественных отношений.

К представителям мигрантских этнических меньшинств (или к тем, кого считали таковыми) и раньше неявно относились как к группе, теперь же это приобретает массовый и открытый характер, в том числе и на официальном уровне. Такое отношение может носить нейтральную, негативную или позитивную окраску, но в любом случае оно заставляет и самих мигрантов консолидироваться или, по крайней мере, рассматривать себя и в таком качестве.

Этническое многообразие в приграничных регионах современной Азиатской России...

Составной частью радикальных перемен постсоветского периода стало формирование совершенно новой миграционной ситуации. Одна из ее ключевых характеристик – стремительный рост потоков трансграничных миграций. Этому способствовали рыночная трансформация экономики, открытость границ и свобода передвижения. Здесь необходимо выделить два аспекта проблемы.

Первый – часть прежде внутренних миграций с распадом СССР автоматически стали трансграничными. Вчерашние соотечественники превратились в «граждан ближнего зарубежья» – с принципиально новым статусом и набором проблем (экономических, культурных, правовых). Остро встали проблемы поддержания связей с родиной, которая оказалась теперь хоть и «ближним», но «зарубежьем». Эта задача требует теперь больших усилий, лучше всего – коллективных. То же самое относится к проблемам статуса, защиты экономических прав, сохранения языка и культуры и т.д. На родине идут бурные процессы «национального возрождения», строительство новой государственности часто происходит на этнократической основе. Человеческие и материальные ресурсы мигрантских сообществ рассматриваются там как важные факторы этого строительства и борьбы за власть. Поэтому из метрополий прилагаются большие усилия для консолидации соотечественников в России, как правило, на национальной основе. Количество мигрантов из «ближнего зарубежья» резко возрастает, меняется сам тип мигранта, его система мотиваций, образ и стиль жизни, адаптационные возможности и ресурсы. Мигрант этой волны и этого типа неизмеримо больше нуждается в системе групповой поддержки, в сети родственных, клановых, этнических связей.

Второй аспект. Бурно формируются миграционные потоки из стран «старого зарубежья». Это по преимуществу трудовые миграции. И здесь наиболее значимыми как для России в целом, так и для ее восточных регионов, особенно становятся мигранты из Китая. Они уже стали необходимым элементом формирующейся рыночной экономики. По многим причинам миграционный приток из Китая будет в обозримом будущем возрастать. Китайские трудовые мигранты демонстрируют корпоративную, общинную модель поведения и интеграции в принимающем обществе⁷.

Уже сейчас ясно, что это долговременная тенденция, что Россия прочно становится страной-реципиентом. Ясно также, что это не может быть изолированным явлением, что неизбежны огромные перемены во всех сторонах жизни принимающего общества. И хотя мы находимся только в начальной стадии процесса, многие последствия выявились уже достаточно отчетливо.

Раздел I. Подходы и методы

Одно из них – усложнение «этнической композиции» населения российских городов и, особенно, городов востока страны. Появляются новые этнокультурные группы. Иногда – как в случае с китайцами – это их новый приход после длительного и насыщенного огромными переменами периода. Резко возрастает численность многих «старых» групп, за счет притока мигрантов-новичков меняется их облик.

Все эти факторы радикально увеличивают структурообразующее значение этничности, национальной самоидентификации, формируют диаспоральное самосознание, дают мощный толчок к строительству диаспор. Структуры и сети на этнической основе, существовавшие и раньше, разрастаются, качественно меняется их значение как ресурса выживания и делового и социального успеха. Иначе говоря, происходит бурный процесс строительства диаспор.

Дело не ограничивается этими количественными переменами, хотя в ряде случаев количественный рост уже привел к качественным сдвигам. Совершается, если можно так выразиться, «ментальный рост» – появление этих групп (именно в качестве групп) в сознании – как собственном, так и окружающих. И новые мигранты, и старожилы, приписанные советской властью к той или иной этнической группе и в той или иной степени ощущающие свою связь с нею, начинают чувствовать себя группой, в некоторых ситуациях вести себя как члены группы, формируют сеть связей и отношений на этнической основе. Как сейчас принято говорить, *позиционируют* себя в таком качестве.

Исходя из такого понимания, можно говорить о диаспорах как новом элементе социальной жизни. Происходит радикальный сдвиг – от присутствия представителей этнических меньшинств к их структурированию, формированию общин, с их институтами, активистами, поиском ниши, выдвижением коллективных (или от имени коллектива) целей.

* * *

Хотелось бы подчеркнуть, что речь идет о тенденции, о части сложного, многослойного и противоречивого процесса. Гипотеза о диаспорализации не исключает (скорее даже предполагает) наличия других стратегий адаптации. И это именно гипотеза, требующая доказательства своей эвристической состоятельности. Необходимость же ее выдвижения в том, что иначе просто невозможно оценить значение таких явлений как массовые трансграничные миграции и постепенное складывание более или менее постоянных групп мигрантов в сибирских регионах. Того, что государственная граница рассекала традиционные ареалы обитания многих народов,

Этническое многообразие в приграничных регионах современной Азиатской России...

радикально изменив правовой статус, условия жизни, самоощущение массы людей так или иначе отождествляющих себя с ними.

Одно дело, если это ведет к формированию простого механического конгломерата людей, относящих себя, или относимых окружающими к некой этнической группе, но осуществляющих индивидуальные жизненные стратегии без использования этнического группового ресурса. И совсем другое, если на этнической основе, или на основе этнически маркированных клановых, земляческих, родовых и т.д. отношений, формируются сети, связи, взаимоотношения, когда это становится жизненной стратегией, или ее важной составляющей частью. Когда поведение людей хоть в какой-то степени мотивируется их этнической принадлежностью, то есть если происходит процесс диаспорализации.

В таком случае этническая группа, и/или слой людей, выступающих от ее имени, становятся акторами, непосредственными участниками социально-политических, экономических, геополитических процессов. Тогда и возникает проблема этнической мобилизации, ее механизмов, форм, целей, результатов. Только при такой ситуации имеет смысл говорить о роли этнических меньшинств в межгосударственных взаимоотношениях. Иначе говоря, само по себе присутствие в приграничном районе группы лиц, относящих себя или относимых другими к некой этнической группе, составляющей большинство в соседнем государстве, еще ни о чем не говорит. Это может быть только статистическим фактом, а может оказаться и значимым обстоятельством, воздействующим на политическую, экономическую, социокультурную обстановку в регионе, на уровень и качество безопасности, на ощущение этого уровня у его жителей.

Важно подчеркнуть, что речь может идти не только о ситуации внутри рассматриваемой группы – является ли она в полном смысле группой, со-обществом, общиной, или это просто механическая совокупность, чисто статистическая единица, в которую объединяют людей, не связанных друг с другом реальными отношениями и не испытывающими необходимости в таких отношениях. Возможен вариант «ментального» существования такой группы или ее «виртуального» конструирования со стороны окружающих – и совершенно реальных последствий такого существования и конструирования.

Несколько иллюстраций на эту тему. Общим местом стало утверждение о том, что на приграничных с Китаем территориях сформировались постоянные китайские поселения. Чем дальше от границы, тем шире такое представление. Для многих представителей политических, властных и даже научных кругов в Моск-

Раздел I. Подходы и методы

ве это уже практически аксиома. Между тем, все настойчивые попытки найти такие поселения, добиться хотя бы того, чтобы они были названы, окончились неудачей. И тем не менее из этого делаются практические выводы при формировании миграционной политики.

То же самое относится и к не менее распространенному утверждению о неисчислимом количестве смешанных браков, в которые якобы вступают китайские мигранты в целях своей «демографической экспансии». В начале 1990-х гг. этот тезис появился даже в солидных научных исследованиях⁸. Редкое выступление по телевидению лидера политического движения «Родина» Д. Рогозина обходилось в 2004 г. без впечатляющей картинки того, как некая дряхлая дальневосточная старушка раз тридцать подряд счастливо выходила замуж за китайцев, становясь таким образом инструментом их «демографической экспансии». Между тем, проверить все это не сложно. Трудности при этом есть, но чисто технические. В Иркутске такое исследование было проведено. Оно показало, что за 1989-1998 гг. здесь было заключено 126 браков с участием 161 китайца и китайки, из которых 128 были уроженцами КНР⁹. Статистика дальневосточных регионов свидетельствует о таком же масштабе цифр. Не буду здесь комментировать само представление о том, что смешанные браки могут представлять угрозу для общества.

«Притчей во языцех» стал вопрос о численности китайских мигрантов в России. Из года в год в прессе, заявлениях авторитетных официальных лиц «гуляют» оценки в 2-3 миллиона, а то и 6 миллионов человек. Участники международного семинара в Иркутске (декабрь 2003 г.) так сформулировали свое понимание этой проблемы: «распространенные оценки о миллионах китайских мигрантов в России находятся за пределами науки. Сейчас такие оценки являются скорее инструментом манипулирования массовым сознанием. Отчасти – это результат неумения властей наладить систему учета мигрантов, отчасти – нежелания многих сторонников и авторов подобных оценок прислушаться к сторонникам реалистичных представлений»¹⁰.

Тем не менее эти мифы устойчивы, они не нуждаются в рациональных подтверждениях и не исчезают после вполне рациональных опровержений. Кроме того, их усиливает поток газетных и журнальных статей, ими вполне осознанно пользуются многие политики для манипулирования массовым сознанием и борьбы за власть и ресурсы. Сама массовость и устойчивость таких мифов, фобий, возможность спекуляции и всяческих манипуляций делают их вполне реальными факторами политических процессов. Они мо-

Этническое многообразие в приграничных регионах современной Азиатской России...

гут причиной (или поводом) принятия неадекватных управленческих решений властей. Массовые антииммигрантские настроения могут спровоцировать напряженность в обществе и даже открытые конфликты. Регулярные погромы на рынках российских городов в течение 1990-х гг. наглядно подтверждают такую возможность. Погром же – это подрыв основ государственности, узурпация монополии государства на насилие и огромный общественный разврат. Запугавшие себя общество и власти способны на самые иррациональные и дикие поступки и действия. Можно вспомнить здесь амурскую трагедию 1900 года, когда обезумевшие от паники жители Благовещенска, подстрекаемые местными властями и при их непосредственном участии, зверски расправились с несколькими тысячами мирных и безоружных китайцев¹¹.

* * *

Все это имеет самое непосредственное отношение к проблеме границы. Само приграничное положение региона делает его особенно чувствительным к реальным или потенциальным, подлинным или мнимым угрозам дестабилизации и конфликта. Этнические или этнически-маркированные конфликты здесь неизбежно попадают в контекст межгосударственных взаимоотношений, соответствующим образом воздействуют на них, получают, в свою очередь, от них дополнительные импульсы и энергетику. Поэтому не помешает посмотреть, какие угрозы и вызовы теоретически возможны на востоке России, какие существуют на этот счет опасения, прогнозы и спекуляции.

Уже сейчас видно, что основной их комплекс сосредоточен вокруг трансграничных миграций, мигрантов и их сообществ. Больше всего обсуждается в этом контексте процесс миграции в Россию граждан КНР, но не остаются в стороне и сформировавшиеся миграционные потоки из стран «ближнего зарубежья», прежде всего, из Центральной Азии и Закавказья. Можно выделить несколько «узлов» опасений по этому поводу:

– Массовый и стремительный приток мигрантов, чужеродных в этническом, культурном, цивилизационном отношениях, может радикально нарушить сложившееся равновесие в гигантских по территории, но слабо населенных регионах Сибири и Дальнего Востока. Это чревато разрушением традиционного образа жизни, модели взаимоотношений, этнокультурной безопасности населения региона.

– Мигранты не захотят или не смогут адаптироваться, их сообщества «закуклятся», окажутся непроницаемыми для властей, не способными к контакту и взаимодействию с принимающим обществом.

Раздел I. Подходы и методы

– Вариантом такого развития событий может стать формирование двухобщинного (или многообщинного) общества, с неизбежной перспективой конфликтов и потрясений.

– Концентрация и оседание на постоянное жительство мигрантов из КНР непосредственно у границы может привести к воспроизводству «косовской модели» и поставить под угрозу территориальную целостность страны и незыблемость границы.

– Стимулирование массовой миграции может стать инструментом государственной политики КНР, способом решения не только внутренних, но и внешнеполитических проблем. Часто такая возможность описывается в категориях «демографической экспансии».

– Мигранты могут радикально усилить трансграничную преступность, придать ей новое качество и этим дестабилизировать ситуацию в приграничных регионах. В этой связи чаще всего называется проблема наркотрафика, торговли людьми, контрабанды, организации незаконной миграции, различного рода экономических преступлений (незаконный вывоз капиталов, нарушение таможенного и валютного законодательства и т.д.).

– Большие масштабы нелегальной миграции приведут к ослаблению российской государственности, разгулу коррупции, росту криминала, тяжелым экономическим потерям для государства, дестабилизации рынка труда, экономическим правонарушениям.

– Мигранты (прямо или косвенно, сознательно или неосознанно для себя) могут стать инструментом экономической экспансии КНР в России, установления неравноправных экономических взаимоотношений, втягивания отдельных приграничных регионов в сферу «гравитационного притяжения» динамично растущей и потому экспансионистской китайской экономики.

– Мигранты могут захватить и освоить непропорционально большой сектор российской экономики и нанести этим непоправимый ущерб российским гражданам.

– Мигранты, их сообщества и их организации, могут стать инструментом влияния стоящих за ними государств (прежде всего, КНР), мощным инструментом вмешательства во внутренние дела России.

– Мигрантофобия, ее размах и накал страстей, ее политическое использование для манипулирования массами, могут радикально дестабилизировать ситуацию в обществе, привести к его одичанию и деградации. Власти, испытывая давление подобных настроений, могут принимать управленческие решения, опасные и вредные для социального и экономического развития страны, для ее динамичного развития.

Этническое многообразие в приграничных регионах современной Азиатской России...

– Возможные эксцессы на этой почве могут осложнить межгосударственные взаимоотношения и дать повод для вмешательства во внутренние дела России.

– Мигранты (особенно из Центральной Азии и с Кавказа) могут принести с собой конфликты и противоречия обществ исхода («политический ислам» и «исламский экстремизм» как наиболее яркий пример).

– Все это вместе может создать такой кумулятивный эффект, который приведет или к полному разрушению России, или к отпадению от нее восточных регионов и переходу их под прямой или косвенный контроль внешних сил.

* * *

Другой комплекс угроз, а также опасений и спекуляций по их поводу, связан с феноменом, который часто называют «процессом национального возрождения». По накалу обсуждений, дискуссий, по воздействию на массовое сознание пока этот комплекс на порядки уступает первому. Очень часто такие угрозы обсуждаются больше как некие гипотетические возможности, говоря современным языком, «виртуальные реальности».

Это прежде всего относится к ситуациям, когда граница рассекает ареал проживания некой этнической группы, что формирует более или менее массовый психологический комплекс «разделенного народа». Тем более, если это происходит в результате внезапного разрушения единого государства, когда сам факт возникновения границы становится шоком, для многих – шоком непереносимым. С другой стороны, такая группа (или то, что рассматривается как группа) может стать объектом пристального подозрительного интереса. Сам факт ее существования может расцениваться как предпосылка или возможность сецессии, сепаратизма.

Для Азиатской России в этом контексте принципиально важна ситуация с довольно многочисленным казахским населением Западной Сибири. В данном проекте ей посвящены статьи относительно гипотетически возможных геополитических последствий сложных этнополитических процессов в формирующейся казахской диаспоре, а также в местах компактных поселений казахов рядом с российско-казахстанской границей. Представители этой этнической группы стали объектом пристального внимания по вполне понятной и простой причине: после распада СССР они оказались жителями приграничья. Более того, граница отделила их от суверенного Казахстана, в процессах формирования государственности которого, видны явно выраженные этнократические черты.

Раздел I. Подходы и методы

По довольно широко распространенной терминологии и мироощущению, они стали «разделенным народом». По этой логике, фактор «разделенности» расценивается как национальная травма, что имплицитно (иногда явно) подразумевает стремление к его преодолению, следовательно – к ирредентизму. Зеркальный вариант – гипотезы и спекуляции относительно ирредентистского потенциала русского и русскоязычного населения северных регионов Казахстана. Ирредента же, стремление к изменению границ могут неизбежно привести к потрясениям глобального характера.

Логика простая, ясная, но, руководствуясь ею, можно получить ошибочный результат при анализе. И дело даже не в игнорировании того простого обстоятельства, что доля казахов в общей численности населения Западной Сибири и отдельных ее регионов мала. Того, что стратегия правящих кругов Казахстана направлена не на использование потенциала диаспор в политических целях, а на «собираание соотечественников»¹².

Глубоко убежден, что «разделенность» – это прежде всего состояние умов, ценностная и идеологическая конструкция, а не факт проживания представителей одной этнической группы в разных государствах. С исследовательской точки зрения, это подразумевает необходимость глубокого и конкретного анализа того, что же происходит в недрах той общности, которая называется «российские казахи». Насколько они являются общностью, а не механической совокупностью лиц, относящих себя, или относимых окружающими, к казахскому этносу? Происходит ли их этническая консолидация, становится ли этничность фактором, влияющим на выбор жизненных стратегий людей, на формирование их связей, отношений, на их политический выбор? Как все это соотносится (если соотносится) с фактором границы, разделяющей этнические группы? Каков характер взаимоотношений с представителями этнического большинства, других этнических групп, вступают ли в такие взаимоотношения индивидуально или через группу?

С этой точки зрения важно иметь в виду, что казахское население Западной Сибири глубоко неоднородно. Это и мигранты советских времен, давно осевшие и адаптировавшиеся в крупных (особенно областных) городах региона. Они выросли в систему социальных связей и отношений, стали частью городских сообществ, восприняли городскую культуру в ее российском варианте. В большинстве своем они не знают казахского языка, связи на этнической основе для них второстепенны, общинная стратегия поведения явно слабее индивидуалистской. Это и участники ин-

Этническое многообразие в приграничных регионах современной Азиатской России...

тенсивного миграционного обмена между Россией и Казахстаном последних лет. И хотя казахи составляют в нем меньшинство, но с 1994 г. Россия имеет положительное миграционное сальдо и по этому показателю¹³. По стратегии адаптации и модели поведения они заметно отличаются от мигрантов советской эпохи. С другой стороны, есть компактные поселения казахов – коренных жителей. По преимуществу это сельские районы. Там уровень этнической (возможно, этнически-маркированной) консолидации, естественно выше, чем в крупных городах. Вполне вероятно, что там возможны и межгрупповые конфликты на этнической основе или с этнической окраской.

Короче говоря, казахи Западной Сибири **разные** – городские и сельские, компактно и дисперсно живущие, коренные жители и мигранты, граждане России и не граждане, знающие казахский язык и не знающие его, имеющие связи с Казахстаном и не имеющие таковых, организующиеся на этнической основе и абсолютно равнодушные к национальной идее. Живущие прямо на границе и в удалении от нее. Отсюда разные модели поведения, взаимодействия с государством и принимающим обществом.

Совершенно очевидно, что рассматривать реальную и потенциально возможную роль казахского населения сибирского приграничья в формировании атмосферы стабильности и конфликта невозможно вне этого контекста. Эта роль напрямую зависит (и будет зависеть) от характера, направленности и степени этнической консолидации, от того, будет ли вообще происходить этот процесс. И даже если он будет происходить интенсивно (вероятность чего не так уж и велика) – это не обязательно приведет к нарушению стабильности в регионе, крайним выражением чего стало бы появление ирредентистских настроений. Выдвину предположение, что более вероятна (при таком развитии событий) модель формирования «новой диаспоры», интеграции в принимающее общество через группу.

Но без процессов этнической консолидации, вне формирования групповой стратегии поведения, рассматривать роль российских казахов в развитии событий в приграничье можно лишь в качестве логического упражнения. Механическая совокупность не может быть самостоятельным *актором*, субъектом общественно-политической практики. Возможен в такой ситуации только вариант конструирования и использования образа «казахов-ирредентистов» в качестве инструмента политической мобилизации. И это, кстати говоря, вполне реальная угроза национальной безопасности.

Раздел I. Подходы и методы

В какой-то мере в контексте парадигмы «разделенных народов» можно рассматривать идеологический и политический проект, получивший название «панмонголизма». Это сложный феномен, имеющий уже длительную историю. В своем классическом виде он оформился еще на рубеже XIX-XX веков. Говоря современным языком, это был проект нациестроительства, созданный первым поколением европейски образованной бурятской интеллигенции. Важной составной частью проекта была идея о необходимости государственного объединения монгольской (или монголо-бурятской) историко-культурной общности, давно и прочно разделенной государственными границами. Собственно говоря, именно эта идея и дала название проекту. Понятно, что реализация этой идеи предполагала радикальную перекройку всей системы государственных границ в гигантском регионе и неизбежные при этом катаклизмы.

Как видно из статьи М. Балдано в этом сборнике, идея объединения могла играть разную функциональную роль: как в качестве непосредственной цели, так и инструмента национальной консолидации. Именно эта органическая «встроенность» ирредентистской идеи в контекст объективно важнейшей задачи национального строительства, в модернизационные процессы, предопределила ее возрождение в первые постсоветские годы. И хотя тогда она оказалась вторичной, лишенной той динамики и мощи, которой обладала в эпоху своего появления, не пользующейся массовой поддержкой, сам факт ее устойчивости, то, что она не была забыта, говорит о том, что к ней стоит отнестись серьезно. К тому же, теперь эта идея легитимизирована долгой историей, авторитетом выдающихся бурятских просветителей, общественных деятелей, политиков прошлого.

Опыт 1990-х гг. говорит о возможности нового витка актуализации идеологии «панмонголизма». По крайней мере, о том, что такой вариант совершенно не исключен. И если **практическая** постановка задачи изменения границ возможна только в условиях глубинного кризиса и распада российской и китайской государственности (как это было, в частности, в первой четверти XX века и, отчасти, для России – в конце века), то мобилирующий потенциал **мечты об объединении** может быть задействован и в более спокойных обстоятельствах, для решения менее глобальных задач. И здесь стоит обратить серьезное внимание на возможные геополитические последствия проводимой сейчас политики укрупнения российских регионов. Вполне реальная возможность утери Бурятией республиканского статуса (то, что часто называется там гу-

Этническое многообразие в приграничных регионах современной Азиатской России...

бернизацией) может спровоцировать всплеск этно-политической напряженности с возможными дестабилизирующими последствиями и для границы.

* * *

В первой половине 1990-х годов, когда распад Российской Федерации рассматривался как вполне реальная и недалекая перспектива, многие считали, что этот процесс начнется с «отшелушивания» Тывы¹⁴. Мотивировалось это совокупным, кумулятивным эффектом нескольких факторов: окраинность, приграничность республики, транспортная оторванность и низкий уровень интеграции в экономику страны, неразвитость и депрессивность собственной экономики, малый стаж нахождения в составе СССР/России, особые отношения с соседней Монголией, острые межэтнические конфликты. Сюда добавлялась развитая трансграничная преступность, ставшая в этих условиях основной формой экономической деятельности значительной части населения (имеется в виду, прежде всего, массовое воровство и угон скота через границу).

В начале 1990-х гг. все это привело к острейшему политическому кризису, когда казалось, что могут сбыться самые мрачные прогнозы. Кризис удалось преодолеть прежде всего благодаря общей стабилизации в стране и интенсивным дотационным вливаниям из федерального центра. Однако, рассматривая проблемы безопасности в приграничных регионах, не стоит забывать, что весь комплекс причин, приведших к кризису, сохранился, возможно даже усилился. «Наркоз» же федеральных дотаций не может действовать вечно.

* * *

Изучение каждой из поставленных проблем – предмет особых исследований. Очень важно посмотреть, имеют ли реальные основания страхи и опасения общества или отдельных его частей. На чем основаны эти страхи? Каковы уже сформировавшиеся тенденции? Действительно ли, этномиграционные процессы становятся дестабилизирующим фактором в приграничных регионах? Могут стать им в будущем? Не пора ли посмотреть на «новые диаспоры» не только как на «яблоко раздора», но и как на «мост», важный канал и инструмент позитивного контакта и сотрудничества между народами и государствами? На этническое многообразие – как на ресурс, дополнительную возможность для развития?

Пока же внешние миграции, этническое многообразие рассматривается преимущественно, если не исключительно, как фактор конфликта, дестабилизации, деструкции. Как угрозу безо-

Раздел I. Подходы и методы

пасности¹⁵. Подход явно односторонний и тупиковый. Этническое разнообразие может и должно стать и ресурсом, фактором развития. Только динамичное развитие региона может создать если не гарантии, то существенные предпосылки для сохранения целостности государства, для укрепления безопасности, в т.ч. и национальной безопасности.

Совершенно очевидно, например, что без массового притока мигрантов в Сибирь и на Дальний Восток невозможно их экономическое освоение, просто обживание, а значит и полноценная интеграция в составе России. Российские человеческие ресурсы для этого исчерпаны. Новое издание столыпинской переселенческой программы просто невозможно¹⁶. Мигранты из-за рубежа в этой ситуации абсолютно необходимы, а значит неизбежны. Вновь воспроизводится дилемма, сформулированная еще в начале XX в. вдумчивым владивостокским публицистом А. Пановым: без массового привлечения китайской рабочей силы Дальний Восток не будет освоен и потому неизбежно потерян Россией. Но такое привлечение грозит «окитаить» край, что тоже грозит его потерей¹⁷. Возможности и риски здесь неразделимы.

Во многом трезвому и реалистичному пониманию ситуации мешает сложившийся образ (да и самоощущение) Сибири как воплощения и образца стабильности. Стабильность стала *брендом*, торговой маркой региона, его идеологией и фетишем. Но назойливая частота и настойчивость воспроизводства темы о стабильности региона, о невозможности в нем межэтнических конфликтов настораживает. Это уже напоминает заклинание. Можно предположить, что это свидетельство подспудной, возможно не осознаваемой неуверенности, страха лишиться этой ценности. Затаенные же, скрытые фобии и страхи опаснее открыто выраженных, вербализированных, осознанных. Возможно, поэтому и стабильность видится, прежде всего, как сохранение старого, привычного порядка вещей. Поэтому принципиальная новизна этномиграционной ситуации воспринимается в категориях новых угроз, а не новых возможностей.

И этот взгляд — тоже вызов.

Примечания

¹ Панарин С. Русскоязычные у внешних границ России: вызовы и ответы (на примере Казахстана) // Диаспоры. 1999. № 2-3. С. 141—143; Прозрачные границы. Безопасность и трансграничное сотрудничество в поясе новых границ России / Под ред. Л.В. Вардомского и С.В. Голунова. Москва — Волгоград. 2002.

² Освальд И. Виртуальные образы Берлинской стены // Человек. 2002. № 6. С. 175.

Этническое многообразие в приграничных регионах современной Азиатской России...

- ³ Вардомский Л.В. Приграничный пояс России: проблемы и тенденции развития // Россия и современный мир. 2000. № 2. С. 139.
- ⁴ Мукомель В., Косач Г., Кузьмин А. Российско-казахстанские приграничные связи: опыт трех российских областей // Вестник Евразии. 2001. № 2. С. 73–121.
- ⁵ Вардомский Л.В. Указ. соч. С. 133.
- ⁶ Постоянная дискуссия по этому поводу идет, в частности в журнале «Диаспоры». См., например: Дятлов В. Диаспора: попытка определиться в понятиях // Диаспоры. 1999. № 1. С. 8–23; Дятлов В. Диаспора: экспансия термина в общественную практику современной России // Там же. 2004. № 3. С. 126–138; Милитарев А. О содержании термина «диаспора» (постановка вопроса) // Там же. С. 24–33; Шнирельман В. Мифы диаспоры // Там же. 1999. № 2–3. С. 6–33; Мелконян Э. Диаспора в системе этнических меньшинств (на примере армянского рассеяния) // Там же. 2000. № 1–2. С. 6–28; Абрамян Л. Армения и диаспора: расхождение и встреча // Там же. 2000. № 1–2. С. 52–76; Попков В. «Классические диаспоры»: к вопросу о дефиниции термина // Там же. 2002. № 1. С. 6–22; Тишков В. А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. С. 435–490.
- ⁷ Подробнее о проблемах миграции граждан КНР в современную Россию см.: Перспективы Дальневосточного региона: межстрановые взаимодействия / Под ред. Г. Витковской и Д. Тренина. Московский Центр Карнеги. М.: Гендальф, 1999; Перспективы Дальневосточного региона: население, миграция, рынки труда / Под ред. Г. Витковской и Д. Тренина. М.: Гендальф, 1999. (Рабочие материалы. Московский Центр Карнеги. Вып. 2); Диаспоры. 2001. № 2–3; Дятлов В.И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске). М.: Наталис, 2000; Гельбрас В.Г. Китайская реальность России. М.: Муравей, 2001; «Мост через Амур». Внешние миграции и мигранты в Сибири и на Дальнем Востоке / Под ред. В. Дятлова. Москва — Иркутск: Наталис, 2004; Ларин А.Г. Китайцы в России вчера и сегодня. Исторический очерк. М.: Муравей, 2003; Ларин А. К вопросу о китайской «демографической экспансии» // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 6; Ларин В. Китайский фактор в общественном сознании российского приграничья: срез 2003 года // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 4; Гончаров С. Китайцы в России — кто они? // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 4; Портяков В. Новые китайские мигранты в России: промежуточные итоги // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 3.
- ⁸ Портяков В. Китайцы идут? Миграционная ситуация на Дальнем Востоке России // Международная жизнь. 1996. № 2. С. 82.
- ⁹ Дятлова Е. Брачные связи мигрантских меньшинств Иркутска в 1989 — 1998 годах (китайцы, выходцы с Северного Кавказа, из Закавказья и Центральной Азии) // Вестник Евразии. 2001. № 1. С. 31–38.
- ¹⁰ Абдулова И., Дятлов В. Международный семинар «Иностранные рабочие в России — мост через Амур? Миграция и иммиграция в центральноазиатском и сибирском регионах, китайская и другие диаспоры» (Иркутск, 19 — 21 декабря 2003 г.) // Диаспоры. 2004. № 1. С. 240–246.

Раздел I. Подходы и методы

- ¹¹ *Дятлов В.* Благовещенская «Утопия»: из истории материализации фобий // Евразия. Люди и мифы. (Сб. статей из журнала «Вестник Евразии») / Сост., отв. ред. С.А. Панарин. М.: Наталис, 2003. С. 123–141.
- ¹² *Алексеев А.* Казахстанский путь модернизации: этнодемографический аспект // Вестник Евразии. 2004. № 1. С. 132–133; *King Ch., Melvin N.* Diaspora politics: ethnic linkages, foreign policy and security in Eurasia // International Security. 1999. Vol. 24. № 3. P. 108–138.
- ¹³ Россия — Казахстан: фронтьерские миграции. Сборник научных трудов / Под общей редакцией Ж.А. Зайончковской и М.Н. Сдыкова. Москва — Уральск. 2002; *Григоричев К., Тарасова Е.* Миграционные связи между Алтайским краем и Казахстаном в 1992–2001 годах: региональные особенности // Вестник Евразии. 2004. № 1. С. 152–168.
- ¹⁴ *Яковенко И.Г.* Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. С. 157.
- ¹⁵ Комплексный и глубокий анализ категории безопасность см.: *Панарин С.* Безопасность и этническая миграция в Россию // Pro et Contra. 1998. Том 3. № 4. С. 5–27.
- ¹⁶ *Витковская Г., Зайончковская Ж.* Новая столыпинская политика на Дальнем Востоке России: надежды и реалии // Перспективы Дальневосточного региона: межстрановые взаимодействия / Под ред. Г. Витковской и Д. Тренина. Московский Центр Карнеги. М.: Гендальф, 1999. С. 80–120.
- ¹⁷ *Панов А.* Желтый вопрос в Приамурье // Вопросы колонизации. СПб. 1910. № 7. С. 53–116; *Панов А.* Борьба за рабочий рынок в Приамурье // Там же. 1912. № 11. С. 241–282; *Панов А.* Желтый вопрос и меры борьбы с «желтым заливом» в Приамурье // Там же. С. 171–184.

Глава 3. Становление подходов к изучению межэтнического конфликта в приграничье

Этнический (межэтнический) конфликт выделился в самостоятельный предмет исследования в 1960 – 1970-е гг. в западной, прежде всего англо-американской конфликтологии в результате накопления эмпирических знаний об этом типе конфликта (в англо-американской конфликтологии этого периода зачастую говорили об этнорасовом конфликте). Правда, первые работы, в которых предпринимается попытка теоретического анализа этнических конфликтов, появляются в зарубежном обществоведении начиная с 1950-х годов, то есть в то же самое время, как и работы по трудовой (экономической) конфликтологии, собственно и заложившей основы общей теории конфликта. Тем не менее этот период вряд ли можно считать действительным началом этнической конфликтологии: этнические конфликты трактуются в ранних работах чаще всего как явления вторичные, производные от других и макросоциальных конфликтов, прежде всего экономических. Один из классиков мировой этноконфликтологии, американский исследователь Доналд Хоровиц, автор фундаментальной работы «Конфликт этнических групп», выдержавшей несколько изданий и ставшей настольной книгой многих этноконфликтологов во всем мире, отмечает, что ни государственные деятели, ни обществоведы не оказались готовы к возрастающей значимости этничности. После Второй мировой войны, подчеркивает ученый, сложилось представление о том, что, по крайней мере, индустриально развитые страны «переросли» политические процессы, основанные на этничности. «Вплоть до недавнего времени, – писал Д. Хоровиц, – область этнических отношений была тихой заводью в обществоведении, и первым ответом на возрастающую волну этнических конфликтов была трактовка последних как эпифеноменов»¹.

Особенно примечательным для конца 1950-х – начала 1960-х гг. было представление о том, что этнические конфликты и этнические проблемы отойдут на задний план по мере того, как страны «третьего мира» будут вовлекаться в модернизационный процесс. Что же касается западного общества, то этнические конфликты, случавшиеся и в этих странах, вообще рассматривались как нехарактерные для этой части мира явления, скорее как издержки, отголоски колонизаторского прошлого и т.д. Совершенно иные мотивы зазвучали в этнической конфликтологии к концу XX века.

Раздел I. Подходы и методы

Один из ведущих исследователей феномена национализма Л. Гринфелд отмечал: «Век национализма не закончился; мы всего лишь вступаем в фазу неонационализма. Ни в какую другую эпоху это не проявлялось более отчетливо, чем в эти самые дни, когда вокруг нас рушатся режимы и идеологии, а национализм повсеместно поднимает голову среди неразберихи и смятения, как всегда полный энергии»².

Итак, уже на начальных этапах становления конфликтологии как новой отрасли научного знания и ее дифференциации на так называемые «отраслевые конфликтологии» возник вопрос об объективности этнического конфликта, научной валидности его выделения в самостоятельный вид конфликта. Сам же Д. Хоровиц сформулировал тезис о том, что в полном объеме об этническом конфликте можно говорить лишь применительно к странам Азии, Африки и Карибского бассейна. «Я хотел бы акцентировать, однако, – отмечает исследователь, – что выделение этнического конфликта применительно к западному миру является концептуальным удобством, а не концептуальным императивом»³.

Этот вопрос – о самодостаточности этнического конфликта как предмета научного анализа – стал ключевым для всей научной стилистики исследований этнических конфликтов и этнических процессов и определил развитие научных школ и концепций в этнической конфликтологии. Исключительно важным он является и для изучения этнических конфликтов в приграничье: имеют ли или могут ли приграничные конфликты иметь действительно этническую природу (по крайней мере, иметь этничность в качестве одного из ведущих факторов политической нестабильности и конфликтного процесса) или культурные различия используется в качестве инструмента достижения внеэтнических целей?

Вокруг вопроса о природе этнического конфликта и методологии его изучения сложилось несколько теоретических подходов, попытки классифицировать которые предпринимались еще в начале 1970-х годов. Р. ЛеВайн и Д. Кэмпбелл рассмотрели девять популярных к тому времени теоретических моделей этнического конфликта и предложили объединить их в две группы концепций: *социетальные*, объясняющие этнические конфликты на уровне социального взаимодействия, и *социально-психологические*, делающие упор на анализе поведенческих реакций человека⁴. Позднее Д. Кэмпбелл, но уже совместно с М. Россом, проанализировал еще несколько концепций этнического конфликта⁵. Продолжая эту работу, М. Росс и Дж. Ротман все же остановились на двух группах концепций с небольшим дополнением. Они выделили *структурные концепции этнических конфликтов*, опирающиеся на концепцию

Становление подходов к изучению межэтнического конфликта...

конфликта интересов, и *психокультурные концепции*, опирающиеся на два важных фактора: индивидуальный уровень включения человека в групповые действия и культурный процесс определения групповых интересов, врагов, страхов и угроз⁶. По мнению авторов, структурные концепции не отвечают на ряд важных вопросов, например, почему люди столь легко отождествляют личные интересы с групповыми в ходе этнических конфликтов, почему эти интересы не являются столь очевидными как для самих участников, так и для внешних наблюдателей, почему интенсивность аффектов на много превосходит ожидания, связанные с интересами и др.⁷

Далее, М. Росс и Дж. Ротман рассматривают возможность включения в эту научную парадигму теории межкультурной коммуникации, получившей большую научную популярность в 1990-е годы, и приходят к выводу, что эта теория не является альтернативным концептуальным воззрением двум основным течениям в этнической конфликтологии, а предлагает некоторое предусловие успешного управления этническими конфликтами, заключающееся в устранении препятствий для установления межгруппового контакта. Авторы считают, что при всей значимости и актуальности проблем межкультурной коммуникации, культурные различия, как и провалы в межкультурной коммуникации, не могут являться причинами этнических конфликтов⁸.

Предложенная типология, по мнению авторов, имеет существенное значение, так как в каждом из этих типов концепций предлагаются принципиально разные пути выхода из конфликта. Более того, многие из прогнозов в рамках этих двух подходов несовместимы. Структурные концепции этнического конфликта сосредоточиваются на результатах переговорного процесса, на потерях и выигрышах сторон, на формировании общих интересов и целей. Психокультурные концепции ориентируют как участников конфликта, так и посредников на сам процесс поиска выхода из конфликта, в ходе которого меняется восприятие участниками друг друга, исчезают страхи и ненависть, корректируются идентичности. Это процессуально ориентированные концепции, и в рамках этого подхода сам переговорный процесс имеет такое же важное значение, как и его результаты. Официальные переговоры в таком случае должны дополняться целой системой межгрупповой коммуникации на разных уровнях с целью устранения отрицательного восприятия членами конфликтующих этнических групп друг друга⁹.

Однако наиболее популярной в современной науке является типология этноконфликтологических концепций, предложенная Д. Лейком и Д. Ротшильдом, которые объединили в одну теоретическую конструкцию концепции и этничности, и этнического кон-

Раздел I. Подходы и методы

фликта. Каждой из трех основных выделенных ими концепций этничности (примордиализм, инструментализм и конструктивизм) соответствует одноименная концепция этнического конфликта¹⁰.

Деление этнологических концепций на примордиализм, инструментализм и конструктивизм (иногда конструктивизм и инструментализм объединяются в один тип воззрений) достаточно устоялся в современной этнологической науке и уже вошел в учебные издания. «Все эти теории (имеются в виду теории этничности. – В.А.) сводят, как правило, к трем подходам к пониманию этнического феномена – *примордиализму, инструментализму и конструктивизму*», – подчеркивают Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, А.А. Сусоколов в учебном пособии для вузов «Этносоциология»¹¹. Хотя сторонники «современных», то есть инструменталистских и конструктивистских концепций этничности считают дискуссию давно решенной в пользу именно этих концепций, обсуждение проблем, связанных с феноменом этничности, периодически возобновляется. Использование идей «традиционных» направлений в этнологии, заклеяемых как «примордиализм», становится признаком плохого научного тона во многих «современно ориентированных» исследованиях. Как отмечают Д. Кармент и П. Джеймс, примордиалистские подходы не популярны сегодня у обществоведов, потому что сам термин предполагает неприемлемые для научного анализа романтизацию и мистификацию индивидуального и коллективного поведения, а это, отмечают исследователи, связано с опасением оказаться на позициях культурного детерминизма¹².

Не ставя перед собой цель поднимать в очередной раз дискуссию по этому вопросу (хотя ее продолжение, видимо, все же необходимо), отметим, что при уяснении, что такое этничность, возникают трудности не только эпистемологического порядка, связанные с необходимостью понимания сущности такого трудноуловимого, нематериального явления, но и сугубо лингвистического уровня.

Понятие «этнос» и производные от него слова и словосочетания использовались в научной литературе в течение почти всего XX века, хотя вплоть до последних трех десятилетий не столь активно, а в некоторых научных культурах, например, англоязычной, понятие «этнос» используется почти исключительно в виде производных (этнический, этнолингвистический, этнополитический, этнические группы, *этничность*). Термин этничность (*ethnicity*) вошел в научное употребление в середине 1960-х гг. (по сведениям ряда исследователей его впервые употребила в 1965 г. социальный антрополог Л. Мэйр)¹³ и быстро занял одно из лидирующих мест в категориальном аппарате этнологических дисциплин. Между тем, сама морфологическая структура термина (использо-

Становление подходов к изучению межэтнического конфликта...

вание суффикса -ость в русском языке и -ity в английском) превращает его в исключительно абстрактное понятие, а потому трудно поддающееся определению.

В англоязычной литературе для обозначения сообществ людей, обладающих общими этническими признаками, широко использовалось и используется словосочетание «этническая группа», что, с одной стороны, весьма удачно, так как позволяет обозначить этнические общности различного таксономического уровня, например, этнические меньшинства, этнографические группы и т. д. Но, с другой стороны, это словосочетание не дает возможность вычленить базовое понятие (в данном случае «этнос») для обозначения самого феномена. Термин «этничность» и возник как своего рода заместитель понятия «этнос» в англоязычной литературе, переводя определение этой действительно не просто дифференцируемой социальной общности на уровень высокой абстракции. Не случайно, позднее, в 1970-е годы, в англоязычной научной лексике стала ощущаться недостаточность имеющейся терминологии, и было предложено более общее понятие «*ethnie*» («этни»), в определенной степени близкое по смыслу предложенному Ю.В. Бромлеем, но не прижившемуся термину «этникос». Термин «*ethnie*» также не прижился в научной литературе и в настоящее время употребляется редко. Тем не менее приходится ориентироваться на сложившийся категориальный аппарат, с помощью которого и формулируются современные концепции этнических отношений.

В отечественной общественной науке противостояние двух концепций этничности – традиционной (т.н. примордиалистской) и «современной» (конструктивистско-инструменталистской) остается достаточно острым и во многом определяет научный дискурс по всей проблематике этнических отношений. В то время как «новая этнологическая школа», концентрирующаяся вокруг Института этнологии и антропологии РАН, ориентируется на конструктивистские и инструменталистские концепции этничности, другие научные центры отстаивают объективистские взгляды на сущность этноса и трактуют его как реально существующую социальную систему. В этом плане можно отметить проводимый ежегодно Санкт-Петербургским государственным педагогическим университетом международный симпозиум «Реальность этноса», собирающий ведущих ученых России и из-за рубежа, научные публикации многих региональных исследовательских групп.

Итак, «нетрадиционализм» в этнологии проявился в заметном нарастании популярности концепций, отрицающих объективный характер этнических общностей. Правда, сами эти идеи высказывались и ранее, но не играли столь заметной роли в структуре этноло-

Раздел I. Подходы и методы

гического знания, они были одними из многих и далеко не самыми значимыми идеями. Ситуация, однако, изменилась в 1990-е годы, когда эти концепции стали самыми массовыми в англо-американской литературе и вытеснили на обочину научного поля все другие объяснения феномена этничности. Эти концепции, совершенно верно фиксируя многие стороны этнической жизни общества (в частности, активное использование этничности в политической борьбе), тем не менее все же основаны на методологии редукционизма и сводят все многообразие этих процессов к простым и ясным мотивам социального поведения людей, обычно материальным или связанным с ними политическими интересам. Не случайно, сторонники этих взглядов обозначают собственные подходы как реалистические.

Однако эти концепции этничности обходят стороной многие неудобные для их авторов вопросы, например, об устойчивости этнических идентификаций, о межпоколенном характере этничности, о том, что даже в стабильные эпохи люди идентифицируют себя с определенными этническими группами, что этническая идентификация человека формируется в процессе его социализации, что в реальной действительности люди почти никогда не стоят перед возможностью выбора своей этнической принадлежности. А отдельные случаи этнической *переедентификации*, как правило, связаны с тем, что люди, исходя чаще всего из соображений политической конъюнктуры и даже личной безопасности скрывают свои истинную этническую идентичность, и когда меняется конъюнктура или исчезает опасность, то они больше не считают нужным ее скрывать.

В свое время некоторые англоязычные авторы, имена которых были исключительно популярными в 1970-е и 1980-е годы, когда шло становление этноконфликтологической теории, выступили в начале 1990-х с критикой нараставшей волны критики объективизма в изучении этнических отношений. Так, один из наиболее цитируемых авторов 1970-х и 1980-х гг. Э. Смит писал в 1992 году: «Многие ученые поставили под сомнение основополагающие интеллектуальные воззрения на нации и национализм, которые были характерны для академического сообщества еще с 1950-х годов. Это в основном «инструменталистские», «модернистские», а позднее – «деконструктивистские» взгляды. Несмотря на наличие определенной утилитарности в этих подходах, их всеобщее применение к проблемам этнической идентичности и формирования наций представляет серьезные проблемы. Основная трудность в современных академических изысканиях заключается в их провале серьезного учета формативной роли досовременных этнических связей и того, как эти и ранее существовавшие этнические идентичности оказывают воздействие на формы, траектории и характе-

Становление подходов к изучению межэтнического конфликта...

ристики современных наций и современных полиэтнических государств. Без адекватного понимания этих досовременных этнических идентичностей мы отгораживаем себя от надлежащего анализа часто глубоко коренящихся конфликтов между этническими группами, которые продолжают разъедать и разрушать ткани даже самых мощных полиэтнических государств»¹⁴.

Отметим далее, что, говоря об этносах как общественных системах, мы имеем дело с *социальной реальностью*, и сущностные характеристики этого вида реальности несколько иные, чем для других ее видов (в первую очередь материальной). Следует также подчеркнуть, что признание объективного характера существования этносов возможно только в рамках системного видения социальной реальности, ибо невозможно понять этнос иначе как *социальную систему*. Наше утверждение, что этносы – не изобретение интеллектуалов или жаждущих власти политиков, а объективно существующие социальные системы, которые представляют собой подходящий инструмент в руках политиков и особенно политиканов, не означает признания неизбежности этнических конфликтов, ибо возникающие между социальными системами отношения не обязательно, «по определению» должны быть конфликтными. Конфликты между реально существующими этническими общностями – один из возможных, хотя и весьма вероятных, но не обязательных типов отношений.

Признание того, что этнические различия сопутствуют всей человеческой истории и играют в ней важнейшую роль, не подразумевает имплицитно их конфликтности, хотя, конечно, без *различий как таковых* конфликты не сформируются. Разумеется, для того чтобы возник межгрупповой конфликт, должны существовать сами *группы*. Если не существуют этнические группы, то не существует и этнический конфликт. Реальные конфликты, традиционно называемые этническими, таким образом, согласно *деконструктивистским* взглядам, перестают быть этническими, превращаются в конфликты отдельных личностей, преследующих свои взаимоотноисключающие интересы.

Такая схема выглядит весьма привлекательно как с точки зрения объяснительной модели (механизм этнических конфликтов становится предельно простым и ясным), так и с позиций, которые можно определить как нравственные: ответственность за тяжелые последствия многих конфликтов возлагается не на целые народы (этносы), а на конкретных людей. По этой логике, «теоретическое упразднение этничности» позволит лишить этнические конфликты их этнической субъектности, их этнически окрашенных предметов и объектов, перевести всю логику управляющего воздействия на эти конфликты в совершенно иное русло.

Раздел I. Подходы и методы

К сожалению, такие «реалистические» концепции имеют скорее нормативный, чем аналитический характер, как и политические выводы, делаемые на их основе. Они фиксируют то, какой *хотелось бы* видеть этничность, чтобы с ней не были связаны тяжелейшие конфликты, чем то, какова она на самом деле.

То, что этничность, этнические чувства использовались, используются и будут использоваться в самых различных внеэтнических целях, не вызывает сомнения. То, что это эффективный инструмент политической борьбы самого различного уровня – от местного до международного, можно считать аксиомой. Но почему именно этничность является столь мощным инструментом в этой борьбе, если она не более, чем изобретение интеллектуалов?

Представляется, что на этот вопрос вполне убедительный ответ дали различные социопсихологические концепции этничности, показавшие глубинный личностный характер этнических идентификаций. Не стоит полностью сдавать в архив и теорию этноцентризма, впрочем, как и не стоит придавать ей всеобъемлющий характер, как это делалось в западной науке еще два десятилетия назад. Говоря об этносах, этнических группах, мы говорим об одних из наиболее устойчивых общностей в истории человечества, многие из которых прошли через несколько исторических эпох, через смену религиозных представлений, революции и социальные потрясения. Этнические идентификации оказались столь устойчивыми прежде всего потому, что эти идентификации представляют отождествление человека с реально существующей и исключительно устойчивой общностью.

Этничность, как и другие типы и виды социальных связей, имеет свои положительные и отрицательные стороны, если вообще с этих позиций можно оценивать те явления, которые мы определили как объективно существующие. Можно согласиться с точкой зрения М. Маршалла о двух сторонах этничности: «С позитивной стороны этничность является основой культурного многообразия и плюрализма в глобальном масштабе. Идентификация человека с этнической группой может защитить индивидуальное “я” от потерянности и малозначимости в анонимных массах светского общества. Само качество, которое определяется как различие по отношению к экзогенной общественной макросистеме, связывает людей в эндогенную микросистему и дает им чувство единства, сообщества, и безопасности. Различия означают определенность, которая часто ведет к взаимному уважению, терпимости и высоким оценкам. С негативной стороны, этничность может привести к чрезмерной обеспокоенности собой и общественными различиями, а в сочетании с недоверием по отношению к другим – к почти непреодолимо-

Становление подходов к изучению межэтнического конфликта...

му барьеру на пути социальной, экономической и политической интеграции. Политизация этничности ведет к распаду сложных обществ на их составляющие компоненты; этничность становится преградой космополитизму. Различия становятся расколом, а этот раскол ведет к шовинизму и неприязни. Оставленная без внимания, неприязнь превращается во вражду, а вражда – в насилие»¹⁵.

Итак, характер дискуссий о природе этничности и этнического конфликта показывает, по нашему мнению, что имеются убедительные основания использовать типологию этноконфликтологических концепций на примордиалистские (традиционные), конструктивистские и инструменталистские («современные», или «постмодернистские») как базовую для дальнейшего анализа. В дополнение к предложенной приведем некоторые другие варианты типологии этих концепций, разработанные разными авторами исходя из собственных исследовательских задач. Например, Д. Дэйвис, К. Джэггерс и В. Мур, анализируя международное измерение этнического конфликта, классифицировали всю литературу по проблеме в две группы: во-первых, это исследования, в которых делается упор на анализ воздействия этнических конфликтов на позицию других государств (работы А. Сурке и Л. Ноубл, Ф. Шилза, Н. Чейзан, М. Мидларски, Д. Кармента и др.); во-вторых, это работы, в которых этнический конфликт исследуется как конфликт между этнической группой и нацией-государством (работы Д. Хоровица, Т. Гурра, Б. Позена, К. Янга и др.). В этих работах, по мнению Д. Дэйвиса, К. Джэггерса и В. Мура, не предпринимаются прямые попытки увязать конфликт с действиями других государств в системе международных отношений, хотя такие зависимости часто признаются. Далее авторы отмечают, что многие исследования, выполненные на основе методологии анализа конкретных ситуаций (*case studies*), не показывают отчетливо взаимосвязи между этническими конфликтами и системой международных отношений, хотя обычно упоминают о действиях одного-двух государств, оказывавших поддержку той или иной стороне конфликта¹⁶.

Признавая право авторов самостоятельно выбирать возможные варианты типологии и классификации этноконфликтологических концепций, отметим, что в принципе их можно объединить в две основные группы: общие этноконфликтологические концепции, стремящиеся выявить сущность феномена как такового, и частные, предлагающие теоретические модели одного из типов этнического конфликта (в современной литературе, как правило, этнополитического). В некоторых случаях авторы обозначают ограниченный характер своей задачи, в других же – трактуют данный тип этнического конфликта как сам конфликт. Г. Форбс, например, на

Раздел I. Подходы и методы

основе анализа основных концепций этнического конфликта предлагает собственную концепцию этнического конфликта, которую он обозначает как *лингвистическую модель* этнического конфликта, основанную на аналогии между языком и культурой¹⁷, хотя в большинство исследователей рассматривают лингвистический конфликт как один из подтипов этнического конфликта.

Анализ различных этноконфликтологических концепций приводит к выводу о том, что их авторы основывают свои идеи на реальных фактах, их точки зрения вполне аргументированы и используются при объяснении конкретных конфликтных ситуаций. Известный теоретик конфликтологии Л. Крисберг на основе сопоставления различных конфликтологических концепций пришел к выводу, что лучше всего считать эти концепции комплиментарными, чем соперничающими. Одни концепции оказываются наиболее эффективными в одних случаях, другие – в других, например, при изучении источников конфликтов, или условий, создающих предрасположенность к конфликтам¹⁸. М. Росс и Дж. Ротман, также проанализировавшие несколько основных концепций этнического конфликта, отмечают: «Как мы можем решить, что некоторые из них полезнее других? ...Одна из наших рабочих гипотез заключается в том, что вместо того, чтобы считать, что одна теория перечеркивает другую как правильная неправильную, с точки зрения многообразия форм человеческого поведения гораздо полезнее рассматривать эти теории как частичные, имея в виду то, что при определенных условиях каждая из этих теорий может найти подтверждение»¹⁹.

Такие оценки разнообразных взглядов содержатся во многих работах, но лишь в немногих из них они используются как эвристический принцип. Анализ современных этноконфликтологических концепций действительно убеждает в том, что, хотя далеко не каждая из них является оригинальной, большинство из этих концепций вполне адекватно отражают определенные стороны этнических конфликтов, в определенной части мира и в определенную эпоху. Идеи, пропагандирующиеся сегодня «реалистической школой» в этноконфликтологии, были хорошо известны в различных ответвлениях марксистского обществоведения, с той разницей, что в марксизме эти взгляды развивались в русле классовой борьбы (в основе которой, как известно, и лежат материальные интересы). Современные же этноконфликтологические концепции делают упор на личностном начале в конфликтах, но на тех же мотивах: ресурсы, собственность и власть как инструмент получения ресурсов и собственности. В то время, когда еще несколько десятилетий назад шло интеллектуальное соперничество марксизма и немарксистского обществоведения, марксистские концепции социального

Становление подходов к изучению межэтнического конфликта...

конфликта рассматривались в западном обществоведении как упрощенные, прямолинейные, не принимающие во внимание многообразие человеческой природы, как *редукционистские*. Было предложено немало оригинальных, глубоко проработанных, хотя тоже зачастую односторонних трактовок как конфликтов, так и этнических отношений. Сегодня многие из этих концепций, если принять точку зрения современной этнологии, отошли в историю развития этнологии и этноконфликтологии как «примордиализм».

Поэтому представляется, что вместо выбора между предложенными в современной этноконфликтологической литературе на первый взгляд взаимоисключающими объяснительными моделями, целесообразно использовать их эвристический потенциал, который варьирует в зависимости от конкретного анализируемого конфликта, этапа его изучения и других собственно научных факторов. Такой подход можно обозначить как *методологический релятивизм*, в отличие от популярного ныне и встречающегося в каждой второй диссертации *методологического плюрализма*. Методологический релятивизм предполагает отнюдь не произвольный, определяемый научными предпочтениями автора выбор между различными объяснительными моделями, а выбор, определяемый задачами конкретного этапа исследования и характером анализируемого материала.

Этнические проблемы и конфликты в приграничье являются частным случаем этнических конфликтов, и поэтому при их анализе используется тот же арсенал методологических средств, что и при анализе других видов конфликтов с акцентуацией определенной специфики. Рассмотрим эту специфику и эвристичность каждой из моделей анализа этнических конфликтов применительно к приграничью.

Во-первых, этнические общности являются территориально организованными социальными системами. Территориальность является одним из важнейших факторов этнической идентичности; и в научном, и в политическом, и в обыденном дискурсе широко употребляются такие понятия, как этническая (национальная) территория, этнические границы, этнические ареалы и др. Именно связь между этничностью и территориальностью сделала, по крайней мере, частично валидными понятия «автохтонный этнос» и «титульный этнос». Эта связь также явилась важным идеологическим компонентом становления национальных государств Нового времени.

Во-вторых, важным компонентом этногенеза является территория, что устойчиво закрепляется в социальной памяти этнической общности и является одним из ключевых компонентов межпоколенной трансляции этничности. Л.Н. Гумилев (незаслуженно отвергнутый современной этнологией) совершенно справедливо утверждал,

Раздел I. Подходы и методы

что народы имеют родину. Этническая территория оформляется в коллективном этническом сознании в виде таких эмоционально нагруженных понятий, как «земля предков», «родная земля», «святая земля» и др., и дополняется различными символами, определяющими «этническую принадлежность» той или иной территории.

В-третьих, характерная для незападной культуры модель этнонации как основы национально-государственного строительства укрепляет территориальность в качестве компонента этнической идентичности, увязывая в единое целое три «субстрата» национальной государственности в западном мире – этничности, гражданства («национальности» в контексте западной культуры) и территории.

В-четвертых, территориальность является одним из важнейших компонентов идеологии национализма (независимо от трактовки последнего – в его умеренном «западном» варианте или более жесткой, свойственной российской культуре). Национализм предполагает сакрализацию этнической территории, окончательно превращая вполне транспарентные культурные границы в охраняемые всей мощью государственной машины политические границы. Ни этническая, ни национальная идентичность невозможны без соотнесения с определенной территорией, которая подразумевает границы.

В-пятых, территория и границы – основы основ существования современного национального государства, являющегося ведущей формы государственности с XVIII в. и до наших дней. При этом роль территории и границ для гражданских наций не менее значима, чем для этнонаций, ибо территория с четко фиксированными границами является важнейшим, если не единственным конституирующим фактором гражданской нации, в то время как для этнонации таковыми признаками выступают язык, особенности культуры и др.

Все эти особенности могут по-разному трактоваться различными объяснительными моделями в этнической конфликтологии применительно к конфликтам в приграничье.

Согласно «примордиалистской» точке зрения, конфликты между этническими группами, разделенными государственными или административными границами, обусловлены исторически сложившимися факторами, и территориальные претензии и проблемы являются типичными для межэтнического взаимодействия. Наиболее часто встречающимися в такой ситуации являются требования ирредентизма и энозиса. Границы между этническими группами как территориально организованными социальными субъектами имеют объективный характер, и в силу этой объективности – при их несовпадении с административными границами (что случается весьма часто) – выступают мощным конфликтогенным фактором.

Становление подходов к изучению межэтнического конфликта...

В соответствии с конструктивистской объяснительной моделью, границы являются одним из инструментов конструирования социальной реальности и могут выступить в качестве фактора консолидации этнической общности в условиях роста этносоциальной напряженности. В таких условиях границы обретают повышенную социоконституирующую значимость, которую не имели в более спокойные и стабильные периоды. Таким образом, феномены территориальности и пограничности, хотя и имеют определенную объективную основу, обретают конструирующую значимость при определенных обстоятельствах, востребующих их.

И, наконец, инструменталистская модель рассматривает приграничные проблемы как целенаправленно созданные для достижения узкой группой этнических и/или политических элит утилитарных политических целей, имеющих мало общего с той сферой жизни, которую принято описывать в этнических категориях (принцип «разделяй и властвуй»). Определенные различия, хотя и не всегда уловимые, между конструктивизмом и инструментализмом заключаются в том, что конструктивизм все же допускает объективный, исторически сложившийся характер этнических (и шире – этнокультурных) границ, что и может быть использовано в политических целях, тогда как инструментализм настаивает на первичности политических целей по отношению к этнокультурным границам, вплоть до отрицания объективности последних (концепция этнокультурного континуума).

Среди имеющих в научной литературе концепций этнокультурных границ наибольшим признанием пользуется концепция норвежского исследователя Ф. Барта, предложенная еще в 1960-е годы. Факт такого «долгожительства» теоретической парадигмы в обществоведении сам по себе является феноменом, ибо бурное развитие этнической конфликтологии (начиная с 1960-х гг.) обусловило смену теоретических парадигм каждые 10-12 лет. Согласно взглядам Барта, границы являются единственным реальным критерием этничности, в то время как все остальные критерии, в первую очередь культурные – не столь очевидны и являются результатом интерпретаций²⁰.

Работа Барта вышла в свет, когда еще не было явного и общепринятого деления на примордиализм, конструктивизм и инструментализм в этнологии и этноконфликтологии. Говоря современной терминологией, взгляды Барта можно классифицировать как конструктивистские: некоторые из признаков этничности (в данном случае – границы) являются реальными, а другие – результатом интерпретаций. Более «жесткий» инструментализм объявляет все признаки результатами интерпретаций.

Раздел I. Подходы и методы

Анализ этнополитической ситуации в приграничье требует обозначения и оценки эвристической ценности небезызвестной концепции столкновения цивилизаций²¹. Популярность этой концепции имеет волнообразный характер, ее валидность в оценках различных авторов варьирует от принятия в качестве основной объяснительной модели современных как глобальных, так и региональных процессов, до отрицания содержательности самого подхода вообще. Также различными являются и наименования тех цивилизаций, между которыми складывается конфликт в современном мире – между цивилизациями Севера и Юга, христианской и исламской, атлантической и средиземноморской, морской и сухопутной и т.д.

Концепт конфликта цивилизаций плохо укладывается в конструктивистские и инструменталистские подходы к изучению этнических конфликтов, ориентированных на более «приземленное» видение ситуации. Сама идея конфликта цивилизаций предполагает определенную долю «примордиализма» в построении этнической картины мира и представляет собой вариант популярного в 1960 – 1970-е гг. так называемого «расового объяснения истории». Так, один из наиболее известных исследователей расовых проблем британский ученый-психолог Х. Айзенк утверждал: «Не будет преувеличением сказать, что среди проблем, с которыми столкнется человечество, проблема расы – наиболее сложная и зловещая. Если мы не сможем решить ее, причем желательно в короткие сроки, она угрожает вовлечь нас в борьбу – как внутригосударственную, так и в международную, которая заставит предыдущие войны и потрясения выглядеть как забавы»²².

В современном общественном знании уже практически никто не мыслит сугубо расовыми категориями, а идея расового конфликта как основного глобального конфликта будущего преобразовалась в концепцию конфликта цивилизаций.

При возможном различном отношении к этой концепции, необходимо отметить, что она вполне вписывается в распространенную в недавнем прошлом в науке концепцию этнического конфликта как конфликта культур. Небезынтересно отметить, что в современной зарубежной библиографии (например, в каталоге Библиотеки Конгресса США) этнический конфликт проходит под рубрикой «культурный конфликт», хотя содержание исследований последнего десятилетия по этнической конфликтологии гораздо больше соответствует рубрике «политический конфликт».

Однако, независимо от того, насколько содержательной мы признаем концепцию конфликта цивилизаций как глобальную модель, для анализа этнических проблем и конфликтов в приграничье они имеет определенную эвристическую ценность. Действи-

Становление подходов к изучению межнационального конфликта...

тельно, не представляет большого труда обнаружить, что ареалы взаимодействия различных культурно-цивилизационных систем представляют собой очаги повышенной этнической конфликтности, причем это справедливо не только для ареалов взаимодействия глобальных культур и цивилизаций, но и ответвлений в рамках одной культурной системы. Вот как представляет «культурную географию» Европы сотрудник Французского центра научных исследований К. Помиан: граница между западом и востоком проходит, по его мнению, «с севера, где разделяет Финляндию и балтийские государства и Россию, пересекает Белоруссию, отделяет Польшу от Украины, разделяет Румынию, оставляя Трансильванию по западную сторону, потом доходит до Югославии и проходит между Хорватией, с одной стороны, и Сербией и Боснией-Герцеговиной – с другой»²³. Нетрудно заметить, что цивилизационный разлом в Европе в концепции К. Помиана определяется по конфессиональному признаку. Однако важно то, что линия этого раскола представляла и представляет собой зону повышенной этноконфликтной напряженности.

Эвристическая ценность концепции конфликта цивилизаций для нашего анализа заключается в том, что акцентируется внимание на устойчивых, пространственно организованных культурных различиях, имеющих значение для динамики этноконфликтного процесса. Эти различия – в примордиалистской трактовке – могут сами служить основанием для возникновения этнической напряженности и конфликтов. В парадигме конструктивизма они могут выступать в качестве одного из важнейших факторов, конструирующих политизированную этническую в условиях роста социальной напряженности. Согласно взглядам инструменталистов, эти различия могут эффективно использоваться этническими антрепренерами для нагнетания этнической напряженности.

Таким образом, концепция конфликта цивилизаций в «снятом виде» присутствует во всех основных моделях анализа этнического конфликта, весьма охотно эта идея используется и в российских исследованиях. Словосочетания «цивилизационные разломы», «дуга напряженности», «этноконтактные зоны» и т.д. перестали быть научными метафорами, вошли в категориальный аппарат российских этнополитических исследований, политический лексикон и российское политическое мышление в целом. Идея конфликта цивилизаций, несколько утратившая свою привлекательность к концу последнего десятилетия XX века, после серии террористических актов по всему миру в начале 2000-х обрела второе дыхание и успешно конкурирует в современном политическом мышлении с идеологией глобализма и геополитической парадигмой.

Раздел I. Подходы и методы

И все же современные этнополитические конфликты в приграничье в значительной степени стали результатом не столько культурных и цивилизационных разломов, сколько следствием особенностей исторического развития последних двух столетий, в первую очередь результатом нациестроительства (в Западной Европе – с XVIII века, в Восточной Европе, России и государствах бывшего СССР – в основном в XX веке). В восточноевропейском мире в основу нациестроительства на обломках крупнейших империй, распавшихся после Первой мировой войны (Российской, Австро-Венгерской, Османской), был положен этнический принцип – «одна культура – одно государство» (или, по крайней мере, одно административно-территориальное образование), во многом сложившийся в общественном мнении под влиянием взглядов австрийской социал-демократии начала прошлого столетия. Принцип национального самоопределения, возникший в эпоху Французской буржуазной революции как принцип гражданского самоопределения по отношению к общественному строю, трансформировался в восточноевропейском мире под влиянием господствовавшей в этой культуре этнической (германской) трактовки нации в принцип этнонационального самоопределения вплоть до отделения этнонации (подразумевается, территории) от большого полиэтничного государства (в тех условиях – империи) и создания собственного национального, то есть этнонационального государства.

Эта теоретическая конструкция была воспринята большевиками, что вполне объяснимо с учетом того влияния, которое на русскую культуру XIX в. оказала классическая немецкая философская мысль (именно немецкие философы Гердер и Гегель выработали общую концепцию этнонации, хотя, разумеется, сформулировали с помощью иной, свойственной началу XIX века терминологии). Право наций на самоопределение вряд ли рассматривалось идеологами большевизма как долгосрочная перспектива, скорее это был инструмент классовой мобилизации жителей окраин империй на борьбу за свержение монархий. Грядущая всемирная пролетарская республика должна была уничтожить все границы между народами и обеспечить путь к безнациональному будущему человечества.

После окончания Первой мировой войны и распада полиэтничных континентальных империй именно этническая концепция нации стала основой национально-государственного строительства в послевоенной Европе, этот же принцип был положен в основу национально-государственного строительства в бывшем СССР. Первый шаг в национально-государственном строительстве – территориальное размежевание по этнонациональному признаку. Поскольку в большинстве случаев (особенно на постимперских территориях)

Становление подходов к изучению межэтнического конфликта...

невозможно четко определить этнические ареалы, постольку изначально сам процесс национально-территориального размежевания предполагал возникновение *этнических меньшинств, проживающих в рамках исторически сложившегося этнического ареала*, следовательно, закладывались основы для будущих территориальных претензий, требований этнозиса, а в случае распада крупных этнофедеральных систем – межгосударственных территориальных споров и конфликтов.

Нереализуемость в чистом виде принципа этнического федерализма обнаружилась в эпоху нациестроительства в бывшем СССР относительно быстро. Неслучайно в межвоенный период, то есть в эпоху, когда задачи нациестроительства были в основном решены на общегосударственном уровне, было осуществлено бесчисленное количество корректировок как «горизонтальной» (территориальной), так и «вертикальной» (статусной) структуры бывшего СССР, которые продолжались вплоть до его распада. Только на Северном Кавказе за советский период было осуществлено свыше сорока национально-территориальных переделов, в ходе которых создавались, упразднялись, объединялись, разъединялись отдельные национально-территориальные и национально-государственные образования, менялись границы и статус этих образований. В условиях существовавшей в советском обществе политической системы территориальный аспект этих изменений был менее значим, чем статусный – союзная республика, вхождение национально-территориального образования в состав края (автономные области) или в состав союзной республики (АССР). Хотя вопросы об административной принадлежности той или иной территории периодически возникали, они не имели сколь-нибудь значимого конфликтного развития. Любой вопрос о территориях и границах подлежал подавлению и осуждению как проявление местничества, автаркии и национализма.

Нациестроительство советского периода имело как положительные, так и деструктивные результаты, причем в большинстве случаев эти результаты амбивалентны. Основными этнополитическими итогами этого процесса стало формирование этнонаций и сопутствующего им феномена титульности (с отождествлением этничности и территориальности), а также внутренних этнических меньшинств, разделенных и «негосударственных» народов.

Конфликтогенный потенциал созданной конструкции стал быстро обнаруживаться в условиях кризиса советской государственности, начиная со второй половины 1980-х годов. Но особенно значимым он стал после распада СССР, когда, во-первых, многие внутренние, административные границы стали межгосударственными, и, во-вторых, национально-территориальные автономии повы-

Раздел I. Подходы и методы

силы свой статус до уровня государственности. Вопрос о границах национально-территориальных образований, их совпадении с границами этнических ареалов, не игравший существенной роли в условиях бывшего СССР, стал одним из ключевых политических вопросов постсоветского периода, причем на самых разных уровнях. Значимость пограничного вопроса в постсоветское десятилетие тем более значима с учетом того, что процесс нациестроительства на территории бывшего СССР не закончился. Распад СССР и предшествующая ему активизация форм национальной жизни стимулировали поиски новой национальной идентичности для постсоветских общностей, в которой границы как выступают в качестве одного из важнейших наiekонституирующих признаков. Вопрос о границах в постсоветском мире – это не просто вопрос о территориальной целостности, но и вопрос о национальной идентичности. Некоторые из новых независимых государств предприняли попытку перейти на путь нациестроительства по типу гражданской нации (например, Украина, Казахстан), но неудачи на этом пути очевидны.

Представляется, что вопрос о границах будет одним из наиболее важных на постсоветском пространстве в ближайшее время, а его динамика во многом определит климат отношений между новыми независимыми государствами и этнополитическую стабильность/нестабильность внутри них. При этом представляется целесообразным в качестве методологии анализа этнополитической проблематики опираться на тезис А.В. Дмитриева, который, рассматривая причины этнотерриториальных конфликтов, отмечает: «Обсуждение проблем границ в России, так же как и в различных частях земного шара, оставляет в стороне макропричины многих этнических конфликтов»²⁴.

Приграничные проблемы – один из важных, но далеко не единственный фактор этнополитической динамики в современном обществе. Как справедливо отмечают Л.И. Никовская и Е.И. Степанов, «Еважный ориентир, обеспечивающий адекватное и эффективное этноконфликтологическое исследование, – учет того обстоятельства, что конфликтные ситуации в современных межнациональных отношениях формируются комплексом взаимодействующих между собой кризисных факторов – экономических, политико-правовых, идеологических, социокультурных»²⁵.

Примечания

¹ Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. Berkley, 1985. P. 13.

² Greenfeld L. Nationalism: Five Roads to Modernity. Cambridge, 1993. P. 491.

³ Horowitz D. Op. cit. P. 21.

Становление подходов к изучению межэтнического конфликта...

- ⁴ LeVine R., Campbell D. *Ethnocentrism: Theories of Conflict, Ethnic Attitudes, and Group Behavior*. New York & London, 1972.
- ⁵ См.: Ross M., Rothman J. *The Conflict, Management Implications of Major Theories of Ethnic Conflict*. Kandi (Sri Lanka), 1996. P. 1.
- ⁶ Op. cit. P.10.
- ⁷ Op. cit. P.10-11.
- ⁸ Op. cit. P. 18-20.
- ⁹ Op. cit. P. 21-28.
- ¹⁰ *The International Spread of Ethnic Conflict* / D.A. Lake, D. Rothchild (eds.). Princeton, 1998. P. 5-6.
- ¹¹ Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. *Этносоциология: пособие для вузов*. М., 1998. С. 32.
- ¹² Carment D., James P. *Ethnic Conflict at the International Level // Wars in the Midst of Peace: The International Politics of Ethnic Conflict*. Pittsburg, 1997. P. 16.
- ¹³ См.: Ausenda G. *Current Issues in the Study of Ethnicity. Ethnic Conflict and Humanitarian Intervention, and Questions for Future Research // War and Ethnicity: Global Connections and Local Violence* / D. Turton (ed.). San Marino, 1997. P. 219.
- ¹⁴ Smith A.D. *Ethnic Identity and Territorial Nationalism // Thinking Theoretically about Soviet Nationalities: History and Comparison in the Study of the USSR* / A.J. Motyl (ed.). New York, 1992. P. 47-48.
- ¹⁵ Marshall M.G. *Systems at Risk: Violence, Diffusion, and Disintegration in the Middle East // Wars in the Midst of Peace: The International Politics of Ethnic Conflict*. P. 83.
- ¹⁶ Davis D., Jagers K., Moore W. *Ethnicity, Minorities and International Conflict // Wars in the Midst of Peace: The International Politics of Ethnic Conflict*. P. 148-149.
- ¹⁷ Forbes H.D. *Ethnic Conflict: Commerce, Culture and the Conflict Hypothesis*. New Haven, Connecticut, and London, 1997. P. 169.
- ¹⁸ Kriesberg L. *Constructive Conflicts: From Escalation to Resolution*. New York, 1998. P. 48.
- ¹⁹ Ross M., Rothman J. Op. cit. P. 26.
- ²⁰ *Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Cultural Difference* / F. Barth (ed.). Oslo – London, 1969. P. 15.
- ²¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // *Полис*. 1994. № 6. С. 33-48.
- ²² Eysenck H.J. *The IQ Argument*. London, 1970. P. 2.
- ²³ Цит. по: Pfaff W. *The Wrath of Nations*. New York, 1993. P. 86.
- ²⁴ Дмитриев А.В. *Этнический конфликт: теория и практика*. М., 1998. С. 21; Дмитриев А.В. *Конфликтология: Учебное пособие*. М., 2000. С. 167-170.
- ²⁵ *Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования)* / Под ред. Е.И. Степанова. М., 1999. С. 221.

Глава 4. Методика оценки конфликтного потенциала межнациональных отношений в приграничье (на примере Краснодарского края)

Актуальность проблемы этнического конфликта остается в России очень высокой. При этом она относится к наиболее «запущенным» в методологическом отношении научным темам. Именно для этноконфликтологии характерен наибольший разброс мнений по поводу основных понятий, например, понятия этнического конфликта и его производных, таких, как конфликтный потенциал и напряженность межнациональных отношений. Данная проблема не является чисто академической, поскольку от понимания этнического конфликта зависит его интерпретация практиками – сотрудниками правоохранительных органов, журналистами. В связи с этим мы считаем нужным определить свое понимание этнического конфликта и нескольких производных понятий.

Под **этническим конфликтом** мы будем понимать разновидность социального конфликта, в котором хотя бы одна сторона определяет себя как этническую общность. Впервые этот подход в отечественной науке заявил В.А. Тишков: «Под ним (этническим конфликтом. – М.С.) мы имеем в виду организованные политические действия, общественные движения, массовые беспорядки, сепаратистские выступления и даже гражданские войны, в которых противостояние проходит по линии этнической общности»¹. Данный взгляд радикально отличен от подхода, широко распространенного в правоохранительных органах региона, которые считают этническим конфликтом только те конфликтные ситуации, в которых враждебные действия изначально планировались как этнически ориентированные (то есть выбор объекта враждебных действий осуществлялся по признаку его этнической принадлежности). В англо-американской науке и практике такие события называют преступлениями на почве ненависти. Слабой стороной «милицейского» подхода к пониманию этнического конфликта является то, что он не объясняет механизмы развития таких конфликтов, которые могут начаться с драки молодежи на дискотеке и закончиться широкомасштабными погромами.

Для отнесения ситуации к категории конфликта необходимо, по нашему мнению, чтобы происходящие события нанесли измеримый ущерб участникам этих событий. В случае, когда ущерб не нанесен, можно говорить только о различных уровнях напряженности межнациональных отношений.

Методика оценки конфликтного потенциала...

Под **конфликтным потенциалом** мы понимаем возможность возникновения и развития этнического конфликта на какой-либо территории. Конфликтный потенциал составляет довольно сложная система элементов, в которой главную роль играют не объективные условия (например, уровень экономического развития), а феномены общественного сознания. Конфликтный потенциал показывает, насколько быстро растет уровень напряженности и насколько легко она переходит в конфликт. На территориях с различным конфликтным потенциалом одно и то же событие приводит к различным последствиям. Оценка конфликтного потенциала является важнейшим элементом прогноза будущих конфликтов.

На уровне обыденного сознания все фиксируют наличие напряженности межэтнических отношений на Юге России (территориальные границы – Южный федеральный округ), особенно на Северном Кавказе высок. Также есть понимание, что конфликтный потенциал региона значителен. Поставим три главных вопроса. Каким образом этот потенциал оценивался? Какие основные результаты получены? Какое влияние эти результаты оказали на социальную практику?

По авторитетному мнению Е.И. Степанова, «методы исследования напряжений и конфликтов должны быть, прежде всего, ориентированы на фиксацию проявлений конфликтности на уровне сознания и на выяснение параметров включенности в напряженные, конфликтные взаимодействия. Выяснение параметров включенности в напряженные, конфликтные взаимодействия предполагает:

1. Сбор и анализ статистических данных о происшедших конфликтах.
2. Контент-анализ материалов СМИ.
3. Наблюдение за поведением участников конфликтов.
4. Уточнение, нюансировку экспертных оценок конфликтов в рамках фокус-группового метода.
5. Конфликтологическую переработку имеющейся социологической информации, вторичный анализ эмпирических данных.
6. Конфликтологическое картографирование»².

Особенно часто для оценки конфликтного потенциала использовался наиболее традиционный для отечественной социологии метод – **массовый социологический опрос** в форме анкетирования или интервью. Большая часть подобных опросов имела локальный характер и проводилась на территории одного субъекта Федерации. Наиболее масштабным исключением из этого правила стал опрос 4500 человек, проведенный в 1995 г. с нашим участием на территории 10 субъектов РФ в ходе проекта «Чеченский кризис в массовом сознании населения Северного Кавказа». Многие последую-

Раздел I. Подходы и методы

щие исследования основывались на его методической базе, что рационально, поскольку позволяет оценить динамику социальных процессов.

Массовые опросы дают широкий охват эмпирического материала, но не обеспечивают глубину полученной информации по наиболее важным вопросам исследования. Есть такие аспекты напряженности, которые чрезвычайно трудно выразить на языке статистики, например, связанные с мотивацией. Поэтому в 2001 г. Южным региональным ресурсным центром в рамках исследования «Юг России – регион национального согласия и мира» был проведен опрос 1000 респондентов на территории 4 субъектов Федерации, дополненный серией из 8 фокус-групповых исследований в двух городах – Краснодаре и Майкопе. Такое сочетание массового опроса и фокус-групп дало возможность изучить конфликтный потенциал на значительной территории и в то же время рассмотреть такие важные аспекты конфликтного потенциала, как причины тревожности и мотивацию представителей различных этнических и социальных общностей.

Важным методом исследования конфликтного потенциала является **анализ текстов**, причем наибольшую важность имеет анализ текстов органов власти и материалов средств массовой информации. Так, в 2002 г. было осуществлено исследование более 300 публикаций краевых газет по темам «межэтнические отношения» и «миграция» за период 1989-2002 годов. Основной сделанный вывод – система публикаций в краевых СМИ способствует усилению негативных стереотипов этнических «чужаков». При этом интолерантность журналистов является скорее привычкой, возникшей на основе многолетнего одностороннего взаимодействия власти и СМИ, чем личной установкой многих журналистов³.

Сделаны пробы описания поведения людей в конфликтных ситуациях, в частности, И.В. Батыковым и М.В. Саввой на примере погромов в Северском районе Краснодарского края декабря 2002 года. События, происходящие в течение последнего года в Краснодарском крае, демонстрируют значительный рост организованности радикальных группировок, которые организуют нападения (в том числе и массовые) на людей, принадлежащих к другим этносам. Имеются в виду нападения, которые заранее планировались и заведомо осуществлялись как преступления «на почве ненависти». Их следует отделять от конфликтов, которые начинались как бытовые и лишь позднее приобретали в общественном мнении «этническую окраску», как, например, получивший благодаря СМИ широкую известность конфликт в поселке Ахтырском Абинского района 25 апреля 2003 года⁴. Накопленный материал о таких

Методика оценки конфликтного потенциала...

событиях должен анализироваться в прогностических целях, поскольку налицо новые тенденции в действиях радикальных группировок на Кубани.

Описание одного из таких спланированных погромов сделано его очевидцем, студентом отделения социологии Кубанского государственного университета:

«Данное событие произошло в середине декабря 2002 года. В поселке Афином Северского района Краснодарского края, за железнодорожным переездом, находится магазин и бильярдная – место, часто посещаемое армянами и греками. Туда приблизительно в 18 часов вечера подъехал автобус “ПАЗ” с тонированными стеклами. Единственным незатемненным стеклом было лобовое. Сквозь него было видно, что автобус заполнен людьми, то есть все места были заняты. Внешний вид пассажиров автобуса был однотипным: коротко остриженные волосы, черные куртки, поверх которых надеты ярко-оранжевые жакеты (как у дорожных рабочих), на рукавах – красные повязки. Все были одеты в черные джинсы и ботинки армейского образца. Несколько минут они сидели молча, затем встал один человек и, оживленно жестикулируя, начал что-то рассказывать. Длилось это не более 5 минут, после чего он раздал всем газетные свертки. Еще через минуту все вышли из автобуса и построились за фронтальной стеной магазина. Лидер группы (тот, который раздавал газетные свертки) еще что-то сказал, после чего все развернули красные ленты на рукавах. Ленты оказались красными повязками с черной свастики в белом круге (до этого повязки были сложены вдвое). Свастика была нацистской, без каких-либо дополнительных элементов. Побросав газеты, которые прикрывали железные прутья, они бросились бить машины и стоящих возле бильярдной людей с криками: “Бей черных!”. Подвергшиеся нападению люди, а среди них были армяне, греки, русские, бросились в разные стороны. Некоторые успели сесть в автомобили и уехать, двое получили сильные травмы и остались лежать на земле (позже они были отправлены в больницу). Примерно через 15 минут многие жертвы избиения вернулись в автомобилях с «подкреплением» из числа местных жителей, но нападавших на месте событий уже не было.

Через два дня в различных местах пос. Афинского на стенах появились надписи следующего содержания: “Россия для русских”, “Черным прописка на Марсе” и т.д., а также листовки».

После этого, буквально на следующий день, по той же схеме подвергся нападению районный центр – станица Северская, и еще через два дня в станице появились националистические надписи.

Раздел I. Подходы и методы

Нападение произошло вечером (около 20 часов), основным местом действия стал парк станицы Северской. Рядом с парком находятся кафе «Березка», а непосредственно на его территории – кафе «Молодежное». События изложены со слов очевидца:

«В это время обычно парк наполняется подвыпившей молодежью из разных кафе, баров, дискотек. Из кафе “Березка” вышла большая группа представителей армянского этноса (очевидец всех представителей неславянских этносов здесь и далее называет армянами) и направилась к парку. Вслед за ними к парку подъехал автобус «ПАЗ». Из него вышли молодые люди, коротко подстриженные, в оранжевых куртках с красными повязками на руке. На несколько минут задержавшись возле автобуса, они ровной стеной ринулись в парк. Оттуда стали доноситься крики и шум драки. Один армянин с окровавленным лицом пробежал мимо меня в кафе “Молодежное”. Распахнув дверь кафе, он что-то громко крикнул на своем языке, после чего из кафе выбежало человек десять. Все они побежали в темноту парка. От кафе “Березка” также бежало большое количество людей. В парке парни в оранжевых куртках, размахивая железными предметами, били ими по оказывающим серьезное сопротивление, армянам, которые ломали лавочки, деревья, вырывали прутья из ограждения, то есть вооружались чем могли. За спинами парней в оранжевых куртках я увидел человека, который не принимал активного участия в драке, а только постоянно озирался по сторонам, как будто высматривая что-то или кого-то. Оглядевшись, я увидел стекающий к месту потасовки народ. В то же время тот человек за спинами «оранжевых курток» издал какой-то звук, очень похожий на милицейский свисток, но другого звучания, после чего “оранжевые куртки”, действуя очень организованно, отступили к автобусу. Быстро погрузившись в него, они на большой скорости уехали в сторону трассы. В том, что представителям меньшинств удалось противостоять погромщикам, определенную роль сыграли близкие по времени события в п. Афином, так как после них армяне стали ходить большими группами и имели с собой кастеты. Также, видимо, они были информированы о силе и возможностях налетчиков, поэтому вели себя в драке организованно и осторожно».

Погромы, сведения о которых здесь приведены, не получили освещения в прессе. Публикаций не было ни в районных, ни в краевых газетах. Печатные издания национальных организаций края также не получали информации об указанных событиях. Более того, не были возбуждены уголовные дела в связи с отсутствием заявлений в милицию.

Методика оценки конфликтного потенциала...

Погромы в пос. Афипском и ст. Северской показательны с точки зрения роста уровня организации погромщиков: наличие специальной униформы, позволяющей отличить «своих» в массовой драке (ярко-оранжевые куртки); наличие транспорта; элементы маскировки (завернутые в газету железные прутья, свернутые вдвое повязки); инструктаж руководителя перед началом активных действий; построение в специальный порядок непосредственно перед нападением; высокий уровень физической подготовки погромщиков; специальный звуковой сигнал к окончанию драки; быстрое организованное отступление.

Обращает на себя внимание точное соответствие нарукавных повязок погромщиков нацистским образцам, без каких-либо отступлений. Это позволяет предположить либо появление в Краснодарском крае новой радикальной организации, либо выделение уже действующей структурой в своем составе специального подразделения с особой символикой.

То, что описанные погромы события осуществлены как преступления «на почве ненависти», не вызывает сомнений. Однако это не закрывает вопрос о полном наборе причин этих событий. Так, по мнению авторов, не исключена экономическая подоплека. Подобными методами могут действовать лица, стремящиеся к переделу собственности, особенно к контролю над теми торговыми структурами, которые в настоящее время принадлежат представителям этнических меньшинств.

Предпринимаются первые попытки **конфликтологического картографирования**. В журнале Краснодарского края «Люди года» (2003, № 6) был опубликован первый вариант краевой карты этнических конфликтов за 1989-2002 годы. Она была подготовлена на основании описаний конфликтных ситуаций в прессе, как правило, в краевых газетах. Безусловно, такая эмпирическая база не является полной – ряд конфликтных ситуаций не был освещен печатными СМИ. Необходимо дополнение базы данных карты этнических конфликтов информацией из других источников. Среди них – документы органов местного самоуправления, все районные и городские газеты на территории Краснодарского края. К сожалению, практически отсутствует такой источник картографирования этнических конфликтов, как материалы органов внутренних дел, что связано с особенностями хранения интересующих ученых документов.

Применение в ходе оценки конфликтного потенциала регионе в рамках одного исследовательского подхода нескольких методов повышает качество оценки. К сожалению, мне не известны исследования в регионе, где бы в рамках единой методики использовалось более 2-3 методов анализа конфликтного потенциала.

Раздел I. Подходы и методы

Полученные за несколько лет результаты позволили сформулировать несколько выводов по поводу факторов конфликтного потенциала межэтнических отношений нашего региона.

1. Высокий уровень этнической мозаичности населения. Он в сотни раз выше, чем в областях центральной России (значение индекса этнической мозаичности по региону – не менее 0,3 по сравнению с 0,003 в центрально-российских субъектах Федерации). Индекс этнической мозаичности показывает, насколько часто люди, принадлежащие к разным этносам, общаются друг с другом. Представители различных национальностей живут в нашем регионе на одной территории, вступая в контакты, в том числе в ситуации конкуренции за рабочие места или ресурсы.

2. Внешняя миграция на территорию южного региона. Значительная часть всех мигрантов, поселившихся в России (как вынужденных, так и экономических), выбрала в качестве места пребывания Ставропольский и Краснодарский края, Ростовскую область. Необходимо особо отметить, что этническая структура миграционного потока примерно соответствует национальным пропорциям населения региона. Так, по данным Краснодарского краевого комитета государственной статистики, среди прибывших в 2002 г. в Краснодарский край русские составили 80,7%, армяне – 5,9%, украинцы – 5,8%, татары и белорусы – по 0,8%⁵. По состоянию на 1 января 2002 г. русские составляли около 85% населения края, армяне – 4,9%⁶. В то же время именно миграция привела с 1989 г. к формированию в регионе достаточно крупных диаспор народов, которые ранее здесь были представлены всего десятками или сотнями людей (турки-месхетинцы, курды). Существенные различия в культуре (в том числе и в системе ценностей), структуре накопления и потребления новых мигрантов и местного старожильского населения приводят к возникновению напряженности. Известны случаи капсулирования мигрантских диаспор, когда группа переселенцев замыкается в себе, воспринимая старожильское население как враждебное. В случае капсулирования нормальное взаимодействие между мигрантами и старожилами нарушается, опасность внезапного (на первый взгляд) конфликта с применением насилия резко возрастает. Такое положение дел нарушает безопасность как мигрантов, так и местного населения. В современной науке даже возник и активно используется такой термин, как «мигрантофобия»⁷. Необходимо отметить, что за 10 лет миграционный прирост по региону значительно снизился (в Краснодарском крае с 1992 по 2002 г – в 10 раз). Несмотря на такую динамику, внешняя миграция до настоящего времени рассматривается в качестве главного конфликтогенного фактора как об-

Методика оценки конфликтного потенциала...

публичным мнением в результате управления им средствами массовой информации, так и самими органами государственной власти и местного самоуправления.

3. Внутрорегиональная миграция. В самом регионе идут интенсивные миграционные процессы. Так, продолжается отток русского населения из республик Северного Кавказа. Те же русские, которые остались в местах прежнего проживания, испытывают сильное давление как объективных обстоятельств (потеря работы в результате разрушения промышленности), так и местных национал-радикалов. В то же время в последние месяцы усилился приток выходцев из трудоизбыточного горного Центрального Кавказа и Дагестана в Краснодарский край. Мигранты другой национальности вызывают настороженность местного населения, которая резко возрастает в случае прибытия больших групп иноэтничных переселенцев. Превышение 10-процентного порога численности мигрантов от всего количества населения станицы, хутора, города считается в современной науке опасным пределом, после которого отношение к мигрантам становится враждебным. Ученые фиксируют закономерность: «Пример других государств показывает, что стоит доле иноэтничных мигрантов вырасти до 10%, как чуть ли не автоматически начинается всплеск фобий. В середине 1990-х гг. численность иммигрантского населения достигла во Франции 10-процентного барьера – и на президентских выборах Ж.-М. Ле Пен, который видит в иноэтничном населении «угрозу существования Франции» и предлагает «очистить страну от мигрантов», получил 15% голосов. Сходная ситуация характерна для многих из тех стран, куда с 1960-х гг. направлялись интенсивные потоки гастрайбайтеров и переселенцев»⁸. Подчеркнем, что традиционный запретительный подход к регулированию внутрорегионального миграционного потока субъектами Федерации «русского Кавказа» существенно затруднен, поскольку экономические мигранты из трудоизбыточных горных районов Кавказа являются гражданами России. Это ставит в повестку дня разработку новой стратегии управления миграционными потоками в регионе.

4. Своеобразие процессов модернизации. Социально-экономическое развитие, освоение новых технологий и, соответственно, изменения в нормах и морали в нашем регионе не сбалансированы в разных сферах жизни и у разных народов. «Западная» свобода поведения уже налицо, особенно среди молодежи, а сдерживающее влияние старших значительно ослаблено. Можно уверенно говорить о разрушении традиционных механизмов социального контроля. В то же время традиционное представление о «чужих» как врагах и о возможности аморального поведения в отношении «чу-

Раздел I. Подходы и методы

жаков» другой национальности еще очень живуче. Это повысило уровень конфликтности молодежи горских народов. Возникла ситуация, когда значительная часть населения региона, не успев освободиться от проблем прошлого, стала заложником проблем современного мира. У народов, создававших то, что мы сегодня называем западной цивилизацией, протяженная по времени социальная модернизация была сбалансированной: появление нового сопровождалось отмиранием старого. Народы Северного Кавказа получили большинство достижений модернизированного технологического общества в готовом виде, и стремительность процесса перехода сохранила архаичные нормы поведения и традиции.

5. Большое влияние на общество традиционных институтов. Такие структуры, как советы родов (тейпов, тукхумов и т.д.), старейшины, религиозные братства (тарикаты) действуют на основании норм права эпохи «военной демократии», то есть более чем тысячелетней давности. Можно уверенно говорить о том, что нарушения прав человека в регионе, совершаемые традиционными социальными институтами, сопоставимы по своим масштабам с нарушениями, ответственность за которые ложится на государство. Подобная система права исходит из неполноправности всех «чужаков», то есть представителей других народов. Обычной практикой для шариатских (исламских) судов Ичкерии периода независимости были приговоры, по которым жертва изнасилования (русская) приговаривалась к сорока палочным ударам «за нарушение нравственности», а насильник – к тысяче рублей штрафа.

6. Негативная историческая память. Войны между кавказскими народами, предания о Кавказской войне 1818–1864 годов, относительно свежие воспоминания о депортациях народов служат психологическим оправданием агрессии. В последние годы в результате псевдонаучных или литературно-художественных спекуляций в общественном сознании «освежаются» отрицательные представления об этнических соседях уже тысячелетней давности. Один из героев «шпионского» романа Д. Ле Карре, ингуш, дает характеристику осетинам: «А как же нам не ненавидеть осетин! Они не из наших мест! Они не нашей крови! Они – персы, объявившие себя христианами, но тайно почитающие языческих богов!»⁹. Исследователь А. Кудрявцев пишет: «Еречь идет о регионе, где история не только объективно (как ткань причинно-следственных связей), но и субъективно – в силу чрезвычайно развитой у северокавказских народов исторической памяти – оказывает заметное инерционное воздействие на современные события»¹⁰.

7. Активизация религиозного фундаментализма. Именно на юге России находятся главные центры салафизма (ваххабизма) –

Методика оценки конфликтного потенциала...

политизированной формы ислама, которая используется в своих целях лидерами национальных радикалов. Религиозная и национальная идеи выполняют различные функции в ходе войны против страны. Национальная идея предназначена для объединения «своих» в интересах национальной элиты, решившей расширить свое влияние и возможности. Исламский фундаментализм обеспечивает поддержку радикальным национальным движениям со стороны других национальных групп в России и за рубежом.

8. Внешнее воздействие со стороны ряда государств Ближнего Востока. Целый ряд соседей России не заинтересован в стабильности в южнороссийском регионе, что объясняется либо «нефтяными» интересами (попытками воспрепятствовать планам прокладки нефтепровода через территорию России для транспортировки каспийской нефти), либо стремлением влиять на «зону своих жизненных интересов». В условиях современной России самый простой способ нарушить стабильность в регионе – поддержка радикальных национальных и сепаратистских движений. Своеобразной формой такого воздействия является содействие консервации на Юге России родственных диаспор.

9. Отсутствие развитого гражданского общества и традиций партнерских отношений между властью и общественными объединениями. Консервативность населения региона проявляется в том числе в консервативности депутатов и чиновников. «Третий сектор», который может сыграть важную роль особенно на этапе предотвращения конфликта и постконфликтного урегулирования, слабо включен в совместную с властью миротворческую деятельность. В субъектах Федерации консультативные органы из руководителей национально-культурных объединений при органах власти либо фактически бездействуют (Этнический совет при губернаторе Ставропольского края), либо вообще не созданы. В то же время количество радикальных этнически ориентированных общественных организаций в регионе велико, а степень их готовности к участию в конфликтах – выше среднероссийской.

Каков конфликтный потенциал межэтнических отношений? Возникает методическая проблема показателя этого потенциала. Другими словами, что именно измерять, чтобы в итоге измерить конфликтный потенциал, который является сложной системой? Если говорить о массовых исследованиях, то адекватным результирующим показателем конфликтного потенциала межэтнических отношений можно считать распределение ответов на вопрос: «Оцените состояние межнациональных отношений» на определенной территории. Обычно используется распределение ответов по балльной шкале. В 1995 г. 54% всех опрошенных в ходе иссле-

Раздел I. Подходы и методы

дования «Чеченский кризис в массовом сознании населения Северного Кавказа» на территории Краснодарского края признали состояние межнациональных отношений негативным, то в 2001 г. в ходе исследования «Юг России – регион национального согласия и мира» уже 64% кубанцев предпочли такой ответ. Таким образом, за 6 лет значительно возросло количество жителей края, которые отрицательно оценивают состояние межнациональных отношений на Кубани.

В чем причина такого роста? Ведь, по сути, мало что изменилось. Как и шесть лет назад, в Чечне шла война, а в самом крае периодически возникали конфликтные ситуации между местным населением и мигрантами-неславянами. Возможно, в 1995 г. люди больше надеялись на то, что все эти проблемы разрешатся. Сегодня эта надежда меньше, а уровень тревожности – выше. Фактором роста стали также звучавшие на протяжении нескольких лет резкие до безответственности заявления некоторых должностных лиц прежней краевой администрации и лично губернатора Н.И. Кондратенко, некорректные публикации в краевых и районных СМИ по вопросам межэтнических отношений.

Структура конфликтного потенциала региона может быть уточнена другими вопросами массовых обследований, например, вопросом о необходимых методах предотвращения межэтнических конфликтов. Исследование, проведенное Южно-российским региональным центром в 2001 г. в Краснодарском и Ставропольском краях, Ростовской области, Республике Адыгея, выявило следующие распределения ответов на вопрос о способах решения проблем межнациональных отношений: «целенаправленно бороться с преступными группировками, организованными по национальному признаку» – 23,9%, «создавать для представителей всех народов равные условия жизни» – 21,8%, «не допускать экономического превосходства одних народов над другими» – 16,0%, «ограничивать миграцию» (въезд на территорию региона для постоянного проживания) – 15,2%¹¹.

Главные проблемы межэтнических взаимодействий в регионе находятся в сфере общественного сознания. Представление о состоянии межэтнических отношений существенно мифологизировано, показателем чего являются результаты сравнения негативных оценок этих отношений на трех уровнях: населенного пункта, где живет человек, края и России в целом. Исследования показали: кубанцы считают, что наиболее тревожна ситуация в России в целом (86,1% выбрали отрицательные оценки), гораздо более терпима – в Краснодарском крае (63,5% отрицательных оценок) и еще более хороша – в населенном пункте, где живет человек (48,4% отрица-

Методика оценки конфликтного потенциала...

тельных оценок). Таким образом, «чем дальше от нас, тем хуже там состояние межнациональных отношений».

Ряд исследователей в настоящее время делает вывод о снижении конфликтного потенциала региона: «Непредвзятый анализ тенденций, характеризующих развитие межнациональных отношений на Юге России, позволяет сделать вывод о существенном снижении их конфликтогенного потенциала. В настоящее время в регионе нет открытых этнических конфликтов, которые сотрясали Северный Кавказ в начале 90-х годов. Этому способствовали общее улучшение социально-экономической ситуации, укрепление государства»¹². Однако снижение частоты случаев конфликтов само по себе не свидетельствует о снижении конфликтного потенциала, тем более в условиях роста репрессивных возможностей государства.

Высокий уровень конфликтности межэтнических отношений в регионе определяет тот вывод, что в снижении этого потенциала акцент необходимо сделать на работу с общественным сознанием. В общественном мнении и в структурах власти существует устойчивое и, к сожалению, утопичное представление о том, что высокий уровень напряженности межэтнических отношений – результат низкого уровня жизни, и данная проблема будет снята по достижению экономической устойчивости на приемлемом для населения уровне.

В настоящее время конфликтный потенциал региона дифференцируется. Причины и формы проявления напряженности и конфликтов становятся все более локальными и уникальными, что ставит вопрос о новых методиках их изучения.

Растет уровень организованности, подготовленности и оснащенности радикальных этнических организаций. Об этом говорят, например, описания двух этнических погромов, происшедших в конце прошлого года в Северском районе Краснодарского края.

В регионе отсутствует система как государственного, так и любого другого мониторинга конфликтного потенциала межэтнических отношений. Практика государственного управления не учитывает динамики конфликтного потенциала и изменения его структуры. В то же время тенденция дифференциации конфликтного потенциала предполагает уплотнение сети его мониторинга.

Примечания

¹ *Тишков В.А.* Этнический конфликт в контексте обществоведческих теорий // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 2. Ч. 1. М., 1992. С. 30-31.

Раздел I. Подходы и методы

- ² *Степанов Е.И.* Управленческие аспекты региональной конфликтологии в России // Конфликты на Северном Кавказе и пути их разрешения. Ростов-на-Дону, 2003. С. 27.
- ³ *Савва М.В., Савва Е.В.* Пресса, власть и этнический конфликт (взаимосвязь на примере Краснодарского края). Краснодар, 2002. С. 77.
- ⁴ *Турьялай С.* Тайный погром. В Краснодарском крае юные нацисты жестоко избили турок-мехетинцев // Известия. 2003. 16 мая.
- ⁵ Статистические характеристики миграционной ситуации в Краснодарском крае // Правовые аспекты миграции. Методическое пособие. Краснодар: ККОО «Общее дело», 2003. С. 58.
- ⁶ Национальный состав жителей Краснодарского края // СМИ и межэтнические отношения в Краснодарском крае. Краснодар: Гильдия журналистов и специалистов PR, 2003. С. 42.
- ⁷ *Витковская Г.С.* Вынужденная миграция и мигрантофобия в России // Нетерпимость в России. Старые и новые фобии. М., 1999. С. 151-191.
- ⁸ Миграция и безопасность в России. М.: Московский Центр Карнеги, 2000. С. 161.
- ⁹ *Ле Карре Дж.* Наша игра. М., 1997. С. 274.
- ¹⁰ *Кудрявцев А.* Чеченцы в восстаниях и войнах 18-19 веков // Вестник Евразии. 1996. № 1. С. 95.
- ¹¹ Результаты социологического исследования состояния межэтнических отношений в регионе // Межнациональные отношения и становление гражданского общества на Юге России. Краснодар: КРОО «Южный региональный ресурсный центр», 2002. С. 23.
- ¹² *Слепцов Н.С., Гаташов В.В.* Этноконфликтогенный потенциал Юга России: тенденции эволюции и меры по снижению уровня этнополитической напряженности // Конфликты на Северном Кавказе и пути их разрешения.

РАЗДЕЛ II. ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ПОЛИЭТИЧНОСТИ В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ

Глава 1. Этнодемографические процессы и типология конфликтов на Северном Кавказе. Основные тенденции и факторы миграции

Появление новых государственных границ России совпало с кардинальными этнополитическими и социально-экономическими изменениями в странах бывшего СССР, что в свою очередь существенно трансформировало масштабы и структуру миграционных процессов в стране в целом и приграничных регионах в частности. Геополитические изменения привели к формированию двух достаточно устойчивых миграционных тенденций в регионе, фиксируемых в настоящее время.

С одной стороны, Северный Кавказ как приграничная территория принимает на себя или пропускает через свою территорию различные категории и этнические группы иммигрантов из сопредельных стран СНГ и государств дальнего зарубежья. При этом регион можно сравнить со своеобразным миграционным «фильтром», который абсорбирует на себя значительную часть внешних мигрантов. С другой стороны, в пределах самого Северного Кавказа на протяжении последнего десятилетия отмечаются активные миграционные «переливы» собственного населения.

Отдельные субъекты федерации стали центрами притяжения и концентрации внутрироссийских мигрантов (Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская область), а иные территории – главными источниками «выброса» мигрантов (Чеченская Республика, Республика Ингушетия, Республика Дагестан). Рассматривая географическое распределение мигрантов в регионе, обнаруживаем, что половина прямого и обратного миграционного потока приходится на перемещения внутри самого Северного Кавказа. Во многих субъектах федерации отмечается аналогичная ситуация – здесь преобладают внутрирегиональные перемещения населения, либо перемещения между соседними регионами. Единственным исключением из этого правила является Северная Осетия, где примерно 45% прибывших мигрантов происходят из-за рубежа России (прежде всего из Грузии). Минимальная доля прибывших мигрантов из-за рубежа в Ингушетии – 0,5%.

Учитывая, что масштабы внутренних миграционных перемещений на порядок больше внешних миграций позволим себе согласиться с мнением относительно того, что «Северный Кавказ в определенной степени замкнутый миграционный регион, поскольку ос-

Этнодемографические процессы и типология конфликтов...

новые миграционные потоки, возникающие в нем, здесь же и абсорбируются»¹. Однако обратим внимание на то обстоятельство, что «замкнутость» эта весьма условна. Миграционную ситуацию в приграничных регионах Северного Кавказа в 1990-е гг. определяли несколько групп факторов. Причем следует отметить, что каждая из этих групп факторов зачастую носит одновременно выталкивающий характер для одних регионов и притягивающий характер для других территорий.

Во-первых, **факторы этнополитического характера**, как-то военные действия, межнациональные конфликты и столкновения, рост национализма и преступности. Хотя постепенно их роль и снижается, но все-таки они продолжают оказывать существенное влияние на миграционную обстановку во многих регионах. Крупнейшими конфликтами постсоветской эпохи можно назвать события в Баку и Сумгаите, столкновения в Ферганской долине Узбекистана, гражданские войны и конфликты в Молдове (Приднестровье), Средней Азии (Таджикистане, Казахстане, Узбекистане) и на Кавказе (абхазско-грузинский, южно-осетинско-грузинский, ингушко-осетинский), военные действия в Чеченской республике.

Закономерным, но не желательным результатом воздействия таких факторов можно назвать массовые потоки вынужденных мигрантов, которые покинули места своего прежнего проживания, потеряли жилье, нажитое имущество, родных и близких, социальные связи. Во многом именно этими обстоятельствами вызваны этнические «чистые» миграционные потоки, которые существенно «выхолащивают» этническую структуру населения во многих территориях Северного Кавказа. Ярким проявлением этого стал отток русских из стран СНГ и национальных республик. Остается достаточно мощным потенциал этнической миграции русских из многих стран СНГ и Балтии, где происходит фактическое ущемление прав русскоязычного населения и его искусственное «выдавливание» из престижных сфер государственного управления и экономики. По данным специалистов Министерства федерации, в странах СНГ и Балтии (кроме России) проживает около 20 млн. русскоязычного населения.

По приблизительным оценкам, около 4 млн. человек собираются выехать в ближайшей перспективе в Россию². Наиболее интенсивный приток мигрантов следует ожидать из Средней Азии, на долю которой приходится около 50% общей численности внешних мигрантов страны. В настоящее время из-за относительной стабилизации обстановки в регионе и усложнения процедуры получения российского гражданства этот этнический поток пока несколько приостановился. Однако с полной уверенностью можно прогнозировать, что любое обострение ситуации в Центральной Азии может

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

стимулировать подобную миграцию, значительная часть которой придется в том числе и на Северный Кавказ.

Во-вторых, **факторы социально-экономического характера**, которые имеют как положительную, так и отрицательную подоплеку. В частности, с одной стороны, мы наблюдаем достаточно интенсивный миграционный отток из экономически депрессивных регионов Северного Кавказа, где в условиях трансформации экономики прекратили свое существование или практически «свернулись» отдельные отрасли промышленности и сельского хозяйства. С другой стороны, стабилизация социально-экономической ситуации и даже экономический рост в некоторых территориях активно привлекают как внутренних, так и внешних мигрантов.

В-третьих, **факторы исторического и этнического порядка**, лежащие в основе процесса репатриации ранее депортированных народов, многие из которых ранее начали и до сих пор продолжают возвращаться на свою историческую родину. Наличие родственно-этнических связей также является причиной для возвратной миграции представителей ряда народов на этническую родину, но иногда острота проблем подобного рода усугубляется результатами многочисленных плановых переселений советского времени. К данному фактору можно отнести и проблемы «разделенных» административными и государственными границами народов, что также вносит свой вклад в формирование миграционных потоков в регионе. Кроме того, довольно часто предшествующие миграционные волны становятся «магнитом», который притягивает новые миграционные потоки мигрантов, а образовавшиеся ранее этнические общины становятся своеобразными «ядрами» расселения представителей этой этнической группы на территории «нового» освоения.

В-четвертых, **геополитический фактор**. Прежде всего – это наличие у многих субъектов федерации на Северном Кавказе внешней границы со странами Закавказья, водной границы по Каспию со странами Средней Азии и Ираном, а также непосредственная близость к зонам вооруженных конфликтов (Чеченская Республика и т.д.). По мнению отдельных исследователей, «особой чертой геополитического положения Северного Кавказа является его принадлежность к зоне постоянного стратегического интереса Турции»³. Подобное расположение вызывает новые миграционные потоки, связанные с распространением влияния этих стран на политическую обстановку в регионе. Наиболее ярким примером является нелегальная миграция чеченских боевиков через российско-грузинскую границу. Кроме того, Северный Кавказ расположен относительно недалеко от стран Азии, традиционно дающих большое количество вынужденных и транзитных иммигрантов (Афгани-

Этнодемографические процессы и типология конфликтов...

стан, Индия, Пакистан, Шри-Ланка). Специфика этого фактора проявляется в формировании как внешних миграционных потоков из сопредельных стран, так и потоков вынужденных мигрантов из различных регионов.

В-пятых, **природно-географический фактор** проявляется в том, что многие регионы Северного Кавказа имеют благоприятные климатические условия, морские побережья, курортные зоны. Все это позволяет развиваться многим отраслям экономики, в которых находят применение мигранты – сельское хозяйство, сфера курортного обслуживания, общественное питание, обеспечивающие достаточно стабильный заработок. Вполне закономерно, что при выборе мигрантом места жительства благоприятные климатические условия служат иногда решающим фактором.

В-шестых, **экологические факторы**. Так, масштабное землетрясение в Армении в 1988 г. дало Северному Кавказу, по сути, первых вынужденных мигрантов. Кроме того, иногда неблагоприятные климатических условий (наступление песков, деградация почв) и различные природные бедствия (наводнения) приводят к необходимости переселения людей из некоторых районов. Подобные факты имели место на Ставрополье, Краснодарском крае, Дагестане.

Масштабы и внутренняя дифференциация миграционной картины

Поверхностный взгляд на статистические показатели, что миграционная подвижность населения в 1990-е гг. в изучаемом регионе снижается. Тем не менее миграционные потоки стали «выпуклым» социально-экономическим явлением из-за кардинального изменения своей этнической и социальной структуры, прежде всего по причине появления масштабной вынужденной и нелегальной миграции. Эти качественные изменения миграционных потоков наглядно проявились на приграничных регионах Северного Кавказа.

Как свидетельствуют цифры официальной статистики, миграционная активность населения в России за 1994-2003 гг. сократилась более чем в 12 раз, в пределах Северного Кавказа – примерно в 5,5 раз. Несмотря на то, что многие виды миграционного передвижения населения (например, коммерческие и трудовые поездки) не находят отражения в официальной статистике, тем не менее это заставляет признать, что социально-экономические и политические преобразования последних десятилетий оказали существенное влияние на снижение миграционной активности населения в стране и регионе.

Это опровергает миф, достаточно широко распространенный не только в регионе, но и в стране, о резком увеличении потока ми-

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

грантов. Например, региональная пресса сообщает, что «Ставрополье и Краснодарский край – два региона, которые приняли на себя самые тяжелые удары волны массовой миграции... более 600 тыс. человек переселились в Ставропольский край за последние десять лет. Для региона с коренным населением в 2,5 млн. человек это стало тяжелым испытанием»⁴.

Однако при этом почему-то не сообщается, что параллельно с этим Ставропольский край покинули не менее 497 тыс. человек! Следовательно, миграционный прирост за указанный период составил всего 103 тыс. человек – именно столько мигрантов «осело» в регионе. Следует также заметить, что из цифр прибытия мигрантов примерно половина приходится на внутрикраевые перемещения населения, третья часть – миграция из других регионов России, и лишь не более 15% прибывших мигрантов приходится на выходцев из стран СНГ и дальнего зарубежья.

Оказывается, что никакого увеличения миграции не наблюдалось. Все происходит с точностью наоборот: миграция в России и на Северном Кавказе стабильно сокращается, причем это касается как внутренних, так и внешних миграционных потоков. Более того, подобная динамика свойственна практически всем регионам, включая традиционно самые привлекательные регионы – Краснодарский край, Ставрополье, Ростовскую область.

Неодинаковая степень привлекательности регионов в пределах Северного Кавказа приводит к различной результативности миграционных процессов. На протяжении 1990-х гг. основная «стягивающая» роль была характерна преимущественно для равнинных территорий Северного Кавказа, особенно Краснодарского и Ставропольского краев, куда «стекались» миграционные потоки из стран Закавказья и Чеченской Республики.

В регионах горной части Северного Кавказа миграционная картина совершенно иная – из многих национальных республик происходил активный отток населения. Хотя столь однозначное деление весьма условно и порой зависело от конкретных событий в соседних регионах. Например, высокий положительный показатель миграционного прироста в 1994 г. в Дагестане и Ингушетии был связан с этнополитическими событиями в Чеченской Республике и массовым исходом оттуда вынужденных мигрантов.

В настоящее время на территории Северного Кавказа можно выделить три основные зоны по результативности и тенденциям миграционных процессов.

Первая зона – **территории стабильного миграционного притока населения**. «Костяк» этой зоны составляют традиционные миграционные реципиенты – Ставропольский край, Краснодарский

Этнодемографические процессы и типология конфликтов...

края, Ростовская область, Северная Осетия и Адыгея. По нашим оценкам, «чистый» миграционный приток сюда за период с 1994 по 2003 гг. составил около 700 тыс. человек. Однако следует учитывать, что сама по себе эта зона также весьма неоднородна (точнее, была неоднородна). К примеру, если в 1994 г. в Краснодарском крае абсолютный миграционный прирост составлял около 92 тыс. человек, то в Адыгее – всего 3,4 тыс. человек. Разница почти в 27 раз весьма ощутима! Постепенно эта «дистанция» сократилась, и в 2001 г. Краснодарский край опережал Адыгею всего в 14 раз.

Главной причиной этого процесса стало сокращение миграционного прироста в равнинных регионах Северного Кавказа. Буквально на наших глазах (с 1994 по 2003 гг.) «растаял» «айсберг» миграционного прироста на Ставрополье (с 41,4 тыс. до 4,8 тыс. человек), в Краснодарском крае (с 91,6 тыс. до 12,2 тыс. человек), Ростовской области (с 54,8 тыс. до -1,2 тыс. человек). В то же самое время Северную Осетию и Адыгею, входящих в эту зону подобные изменения коснулись в меньшей степени. Более того, в 1999-2000 гг. в Северной Осетии показатели миграционного прироста выросли до уровня начала 1990-х – на первый взгляд небывалый случай для региона! Однако главная причина – вынужденная миграция из Чеченской Республики после начала контртеррористической операции. Необходимо признать, что сокращение показателей миграционного прироста населения в регионах, входящих ныне в эту зону скорее всего продолжится в ближайшем будущем.

Вторая зона – **территории устойчивого миграционного оттока населения**, которую составляют Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия и Чеченская Республика. Начиная с 1995 г. в двух первых регионах обозначилась и незначительно нарастает тенденция миграционной убыли населения. За период с 1995 по 2003 гг. регионы суммарно потеряли около 25,0 тыс. человек. В настоящее время миграционная убыль населения из данных республик стабилизировалась на отметке около 2,0-2,5 тыс. человек.

В пределах зоны своеобразной «воронкой» миграционной депрессии стала Чеченская Республика, охваченная на протяжении последних лет военными действиями. Согласно данным официальной статистики (которая зачастую достаточно противоречива), можно говорить о перманентном миграционном оттоке населения вплоть до последнего времени. По информации Российского комитета государственной статистики, в Чечне впервые в 2001 г. был зафиксирован положительный миграционный прирост постоянного населения, что свидетельствует об активизации процесса возвращения в республику вынужденных мигрантов. Согласно данным того же источника, в 2000 г. для наличного населения Чечни уже

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

было характерно положительное сальдо миграции, в то же самое время для постоянного населения отмечалась миграционная убыль. По нашей примерной оценке, территорию республики только за 1994-2000 гг. покинули 480-550 тыс. человек.

В особую зону следует выделить **регионы с переменной динамикой миграции**. Среди них две республики – Ингушетия и Дагестан, где на миграционную обстановку существенно влияет ситуация в соседней Чечне. В частности, разброс показателей миграционного прироста в Дагестане имел в буквальном смысле хаотический характер во времени и колебался с 80,3 тыс. в 1994 г. до 4,5 тыс. человек в 2000 году, наконец, по итогам 2003 г. миграционная убыль составила – 5,2 тыс. человек.

В 1999 и 2001 гг. в Ингушетии, по данным Российского комитета государственной статистики, был отмечен отрицательный показатель миграционного прироста постоянного населения. Предварительные сведения регионального комитета по статистике Ингушетии свидетельствуют, что и в 1993, 1995 и 1996 гг. наблюдался миграционный отток из республики. Противоречивость сведений по миграции в Ингушетии объясняется высокой миграционной конвергенцией населения из-за наличия значительного числа вынужденных мигрантов из Чечни, которые используют республику в качестве «транзитной» территории. Это подтверждают показатели коэффициента миграционного прироста постоянного населения, который в республике один из самых высоких на Северном Кавказе. Абсолютный рекорд относится к 1994 и 2000 годам, когда на четверых жителей республики приходился один мигрант!

Следует иметь в виду, что также статистика не фиксирует миграцию, которая не сопровождается официальной регистрацией по месту жительства. Причем это касается как внутренних, так и внешних мигрантов. В условиях споров о необходимости системы регистрации мигрантов внутри России, термин «нелегальная» скорее применим к внешней миграции. По примерным оценкам, на территории Северного Кавказа концентрируется до 300 тыс. нелегальных мигрантов.

Этнические миграции и этнодемографические процессы

Важное место с точки зрения оценки социально-демографических последствий миграции имеет этническая структура миграционного потока. При этом очевидно, что этническую структуру следует рассматривать в тесной связи с географией происхождения мигрантов.

В территориальной структуре миграционных потоков на Северном Кавказе преобладают внутрирегиональные и межрегиональные перемещения в пределах России, а внешняя миграция яв-

Этнодемографические процессы и типология конфликтов...

ляется на этом фоне весьма незначительной. Из территорий России крупнейшими миграционными донорами Северного Кавказа в настоящее время выступают Центральный и Приволжский федеральные округа, на которые приходится соответственно около 5% и 4% всех прибывших российских мигрантов. Среди внутрироссийских миграционных потоков, направленных в округ более ? приходится на мигрантов, сменивших место жительства внутри него, основу этого потока формируют мигранты из этого же округа, что лишний раз подтверждает гипотезу о миграционной замкнутости региона.

Структуру внешней миграции необходимо рассматривать отдельно для иммиграции и эмиграции, поскольку данные миграционные потоки имеют кардинальное отличие, вызванное различными территориями происхождения и выезда мигрантов, а также мотивацией совершения миграции. В территориальной структуре иммигрантов в округе явно доминируют выходцы из стран СНГ – на них приходится более 98% всего внешнего миграционного притока. Главными миграционными донорами Северного Кавказа являются два сопредельных государства – Украина и Грузия. Кроме того, к числу крупных поставщиков мигрантов можно отнести страны расположенные относительно недалеко от России, где к тому же проживают крупные диаспоры российских народов – Армения, Казахстан, Узбекистан. Миграционные потоки в регионы Северного Кавказа формируют в большинстве своем сопредельные страны СНГ. Например, заметны такие устойчивые территориальные «симбиозы» в миграционных обменах, связанные именно с приграничным положением: Ростовская область – Украина, Дагестан – Азербайджан, Северная Осетия – Грузия, Кабардино-Балкария – Грузия и Краснодарский край – Грузия.

Кроме того, немаловажен этнический и исторический факторы в формировании территориальных взаимосвязей в миграционных потоках. Например, в Ингушетии и Кабардино-Балкарии весомую долю составляет миграция из Казахстана – это в основном возвратная миграция ранее депортированных народов. В Ставропольском крае основу внешней миграции составляют выходцы из Армении и Грузии, которые ориентированы преимущественно на крупные общины, ранее расселившиеся здесь. Согласно данным Роскомстата, на долю стран «дальнего» зарубежья приходится всего около 2% иммигрантов в регионе, что позволяет назвать это миграционным «ручейком» на фоне других более масштабных миграционных потоков. В структуре этого миграционного «ручейка» также произошли определенные изменения. Так, в начале 1990-х гг. в нем доминировали иммигранты из развивающихся стран Азии и Африки, например, из Китая и Афганистана.

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

В настоящее время в связи с ужесточением миграционного режима в отношении «третьих» стран в потоке стали преобладать возвращающиеся мигранты (репатрианты) из развитых стран – США, Германии и Израиля, которые выехали туда на «гребне» эмиграционной волны 1990-х годов, но не смогли адаптироваться. Отдельные народы имеют диаспоры за рубежом или находятся за пределами своей этнической родины, для них характерна этническая репатриация (например, греки, адыги, немцы). Кроме того, возвратной миграции в Адыгею способствовала поддержка властями республики адыгских (черкесских) репатриантов. В 1998-1999 гг. из югославского края Косово в Адыгею возвратилось 174 человека, или 38 семей⁵. По нашим расчетам это составило около 7% от общего количество прибывших внешних мигрантов за указанный период.

По этнической структуре миграции внутри Северного Кавказа прослеживается достаточно четкое деление на «национальные» республики и «русские» регионы. Для первых (за исключением Адыгеи) характерен устойчивый миграционный отток русского населения, а также приток представителей «титulyных» национальностей и некоторых этнических групп, в основном проживающих за пределами России (осетин, аварцев, даргинцев, лакцев, адыгейцев, месхетинских турок и пр.). Это сказалось на изменении этнической структуры населения этих регионов в сторону сокращения славянского населения и увеличения доли других народов.

Миграции последнего десятилетия сильно повлияли на численность и особенности расселения русских на Северном Кавказе. В 1990-е годы, как пишут многие ученые и журналисты, а также свидетельствуют представители властных структур, и в настоящее время «происходит не просто сокращение, а фактически – исход русского населения из республик Северного Кавказа»⁶.

Немаловажно, что миграционный отток славянского населения, в том числе и русских из республик Северного Кавказа, начал проявляться гораздо раньше (примерно с середины 1970-х гг.). Миграция русских из северокавказских республик – это не столько проблема сегодняшнего дня, сколько продолжение достаточно долгосрочной тенденции. По мнению Г. Денисовой, «коренное русское (казачье) население (чьи деды и прадеды пришли на Северный Кавказ в XVII-XVIII вв.) было “вычищено” в 1920-е гг. – в период раскулачивания и расказачивания. В послевоенное время (1950-е гг.) – время индустриализации, в республики стали активно прибывать русские – в основном городские жители. В итоге русский город фактически “навис” над отсутствием русского села. Неслучайно, среди русских мигрантов из северокавказских республик преобладает некоренное кавказское население, которое не укоренилось здесь

Этнодемографические процессы и типология конфликтов...

родственными, семейными связями и наиболее подвержено влиянию конфликтогенных факторов»⁷.

По данным переписей населения советского времени можно также констатировать сокращение численности русского населения в республиках Северного Кавказа. В 1959 г. доля русских в численности населения республик и автономных областей региона составляла 38,9%, в 1979 г. – сократилась уже до 29,3%, а в 1989 г. – 25,6%⁸. В начале 1990-х гг. миграционный отток славян приобрел ярко выраженную доминантную составляющую в этнической структуре миграционных потоков. Причиной тому стал целый комплекс причин, в том числе обострение межнациональных отношений, рост национализма и бандитизма, начало военных действий, сложная социально-экономическая ситуация в отдельных регионах. Надо признать, что «русское население уходит с Северного Кавказа не только потому, что его специально выдавливают, а потому, что ослабляется вертикаль власти, которая оказалась в большей степени завязанной на экономических интересах, где нет места русским»⁹.

По примерным оценкам, приведенным В. Казанцевым, «всего за последнее десятилетие присутствие русских в национальных республиках Северного Кавказа сократилось более чем на 1 млн. человек»¹⁰. Выступая в Ростове-на-Дону на одном из совещаний, он сообщил уже иную цифру за тот же период: «за последние десять лет более 1,2 млн. человек, считающих русский язык родным, покинули Северный Кавказ»¹¹. Более реалистична оценка Л. Хоперской: сокращение численности славянского населения в северокавказских республиках с 1989 по 2001 г. достигло 800 тыс. человек¹². Хотя следует иметь в виду, что все приведенные оценки даны только в отношении обратного потока, то есть они не учитывают миграционный приток русских в республики, который также происходил параллельно с оттоком. Поэтому более правомерно и корректно рассматривать сальдо миграции. Для русских в республиках Северного Кавказа оно было в основном отрицательным. К началу 1999 г. численность русского населения сократилась по сравнению с 1989-м на 342,5 тыс. человек, и в итоге доля русских в общей численности населения республик составила всего 19,0%¹³.

Главным образом в этом оказался «повинен» миграционный отток населения, составивший за период с 1989 по 1999 год более 293 тыс. человек, или 86% общей убыли населения. Хотя надо признать, что свою лепту внесла и естественная убыль населения, на которую пришлось около 14% сокращения численности русских. Подобная динамика этно-демографических процессов сказалась на существенном изменении этнической структуры населения национальных республик Северного Кавказа.

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

Таблица 1

Динамика численности славянского населения на Северном Кавказе

Регион	1970		1990		1994*	
	Тыс. человек	% населения региона	Тыс. человек	% населения региона	Тыс. человек	% населения региона
Краснодарский край	3.893,0	94,4	4.223,6	91,4	...	83,2
Ростовская область	3.677,6	96,0	4.061,1	94,6	...	...
Ставропольский край	1.819,9	92,8	2.101,6	87,2	...	...
Дагестан	215,6	15,3	174,0	9,7	...	8,2
Чечено-Ингушетия	381,9	35,9	309,0	24,3	...	0,3**
Кабардино-Балкария	230,5	39,2	255,6	33,9	...	33,8
Северная Осетия	213,0	38,6	201,0	31,8	...	30,7
Адыгея	289,8	75,0	310,1	71,8	...	64,9
Карачаево-Черкесия	168,6	48,9	183,6	44,2	...	40,6
Калмыкия	127,8	47,7	126,8	39,4	...	...

Примечание: * – данные включают только русское население;

** – данные по Ингушетии.

Интенсивный отток русских отмечается практически из всех национальных республик Северного Кавказа, за исключением республики Адыгеи. В Северной Осетии миграционный отток русских с 1989 по 1999 г. составил около 9 тыс. человек. Карачаево-Черкесия в миграционном обмене с другими регионами страны потеряла за период с 1990 по 1998 г. около 8 тыс. русских. С 1999 г. ежегодно республику покидает более 3 тыс. русских, которые преимущественно направляются в соседние Ставропольский и Краснодарский края. Согласно оценкам полномочного представителя президента в Южном федеральном округе, каждая третья русская семья желает выехать за пределы Карачаево-Черкесии¹⁴. Кабардино-Балкарию с 1989 по 1999 г. покинули 7,7 тыс. русских¹⁵. Дагестан с 1989 по 1999 г. покинуло около 34 тыс. русских, в основном жители городов (например, из Махачкалы выехали около 25 тыс. человек). В 1999 г. миграционная убыль русских составила около 3,8 тыс. человек. В итоге доля русских в населении республики сократилась с 9% до 6%. Среди горожан эти изменения еще более заметны – с 18% до 11%, а для населения Махачкалы они просто катастрофические – с 22% до 12%.

Наиболее масштабный исход славянского населения отмечался из Чеченской Республики – более 300-350 тыс. русских и других славянских народов покинули ее менее чем за десять лет! Подобных масштабов этнических миграций не знала новейшая история

Этнодемографические процессы и типология конфликтов...

России. По официальным данным, в 1992 г. в Чечне проживали 336 тыс. русских, к осени 1999 г. русских там оставалось немногим более 30 тыс. человек (т.е. их численность за период этот период сократилась более чем в десять раз). По данным на начало 2002 г. в республике оставалось только около 10-20 тыс. русских, в большинстве своем одиноких пенсионеров, не имеющих родственников и возможности выехать за пределы региона.

Менее масштабна, но не менее остра ситуация с оттоком русских в Ингушетии. Здесь в настоящее время (по данным переписи 2002 г.) осталось всего 5,6 тыс. русских из 24,6 тыс. человек, проживавших здесь в начале 1990-х годов. Только из одного Сунженского района (где в основном проживало русское население) за последнее десятилетие выехало более 18 тыс. человек. Отрицательное сальдо миграции русских с территории бывшей Чечено-Ингушетии с 1989 по 1999 г. составило только по официальным данным 257 тыс. человек¹⁶.

Хотя большая часть выезжающих из национальных республик русских предпочитает расселяться и обосновываться в близлежащих регионах (на Ставрополье, в Краснодарском крае и Ростовской области), надо признать, что перспективы их возвращения туда весьма призрачны. Подобная этническая миграция, скорее всего, носит безвозвратный характер, поскольку она была сопряжена со слишком большими материальными, физическими и моральными потерями населения. Многие люди в Чеченской Республике потеряли буквально все – родных, здоровье, имущество, жилье, работу. Из республик с относительно стабильной политической ситуацией русское население выезжало основательно – с сопутствующей продажей имущества и недвижимости, вывозом родителей и родственников. Очевидно, что государству потребуется предпринять существенные усилия для возвращения или привлечения русского населения в национальные республики Северного Кавказа.

Более оптимистично настроена Г. Денисова: при благоприятной политике – не столько патронирования русских (что было во времена империи), а при политике, направленной на восстановление тех сфер экономики, крупного сельского хозяйства, что свойственны технологически развитому русскому населению, оно опять окажется в северокавказских республиках. Согласно ее данным, примерно 55% русских в северокавказских республиках, говорят, что не хотят уезжать или не задумывались над этим, 45% – задумывались об отъезде, но им препятствуют отсутствие материальных ресурсов¹⁷. Реализация оптимистического сценария по возвращению русских в национальные республики возможна, прежде всего, при прозрачной и стабильной социально-экономической политике государства.

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

Во многом именно под воздействием миграции за последние двадцать лет удельный вес русских в общей численности населения «национальных» республик на Северном Кавказе сократился весьма значительно: с 29,3% (1979) до 19,0% (1999), а доля титульных народов выросла за тот же период времени с 60,4% до 70,6%. Следует признать, что подобная «этническая» чистота миграционных потоков имеет скорее негативные последствия: в результате усиливается этническая изоляция регионов, что может иметь при определенных обстоятельствах весьма неблагоприятные для страны геополитические и этнополитические последствия. Кроме того, столь масштабный и интенсивный миграционный отток русскоязычного населения из республик региона способен привести к свертыванию целых отраслей экономики и замедлению их социально-экономического развития.

Гораздо более серьезные изменения произошли в экономике республик параллельно с этно-демографическими процессами. Например, в Чеченской Республике оказалось практически парализовано жилищно-коммунальное хозяйство и промышленность, в Ингушетии стали отмечаться перебои с электроэнергией, в Дагестане пострадали энергетика и жилищно-коммунальное хозяйство. Отчасти причиной этого стал миграционный отток русских рабочих и специалистов, занимавших профессиональные «ниши» в этих сферах экономики¹⁸. Для наглядной иллюстрации приведем примеры изменения этнической структуры населения в некоторых национальных республиках Северного Кавказа.

В регионах Северного Кавказа с преобладанием русскоязычного населения наблюдается иная тенденция – здесь отмечается ак-

Таблица 2

Изменение этнической структуры населения Республики Дагестан в 1959-2002 годы (в %)

	1959	1970	1979	1989	1998	2002
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Аварцы	22,5	24,5	25,7	27,5	28,0	29,4
Даргинцы	14,0	14,5	15,2	15,6	16,3	16,5
Кумыки	11,4	11,8	12,4	12,9	12,9	14,2
Лезгины	10,2	11,4	11,6	11,3	12,2	13,1
Лакцы	5,0	5,1	5,1	5,1	4,9	5,4
Табасаранцы	3,2	3,7	4,4	4,3	4,6	4,3
Ногайцы	1,4	1,5	1,5	1,6	1,6	1,5
Рутульцы	0,6	0,8	0,9	0,8	0,8	0,9
Русские	20,1	14,7	11,6	9,2	6,5	4,7

Этнодемографические процессы и типология конфликтов...

Таблица 3

Изменение этнической структуры населения Республики Северная Осетия в 1959-2002 годы (в %)

	1959	1970	1979	1989	1999	2002
Всего	100,0	100,0	100,0	100,	100,0	100,0
Осетины	47,8	48,7	50,5	53,0	57,8	62,7
Русские	39,6	36,6	33,9	29,9	25,9	23,2
Ингуши	1,3	3,3	4,0	5,2	5,0	3,0
Армяне	2,7	2,4	2,2	2,2	2,2	2,4

тивный миграционный приток русских и представителей других этнических групп. В первую очередь речь идет о Ставропольском крае, Ростовской области, Краснодарском крае, Адыгее. Однако, несмотря на активный миграционный приток русских в эти регионы, удельный вес русского населения здесь сокращается. Причина подобного развития событий заключается в пониженных показателях воспроизводства населения.

Прежде всего, все четыре региона относятся к территориям с низкой детностью и рождаемостью. Первые рождения в этих районах составляют в Адыгее – около 52%, в Краснодарском крае – немногим более 57%, в Ставропольском крае – 55%, в Ростовской области – 60%. Суммарный коэффициент рождаемости в Ростовской области равен 1,24 ребенка на 1 женщину, в Краснодарском крае – 1,34, в Ставропольском крае – 1,37, в Адыгее – 1,41. Это ниже среднего показателя по Северному Кавказу – 1,56, однако несколько выше среднего по России – 1,25.

При этом в русскоязычных регионах Северного Кавказа наблюдается существенные диспропорции в показателях воспроизводства между этническими группами населения. Нашими исследованиями было установлено, что для многих народов в Ставропольском крае (армян, чеченцев, ногайцев, даргинцев, туркмен) характерны традиционные установки на многодетные семьи и высокую рождаемость. Например, если средняя рождаемость по Ставропольскому краю в 2000 г. составила 9,2 рождений на 1 тыс. жителей; среди русских она составила о – 7,7, украинцев – 4,9, греков – 6,5. В то же самое время среди кавказских народов рождаемость была существенно выше: у даргинцев – 29,9 рождений на 1 тыс. жителей, армян – 9,3, туркмен – 9,8, чеченцев – 10,7. В среднесрочной перспективе продолжится тенденция сокращения рождаемости среди русских и других славянских народов до 5-6 человек на 1 тыс. жителей. Среди кавказских народов рождаемость будет сохраняться примерно на прежнем уровне, или несколько расти из-за численно-

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

го увеличения диаспоры и, следовательно, роста абсолютного числа рождений: для даргинцев – выше 30-31 рождений на 1 тыс. жителей, армян – выше 10-11, чеченцев – 11-12, туркмен – 10-12.

Как следствие, депопуляция в этих регионах носит этнический характер и затрагивает в большей степени славянские этнические группы, а также татар, евреев, немцев. В Ставрополье за период с 1989 по 2000 г. численность русских в результате естественного движения сократилась на 64 тысячи человек, украинцев – на 7 тысяч, белорусов на 1,5 тысяч. Численность даргинцев в результате естественного прироста выросла примерно на 10 тысяч человек, армян – на 6 тысяч, чеченцев – на 2,5 тысячи, ногайцев – на 2 тысячи. В совокупности с миграцией это изменяет этнический состав населения Ставрополья. За последнее десятилетие численность армян выросла на 55%, осетин – 35%, лезгин – 29%, грузин – 27%, азербайджанцев – 24%, ногайцев – 18%, а русских – 8%. Аналогичные этнодемографические процессы происходят в Краснодарском крае и Ростовской области.

Таблица 4

Изменение этнической структуры населения Ставропольского края в 1959-2005 годы (в %)

	1959	1970	1979	1989	1999	2002	2005 (прогноз)
Всего	100,0	100,0	100,0	100,	100,0	100,0	100,0
Русские	85,4	83,4	81,4	86,5	82,9	81,6	81,9
Карачаевцы	3,7	4,5	4,5	4,8	4,9	0,6	Е
Армяне	1,4	1,3	1,6	3,0	4,1	5,5	4,5
Украинцы	...	...	2,3	2,6	2,6	1,7	2,5
Даргинцы	0,04	0,3	0,6	1,4	1,4	1,5	1,5
Греки	...	...	0,9	1,1	1,2	1,2	1,3
Ногайцы	0,9	1,0	1,0	0,7	0,7	0,8	0,8
Чеченцы	...	0,2	0,4	0,7	0,5	0,5	0,5

Таблица 5

Изменение этнической структуры населения Краснодарского края в 1959-2002 годы (в %)

	1959	1970	1979	1989	2001	2002
Всего	100,0	100,0	100,0	100,	100,0	100,0
Русские	89,4	88,3	87,7	85,1	86,9	86,6
Армяне	2,1	2,2	2,5	3,6	4,9	5,4
Адыгейцы	2,0	2,1	2,2	2,3	...	0,3

Типология и примеры конфликтов на Северном Кавказе

Изменение этнической структуры и социальной составляющих миграционных потоков выдвинула их в ряд мощных факторов конфликтности. На основе анализа прессы нами были классифицированы произошедшие в этот период многочисленные конфликты в местах компактного проживания мигрантов и разработана их типология. При этом мы отдавали себе отчет в том, что пресса представляет собой своеобразный источник информации и может подавать события не всегда корректно. В основе классификации лежат три критерия: отношение конфликтовавших сторон к миграционным потокам, этническим группам населения и субъектам конфликта.

1. «Горизонтальные» конфликты. Представляют собой противоречия, возникающие между отдельными социальными или национальными группами населения.

1.1. Конфликты между старожильческим населением и мигрантами. Этот тип конфликтов на протяжении 1990-х гг. являлся самым многочисленным и массовым на Северном Кавказе. Подобные конфликты были зафиксированы во многих районах и населенных пунктах, где в последнее десятилетие кардинально поменялся этнический состав населения. Обычно в таких конфликтах отмечалась достаточно активная позиция казачества, а власти разного уровня служили «буфером» между конфликтующими сторонами и всячески пытались сдерживать распространение конфликтов.

Case 1. Конфликты между представителями русских и чеченцев в Ставропольском крае и Ростовской области.

Периодически усиливались в периоды обострения ситуации в Чеченской Республике, или в периоды совершения крупных террористических актов экстремистами в различных регионах России, иногда конфликты возникают на бытовой почве.

После совершения террористического акта в Буденновске в июне 1995 г. с захватом заложников и массовыми убийствами населения группой боевиков под предводительством Ш. Басаева в Ставропольском крае начинается серия выступлений старожильского населения против чеченцев и «лиц кавказской национальности». Обстановка в регионе была накалена до предела и заявления некоторых «горячих голов» о необходимости «разобраться» с чеченцами нашли выход в некоторых районах.

Старожильческое население требовало выселения чеченцев и «лиц кавказских национальностей», проживающих без прописки в отдельных местах их компактного проживания в станице Филимоновской Изобильненского района, поселке Терском Буденновско-

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

го района, в Георгиевском районе¹⁹. Крупный митинг жителей состоялся в Новой Деревне Кочубеевского района, на котором звучало требование «депортировать всех чеченцев из России»²⁰. Была брошена граната в магазин, принадлежащий чеченцу в селе Чернолесском Новоселицкого района. Как сообщали СМИ, в Пятигорске на сходе казаков Кавказского линейного войска звучало: «Задерживаем чеченцев, даже из квартир достаем!»²¹.

Удерживать ситуацию под контролем властям было крайне сложно, но они смогли предотвратить погромы, избиения чеченцев и «лиц кавказской национальности». Значительная роль в стабилизации обстановки в то сложное время также принадлежит некоторым политикам, властям, лидерам диаспор, которые заявили о необходимости четкого разграничения понятий «чеченские террористы» и «чеченский народ».

Межэтнические конфликты между русскими и чеченцами были отмечены в нескольких районах Ростовской области. В марте 2001 г. в селе Богородицкое Песчанокопского района конфликт на праздничной дискотеке завершился побоищем между местными казаками и чеченцами. В нем участвовали около 70 человек, вооруженных металлическими прутьями, трубами, топорами. Тяжелые ранения получили 10 человек. Сход жителей постановил снять с занимаемой должности главу сельской администрации, выселить всех незарегистрированных чеченцев, начались массовые беспорядки – толпа кинулась крушить чеченские дома и машины. Станица была оцеплена специальными подразделениями милиции. В последующие дни по шестии восточным районам области прокатились стихийные волнения. Часть чеченцев покинула регион²².

В мае 2001 г. произошла драка между русской и кавказской молодежью в поселке Красноармейский Орловского района, в результате которой было ранено 16 русских, 3 чеченца и 1 аварец. Другой подобный конфликт произошел в августе 2002 г. в селе Киселевка Заветинского района²³. Здесь выяснение отношений между русским и чеченцем едва не переросло в крупномасштабную войну²⁴.

Case 2. Конфликты между представителями русских и армян в Краснодарском и Ставропольском краях.

Иногда региональные СМИ пытаются подать некоторые события, в которых так или иначе фигурируют армяне как межэтнический конфликт, что не всегда соответствует действительности. Контент-анализ региональной прессы практически не обнаружил конфликтов между армянским населением и иными этническими группами. Нужно признать, что напряженность в межэтнических отношениях между русскими и армянами также

Этнодемографические процессы и типология конфликтов...

постепенно снижается – пик конфликтов пришелся на середину 1990-х годов. Очевидно, это связано с тем, что мигранты-армяне успешно интегрировались в социально-экономическом и культурном отношении в новых местах проживания, в чем не последнюю роль сыграла близость религии и культуры.

Особенно сложные взаимоотношения мигрантов из числа этнических армян с представителями местного населения складываются в районах их компактного проживания в Краснодарском крае. У части местного населения вызывает неприятие активная предпринимательская деятельность представителей армянской общины. Ряд казачьих организаций выступает с требованиями ограничить въезд и регистрацию армян на территории края, ввести запрет на покупку ими домов, земельных участков и предприятий.

Массовые избиения армян происходили в сентябре 1992 г. в Анапе и Краснодарском аэропорту, в октябре 1992 г. Армавире, в ноябре 1992 г. в Тимашевске, в июне 1993 г. Анапе и Анапском районе²⁵, в марте 1994 г. в станице Елизаветинской Прикубанского района Краснодара²⁶. В июле-августе 1997 г. более двух тысяч жителей Кореновска Краснодарского края, собрались на митинг по инициативе казаков на главной площади города, на котором звучали требования о выселении армян²⁷. В августе 1997 г. была зафиксирована попытка армянского погрома в Славянске-на-Кубани²⁸. В 1999 г. в станице Раевской избиение казаками армянина, подозреваемого в изнасиловании русского ребенка²⁹. В ноябре 2001 г. произошел массовый погром на городском рынке Кореновска в отношении армянских торговцев (причина – происшедшее накануне убийство русского парня)³⁰.

Подобные конфликты были отмечены в Ставропольском крае. В 1994 г. из станицы Лысогогорской Георгиевского района была выселена армянская семья, со стороны казаков подверглись проверке паспортного режима несколько семей мигрантов, была повреждена машина армянина. В 1995 г. на митинге казаков в Георгиевске звучало требование выселить армян³¹.

Case 3. Конфликты между представителями местного населения и азербайджанской общины в Краснодарском крае.

В некоторых регионах Северного Кавказа происходили выступления местного населения против азербайджанцев. Во многих регионах мигранты из Азербайджана, благодаря своей активности и предприимчивости, смогли поставить под контроль торговлю фруктами и овощами на рынках и лотках. В феврале 1999 г. было отмечено выступление коренного населения против азербайджанцев в станице Новолакинской Краснодарского края.

*Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах***Case 4. Конфликты между представителями старожильческого населения и общины мекхетинских турок в Краснодарском крае, Ростовской области, Кабардино-Балкарии и Ставропольском крае.**

Большинство подобных конфликтов зафиксировано в Краснодарском крае. За время пребывания турок-мекхетинцев в регионе, зарегистрировано более 50 конфликтных ситуаций с их участием, чаще всего инициаторами которых выступали казаки. Организации казачества заявляют о невозможности совместного проживания местного населения с турками-мекхетинцами и требуют их скорейшего переселения в места исторического проживания. Со своей стороны, турки-мекхетинцы требуют себе постоянной регистрации по месту жительства и обвиняют органы государственной власти и казачество в ограничении их прав и свобод.

Перечислим наиболее крупные конфликты. В марте 1994 г. группа казаков организовала несанкционированную проверку паспортного режима на хуторах Свет и Школьный Варениковского сельского совета, в результате «рейда» было проверено 22 дома, а 6 человек получили телесные повреждения различной тяжести. В марте 1995 г. в станице Варениковской в ходе «рейда» местного милиционера и казаков были незаконно изъяты паспорта и свидетельства о рождении у 33 мекхетинских турок, за возвращение которых взимался штраф в размере 100 тыс. рублей. В июне 1995 г. в поселке Нижнебаксанский Крымского района несколько мекхетинских турок были оштрафованы на крупные суммы, «рейд» проводили казаки без сотрудников милиции. В июне 1995 г. в Абинске происходила несанкционированная «проверка» турецких и армянских домов³².

В июне 1995 г. в поселке Холмском Абинского района казаки с милицией провели рейд по проверке паспортного режима. В июне 1995 г. казаки вместе с милицией устроили проверку в турецких домах в Абинске. В ноябре 1995 г. на хуторе Армянском в Пригородном сельском совете Крымского района произошла массовая публичная порка мекхетинских турок, езидов и русских, телесным наказаниям подверглись 20 человек³³.

В августе 2000 г. после ссоры на религиозной почве произошли столкновения турок-мекхетинцев и греков в станице Нижнебаканской. В апреле 2001 г. в ответ на избиение русского старика на хуторе Новоукраинский казаки провели проверку регистрации у турок-мекхетинцев. В ноябре 2001 г. стихийный сход населения хуторов Баранцовка и Новопокровка Адагумского сельского округа поселка Школьный Краснодарского края протестовал против вызывающего поведения мекхетинских турок и езидов³⁴.

Этнодемографические процессы и типология конфликтов...

Проблема положения турок-мехетинцев именно в Краснодарском крае и возможной их репатриации постоянно находится в повестке дня российско-грузинских отношений. При вступлении в Совет Европы Грузия взяла на себя обязательство решить вопрос о возвращении этой группы мигрантов на этническую родину. Однако грузинская сторона затягивает выполнение взятых на себя обязательств, ссылаясь на экономические трудности и большое количество беженцев из зон конфликтов в Абхазии и Южной Осетии. В настоящее время диалог по проблеме репатриации турок-мехетинцев ведется в рамках российско-грузинской комиссии по вопросам экономического сотрудничества.

В июле 1994 г. казачий сход в селе Красный Кут Веселовского района Ростовской области принял решение о выселении мехетинских турок, и несколько семей были вынуждены выехать из населенного пункта³⁵. Остается напряженной ситуация во взаимоотношениях между казаками и турками-мехетинцами в Семикаракорском районе Ростовской области.

В начале 1990-х гг. лидеры адыгского национального движения в Кабардино-Балкарии выступили против поселения мехетинских турок³⁶, тем самым существенно повлияв на формирование миграционной политики региональных властей. В 1994 г. в селе Нартан (Кабардино-Балкария) сход села постановил выселить всех мехетинских турок³⁷.

В станице Советской Кировского района Ставропольского края в ноябре 1989 г. в связи появлением турок обострились межнациональные отношения – произошел сход граждан, на котором поднимался «турецкий вопрос»³⁸.

С октября 1994 по август 1995 г. в той же станице Советской был совершен ряд злостных хулиганских действий, которые выразились во взрывах во дворах и огородах мехетинских турок самодельных взрывных устройств. В результате владельцам домов был причинен ущерб до 2,5 млн. рублей. Общий экономический ущерб от террористических актов был оценен в 3 млн. 490 тыс. рублей. К счастью, телесных повреждений в результате взрывов не получил никто из владельцев домов.

По данным РОВД и прокуратуры, за данный период времени было зафиксировано двенадцать подобных фактов, по всем им были возбуждены уголовные дела по признакам преступления, предусмотренного частью 3 ст. 203 УК РФ. Лидеры общины мехетинских турок называют двадцать подобных случаев, они также после этих событий направили в Министерство по делам национальностей и региональных связей телеграмму по поводу данных актов.

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

Власти края признали факт совершения преступлений в отношении месхетинских турок. В комитете по делам национальностей Ставропольского края была сформирована группа, работавшая параллельно с представителем Совета Федерации РФ. Были проведены встречи с представителями турецкой общины, с местными казаками, с главой администрации района и сотрудниками правовых органов и прокуратуры. Прокурором Ставропольского края было дано указание руководству УВД администрации края и УФСБ РФ по краю об активизации деятельности правоохранительных органов по защите конституционных прав месхетинских турок, проживающих в станице Советской.

Однако некоторые из возбужденных уголовных дел были прекращены в связи «с невозможностью установления лиц, совершивших данные деяния» – по официальной формулировке властей. На наш взгляд, власти просто не хотели обострять межэтнические отношения и не очень пытались привлечь виновных к ответственности. В начале 1996 г. была установлена и арестована «организованная преступная группа из пяти казаков, трое из которых были ранее судимы. У преступников были изъяты компоненты производства взрывчатых веществ, два автомата...»³⁹.

Иногда конфликтные ситуации в Ставропольском крае возникали между русскими и месхетинскими турками, даргинцами и месхетинскими турками, ногайцами и месхетинскими турками в районах их совместного проживания.

Case 5. Конфликты между представителями местного населения и курдской общины в Адыгее и Краснодарском крае.

В июне 1996 г. в селе Еленовском Красногвардейского района Адыгеи был зафиксирован погром нескольких курдских домов (камнями выбиты оконные стекла), в отместку за изнасилование двух русских девочек. До этого курдский погром произошел в станице Пятигорской Горячеключевского района⁴⁰. В апреле 2001 г. Тахтамукайском районе Адыгеи произошла массовая драка между русскими и курдами.

В 1997 г. на стихийном митинге в городе Кореновске местные жители обвинили курдов в том, что они нигде не работают, совершают мелкие хищения в домохозяйствах и на полях. Местные жители потребовали от администрации и силовых структур незамедлительно выселить мигрантов, причастных к преступлениям⁴¹.

Case 6. Конфликты между представителями старожильческого населения и небольшими этническими группами в Краснодарском крае.

В апреле 1997 г. в Крымском районе произошло выступление казаков с обвинением в адрес ассирийцев как основной причины ухудшения криминальной обстановки в регионе⁴².

В июле 1997 г. в станице Елизаветинской Прикубанского округа города Краснодара в ходе «рейда» казаков в станичном отделении милиции было собрано все взрослое мужское население езидских семей, проживающих в станице. По свидетельствам очевидцев, в их адрес высказывались угрозы о выселении. Подобные акции здесь проводились неоднократно.

В июле 1997 г. решением схода граждан поселка Джубга Туапсинского района, в котором приняли участие армяне, русские, представители казачества, из поселка были высланы все проживавшие там семьи езидов⁴³.

В августе 1997 г. в поселке Виноградном Крымского района произошел «погром» и выселение двух семей туркоязычных аджарцев и крымских татар⁴⁴.

1.2. Второй разновидностью горизонтальных конфликтов можно назвать **противоречия между различными этническими группами старожильческого населения**, которые достаточно давно мигрировали и проживают на территории не менее десяти лет. Часто подобные конфликты связаны с переделом сфер приложения труда и собственности, бытовыми причинами.

Case 7. Конфликт между представителями ногайской и даргинской общин в Ставропольском крае.

В августе 1999 г. в селе Иргаклы Степновского района имели место столкновения ногайской и даргинской молодежи на дискотеке. Бытовая ссора переросла в значительный межнациональный конфликт. Несколько ногайцев повредили легковые машины, принадлежавшие даргинцам. В Иргаклы были направлены несколько десятков сотрудников милиции, для проведения оперативно-розыскных мероприятий и наказания виновных.

Позже собрались 150 даргинцев с требованием наказать виновных и возместить ущерб, одновременно собрались несколько сотен ногайцев, которые требовали освободить задержанных и выселить даргинцев из района. Были выдвинуты и другие «этнические» требования: отстранить от руководящих должностей в местном хозяйстве даргинца, начальника поселковой милиции и пр. На место конфликта прибыли прокурор, главы администрации района и се-

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

ла⁴⁵. Инцидент удалось прекратить, конфликтующие стороны были разведены, однако конфликт может разгореться в любое время в целом ряде районов (Степновском, Нефтекумском и Буденновском) совместного проживания даргинцев и ногайцев.

Case 8. Конфликт между представителями казачества и цыганами в Ставропольском крае.

Были зафиксированы отдельные случаи выступления местного населения против цыган в Ставропольском крае. Так, в 1994 г. в селе Октябрьском Ипатовского района, а также в поселке Ленинском Минераловодского района население требовало выселения цыган, задействованных в совершении преступлений.

Case 9. Конфликты между представителями русских и народов Дагестана в Ставропольском крае и Ростовской области.

Выступления старожильческого населения против даргинцев отмечались в 1994 г. против даргинцев в селе Архиповском Буденновского района и селе Варениковском Степновского района Ставропольского края.

В июне 1997 г. состоялся митинг в селе Коммаяк Степновского района, на который собрались несколько десятков казаков из Степновского, Георгиевского и Александровского районов и потребовали выселения аварской семьи из пяти человек. Поводом к решительным требованиям казачества стало задержание главы семьи за совершение преступления⁴⁶.

В Мартыновском районе Ростовской области в 2000 г. после бытового конфликта между дагестанцами и местными казаками, старожильческое население настаивало на выселении дагестанцев⁴⁷.

Case 10. Конфликты между представителями азербайджанцев и народов Дагестана в Азербайджане и Дагестане.

В августе 2001 г. в Закатальском районе Азербайджана произошли столкновения аварцев с азербайджанской полицией и войсками. В Дербенте периодически обостряются взаимоотношения местных лезгин и азербайджанцев, в частности, по вопросу о национальной принадлежности руководителей органов власти города и района.

Case 11. Конфликт между представителями туркмен и русских в Ставропольском крае.

В январе 2001 г. произошел конфликт между туркменами и русскими в Туркменском районе Ставропольского края⁴⁸.

Case 12. Конфликт между представителями казачества и общины греков в Ставропольском крае.

Конфликт между казачеством и греками произошел впервые за многие годы совместного проживания народов на одной территории в сентябре 2002 г. в городе Ессентуки Ставропольского края. По мнению краевого Совета безопасности, «противостояние двух групп местных жителей не носит межнациональный характер, поскольку казаки и представители различных этнических диаспор традиционно живут здесь в мире и согласии»⁴⁹. Вместе с тем греческая молодежь, вооруженная битами и металлическими прутьями, устроила погромы в нескольких точках города, ссылаясь на превышение полномочий со стороны сотрудников охранного предприятия «Статус» и казаков⁵⁰.

Case 13. Конфликт между представителями адыгейцев и русских в Адыгее.

В сентябре 2001 г. массовый погром адыгейцами русских семей в Шовгеновском районе Адыгеи⁵¹.

1.3. Третья разновидность «горизонтальных» конфликтов — это различные противоречия внутри этнических общин и диаспор. Не лишены противоречий диаспоры и различные этнические группы мигрантов, проживающие на Северном Кавказе. Эти конфликты внутренние и зачастую не имеют явно выраженных проявлений, но влияют на миграционные установки, образ жизни.

Case 14. Конфликт внутри общины мекхетинских турок.

Раскол внутри общины мекхетинских турок относительно проблем истории происхождения и репатриации на этническую родину. Отдельные лидеры считают, что мекхетинские турки — это этнические грузины, которые подверглись насильственному «отуречиванию». Они считают, что это осуществлялось путем открытия в 1926 г. азербайджанских школ в Мекхетии, насильственном изменении фамилий и национальности записанной в советском паспорте, а также в процессе последующей депортации⁵². Сторонники второй точки зрения связывают историю происхождения своего народа с «чистыми» турками, проживавшими по верхнему течению реки Куры в VII-IX веках⁵³. Вопрос возвращения мекхетинских турок в Грузию традиционно занимает важное место в деятельности общественной организации «Ватан». Однако стремление к репатриации разделяют не все члены общины. Некоторая часть мекхетинских турок, в основном те, которые имеют стабильные источники существования, не желают покидать Россию.

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

2. «Вертикальные» конфликты – противоречия, возникающие между различными группами мигрантов и коренного населения с одной стороны и властям различного уровня с другой стороны.

2.1. Выступления и акции протеста мигрантов, призванные привлечь внимание властей региона или страны, а порой мирового сообщества и различных международных организаций представляют собой достаточно редкое явление и проводятся этническими меньшинствами и иммигрантами в исключительных случаях, когда, по их мнению, исчерпаны иные возможности решения определенной проблемы. Координирующую и организационную роль в подобных действиях, как правило, выполняют национально-культурные объединения или неформальные лидеры общин (диаспор).

Case 15. Выступления курдов в Ставропольском крае.

Выступления курдов были отмечены по всему миру после того, как турецкие спецслужбы задержали их лидера А. Оджалана⁵⁴. В ноябре 1998 г. в Москве двое курдов совершили акт самосожжения перед зданием Государственной Думы в знак протеста против нападок турецких спецслужб на своего лидера⁵⁵. Среди прочих городов митинг с требованием освобождения своего лидера курды провели в марте 1999 г. в Ставрополе, на который собралось около 400 человек.

Case 16. Голодовка месхетинских турок в Краснодарском крае.

Выступление турок-месхетинцев в форме голодовки. Подобным способом месхетинские турки неоднократно пытались привлечь внимание общественности к решению своих проблем в Краснодарском крае.

2.2. Действия властей и представителей силовых структур против мигрантов. Несмотря на конфликтность и сложность обстановки во взаимоотношениях различных групп мигрантов и властей, последние редко и в крайних случаях прибегают к активным действиям (например, депортации) против переселенцев. Тем не менее, подобные факты имели место быть в некоторых регионах Юга России.

Case 17. Депортация цыган из Краснодарского края.

В октябре 2001 г. из поселка Октябрьский близ Краснодара были выселены 115 человек – членов 16 цыганских семей. Люди и их вещи в двух автобусах были отправлены по месту прописки – в село Александровска Новоусманского района Воронежской области.

Этнодемографические процессы и типология конфликтов...

ти. Местные власти объяснили этот шаг тем, что цыгане не санкционированно захватили земли на территории города и стали строить там щитовые домики. Кроме того, они начали «налаживать» наркобизнес в районе. Однако уголовных дел против цыган в этой связи возбуждено не было⁵⁶.

2.3. Обращения мигрантов различных социальных и этнических групп в различные органы власти за пропиской (регистрацией), гражданством, другим вопросам.

Case 18. Обращение месхетинских турок, проживающих в Ставропольском крае к властям за пропиской.

Для многих мигрантов проблема официальной регистрации является одной из самых сложных и долго решаемых. Некоторые группы мигрантов на Северном Кавказе до сих пор не имеют официальной регистрации и российского гражданства, но пытаются добиться путем постоянного обращения к властям самого разного уровня. Достаточно сложной была, а в некоторых регионах и остается до сих пор проблема получения официального статуса в новых местах проживания месхетинских турок.

В Ставропольском крае месхетинские турки некоторое время не могли получить прописку в некоторых районах. Особую активность проявили мигранты, проживающие в нескольких селах Буденновского района. Неформальные лидеры общины неоднократно обращались к председателю сельского совета, в администрацию района, к председателю комиссии по прописке. Однако прописать мигрантов с 1990 г. отказывались под различными предложениями.

В июле 1995 г. месхетинские турки подготовили письмо в Комитет по правам человека Ставропольского края, в котором изложили свои проблемы и требования по вопросу прописки. В январе 1996 г. после обращения лидеров общины в администрацию края местные власти предоставили прописку большинству месхетинских турок. Подобные обращения месхетинских турок, проживающих в Краснодарском крае, к местным, краевым и федеральным властям по поводу предоставления прописки и российского гражданства стали постоянным явлением. Другая насущная проблема, с которой часто выступают месхетинцы, – возможность возвращения на историческую родину. Например, в 1996 г. на собрании краевого отделения Международного общества «Ватан» было принято обращение к главе администрации Ставропольского края, президенту и правительству России, которые в свою очередь могли бы решить данную проблему, обратившись к правительству и президенту Грузии⁵⁷.

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

2.3. Обращения различных социальных и этнических групп старожильского населения к местным администрациям, региональным и федеральным властям по вопросам ограничения миграции, выселения мигрантов и др. вопросам.

Case 19. Сходы населения и требования к властям в Краснодарском крае, Кабардино-Балкарии, Ставропольском крае.

Стихийные обращения населения обычно вызваны противоречиями и конфликтами, которые возникают с мигрантами. Обычно они носят бытовой характер. Несколько примеров. В поселке Виноградном Крымского района Краснодарского края было совершено преступление двумя турками-мехетинцами, что вызвало стихийный сход местного населения, на котором было принято решение выселить семью из поселка⁵⁸.

Аналогичный случай был зафиксирован в селе Нартан Кабардино-Балкарии. Там турчанка на бытовой почве убила кабардинца. Власти едва смогли воспрепятствовать массовому выселению мехетинских турок из села⁵⁹.

В селе Бурлацком Благодарненского района Ставропольского края был отмечен случай проявления недовольства местным населением по причине массовой гибели крупного рогатого скота. В селе погибло около 70 коров, которые отравились смытой ливневыми дождями аммиачной селитрой, которую используют в качестве удобрения мехетинские турки. Группа русских женщин пришла к главе администрации и потребовала прекратить прописку мехетинских турок в селе.

Case 20. Обращение к властям общественных движений и партий в Ставропольском и Краснодарском краях.

Обращения к властям различных институционализированных структур (культурных автономий, национальных объединений и организаций), отстаивающих интересы старожильского населения. Наиболее активны в подобных обращениях казачьи организации. Обостряются подобные конфликты в периоды ухудшения этнополитической обстановки на Северном Кавказе, во время совершения террористических актов боевиками, после совершения преступлений кем-то из мигрантов. Обычным поводом для подобных конфликтов является «нелегальное» положение мигрантов и факты злоупотребления представителями местной власти по предоставлению регистрации.

В Ставропольском крае казачество даже вступало в конфликты с правоохранительными органами. Так, в 1994 г. отмечен

Этнодемографические процессы и типология конфликтов...

конфликт между казаками и милицией в Новоалександровском районе, приведший к ранениям и телесным повреждениям участников. В июне 1995 года, после совершения группой боевиков крупного террористического акта в Буденновске, атаманский совет Ставропольского края выдвинул ряд требований силовым структурам и Правительству России. Во-первых, исключение Наурского и Шелковского района из состава Чеченской Республики как исторических территорий Терского казачьего войска и введение там атаманского правления. Во-вторых, введение чрезвычайного положения на территории Чеченской Республики. В-третьих, необходимость разработки и осуществление программы возвращения русских беженцев в места прежнего проживания с выплатой компенсации за ущерб. В-четвертых, прекращение в Ставропольском крае приватизации и запрещение продажи земли в любой форме. В-пятых, выявление и выселение за пределы региона всех незаконно проживающих мигрантов, придание Ставропольскому краю особого статуса с порядком проживания и переселения.

В 1995 г. казаки обвинили местные власти в незаконном предоставлении прописки кавказцам в нескольких населенных пунктах Георгиевского района – Краснокумском Обильном, Крутойярском, Незлобной⁶⁰. В 1997-1998 гг. в станице Стодереvской Курского района на собраниях казачьего круга также обсуждался так называемый «турецкий» вопрос. В феврале 1999 г. собрание в селе Ростовановском Курского района также затрагивали проблему ограничения миграции в район.

В Краснодарском крае в 1994 г. Таманский отдел Всекубанского казачьего войска в Славянске выдвинул ультиматум властям о принятии жестких мер в отношении мигрантов и потребовал выселить из региона прибывших в 1990-е гг. этнических мигрантов. В июне 1995 года, во время террористического акта в Буденновске, выходит документ под названием «Заявление Совета атаманов и Совета стариков Екатеринодарского отдела Всекубанского казачьего войска», содержащий ультиматум «лицам кавказской национальности, незаконно находящимся на территории Краснодарского края». К властям было обращено требование о прекращении прописки мигрантов «кавказской национальности»⁶¹.

В марте 2001 г. в Ставрополе состоялся митинг представителей движения «За возрождение славянской культуры», городского отделения Российского общенародного союза Бабурина, а также городского казачьего общества и Ставропольского казачьего войска. Собравшиеся граждане приняли резолюцию, которая была направлена президенту и полномочному представителю президента в Южном федеральном округе. Участники митинга обрати-

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

лись к председателю правительства Чеченской Республики с требованием разработать план по возвращению к родным очагам русского населения. Краевым властям предложили в двухмесячный срок разработать план собственных мероприятий для расселения вынужденных переселенцев (большинство из которых русские) в крае. Они считают, что переселенцам надо помогать и не в коем случае не отталкивать⁶².

2.4. Совместные выступления мигрантов и старожильского населения к властям различного уровня.

Case 21. Обращение мигрантов и старожилов к властям.

В августе 1999 г. после нападения боевиков на Дагестан в Махачкале состоялся массовый митинг вынужденных мигрантов из Ботлихского и Цумадинского районов с требованием раздать им оружие. Затем вынужденные мигранты перекрыли трассу между аэропортом и Махачкалой и потребовали предоставления им возможности формирования отрядов самообороны⁶³.

В апреле 2001 г. в Назрани состоялся 10-тысячный митинг жителей Ингушетии и вынужденных мигрантов из Северной Осетии, которые требовали от властей скорейшей ликвидации последствий осетино-ингушского конфликта 1992 г⁶⁴.

2.5. Конфликты, возникающие и проявляющиеся на уровне различных институционализированных структур (национально-культурных автономий и диаспор), отстаивающих интересы населения отдельных этнических групп.

Case 22. Конфликты на уровне институциональных структур.

Сразу после террористического акта 1995 г. в Буденновске состоялась встреча депутатов Думы Ставропольского края с представителями национальных диаспор армян, чеченцев, ингушей, дагестанцев, грузин, греков, ногайцев, казачества. Представители диаспор увидели дискриминацию своих народов в предлагаемых заявлениях и документах. В частности, в заявлении Государственной Думы Ставропольского края от 15 июня 1995 г. говорилось о «бесконтрольной миграции в край», «о скупке земли, домов, магазинов, заводов», «придании краю приграничного статуса с особым режимом проживания, пользования недвижимостью и землей» и т.п. Представители нескольких диаспор покинули заседание.

В 1991 г. многие ногайцы объединились в общественную организацию «Бирлик», целью которой было провозглашение территориальной целостности ногайского народа, создание нацио-

Этнодемографические процессы и типология конфликтов...

нально-государственного образования на территории РСФСР. В 2002 г. «Бирлик» прекратил свое существование, не пройдя перерегистрацию⁶⁵.

Причины этнических конфликтов

Этнические потоки вызвали в некоторых районах компактного проживания мигрантов на Северном Кавказе разнообразные конфликтные ситуации. Основные причины конфликтов можно свести к следующим категориям.

1. Социально-экономические причины – выражаются в конкуренции за землю и рабочие места, особенной этно-экономической стратификация населения. Зачастую такие условия, как отсутствие необходимых средств к существованию, работы и жилья, в которых оказываются мигранты, вынуждают их проявлять большую активность по сравнению с коренным населением в местах нового проживания, на рынках труда в сфере предпринимательства. Эти факторы в комплексе с этнической консолидацией и поддержкой общины на определенном этапе позволяют некоторым мигрантам быть если не «богачами», то, по крайней мере, обеспечивать достаточно стабильный доход на фоне низких доходов и безработицы среди коренного населения.

Этническая консолидация мигрантов закрепляет этно-экономическую стратификацию населения особенно на локальном, а иногда и на региональном уровне. В частности, концентрация некоторых этнических групп в торговой сфере с быстрым оборотом денежных средств приводит к тому, что их уровень доходов выше, чем у подавляющей части коренного населения. Хотя подтвердить эти предположения официальными цифрами невозможно, поскольку современная российская статистика не дает нам подобной возможности.

И все же мнение о более высоких доходах мигрантов получило достаточно широкое распространение не только среди обычных людей, но и среди официальных лиц. В сельской местности многие жители уверены, что мигранты «захватывают» лучшие земли и «скупают» дома. Действительно, следует признать, что многие мигранты являются отличными земледельцами и берут в аренду только поливные земли, которые позволяют получать им хорошие урожаи. Кроме того, многие мигранты на региональных и локальных рынках труда просто не имеют доступа к иной работе из-за недостаточного уровня образования или знания языка.

В этом контексте весьма показательна публикация в одной из региональных газет, где говорится о том, что «месхетинские турки за-

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

нимаются в основном торговлей, скупкой-продажей, установили монопольные цены на овощи, мясомолочную продукцию, промышленные товары. Они имеют радиосвязь не только внутри России, но и с Турцией, разъезжают на большегрузных автомобилях, разбивают дороги и мосты, не вкладывая в их восстановление ни копейки, они захватили наши плодородные земли»⁶⁶. Следует иметь в виду, что транслирование этой точки зрения через средства массовой информации опасно, поскольку может только подливать «масла в огонь» в сфере отношений между мигрантами и коренным населением.

Однако подобную точку зрения разделяют не все население в российской провинции, и многие старожилы не видят в мигрантах конкурентов на рынке труда или в социально-экономической сфере, считает многих мигрантов достаточно трудолюбивыми, добросовестными и сплоченными. Кроме того, весьма показательно, что даже те местные жители, которые уверены в высоких доходах мигрантов, зачастую сами признают, что основной причиной их благосостояния является трудолюбие.

2. Правовые проблемы положения мигрантов, то есть невозможность легализации своего правового положения и статуса. Наиболее ярко эта причина проявляется в регионах, где мигранты по различным причинам не могут получить официальную регистрацию или гражданство. Например, в Краснодарском крае остро стоит проблема регистрации этнической группы месхетинских турок, которые не имеют регистрации по месту жительства, российского гражданства, не имеют возможности оформить собственное жилье, реализовать избирательное право. Подобная проблема стоит перед многими иммигрантами из стран дальнего зарубежья, прибывшими на территорию России нелегально, или оставшимися в стране на более длительный срок пребывания (афганцы, курды, вьетнамцы, китайцы).

3. Этнополитические причины – возрождение казачьих объединений в русскоязычных регионах и национальных движений и обществ в республиках Северного Кавказа. Первоначальная стихийность возрождения казачьего движения заставила власти регионов Северного Кавказа обратить внимание на данную проблему, более того, они попытались придать этому процессу организованный характер. Например, в администрации Ставропольского края создается отдел по вопросам казачества, который в настоящее время преобразован в отдел по работе с казачеством Совета экономической и общественной безопасности. В администрации Краснодарского края и на уровне районных администраций вводится должность заместителей главы по делам казачества. Осуществление подобных действий дало возможность властям более тесно контроли-

Этнодемографические процессы и типология конфликтов...

ровать казачьи организации, что в конечном итоге позволило несколько снизить конфликтность в сфере отношений между казаками и этническими мигрантами.

4. Социальные причины. В начале 1990-х гг. активное переселение мигрантов совпало с острым дефицитом потребительских товаров в районах и населенных пунктах их вселения. В настоящее время именно с мигрантами некоторая часть коренного населения связывает рост преступности и появление новых видов преступлений (распространение наркотиков и др.). Например, тотальный дефицит элементарных потребительских товаров и продуктов в конце 1980-х – начале 1990-х гг. совпал с масштабной вынужденной миграцией армян и месхетинских турок на Северный Кавказ. Это дало основание некоторым людям утверждать, что именно мигранты повинны в создании дефицита на потребительском рынке. Распространена точка зрения, что именно они лишают местное население права на получение образовательных и медицинских услуг, поскольку увеличивают нагрузку на социальную инфраструктуру⁶⁷. Считаем это утверждение весьма спорным и нуждающимся в дополнительных исследованиях. По крайней мере, можно возразить тем, что депопуляция в настоящее время приводит к сокращению численности населения, что в ближайшей перспективе может вызывать сокращение учителей и врачей.

В этой ситуации мигранты позволяют как раз таки сохранить рабочие места и возможность функционирования образовательных и лечебных учреждений (особенно в отделенных сельских населенных пунктах). Например, по данным Министерства образования Ставропольского края, дети мигрантов буквально «спасли» от закрытия многие сельские школы, которые не набрали привычного числа первоклассников. В ходе экономических реформ в результате падения уровня жизни и роста безработицы, а также изменения геополитического положения на Северном Кавказе существенно увеличилась преступность. В этом часто пытаются обвинять исключительно мигрантов. Более того, в прессе рост числа преступлений стали напрямую связывать исключительно с миграцией. Социологический опрос, проведенный группой ростовских ученых под руководством Г. Денисовой, выявил, что значительная часть сотрудников ОВД уверена, что многие мигранты заняты нелегальным бизнесом – торговлей наркотиками (по мнению 26,3% опрошенных сотрудников милиции), нелегальным производством и сбытом алкоголя и табака (17,4%), торговлей оружием (12,1%) и контрабандой (12,6%)⁶⁸.

Полагаем, что в установлении взаимосвязи между миграцией и преступностью требуется анализировать не только степень этой

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

взаимосвязи, но и структуру этой взаимосвязи. Даже самые высокие показатели корреляции между миграционным приростом и уровнем преступности нуждаются в объяснении и детализации. Зачастую статистика совершенных преступлений включает в себя абсолютно все их виды – начиная от тяжких преступлений и завершая нарушением порядка регистрации по месту жительства или пребывания. Кроме того, мигранты нередко, в силу специфики своего социального статуса, сами становятся объектами совершения преступлений.

В массовом сознании сложились мифы в отношении повышенного уровня преступности среди мигрантов и специализации отдельных этнических групп на преступной деятельности. Действительно, миграция сама по себе как достаточно масштабное социально-экономическое явление вовлекает в свой оборот наиболее мобильную, активную и деятельную часть населения различных стран и регионов. И чем масштабнее миграция, тем действительно больше тех, кто пытается воспользоваться миграцией в преступных целях. Очевидно, что «громкие» преступления, совершенные мигрантами, в случае необходимости заинтересованные стороны используют как «козырь» при разжигании неприязни между коренным населением и мигрантами, подчеркивая в средствах массовой информации этническую принадлежность человека, совершившего преступление. В некоторых средствах массовой информации пишут о «жестокости, с которой мигранты обычно совершают преступления»⁶⁹, приводятся примеры изнасилований, сбыта наркотических веществ, убийств, при этом особенно акцентируя внимание на этнической принадлежности преступника. Вполне логично, что после этого практически каждое преступление, совершенное тем или иным мигрантом, воспринимается очень болезненно коренным населением.

5. Социо-культурные, или бытовые причины – выражаются в закономерном изменении разнообразных условий жизни и социально-бытовой инфраструктуры населенных пунктов и регионов, в которых концентрируются мигранты. Эти изменения касаются внешнего облика построек и населенных пунктов, возникают новые точки общественного питания и торговли, интенсифицируется обмен коренного населения и мигрантов культурными традициями и рецептами приготовления пищи, возникают новые формы проведения досуга. Чаще обмен носит позитивный характер и способствует культурному обогащению различных этнических групп населения компактно проживающих на данной территории. Однако в отдельных случаях – при не совпадении социальных и культурных ценностей – бытовые процессы могут носить

Этнодемографические процессы и типология конфликтов...

деструктивный характер и становится причиной межэтнических конфликтов. К примеру, некоторые коренные жители считают мигрантов курдов и месхетинских турок виновными в загрязнении населенных пунктов.

Корни многочисленных конфликтов между даргинцами-чабанами и ногайцами-земледельцами в восточных районах Ставропольского края также имеют бытовую подоплеку. Эксперты полагают, что главная причина конфликтов в том, что «игнорируется законодательство об аренде земли, свободном доступе властей к контролю над поголовьем скота, оплате за потребляемое электричество и воду. Соблюдение законодательства невыгодно многим чабанам, большинство из них стремятся «решать вопрос» в обход закона, через взятку должностному лицу. В итоге эти теневые отношения становятся почвой для столкновений между этническими группами»⁷⁰. Как отмечает Л. Хоперская, на Юге России конфликты, имеющие бытовые причины, способны быстро политизироваться в местах компактного проживания различных этнических диаспор⁷¹. Вместе с тем, все эти бытовые проблемы решаемы и вполне преодолимы при условии проведения продуманной социальной и межнациональной политики.

6. Демографические причины – проявляется в изменении этнической структуры миграционных потоков, дифференциации показателей воспроизводства населения различных этнических групп и как следствие – изменении соотношения этнических групп населения в регионе или населенном пункте. Ситуация усугубляется в условиях, когда отмечается депопуляция доминирующего этноса. Причины подобных диспропорций связаны, с одной стороны, с социально-экономическими факторами, но с другой – не следует сбрасывать со счетов этнические особенности сложившихся установок на рождаемость, которые формируют так называемую разницу «демографического потенциала» коренного населения и мигрантов иных этнических групп.

Трансформация этнического состава населения многих населенных пунктов на Северном Кавказе стала неотъемлемым явлением настоящего времени. Предпринимались неоднократные попытки определения предельно возможного уровня этого процесса. В частности, иногда говорят о максимально допустимой или «критической» доле мигрантов в общей численности населения на уровне 10-15%. Хотя, как показывают наши предыдущие исследования, в отдельных странах Европы (Германии, Люксембурге, Нидерландах, Швейцарии)⁷² этот порог оказался существенно превышен, или ситуация близка к нему. И конфликтов, подобным тем, которые мы отмечаем на Северном Кавказе, здесь нет.

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

Ставропольский исследователь В. Шнюков называет меньшую цифру – примерно 5% мигрантов в общей численности населения. При этом он приводит весьма показательный пример о том, что «за последние пять-шесть лет в Ставропольском крае появилось около двадцати небольших населенных пунктов, где нарушен (кардинально преобразован. – С.Р.) этнический баланс и коренное русское население оказалось в меньшинстве»⁷³. В этих условиях, «получая после выборов в органы местного самоуправления еще и властный ресурс, мигранты начинают превалировать над местным населением, что приводит к обострению межнациональных отношений»⁷⁴.

Представляется, что проблема интенсивного роста численности мигрантов и трансформация этнического состава населения на Северном Кавказе происходят в принципиально иных социально-экономических условиях, нежели в Западной Европе. Здесь уровень жизни и доходы старожильческого населения могут быть гораздо ниже, чем у некоторой части мигрантов. В то время как в развитых странах мигранты вынуждены довольствоваться гораздо меньшим уровнем доходов и занимать непрестижные ниши в экономике, что нередко позволяет им иметь доходы на одном уровне с коренным населением этих стран. Подобное сочетание демографических и социально-экономических условий на Северном Кавказе приводит к возникновению конфликтов в тех случаях, когда оно было бы просто невозможно в стабильной экономике.

7. Религиозные причины. Зачастую миграционные потоки приводят к смешению ареалов расселения народов, придерживающихся разных религиозных убеждений. Так, отдельные этнические группы мигрантов, расселившиеся в Краснодарском и Ставропольском крае, Ростовской области и Северной Осетии, – мусульмане, в то время как большинство населения здесь исповедует христианство. Ислам гораздо более жестко, чем христианство, регламентирует повседневное поведение человека. Любое значительное событие в жизни человека – свадьба, рождение ребенка, обряд посвящения, похороны или поминки требуют сбора всех ближайших родственников. Во многих случаях должен присутствовать мулла. Отсутствие этих условий приводит к значительному душевному дискомфорту у мигрантов-мусульман. Неслучайно, многие мигранты-мусульмане стремятся расселяться достаточно компактно.

Подобная консолидация мусульманского населения зачастую вызывает обеспокоенность населения другого вероисповедания. Эти опасения связаны с недавними событиями, последовавшими вслед за распространением религиозного течения вахха-

Этнодемографические процессы и типология конфликтов...

бизма. В сознании некоторой части населения такие понятия как «ислам» и «ваххабизм» зачастую выступают как синонимы. Обычно проблема взаимоотношений между христианским населением и мигрантами мусульманами обостряется на определенном этапе жизни общины или этнической группы, когда назревает необходимость создания религиозной инфраструктуры (кладбищ, мечетей, культовых сооружений). Происходят определенные изменения в социально-культурной среде обитания старожильческого населения, что часто служит причиной межнациональных конфликтов.

8. Позиция средств массовой информации. Учитывая масштабы распространения информации и возможности воздействия СМИ на население, освещение миграции под разными углами зрения может иметь диаметрально противоположный эффект, в том числе иногда и отрицательный. Средства массовой информации принесли бы больший положительный эффект в том случае, если они освещали не только конфликты и противоречия, возникающих между коренным населением и мигрантами, властью и группами мигрантов, но и распространяли информацию о культуре и быте, условиях жизни и трудовой деятельности мигрантов и представителей различных этнических групп населения. Это могло бы способствовать снижению напряженности в процессе интеграции мигрантов в места нового проживания.

9. Этно-статусные причины проявляются в требованиях повышения культурного, а иногда и политико-правового статуса отдельных этнических групп, вплоть до создания национальных автономий. Опасность возникновения и распространения подобных конфликтов очевидна, поскольку при определенных условиях может создавать предпосылки для нарушения стабильности и даже территориальной целостности государства.

Примечания

¹ *Мкртчян Н.С.* Регионы Северного Кавказа в зеркале миграции // Проблемы населения и рынков труда России и Кавказского региона. Ставрополь: Изд-во СГУ, 1998. С. 68.

² *Денисова Г.С.* Миграционные процессы в Ростовской области. Информационное пособие для журналистов по проблемам миграции. Ростов-на-Дону: Старые русские, 2002. С. 13.

³ *Белозеров В.С.* Этнодемографические процессы на Северном Кавказе. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2000. С. 10.

⁴ *Близнюк Н.* Кричащая беда и тихая оккупация // Ставропольская правда. 2002. 12 ноября.

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

- ⁵ *Чемсо Г.* Возвращение: исторический очерк. Майкоп: РИПО «Адыгея», 2000. С. 179.
- ⁶ *Панкова Е.* Русским должно быть место на Северном Кавказе // Ставропольские губернские ведомости. 2001. 7 апреля.
- ⁷ *Рыбалко Е.* Русские уходят с Кавказа? Можно ли остановить их исход? Беседа с Г.С. Денисовой // Ставропольская правда. 2001. 9 июня 2001.
- ⁸ Пути мира на Северном Кавказе. Независимый экспертный доклад под ред. В.А. Тишкова. М., 1999. С. 140.
- ⁹ *Рыбалко Е.* Указ. соч. С. 3.
- ¹⁰ *Глебова М.* Под знаком Казанцева // Вечерний Ставрополь. 2001. 7 апреля.
- ¹¹ *Завьялов Ф.* Не забывать о русскоязычных // Северный Кавказ. 2002. 16 декабря.
- ¹² *Хоперская Л.Л.* Состояние федеративных, национальных и миграционных процессов в Южном федеральном округе // Вместе. Мир, единство, согласие. 2001. 10 марта.
- ¹³ Пути мира на Северном Кавказе. С. 140.
- ¹⁴ *Панкова Е.* Указ. соч. С. 3.
- ¹⁵ Пути мира на Северном Кавказе. С. 142.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ *Рыбалко Е.* Указ. соч. С. 3.
- ¹⁸ *Глебова М.* Указ. соч. С. 1.
- ¹⁹ *Попов С.И.* Ставропольский край в системе федеративных отношений на Северном Кавказе // Федерализм: система государственных органов и практических опыт их деятельности. Российско-канадский проект «Федерализм в сотрудничестве». М.: МОНФ, 1998. С. 237.
- ²⁰ С войной в Чечне надо покончить! // Ставропольская правда. 1999. 2 февраля.
- ²¹ *Смирнов В.* Буденновская трагедия. Хроника журналистского расследования. Ставрополь, 1995. С. 10.
- ²² *Соколов-Митрич Д.* Межнациональная война в России идет уже давно // Известия. 2002. 26 октября.
- ²³ *Кармалин А.* Русско-чеченские дружины против русско-чеченских драк // Коммерсантъ. 2001. 23 августа.
- ²⁴ *Соколов-Митрич Д.* Указ. соч. С. 5.
- ²⁵ *Тер-Саркисянц А.Е.* Межнациональные отношения в Краснодарском крае: Основные тенденции развития // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. 1994. Вып. 55. С. 8.
- ²⁶ *Осипов А.Г., Черепова О.И.* Нарушение прав вынужденных мигрантов и этническая дискриминация в Краснодарском крае. Положение месхетинских турок. М., 1996. С. 84.
- ²⁷ *Крицкий Е., Савва М.* Краснодарский край. Модель этнологического мониторинга. М., 1998. С. 38.
- ²⁸ *Попов А.* Краснодарский край: положение мигрантов из Закавказья // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Май-июнь 1999. № 25. С. 9.

Этнодемографические процессы и типология конфликтов...

- ²⁹ Информация предоставлена АНКО «Школа мира +». Составитель Т. Карастелева.
- ³⁰ Информация предоставлена АНКО «Школа мира +». Составитель Т. Карастелева (со ссылкой на газету «7 дней Кубани» от 22 ноября 2001 г.).
- ³¹ Ставропольская правда. 1995. 4 августа.
- ³² Попов А. Указ. соч. С. 9.
- ³³ Осипов А.Г., Черепова О.И. Указ. соч. С. 92.
- ³⁴ Информация предоставлена АНКО «Школа мира +».
- ³⁵ Северный Кавказ. 1994. 9 июля.
- ³⁶ Аккиева С. Кабардино-Балкарская Республика. Модель этнологического мониторинга. М., 1998. С. 21.
- ³⁷ Кумышева Р. Тюрк-мехетинцев готовы принять в Турции и Грузии // Северный Кавказ. 1994. 11 ноября.
- ³⁸ Ибраилов Л. Всерьез о наболевшем. Сход граждан в станице Советской // Серп и молот. 1989. 25 ноября.
- ³⁹ Борьба с организованной преступностью и коррупцией — важнее всего... // Вечерний Ставрополь. 1996. 29 февраля.
- ⁴⁰ Попов А. Указ. соч. С. 9.
- ⁴¹ Крицкий Е., Савва М. Указ. соч. С. 39.
- ⁴² Попов А. Указ. соч. С. 9.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Лезвина В. До и после 17 августа // Ставропольская правда. 1999. 11 августа.
- ⁴⁶ Щелкунова Ж. Вчера по требованию казаков... // Вечерний Ставрополь. 1997. 17 июня.
- ⁴⁷ Бодаговский С. Дагестан на Тихом Доне // Северный Кавказ. 2002. 12 октября.
- ⁴⁸ Кровавая драка в Туркменском районе // Аргументы и факты — Северный Кавказ. 2001. 25 января.
- ⁴⁹ Валеев П. Казаки подрались с греками, несмотря на мир и согласие // Иностранец. 2002. 24 сентября.
- ⁵⁰ Колонтаевская Е. Погуляла «золотая» молодежь... // Ставропольская правда. 2002. 19 сентября.
- ⁵¹ Информация предоставлена АНКО «Школа мира +». Составитель Т. Карастелева.
- ⁵² Мухамедов А. Мы не турки, мы — грузины—мусульмане // Маяк. 1992. 18 апреля.
- ⁵³ Шахмурадинов В. и др. Мы — турки из Ахалцихе // Маяк. 16 мая 1992. № 59. С. 2.
- ⁵⁴ Панин Л., Кучин Н. Курды решают все // Коммерсантъ-Власть. 23 февраля 1999. № 7. С. 36.
- ⁵⁵ Волжский В. Америка — жандарм мира, Турция — жандарм Азии! // Местное время. 1999. 15 декабря.
- ⁵⁶ Егоров А. Краснодар — цыганам: «Чемодан — вокзал — Воронеж» // www.strana.ru/topics/66/01/10/18/73607.html.
- ⁵⁷ Алексеев А. Восстановить историческую справедливость // Степной маяк. 1996. 20 января.

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

- ⁵⁸ Телегин В. Кто покровительствует незванным гостям // Кубань сегодня. 1998. 6 марта.
- ⁵⁹ Кумышева Р. Указ. соч.
- ⁶⁰ Ставропольская правда. 1995. 17 ноября.
- ⁶¹ Осипов А.Г., Черепова О.И. Указ. соч. С. 82.
- ⁶² Панкова Е. Указ. соч.
- ⁶³ Кисриев Э. Война пришла в горные районы // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Июль-август 1999. № 26. С. 20.
- ⁶⁴ Лезвина В. Эх, регион, куда катишься? // Ставропольская правда. 2001. 23 августа.
- ⁶⁵ Гритчин Н. и др. В казачьем крае обнаружено ваххабитское подполье // Известия. 2002. 18 октября.
- ⁶⁶ Телегин В. Указ. соч. С. 4.
- ⁶⁷ Рыбалко Е. Русские не уйдут, если власть обеспечит порядок (беседа с В.В. Шнюковым) // Ставропольская правда. 2002. 16 февраля.
- ⁶⁸ Денисова Г.С. Указ. соч. С. 41.
- ⁶⁹ Телегин В. Указ. соч. С. 4.
- ⁷⁰ Рыбалко Е. Указ. соч. С. 1.
- ⁷¹ Хоперская Л.Л. Указ. соч. С.9.
- ⁷² Рязанцев С.В. Влияние миграции на социально-экономическое развитие Европы: современные тенденции. Ставрополь: Книжное издательство, 2001. С. 488.
- ⁷³ Рыбалко Е. Указ. соч. С. 1.
- ⁷⁴ Там же.

Глава 2. Этнические миграции на Северном Кавказе

Этапы этнической миграции в приграничье. Динамика этнического состава населения Северного Кавказа с момента колонизации и по настоящее время была отличительной чертой этого региона. Северный Кавказ – это своего рода этнический перекресток на южных рубежах России, где активно взаимодействовали и продолжают взаимодействовать различные культуры и народы. Особенно интенсивно изменения этнической структуры населения происходили под влиянием масштабных исторических событий государственного масштаба, которые сопровождались крупными миграциями либо на территорию региона, либо за его пределы.

В ряду этих событий можно назвать колонизацию Северного Кавказа и Кавказская война; депортации довоенного и военного периода; плановые переселения с гор на равнину в большинстве республик района; активно нарастающие (усиливающиеся) во второй половине XX века региональные различия воспроизводства населения на уровне равнинной и горной зон, проявившиеся в росте демографического потенциала республик в условиях слаборазвивающихся рынков труда и депопуляции в регионах равнинной зоны с увеличивающимся дефицитом трудовых ресурсов. Наконец, распад Советского Союза, этнополитические и военные события последних десятилетий в сочетании с социально-экономической ситуацией в регионах Северного Кавказа и на всем постсоветской пространстве, вызвали крупные миграции населения, которые трансформировали и до сих пор продолжают способствовать изменению этнической структуры населения¹.

Мощный и устойчивый миграционный поток славянского населения на первых этапах колонизации Северного Кавказа, частичное замещение им эмигрировавших представителей некоторых северокавказских народов привели к изменению этнической структуры населения, главной особенностью которой явилась ее славянизация.

Хозяйственное развитие Северного Кавказа до 1960-х гг. сопровождалось ростом абсолютных и относительных показателей русских в районе, включая национальные территории. Одним из главных факторов, обеспечивающим активное расселение русских в городах национальных территорий Северного Кавказа, была миграция интеллигенции, а также инженерно-технических кадров, квалифицированных рабочих, занятых в индустриальном секторе экономики.

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

Расширенное воспроизводство населения, сохранившееся в 1960-е гг. в большинстве национальных территорий Северного Кавказа, вызвало демографический взрыв, который особенно ярко проявился в Чечено-Ингушетии, Дагестане. Подобная демографическая ситуация в сочетании с ограниченными возможностями региональных рынков труда, малоземельем способствовала активной миграции населения в соседние регионы Северного Кавказа и другие районы страны. В этот период миграционные потоки из национальных образований района формировались уже не только за счет титульных народов, но и русских. Миграцию обуславливали прежде всего экономические причины, которые позже уступили место обострившимся межэтническим отношениям, военным конфликтам и другим событиям стрессового характера.

Сразу после распада СССР в республиках Северного Кавказа интенсивно нарастала деруссификация этнической структуры населения, связанная с миграционным оттоком русских и депопуляцией среди них². На равнинных территориях Северного Кавказа стали более четко отмечаться две новые тенденции в этнических процессах. С одной стороны, стала более заметной концентрация и рост численности русских как в городах, так и в сельской местности. Причиной тому была миграция их из национальных республик Северного Кавказа, репатриация русских из бывших союзных республик, а также возвратная миграция русских из северных и восточных регионов России. Однако данная тенденция носила временный характер. С другой стороны, происходило активное расселение некоторых кавказских народов, в первую очередь – армян, и не продолжительный по времени отток представителей северокавказских народов (чеченцев, даргинцев, карачаевцев и др.). Этот период характеризовался усилением этнического разнообразия миграционных потоков в равнинной части района.

На нынешнем этапе развития этнических процессов обозначились новые особенности этнической миграции и этнических процессов в регионах равнинной части Северного Кавказа. Происходит увеличение доли кавказских народов («кавказских черт») на фоне все продолжающейся деруссификации миграции и состава населения Северного Кавказа. Таким образом, в настоящее время для населения региона характерно увеличение доли народов Кавказа не только в миграционных потоках, но и в этнической структуре населения – как за счет армян, так и северокавказских этносов³.

Последствия этнической миграции в приграничье. Ставропольский край – уникальный с географической, геополитической и этнодемографической точек зрения регион страны. Он занимает

Этнические миграции на Северном Кавказе

центральное положение на Северном Кавказе, оказавшись таким образом на пути мощных и разнообразных в этническом отношении миграционных потоков, которые направлены из регионов Кавказа, северных и восточных регионов России. Несмотря на то, что Ставрополье вроде бы не имеет непосредственной государственной границы, фактически регион стал новым приграничьем, о чем свидетельствуют изменения, произошедшие в последнее время в этническом составе населения.

Современные демографические процессы в Ставрополье характеризуются углублением депопуляции повсеместно во всех административных районах края и среди большинства проживающих здесь этнических групп. В 1990-е гг. в условиях депопуляции исключительно миграция способствовала росту численности населения, обеспечивая компенсацию естественной убыли населения, а в настоящее время она снижает темпы сокращения численности населения региона. Кроме количественного влияния миграция несет и существенные качественные преобразования. Под влиянием миграции трансформируется этнический состав населения, изменяется география расселения и локализации этнических общин⁴.

Демографическая ситуация на Ставрополье в течение длительного периода времени отличалась устойчивым миграционным приростом, но масштабы его постоянно сокращаются из-за снижения миграционного потенциала в странах бывшего Советского Союза, а также за счет сокращения миграционного потенциала в российских регионах, откуда Ставрополье «черпает» значительную часть мигрантов. Определенный вклад в масштабы миграции вносит внутрирайонная миграция (переселения в пределах Северного Кавказа) вследствие изменения миграционного потенциала русского населения в республиках, а также меняющегося миграционного поведения ряда титульных народов республик Северного Кавказа.

В связи со значительным сокращением масштабов миграционного прироста меняется роль миграции в формировании населения Ставрополья: если 1980-е гг. миграция наряду с естественным движением обеспечивала устойчивый прирост численности населения, то на протяжении большей части 1990-х гг. она компенсировала естественную убыль населения и обеспечивала общий прирост численности населения. С конца 1990-х гг. миграция уже не компенсирует естественной убыли населения, а только снижает темпы сокращения численности населения в крае. Постепенно снижаются амортизационные возможности миграции и степень ее влияния на демографическую ситуацию в регионе.

На этом фоне миграция оказывает существенное влияние на изменение этнического состава населения – она усиливает полиэт-

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

ничность населения Ставрополя⁵. Как показали данные Всероссийской переписи населения 2002 года, регион относится к числу российских территорий, этнический состав населения которых в последние десятилетия меняется наиболее интенсивно.

Причиной этому являются, с одной стороны, разнонаправленный характер демографических и миграционных процессов: на фоне сокращения сальдо миграции отмечается снижение доли русских и рост доли представителей кавказских этносов. С другой стороны, кардинально отличается характер воспроизводства населения разных этнических групп: происходит депопуляция среди русских и некоторых других народов, а также высокий естественный прирост среди представителей северокавказских народов.

В этой ситуации особенно актуальности становится проведение более взвешенной как миграционной, так и демографической региональной политики. Это период осознания важности как демографической составляющей (естественного движения), так и другой компоненты – миграции в формировании населения региона⁶.

Если рассматривать миграционные процессы среди разных народов, которые проживают в Ставропольском крае, то можно обнаружить существенные отличия в их результативности. На протяжении большей части последнего десятилетия высокий коэффициент миграционного прироста в регионе был свойственен армянам. Особенно активно он увеличивался в середине и во второй половине 1990-х годов. Сейчас он снизился, но уступил «пальму первенства» чеченцам.

Коэффициент миграционного прироста среди русских в 1995 г. был почти в три раза меньше, чем у армян (составлял 9,6%). В 2000-е гг. эта дистанция усилилась за счет дальнейшего снижения коэффициента миграционного прироста среди русских. Отрицательный миграционный прирост у чеченцев, отмечавшийся с конца 1980-х по 1996 год, стал положительным, поэтому вырос и коэффициент миграционного прироста до 22,8 % в 2001 году. В итоге чеченцы имеют самый высокий коэффициент миграционного прироста.

Характерной чертой этнической структуры миграционного прироста на Ставрополье в последние десятилетия является возрастание этнического разнообразия, которое выражается в снижении доли русских и увеличении доли кавказских народов. В 1992 г. на долю русских приходилось почти 3/4 миграционного прироста Ставрополя, а к 2003 г. удельный вес русских мигрантов сократился до 58%. Это явление мы определяем как деруссификация миграции.

Заметим, что изменения в этнической структуре миграционного потока на Ставрополье происходят более интенсивно, чем в стране в целом. Например, в миграционном приросте России доля рус-

Этнические миграции на Северном Кавказе

ских составила в 2003 г. около 58% и уменьшилась по сравнению с 1995 г. на 16,8%. В то время как в ставропольском крае доля русских в миграционном приросте за это же время сократилась на 46,3%, или в 2,1 раза. Ставропольский край все более оказывается в стороне от еще достаточно мощного миграционного потока русских в Россию.

Вместе с тем сохраняется довольно высокая доля Ставропольского края в общероссийском миграционном приросте армян – 12,7% (2003 г.), в то время как в 1995 г. показатель составлял всего 5,8%.

Установилась также относительно высокая доля Ставрополя в общероссийском миграционном приросте чеченцев – 4,5% в 1997 г. и 6,6 % в 2003 году. Интересно, что в 1995-1996 гг. этот показатель имел отрицательное значение.

Главной чертой современной динамики этнических процессов в Ставрополье стало изменение географии расселения народов под влиянием демографических и миграционных процессов, а также связано с расширением территорий, которые характеризуются полиэтническим составом населения.

На протяжении трех десятилетий можно выделить следующие черты динамики расселения. В 1970-1980 гг. отмечалось устойчивое снижение удельного веса русских в составе как городского, так и сельского населения; концентрация русских в городах и их интенсивный отток из сельской местности.

В 1990-е гг. наступил новый этап заселения русскими Ставрополя. Длительный период устойчивого сокращения их численности в сельской местности края сменился активным ростом, обусловленным миграцией. При высоком коэффициенте миграционного прироста у русских, в этот период в целом в сельской местности он был выше, чем в городах. Среди городов по величине коэффициента миграционного прироста выделялись Ставрополь, Буденновск и Минеральные Воды. Высокий коэффициент миграционного прироста русских в сельской местности был характерен для 85% районов края, за исключением четырех восточных районов (Курского, Левокумского, Нефтекумского, Арзгирского) и города Нефтекумска.

Активное расселение русских в сельской местности в 1990-е гг. может рассматриваться как временная форма адаптации русских к сложной социально-экономической ситуации. Период их активного расселения на Ставрополье, особенно в сельской местности, оказался кратковременным и сменился быстрым ростом количества территорий с миграционным оттоком русских. Среди таких территорий оказались не только сельские районы, но и некоторые города.

В последнее время в Ставропольском крае все более интенсивно появляются территории с отрицательным значением коэффициен-

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

та миграции русских, сейчас в 45% административных районах отмечалась миграционная убыль русских. Группу районов с высоким коэффициентом миграционного оттока образуют восточные районы – Туркменский, Нефтекумский, Левокумский, Курский, Арзгирский (это 25% всех административных территорий края).

В настоящее время на территории Ставропольского края образовалась обширная зона миграционного оттока русских, включающая не только большое число сельских районов, но и урбанизированные территории. Особую тревогу вызывает проявление тенденции миграционного оттока русских в городах – основных экономических и культурных центрах Ставрополя (Ставрополе, Пятигорске, Кисловодске и Георгиевске).

Основная же часть районов относится к территориям с низким коэффициентом миграционного оттока русских. Однако тревожит ее обширность (1/3 районов) и повсеместность, которая охватывает теперь районы не только в восточной части, но и на западе и в центре Ставропольского края⁷.

Группу городов с высоким коэффициентом миграционного прироста образуют индустриальные центры региона, а также большинство малых городов – районных центров. Это новая черта расселения русских в Ставропольском крае. В числе основных факторов, определяющих такой характер расселения русских, можно назвать в первую очередь социально-экономическую ситуацию.

Миграционный прирост в сельской местности у русских отмечается примерно в половине районов, однако преобладают в основном районы со средним и низким значением коэффициента миграционного прироста. Русские мигранты, прибывающие сейчас в регион, расселяются преимущественно в малых городах, практически игнорируя крупные экономические центры края. Это свидетельствует о том, что имеются социально-экономические сложности адаптации мигрантов в городах. Новые тенденции миграции и ограниченные возможности демографического потенциала существенно меняют географию расселения русских в Ставропольском крае.

Второй по численности этнической группой среди прибывающих мигрантов на Ставрополье и по величине миграционного прироста на протяжении 1990-х гг. являются армяне. В структуре миграционного прироста они занимают второе место, обеспечивая 2/5 миграционного прироста населения Ставропольского края. В 1995 г. положительное сальдо миграции отмечалось в 85% сельских районов и 95% городов, при этом высокий миграционный прирост отмечался не только в районах традиционного расселения, но и в районах нового расселения армян (Ставрополе, малые города, сельские районы северо-западной, северной и центральной части края). Снижение мигра-

Этнические миграции на Северном Кавказе

ционного прироста армян в начале XXI века сопровождалось активным сокращением ареала с положительным сальдо миграции преимущественно за счет районов нового расселения (сельские районы северо-западной, северо-восточной и центральной части края).

Такой характер миграционных процессов у армян в сочетании с воспроизводственными процессами обеспечил дальнейшую концентрацию их в районах традиционного расселения, увеличив удельный вес в этих районах с 58,5 до 75,8%.

В 1970-1980-е гг. северокавказские народы (даргинцы, чеченцы и пр.) расселялись преимущественно в восточных районах Ставропольского края. Благодаря активной миграции и высокого естественного прироста в 1990-е гг. в Ставрополье отмечался отрицательный миграционный прирост, который в XXI веке сменился на положительный прирост. У чеченцев в настоящее время отмечается один из самых высоких коэффициентов миграционного прироста. У северокавказских народов также изменилась и география миграционного прироста. В частности, у даргинцев основной ареал с положительным сальдо миграции приходится на западные и центральные районы края, а так же города с высоким отрицательным сальдо миграции в районах традиционного расселения (за исключением Нефтекумского района)⁸.

Чеченцы, проживающие преимущественно в юго-восточной части края имеют положительный миграционный прирост практически во всех сельских районах (кроме Кировского) и большинстве городов (за исключением Буденновска, Невинномысска, Ессентуков).

Исследование территориальных особенностей миграционных процессов в регионе в 2002-2003 гг. показало, что Ставропольский край достаточно четко делится по характеру миграционного прироста на две зоны. Причем эти зоны выделяются не только по результативности этнических миграций, но и по этническому составу населения (См. Карту «Типы этнической структуры миграционного прироста населения Ставропольского края. 2002-2003 гг.»).

Первая зона **характеризуется миграционным приростом населения** и включает половину сельских районов и почти 75% городов Ставропольского края. В зоне миграционного прироста выделяется четыре типа этнической структуры миграционного прироста.

Первый тип – доминирование русских. Этот тип этнической структуры характерен для большинства сельских районов зоны (9 из 13) и для 8 городов (из 13). В большинстве своем это малые города, как правило, районные центры.

Второй тип – преобладание русских отмечается в четырех городах (Минеральные Воды, Пятигорск, Зеленокумск, Буденновск) и в одном сельском районе (Андроповском). В целом ареал

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

с доминированием и преобладанием в миграционном приросте русских охватывает 10 районов и 12 городов, расположенных в северо-западной и южной части края, занимая примерно 1/3 его территории. В этой зоне проживет 32% населения и 30% русских Ставропольского края. Большинство сельских районов этой зоны отличаются повышенным удельным весом русских в составе постоянного населения.

Третий тип – сочетание русских и армян, которое отмечается в Предгорном и Советском районах.

Четвертый тип представлен сочетанием армян и чеченцев и характерен для одного района Ставропольского края – Курского, который относится к регионам традиционного расселения армян, здесь же сформировалась ядро чеченской общины Ставрополя. Такая этническая структура миграционного прироста в Курском районе сочетается с массовым миграционным оттоком русских и высоким коэффициентом их миграционной убыли.

Вторая зона – **зона миграционной убыли населения**, включает четвертую часть городов и половину сельских районов. В нее входят 13 районов и четыре города (Ставрополь, Георгиевск, Благодарный, Нефтекумск). Для этой зоны присущи 5 типов этнической структуры миграционного прироста.

Пятый тип – доминирование в миграционном оттоке русских; на территории Ставропольского края он отмечается в двух районах, отличающихся по характеру этнической структуры постоянного населения, например, в Туркменском (пониженный удельный вес русских) и Кочубеевском (доля русских в составе постоянного населения превышает 90%).

Шестой тип характерен для наибольшей территории этой зоны (8 районов) – здесь отмечается преобладание русских в миграционном оттоке. Эта группа охватывает районы восточной и северо-восточной части края, отличающиеся повышенным удельным весом даргинцев и чеченцев в составе постоянного населения северокавказских народов. Левокумский, Арзгирский, Буденовский районы характеризуются самым высоким коэффициентом миграционного оттока в регионе. Напомним, что высокий коэффициент миграционной убыли русских в большинстве восточных районов отмечался в 1970-1980-е гг. в связи с активными урбанизационными процессами. В настоящее время можно говорить о начале повторной, но при этом более мощной дерусификации этнической структуры населения этих районов, которая происходит не только за счет миграции, но и депопуляции среди русских. К числу территорий, где в миграционном оттоке на протяжении большей части XXI века преобладают русские, относится и Ставрополь.

Этнические миграции на Северном Кавказе

Седьмой тип связан с доминированием армян, он отмечается в Новоселицком районе, который не относится к числу ареалов традиционного расселения армян. Но он активно заселялся ими в начале и середине 1990-х годов. В последующие годы в районе сформировался устойчивый миграционный отток армян.

Восьмой тип – преобладание даргинцев – сложился в Апана-сенковском районе.

Девятый тип – сочетание русских и армян – характерен для Александровского района.

В последнее время зона миграционной убыли населения характеризуется расширением (к ней присоединились Новоалександровский, Кочубеевский, Благодарненский районы), а также ростом коэффициента миграционной убыли за счет русских.

Таким образом, в условиях нового геополитического положения в де-факто приграничном Ставропольском крае происходят существенные трансформации количественных и качественных параметров этнической миграции, изменяется характер этнодемографических процессов. В итоге это приводит к изменению этнического состава населения, географии расселения этнических групп в регионе.

Примечания

¹ Белозеров В.С. Этнодемографические процессы на Северном Кавказе. Ставрополь, 2000.

² Под термином «деруссификация этнической структуры» авторы понимают снижение доли русского населения в общей численности населения.

³ Этнические миграции в Ставропольском крае: проблемы адаптации и миграционное поведение этносов. Научно-исследовательский отчет / Под ред. В.С. Белозерова. Ставрополь. 2002.

⁴ Белозеров В.С. География и динамика этнической структуры населения Северного Кавказа. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора географических наук. Институт географии РАН. М., 2000.

⁵ Этнические миграции в Ставропольском крае: проблемы адаптации и миграционное поведение этносов. Научно-исследовательский отчет / Под ред. В.С. Белозерова. Ставрополь. 2002.

⁶ Белозеров В.С. Этнодемографические процессы на Северном Кавказе.

⁷ Этнические миграции в Ставропольском крае: проблемы адаптации и миграционное поведение этносов.

⁸ Белозеров В.С., Панин А.Н. Карта «Этнические миграции в Ставропольском крае». Ставрополь, 2000.

Глава 3. Фактор этно-группового ирредентизма в контексте обеспечения безопасности приграничных регионов Сибири и Дальнего Востока: к оценке приоритетов исследования

Формирование новой пограничной, миграционной и этнополитической ситуации в России в целом, и в ее восточных регионах в особенности, сделал настоятельно необходимым анализ геополитических последствий этих процессов. Граница рассекла ареалы проживания многих этнических групп, в результате миграционных процессов в приграничье формируются (или могут сформироваться) группы российского населения, этнически родственные народам соседних стран. Проблема реальных или потенциально возможных взаимоотношений этих этнических групп с соседними государствами становится необходимым предметом изучения.

Для логики предлагаемого анализа важным является понятие «потенциально ирредентной этногруппы» (ПИЭГ). Исходя из того, что ирредентизм – это движение в приграничных регионах за отделение от собственного государства и присоединение к сопредельному, под категорией ПИЭГ мы понимаем этническую группу (часто, но не обязательно меньшинство), компактно проживающую по отношению к основному для нее («родному») этническому массиву по другую сторону государственной границы.

Используя термин «этнос», автор предпочитает понимать его преимущественно как объективно существующую реальность в виде большой социальной группы, идентифицирующей себя как единое целое по общности территории происхождения, языка (либо памяти об общем языке), культуры (либо памяти об общей культуре). Члены такой социальной группы сознательно относят себя к ней.

Исходя из такого понимания ПИЭГ, уместно полагать, что это феномен приграничных регионов. В самом деле, на региональном уровне ПИЭГ не всегда является этническим меньшинством. Например, русские составляют большинство в приграничных с Российской Федерацией Восточно-Казахстанской и Павлодарской областях Республики Казахстан, являясь по нашему определению ПИЭГ. В Алтайском крае и Республике Алтай ПИЭГ являются казахи, основная масса которых проживает здесь именно в приграничных с Казахстаном районах, но в целом на российской территории – они меньшинство.

Во многих случаях, но не всегда, представители ПИЭГ конституируют себя как «разделенный народ» и в ряде случаев могут та-

Фактор этно-группового ирредентизма...

ковым быть признаны. По нашим эмпирическим наблюдениям, они не всегда считают себя диаспорой. Так, например, мигранты-китайцы, которые оседают в приграничных российских регионах Восточной Сибири и Дальнего Востока, безусловно, являются потенциально ирредентной группой. Но многие из них не склонны считать себя диаспорой, усматривая в этом определении нечто уничижительное. Они полагают, что «возвращаются» и оседают на территории, «временно утраченной Китаем» и по условиям «неравноправных договоров» присоединенной к России.

По несколько иным причинам не осознают себя диаспорой многие казахи приграничных районов Алтайского края. С одной стороны, они считают Кулундинскую степь, где компактно проживают еще с имперского периода, своей «исторической родиной». А с другой стороны, алтайские казахи в основном являются носителями интеграционных настроений. Тот факт, что они превратились в разделенный народ и проживают по другую сторону границы от основного этнического массива, они считают явлением переходящим, временным, возлагая большие надежды на политическую интеграцию России и Казахстана.

При рассмотрении проблематики безопасности приграничных регионов необходимо учитывать фактор их «контактности». «Контактность» – одна из главных функциональных характеристик границы и подразумевает действие принципа барьерности, определяемого совокупностью условий и факторов, затрудняющих трансграничные связи, и одновременно принципа взаимодействия – как совокупности условий и факторов, благоприятствующих трансграничному сообщению, развитию экономических, культурных, социальных связей¹. Представители различных этнических групп, населяющих приграничные регионы, активно взаимодействуют между собой, контактируют и с сородичами за границей, что также формирует контактность.

Представляется, что полиэтничность приграничных регионов может нести в себе потенциал как реальных, так и гипотетических угроз безопасности в такой же мере, как она способна – в зависимости от конкретных местных условий – являться фактором роста потенциала медиационных характеристик, функций региона-буфера в отношениях между этническими группами.

Угроза этнических конфликтов

Она характерна не только для приграничных регионов, но именно для них она наиболее значима. Часто имея ограниченные возможности оказывать влияние на выработку «региональных правил иг-

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

ры»², центр сталкивается с угрозой утратить контроль над ситуацией. Как известно, этнические конфликты и их урегулирование – это проблема не только для России, но и для всего мира. Для их своевременного предотвращения, локализации и урегулирования необходимы специальные исследования причин и механизмов, изучение конфликтного потенциала, научно обоснованная выработка путей преодоления конфликтных ситуаций на этнической почве, методов «снятия» противоречий между участниками (потенциальными участниками) конфликта.

Большинство специалистов в области конфликтологии выделяет две фазы конфликта: латентную и открытую. «Спусковым крючком» для начала открытых действий может оказаться самое незначительное событие. Один из вариантов динамики конфликта: от «прохладных отношений» к претензиям, обвинениям и угрозам; конфликт имеет длительную протяженность и обычно не перерастает в открытое вооруженное противостояние. В качестве примера можно привести длящийся около трех веков конфликт между алтайцами и казаками в Горном Алтае, в районе границы с Монголией, Китаем и Казахстаном, где, правда, иногда имели место локальные вооруженные столкновения. Другой вариант – быстрое развитие конфликта: от охлаждения отношений к демонстрации силы и к вооруженным действиям. Пример – осетино-ингушский конфликт.

Модели межэтнических конфликтов описывались В.-Д. Эбервайном, Т. Гусаком, Д. Прюэтом, Дж. Рубиным, Н.А. Косолаповым и др. По мнению Д. Прюэта и Дж. Рубина, межэтнический конфликт обычно развивается спиралеобразно. Его истоки лежат в исторических корнях и мифологемах. При этом стороны стараются «наказать» друг друга (отомстить). И даже если конфликт развивается по формуле «нападение – защита», он обычно неуклонно переходит к варианту «нападение – нападение». Эскалации межэтнической напряженности способствуют политическая пропаганда, психологические и социальные изменения, возникшие в обществе. Именно в приграничных регионах, в связи с их спецификой, вероятность действия данных факторов повышается. Во-первых, в случае наличия в регионе ПИЭГ политическая пропаганда, подталкивающая к конфликту, может носить, с одной стороны, трансграничный характер, а с другой стороны, исходить от тех или иных структур титульного этноса или этнического большинства.

В социально-психологическом плане конфликт способен возникнуть, например, в результате того, что представители ПИЭГ могут полагать, что они проживают в условиях психологического дискомфорта и социальной дискриминации в сравнении с со-

Фактор этно-группового ирредентизма...

отечественниками по другую сторону государственной границы, а причина тому – действия этнического большинства или титульного этноса.

Этноконфликтный потенциал приграничных регионов может повышаться в связи с миграционными процессами. Так, многие русские и русскоязычные мигранты из Казахстана в Алтайском крае оседают именно в приграничных районах, где проживают и этнические казахи. Отношение мигрантов к казахам достаточно негативно, так как они считают, что в Казахстане подвергались этнической дискриминации.

Опасность этнического конфликта в приграничном регионе связана и с тем, что велика вероятность вступления в него в той или иной форме внешнеполитических акторов, а также перерастание этнического конфликта в межгосударственный. Показательный пример – карабахский конфликт, переросший в противостояние между Азербайджаном и Арменией; участником конфликта чуть было не стал Иран, стремившийся обеспечить безопасность собственной территории.

Угроза территориальной целостности государства

Именно в приграничных регионах особенно велика угроза **сепаратизма** как стремления к отделению, обособлению, движение за отделение части государства и создание нового государства / присоединение к другому государству. Сепаратизм, как известно, может принимать две формы: **сецессию** – выделение региона или его части из государства с образованием нового государства; и **ирредентизм** – стремление представителей ПИЭГ («разделенного народа») к воссоединению с проживающей по другую сторону границы этнической общностью, которая часто является титульным для сопредельного государства этносом.

В 1904 г. в Горном Алтае среди алтайцев развернулось достаточно широкомасштабное движение бурханистов, которые выступали за отделение от России и воссоздание независимого Государства Ойратов. Бурханисты подверглись репрессиям со стороны государства и гонениям со стороны русской части населения³. В настоящее время сторонники бурханизма в Республике Алтай заметно активизировали свою пропаганду; пока они ратуют за «возрождение религиозно-культурных ценностей», но, как известно, многие сепаратистские движения зарождались именно в таких формах.

В качестве примера ирредентизма есть смысл указать на ситуацию в Джамму и Кашмире (Индия). Ирредентистское движение существует в Абхазии, Южной Осетии, где оно проявляется как

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

стремление к отделению от Грузии и присоединению к России, а также в Приднестровье (за отделение от Молдовы и присоединение к России). Можно предположить, что гипотетически и в не вполне определенном будущем с проблемой ирредентизма могут столкнуться приграничные с Китаем российские территории Восточной Сибири и Дальнего Востока, «принимающие» мигрантов-китайцев, а также Алматинская и Талдыкорганская области Казахстана. С этой проблемой потенциально может столкнуться российский Алтай, где в пограничных районах компактно проживают казахи; в этом случае с подобного же рода угрозой столкнется сопредельный Казахстан, где в северных и восточных районах страны ПИЭГ («разделенным народом») являются русские.

Угроза роста трансграничной этнической преступности

Трансграничная преступность (контрабанда, наркотрафик, торговля людьми и т.д.) – составная часть жизни любого приграничья. Криминал, организованный на этнической основе – также известный феномен. В условиях относительной «прозрачности» российских границ и процветающей коррупции организованные преступные группировки, объединенные по этническому признаку, легко устанавливают и «эффективно» используют связи с криминалом сопредельного государства. На «криминальную арену» постепенно выходят международные, трансграничные преступные синдикаты.

Так, связи китайских мигрантов в российских регионах Восточной Сибири и Дальнего Востока позволили наладить канал контрабанды из Китая в Россию суррогатной алкогольной продукции, нелегальный вывоз из России в Китай стратегических товаров, а также нелегальную миграцию в Россию с последующей легализацией китайской рабочей силы. Об этом косвенно может свидетельствовать то обстоятельство, что для Дальнего Востока ежегодная квота на присутствие иностранной рабочей силы составляет 15 тыс. человек, тогда как только в Приморском крае официально зарегистрировано свыше 16 тыс. китайцев, а реально их как минимум в 2,5 раза больше⁴.

Существует проблема трансграничной этнической преступности, связанной с криминалитетом из числа казахов и в Алтайском крае. Прежде всего на уровне этнической преступности в приграничных районах края растет число преступлений, связанных с хранением, провозом и распространением наркотиков, в том числе «тяжелых» наркотических веществ; увеличивается количество краж и угонов скота, транспортных средств, сельскохозяйственной

техники на территорию сопредельного государства; нарастают объемы контрабанды из Казахстана в Россию спиртосодержащей продукции, а в обратном направлении – леса и пиломатериалов⁵.

Угроза оказания со стороны сопредельного государства экономического и/или политического давления на Россию с использованием этнического потенциала

Наличие в приграничных регионах ПИЭГ делает реализацию данной угрозы в неблагоприятных для России условиях значимой. Потенциально, с учетом миграции в сибирские и дальневосточные регионы китайцев, такого рода угроза может исходить от Китая. Китай имеет опыт использования потенциала китайской диаспоры (хуацяо) для давления на такие страны их проживания как Таиланд, Индонезию, Мьянму, Малайзию. «Правомерность» применения силы в конфликте с Вьетнамом в 1979 г. отчасти обосновывались китайским руководством тем, что вьетнамские власти приняли ряд мер по ущемлению прав хуацяо. Китай имеет возможности использовать уже сложившийся потенциал хуацяо в России: только в Москве выходит несколько китайских газет, работает китайская радиостанция и две пейджинговые компании; проживают китайцы в российской столице компактно в десяти «чайна-таунах». В.Г. Гельбрас оценивает численность китайцев в Москве не менее чем в 25 тыс. человек. Еще большее значение в этом смысле может иметь формирование компактных китайских поселений в приграничных районах.

Потенциальные источники угрозы ирредентизма для восточных регионов

Именно китайцам и казахам необходимо уделять особое внимание при анализе проблемы «этнос и безопасность приграничных регионов». Именно два этих этнических меньшинства обладают в России во многом сходными количественными и качественными характеристиками. Их численность в России – соответственно порядка 500 тыс. и 750 тыс. – достаточно велика и вполне сопоставима. Это больше, чем численность многих российских титульных этносов, имеющих национально-территориальные образования – алтайцев, хакасов, башкир, тувинцев и др.

Следовательно, потенциально в перспективе китайцы и казахи могут выступить перед российскими властями с требованием предоставления им национальных автономий в районах компактного проживания. Значительная, а иногда и большая их часть прожива-

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

ет в приграничных регионах, сопредельных с государством – «исторической родиной»: китайцы в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке; казахи вдоль границы с Казахстаном в регионах Нижнего Поволжья, Южного Урала и Западной Сибири (только в Западной Сибири, в основном в пограничных районах, проживает более 140 тысяч казахов; на некоторых участках пограничной зоны в Нижнем Поволжье и на Южном Урале численность казахов превышает численность других этносов). Это создает определенный потенциал для угрозы ирредентизма, конечно, при реализации для России неблагоприятной модели развития. Миграция китайцев и казахов в приграничные регионы России приобретает новые импульсы⁶. Мигранты компактно расселяются (или будут расселяться) соответственно вдоль всего российского пограничья с Китаем (около 4380 км) и Казахстаном (около 7500 км).

Безусловно, не следует рассматривать все ПИЭГ в качестве источников угроз и вызовов безопасно приграничных регионов и России в целом. Тем более, что российские казахи не создают серьезных угроз безопасности, за исключением наличия этнополитического напряжения в отношениях между алтайцами и казахами на юге Республики Алтай; играют преимущественно позитивную роль в развитии регионов проживания, не являются «стимуляторами» межэтнического противостояния, способствуют развитию трансграничного взаимодействия России и Казахстана и выступают в качестве носителей интеграционных настроений. В условиях целенаправленной, осмысленной, взвешенной общегосударственной и региональной этнической политики и китайцы, и казахи могут способствовать укреплению трансграничного сотрудничества между Российской Федерацией и своей «исторической родиной», экономическому, социальному и культурному развитию приграничных российских регионов.

Однако не следует игнорировать и негативный исторический опыт, теоретическую возможность негативных сценариев этнополитической ситуации в приграничных регионах⁷. Кроме того, Пекином в настоящее время принята на вооружение доктрина «стратегических границ и жизненного пространства», согласно которой Китай нуждается в «жизненном пространстве» с целью решения демографической проблемы⁸. Некоторые западные эксперты сегодня открыто высказывают мысль о необходимости канализации китайского демографического давления в «недонаселенные» российские регионы Сибири и Дальнего Востока⁹.

Не драматизируя ситуацию, необходимо проводить мониторинг и анализ этнополитической ситуации в приграничных регионах России, прежде всего тех, где в значительном количестве про-

живают ПИЭГ и наличествует этноконфликтный потенциал. К ним относится российский Алтай, включающий в себя два субъекта Российской Федерации – Алтайский край и Республику Алтай.

Казахское население Алтая

Алтайский край (площадь – 169,1 тыс. км², административный центр – г. Барнаул, численность населения – 2,7 млн. жителей) и Республика Алтай (площадь – 92,6 тыс. км², административный центр – г. Горно-Алтайск, численность населения – 205 тыс. жителей) по своему этническому составу являются полиэтничными регионами с численным преобладанием русских.

В Алтайском крае русские составляют 89,5% населения, вторым по численности этносом являются немцы – 4,8%. На все остальные этносы приходится 5,7% жителей. Казахи составляют 0,4% населения (порядка 11 тыс. человек) и населяют в основном пограничные с Республикой Казахстан районы. Край имеет около 860 км государственной границы России с Казахстаном и граничит с его Восточно-Казахстанской и Павлодарской областями. Пограничную зону имеют 12 районов на юге и западе края с населением свыше 350 тыс. жителей; непосредственно в пограничной зоне расположено 47 населенных пунктов. На территории края дислоцируется Барнаульский пограничный отряд, расположено пять таможенных постов, шесть автомобильных и три железнодорожных пункта пропуска через государственную границу.

В Республике Алтай русские составляют 60% населения, на долю коренного (титульного) этноса – алтайцев приходится 31%. Казахи (третий по численности этнос) составляют 5,8% жителей, на долю остальных этносов приходится 3,2% от общего числа жителей. Республика Алтай имеет государственную границу Российской Федерации с Монголией (Баян-Ульгийский аймак), Китаем (Синьцзян-Уйгурский автономный район), на долю Казахстана приходится 518 км государственной границы (Восточно-Казахстанская область). На территории республики дислоцируется Алтайский пограничный отряд; через республику проходит трансграничная автомагистраль федерального значения, связывающая Россию и Монголию (Чуйский тракт); с Казахстаном трансграничные коммуникации развиты крайне слабо.

На протяжении XX в. численность казахов Горного Алтая постоянно росла. В 1897 г. – 559 человек, в 1917 г. – уже около 2000¹⁰, в 1959 г. – 4745, в 1970 г. – 7170, в 1979 г. – 8677, а в 1989 г. – 10672. До 86,5% казахов проживают на территории Кош-Агачского и Улаганского районов (юг Горного Алтая: Чуйская и Курайская вы-

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

сокогорные долины), еще 8,5% – в Усть-Канском, Онгудайском и Шебалинском районах. В Кош-Агачском районе сосредоточено 83,4% горно-алтайских казахов, что составляет 54,4% его населения (алтайцы – 39,6%, русские – около 6%). Из одиннадцати сельских советов этого муниципального образования казахи преобладают по численности в четырех. Преимущественно «казахскими» в Кош-Агачском районе (данные на 2002 г.) являются поселки Жана Аул и Актал Казахского сельсовета (более 99%), Тюбелер и Ташанта Тюбелерского сельсовета (более 97%), Джазатор и Куркуре Джазаторского сельсовета (казахи – 65,2%, алтайцы – 31%, русские – 3,8%), а также п. Кош-Агач (казахи – 76,3%, алтайцы – 16,7%, русские – 3,8%)¹¹. В других населенных пунктах большинство (при наличии казахов) составляют алтайцы.

Казахи и русские Алтайского края: характер взаимоотношений

Межэтнические взаимоотношения казахов с русскими как абсолютным этническим большинством в регионе степного Алтая со второй половины XVIII до конца XX в. эволюционировали от враждебных к комплиментарно-нейтральным и далее к дружественным. Этот динамичный процесс первоначально был связан с экономической целесообразностью. Хозяйственное взаимодействие русских и казахов, взаимодополняемость кочевого и оседлого хозяйственно-культурных типов приводили к своеобразной культурной диффузии. Это способствовало постепенному становлению в основном дружественных отношений русских и казахов¹².

Большая часть казахов Алтайского края проживает сейчас в пограничных Кулундинском, Благовещенском и Угловском районах. На их территории нами был проведен социологический опрос. Им были охвачены населенные пункты трех типов: преимущественно с казахским населением («казахские»), преимущественно с русским населением («русские») и населенные пункты, где русские преобладают, но казахи составляют значительную (10 – 40%) часть жителей («смешанные»). Согласно Дж. Мангейму и Р. Ричу, выборка, аналогичная нашей, является репрезентативной. Обработка материалов проводилась посредством шкалирования по методикам Лайкерта, Гутмана и Терстоуна, а также по методу семантического дифференциала¹³.

Согласно опросу, у казахов «казахских» населенных пунктов в целом сформировался нейтральный образ русских. Из представленных пар антонимов по семибальной шкале средние показатели колебались по всем параметрам от 4,0 до 4,9 – при среднем значении

Фактор этно-группового ирредентизма...

4,5. В рамках указанных параметров экстремумы показывают, что русские представляются «богатыми» и «полезными». То есть в формировании позитивного образа русских главную роль играет экономический фактор. Индивидуальные показатели подтверждают этот вывод, причем количество негативно настроенных по отношению к русским казахов (6,7% респондентов) оказалось в три раза меньше тех, кто имеет позитивный образ (20,0% респондентов).

Жители «русских» населенных пунктов оценивают личные качества казахов существенно ниже. У них средний показатель составляет 3,71. При в целом нейтральном отношении русских к казахам один из десяти параметров вышел за рамки допустимой нормы: русские считают казахов неделикатными (два пункта отклонения от медианы). Кроме того, близки к негативной критической оценке такие качества казахов, как неискренность и нечистоплотность. Таким образом, если у казахов доминирует рациональный (экономический), то у русских – эмоциональный фактор. Индивидуальные показатели по этой группе демонстрируют следующее: вне нормально допустимых параметров позитивно оценивают казахов 9,1% респондентов, а негативно – почти вдвое больше – 15,9% респондентов.

В «смешанных» населенных пунктах все параметры взаимных этнических оценок русских и казахов не только в пределах медианы (плюс-минус 1), но и близки к абсолютному среднему показателю (4,0). Так, среднестатистическая оценка русскими казахов составила здесь 3,86, а казахами русских – 3,94. Относительный показатель индивидуальных экстремальных координат в «смешанных» населенных пунктах также очень низкий: позитивно настроенных оказалось 3,57% респондентов, негативно – также 3,57% из числа опрошенных.

Об уровне межэтнической толерантности можно судить по следующим показателям. На нежелательность проживания казахов в «русских» населенных пунктах указали 70,6% респондентов, а на совместное проживание ориентировано лишь 26,8%. В качестве гостей казахов здесь согласны принять 47,4% респондентов, но 68,4% из них возражают против русско-казахских браков. Население «казахских» населенных пунктов более толерантно: 86,5% респондентов согласны на вселение в их поселок русских, 91,7% согласны принять русских в гости, а 50,0% согласны на брак своего ребенка с русским/русской.

При большей межэтнической толерантности казахи менее веротерпимы. К представителям мусульманской конфессии позитивно относятся 83,2% жителей «русских» населенных пунктов, и лишь 65,4% жителей «казахских» поселков считают достойным уваже-

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

ния христианство. Одной из причин этого, видимо, является та существенная роль, которую играет религия в самоидентификации казахов в условиях иноэтничной и иноконфессиональной среды.

В «смешанных» населенных пунктах мнения по вопросу о желательности совместного проживания разделились: 100,0% казахов согласны с таким положением, но среди русских позитивно к этому отнеслись только 53,9% респондентов. 4/5 казахов здесь позитивно относятся к приему русских в качестве гостей, но лишь 1/5 положительно относится к межнациональным бракам. Среди русских 73,1% готовы принять казахов в качестве гостей, 64% согласны на брак своих детей с казахом/казашкой, но при этом 1/3 участвовавших в опросе русских желала бы отселения казахов из их поселка.

Интерес представляют отдельные оценки респондентов. Так, принимавшие участие в опросе казахи считают, что в русских «есть что-то чуждое, непонятное мне». И русские, и казахи «своим соплеменникам доверяют больше, чем представителям иных этносов». Русские к тому же полагают, что «казахи являются отрицательным примером для подражания», а «если казахам предоставить деньги и власть, то они начинают этим злоупотреблять и причинять другим неприятности». Но на уровне индивидуального общения между русскими и казахами грани коллективных стереотипов размываются, а то и вовсе стираются. Наиболее ярким показателем взаимной комплиментарности и доверия друг другу является тот факт, что абсолютное большинство русских и казахов из числа респондентов согласны как взять, так и одолжить деньги представителю иного этноса.

В целом, по всем интегральным шкалам и практически по всем количественным и качественным параметрам потенциал межэтнической напряженности в приграничных районах Алтайского края невысок и находится в пределах допустимых норм. Вероятность обострения межнациональных отношений в сложившихся условиях минимальна, а значит и минимальна угроза региональной безопасности, исходящая из межэтнической ситуации¹⁴.

Однако, эта благоприятная межэтническая ситуация вполне может приобрести и отрицательную динамику. В алтайском пограничье за последние годы заметно увеличилась численность русских и русскоязычных переселенцев из Казахстана. Как показали наши исследования, многие мигранты резко негативно относятся к казахам. Тем самым, давшая ростки в последние годы взаимная бытовая неприязнь некоторых русских и казахов, существующая пока не на уровне массового сознания, а в отношениях отдельных людей и семей, но именно на межэтнической основе, может эволюционировать в сторону реальной межэтнической напряженности.

**Казахи в системе межэтнических взаимоотношений
в Республике Алтай**

Более сложная межэтническая ситуация сложилась в пограничных районах Республики Алтай. Взаимная неприязнь алтайцев, как представителей коренного титульного этноса, и казахов имеет здесь глубокие исторические корни. Воспользовавшись гибелью под ударами маньчжуро-китайских войск Джунгарского ханства, в состав которого входила большая часть Горного Алтая, во второй половине 50-х – начале 60-х гг. XVIII в. казахи Среднего жуза предприняли серию грабительских и разорительных военных походов. Эти события положили начало конфликту и сохраняются в исторической памяти алтайского народа по сей день. С 30-х гг. XIX в. вплоть до начала XX столетия происходили массовые перекочевки казахов в Чуйскую степь и Курайскую долину. Им удалось занять значительную часть удобных высокогорных пастбищ и существенно сузить тем самым эколого-хозяйственную нишу коренного населения. В этих условиях взаимная неприязнь двух этносов пустила еще более глубокие корни. А высокий уровень сплоченности, взаимопомощь и сохранение родовых связей с основным этническим массивом позволили казахам составить серьезную конкуренцию алтайцам. К сожалению, этот опыт исторических контактов негативно воздействует и на современную межэтническую ситуацию¹⁵.

О сложной этнополитической обстановке свидетельствует многое. Казахи не допускают взаимной инфильтрации традиций в соционормативной сфере: общественное мнение не поощряет браки с иноверцами, погребально-поминальная обрядность казахов Горного Алтая разделяет людей по этноконфессиональному признаку. В населенных пунктах казахи и алтайцы практически никогда не проживают дисперсно, между «казахскими» и «алтайскими» частями поселков нередко локальные конфликты на повседневно-бытовом уровне, часто доходящие до криминала. Во многом это связано не только со взаимным неприятием, но и с широким распространением хронического алкоголизма.

С 1990 г. приобрел массовый характер исход казахов за пределы Горного Алтая, прежде всего на территорию Казахстана. Если в 1991 г. в Кош-Агачском районе насчитывалось 8200 казахов и 7013 алтайцев, то в 1993 г. – 6377 и 7264 соответственно. Сами казахи объясняли причины миграции чаще всего притеснениями со стороны алтайцев. Правительственная комиссия, которая работала в 1992 году, главной причиной назвала стремление к воссоединению с основным этническим массивом после провозглашения независи-

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

мости Республики Казахстан. Этот фактор, безусловно, играл свою роль, но, на наш взгляд, главная причина миграции – все же межнациональная напряженность.

К середине 1990-х гг. миграция казахов из Горного Алтая в Казахстан пошла на убыль; началось довольно массовое возвращение. Так, в 1994 г. уехали 153 человека, а вернулись – 1377 человек (из них в Кош-Агачский район – 699 человек); в 1995 г. – соответственно 209 и 1200 человек (из них в Кош-Агачский район – 686 человек). Такая тенденция сохранялась и в последующие годы. Причем многие возвращаются, утратив в переездах практически весь скот и имущество, что заставляет их в условиях сложной социально-экономической ситуации в регионе и фактически поголовной безработицы (реальной или скрытой – когда не выплачивают зарплату) обращаться к криминальной деятельности и пробавляться угодом скота у алтайцев.

Это еще более накаляет межэтнические отношения. Во второй половине 1990-х гг. в республиканской прессе был опубликован ряд открытых коллективных писем алтайцев – жителей Кош-Агачского и Улаганского районов к депутатам Эл-Курултая с требованием не допускать возвращения уехавших казахов. Жители села Мухор-Тархата Кош-Агачского района писали: «Они возвращаются без увезенного скота, лишь нагрузив свое имущество на одну автомашину. Вернувшись же, начинают воровать скот, грабить стоянки... Теперь, как стало известно, хотят вернуться 200 семей. Их возвращение не принесет нам никакой пользы. Уезжая – грабили, приехав – грабят... Мы не можем более молчать, наше терпение вышло. Поэтому мы не впустим в свой колхоз возвращающихся из Казахстана. Мы просим депутатов Эл-Курултая помочь в рассмотрении следующих вопросов. 1. Не допускать возвращающихся переселенцев не только на территорию Мухор-Тархаты, но и всего района. Возвращение переселенцев приведет к увеличению числа безработных и сокращению пастбищ и покосов. В районе и так остро стоит квартирный вопрос, теперь он станет еще острее. Возрастет воровство скота и имущества, как колхозного, так и жителей. 2. Привлечь к уголовной ответственности грабителей стоянок и скота. 3. Принимать на работу во властные структуры района не только казахов, но и алтайцев, русских. В районе нарушаются права людей при устройстве на работу. Многие принимаются на работу по национальному и родственному признакам...»¹⁶. Цитированное открытое письмо было утверждено на общем собрании жителей села Мухор-Тархата 30 апреля 1997 г. Его подписали 99 человек.

Негативную реакцию в алтайской среде вызывает лоббирование узконациональных интересов в административных структурах

Фактор этно-группового ирредентизма...

Кош-Агачского и Улаганского районов, где ключевые посты занимают казахи. Недовольство вызывает и скрытое противостояние при решении важных социальных и политических вопросов, включая избрание депутатов Эл-Курултая Республики Алтай и Государственной Думы Российской Федерации, когда казахи, как правило, выступают консолидировано против кандидатов алтайского происхождения. Настороженную реакцию коренного населения, среди которого преобладают православные христиане и представители традиционных культов, вызывает активная исламизация Кош-Агачского и Улаганского районов: за последние годы здесь было основано шесть мечетей. В этом многие алтайцы видят «казахское наступление» на автохтонные культуру и религию.

Все это ведет к обострению взаимного неприятия алтайцев и казахов. По материалам этносоциологического мониторинга, проведенного на территории Кош-Агачского района, 33% респондентов открыто констатируют факт межэтнической напряженности. Причем 28% русских, 21% алтайцев и 13% казахов утверждают, что их социальные возможности ниже, чем у представителей других национальностей. В качестве основных причин межэтнической напряженности респонденты указывали: «распределение административных и руководящих постов по национальному признаку» – 40%, «ухудшение экономической ситуации» – 39%, «борьбу за рабочие места» – 31%, «борьбу за власть» – 25%, «неуважение обычаев» – 25%. Таким образом, не этнополитические стереотипы, но политические и социально-экономические причины играют главную роль в формировании этнополитической ситуации¹⁷.

Итак, в настоящее время в пограничных районах Республики Алтай алтайское и казахское население находится в состоянии латентного этнического конфликта, и потенциал перехода этого конфликта в открытую фазу значителен.

Проблема трансграничной преступности на Алтае: этнический фактор

Прозрачность российско-казахстанской границы, безусловно, отрицательно влияет на динамику криминогенной обстановки в Алтайском крае и Республике Алтай. Во многом это обусловлено именно наличием трансграничных «межгосударственных» преступных групп. Помимо официальной статистики МВД, на угрозу роста трансграничной преступности указывает и мнение местного населения. По инициативе ФПС РФ в октябре 2000 г. был проведен социологический опрос, которым была охвачена 1000 респондентов из числа жителей десяти приграничных районов Алтайского

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

края. Участники опроса должны были выделить и дифференцировать некоторые обусловленные приграничным положением региона угрозы для местных жителей. Для нас важно, что 44% респондентов в качестве наиболее опасной угрозы указали контрабанду, а 27% – рост преступности. На вопрос о том, какие организации оказывают наибольшее влияние в их районе и на государственной границе, 8% респондентов прямо ответили, что это – трансграничные преступные группировки.

В их деятельность оказываются вовлеченными и проживающие в приграничных районах края и республики казахи. Главная проблема в этом плане – неуклонный рост числа случаев краж и угона скота на сопредельную территорию Казахстана. В среднем по каждому приграничному району в настоящее время совершается 5-6 преступлений такого рода ежемесячно; угоняют по каждому району 7-10 коров, не считая мелкий рогатый скот и лошадей. Раскрываемость таких преступлений, по словам представителей МВД, чрезвычайно низка. Местные жители приграничных поселков в личных беседах прямо заявляют, что существует хорошо отлаженная связь между преступниками в приграничных районах Алтая и Восточно-Казахстанской и Павлодарской областей; причем они даже называют имена подозреваемых – чаще всего именно представителей казахского этноса. По словам наших респондентов, казахи «аборигены» сами не крадут скот, но выступают для связанных с ними «гастролеров» из Казахстана в роли наводчиков-информаторов, а также обеспечивают своеобразную перевалочную базу.

Бороться с подобными преступлениями органам МВД трудно. Среди казахов действует принцип круговой поруки – они практически никогда не «сдают» преступников и никогда не сознаются в преступлениях, если не задержаны непосредственно на месте их совершения, или угнанный скот не обнаружен на их подворье. Действие принципа круговой поруки наиболее выпукло и болезненно проявляется среди казахов Республики Алтай, где представители этого этноса в районах компактного проживания занимают ключевые посты в органах муниципального управления и структуре МВД. Сложность заключается в том, что местные преступники и коррумпированные представители власти, получив информацию о проведении силовыми структурами каких-либо спецопераций по пресечению трансграничной преступности, оперативно оповещают об этом своих «партнеров» на сопредельной территории Казахстана.

В личных беседах респонденты часто отмечали участие местных казахов в контрабанде наркотиков и суррогатной алкогольной продукции. На официальном уровне представители районных пра-

Фактор этно-группового ирредентизма...

воохранительных органов отрицают особую роль местных казахов в такого рода преступной деятельности. Однако в личных беседах офицеры МВД говорят об обратном, более того – они указывают на прямую зависимость между провозом через государственную границу партий наркотиков и спирта и ценами на эту «продукцию» на местном «черном» рынке.

В случае неприятия адекватных мер, угроза роста трансграничной преступности в приграничных районах Алтая будет усиливаться, а участие в криминальной деятельности местных казахов усугубляет ситуацию. Из этого отнюдь не следует, что в сложившейся ситуации повинны исключительно представители казахского этноса, поэтому необходимы какие-либо специальные репрессивные меры, направленные «точечно» против казахской этнической преступности. Однако игнорировать проблему нельзя, и специфическая методика по работе с казахским этническим меньшинством в рамках антикриминальных мероприятий должна быть выработана.

Казахи Алтая как возможный инструмент политики Казахстана

В контексте сложившейся после распада СССР ситуации неизбежен вопрос: возможна ли сейчас или в неопределенном будущем угроза оказания со стороны Республики Казахстан экономического и/или политического давления на Россию с использованием потенциала казахов Алтая? В нашем понимании, вероятность этого предельно мала. Во-первых, не таковы доминирующие политические настроения алтайских казахов, о чем речь пойдет ниже. Во-вторых, даже в случае негативного сценария российско-казахстанских отношений и дальнейшего ослабления России у Астаны есть более эффективные рычаги давления на Москву. Это, в частности, углубление диверсификации внешнеэкономических и внешнеполитических связей, дискриминация российского бизнеса на казахстанском рынке, «шантаж» угрозой размещения на территории Казахстана иностранных (не российских и не в рамках Договора о коллективной безопасности СНГ) военных баз и т.п. В-третьих, казахстанское руководство просто не имеет и, видимо, в среднесрочной перспективе не нарабатывает опыта использования потенциала своих зарубежных соотечественников для оказания давления на государства их проживания.

Представляется, что в настоящее время Астана может использовать этот потенциал только в позитивном для России и самого Казахстана плане – в рамках углубления экономического сотрудниче-

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

ства, политической интеграции, культурного обмена и т.д. Мы убеждены, что российское руководство должно идти в направлении установления с Казахстаном прочных долгосрочных союзнических отношений, что, на наш взгляд, выгодно и России, и Казахстану. Более того, у двух стран нет иного пути развития взаимоотношений¹⁸. В этом случае российские казахи, впрочем, как и русские Казахстана, должны играть роль интегрирующего фактора¹⁹.

«Казахский фактор» и проблема территориальной целостности России

Рассмотрим вновь на примере Алтайского края и такой важный аспект нашего исследования – вероятность угрозы территориальной целостности Российской Федерации в связи с «казахским фактором». Нами был проведен опрос среди казахов Алтайского края, целью которого было выяснение уровня ирредентистских/сецессионных настроений. В «казахских» населенных пунктах 71% опрошенных высказались против возможной передачи Казахстану территорий компактного проживания казахов на Алтае, а поддержали эту идею только 5,2% респондентов. В то же время 20,5% опрошенных казахов считают, что Восточный Казахстан необходимо присоединить к России. Сильны в «казахских» поселках ожидания межгосударственной интеграции. Так, за трансформацию СНГ в единое государство высказалось 62,2% респондентов, а против – лишь 13,5%. Нет оснований говорить и о сецессионных настроениях: 82,1% опрошенных высказались против возможной независимости региона, а поддержали эту идею только 7,6% респондентов.

Еще более показательны результаты исследования среди казахов «смешанных» населенных пунктов. Здесь 100,0% (!) казахов поддержали бы присоединение к России восточных областей Казахстана, а 80,0% респондентов высказались против передачи Казахстану территории их проживания. Идею преобразования СНГ в единое государство с энтузиазмом воспринимают опять же 100,0% опрошенных казахов и столько же высказываются против независимости региона.

Поддержка идеи присоединения к России казахстанских территорий многими казахами Алтайского края во многом, на наш взгляд, связана с опытом тех, кто несколько лет назад выезжали на постоянное место жительства в Казахстан, но, столкнувшись там с многочисленными трудностями, вынужден был вернуться. Этот негативный опыт оказался сильнейшим уроком и сделал из алтайских казахов «россиифилов» и (в некотором роде) «казахстанофобов». Многие казахи считают, что в России для них перспектив го-

Фактор этно-группового ирредентизма...

раздо больше, чем в Казахстане, и, видимо, поэтому поддерживают такой вариант развития российско-казахстанских отношений, при котором часть их сородичей может вновь оказаться в составе России. Усиливает интеграционистские настроения естественное стремление сохранить связи с родственниками в Казахстане, а также мощная еще советская самоидентификация.

Более сложная ситуация в Республике Алтай. В первой половине 1990-х гг. лидеры казахов Горного Алтая ориентировались на установление тесных контактов с «исторической родиной» – Казахстаном. Поэтому они выступали с требованием рассматривать их в качестве казахской диаспоры. В связи с этим в июле 1996 г. в Кош-Агачском районе Институтом гуманитарных исследований Республики Алтай был организован этносоциологический мониторинг. Было сделано заключение, что горно-алтайские казахи не являются диаспорой, а сформировались в этнотерриториальную группу казахского этноса при социокультурном влиянии алтайцев, то есть представляют собой субэтнос²⁰. Негативный опыт миграции в Казахстан, а также факт получения во второй половине 1990-х гг. рядом алтайских субэтносов статуса коренных малочисленных народов, предполагающего социальные льготы и приоритетное финансирование экономических проектов, также привели к пересмотру данной позиции. Летом 1999 г. в п. Жана-Аул Кош-Агачского района состоялся Курултай казахов Республики Алтай. Его участники подняли вопрос о возможности считать казахов третьим коренным народом республики и ходатайствовали перед Администрацией Президента Российской Федерации о причислении горно-алтайских казахов к коренным малочисленным народам. В своем обращении участники Курултая подчеркнули, что в Горном Алтае казахи проживают на территории традиционного расселения и фактически потребовали предоставления национально-культурной автономии²¹. Одновременно было решено обратиться за поддержкой к правительству Республики Казахстан. Многие представители общественности и элиты Республики Алтай усмотрели во всем этом сепаратистские тенденции.

Возможно, с учетом становления «официальной национальной идеологии» Казахстана, согласно которой развитию казахского национального самосознания отдается приоритет²², лидеры горно-алтайских казахов пересмотрели свою стратегию. Летом же 1999 г. состоялся учредительный съезд казахов Алтая, где было принято решение о создании общественного движения «Курултай казахского народа». В 2000 г. его Устав был утвержден Министерством юстиции Республики Алтай. Деятельность Курултая вновь ориентировалась на взаимодействие с основным этническим массивом, со

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

структурами, представляющими интересы казахов России и других стран. В июле 2001 г. в Кош-Агачском районе состоялся Малый курултай казахов России, собравший лидеров казахов из Алтайского края, Москвы, Монголии, Китая, а также представителей Казахстана и Всемирной ассоциации казахов²³.

Таким образом, Кош-Агачский район превратился в некий центр консолидации казахов, проживающих за пределами Казахстана. Одним из официально провозглашенных принципов деятельности Курултая казахского народа является признание приоритета национального единства, интерпретация которого казахскими националистами может содержать и ирредентистскую составляющую. Для юга Горного Алтая эта угроза актуализируется еще и тем обстоятельством, что значительное количество казахов проживает на сопредельных территориях Баян-Ульгийского аймака Монголии и Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая. При неблагоприятной модели внутреннего развития России, Китая и Монголии юг Горного Алтая может стать своеобразным узлом трансграничного казахского ирредентизма.

Ростки ирредентизма могут укорениться в сознании среди казахской молодежи из-за ситуации в системе образования. В казахских национальных школах Алтайского края и Республики Алтай преподавание ведется по казахстанской республиканской программе А. Маженовой. Эта программа предполагает преподавание такого важного предмета, как история России, только лишь в рамках курса всеобщей истории. Историю же Казахстана учащиеся изучают по учебнику М.К. Козыбаева. Как отмечают авторитетные российские специалисты в области истории Казахстана, работы М.К. Козыбаева, в том числе и написанные им учебники, несут ярко выраженный националистический и антироссийский характер. Альтернативы учебнику М.К. Козыбаева на казахском языке нет. Такая же проблема и с историческими картами. Карты, изданные в Казахстане, являются элементом насаждения казахстанского национализма²⁴.

Необходимость государственной стратегии

Учитывая важность и сложность проблемы, необходима специальная государственная стратегия для всего российско-казахстанского пограничья. Она может предусматривать следующее.

Россия должна проводить курс на интеграцию и военно-политический союз с Казахстаном, содействовать становлению Казахстана в качестве страны-лидера на постсоветском пространстве Центральной Азии. Необходимо построение равноправных взаимо-

Фактор этно-группового ирредентизма...

отношений, отказ от рудиментов «имперской» политики, всестороннее расширение экономического сотрудничества, совместная охрана внешних границ Казахстана. Сама по себе интеграция России и Казахстана будет способствовать пресечению каких-либо серьезных проявлений сепаратизма среди российских казахов.

Требуется ускоренное развитие приграничья, для чего необходимо решение большого комплекса региональных социально-экономических и политических проблем: привлечение инвестиций, создание рабочих мест, повышение уровня социального обслуживания населения, создание в пограничных районах сети учебных заведений/филиалов учебных заведений всех уровней, в том числе национально ориентированных. Крайне важно проведение взвешенной и продуманной линии при выдвижении и назначения представителей в органы государственной власти и муниципального управления и кадровой политики с учетом этнической ситуации. Это позволит снизить уровень межэтнической конкуренции в социально-экономической и политической сферах.

Необходимо проведение взвешенной политики в области культуры, способствующей «приглушению» и постепенной ликвидации «негативных пятен» в исторической памяти этносов. Важное значение имеют глубокое знакомство с лучшими традициями и обычаями друг друга, проведение совместных культурных, спортивных, образовательных мероприятий под лозунгом, например, «Наш общий дом – Алтай»; апелляция к тому, что спланивало, а не разъединило в истории: общность тюркского происхождения алтайцев и казахов, многовековая традиция совместного проживания русских и казахов. Это должно служить не только выработке межэтнической толерантности, но и укреплению дружеских отношений между народами. Государство должно культивировать развитие билингвизма/полилингвизма в приграничье.

Россия должна использовать потенциал казахского этнического меньшинства для выстраивания оптимальных взаимоотношений с Казахстаном. Российским интересам соответствует увеличение численности высокообразованных представителей казахов России. Для этого необходимо принять и финансово обеспечить федеральную и региональные программы казахского национального образования. Для противодействия проникновению в образовательную сферу националистических, русофобских и шовинистических идей компетентным российским ученым и педагогам необходимо разработать серию программ, учебников, учебных и учебно-методических пособий для казахских образовательных учреждений в России по истории, литературе и общественно-научному с переводом их на казахский язык. Целесообразно подгото-

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

вить и профинансировать целевую программу подготовки специалистов в российских вузах для выпускников казахских национальных школ.

Для борьбы с трансграничной преступностью, в том числе и носящей этнический характер, необходимо усилить координацию действий на местном уровне органов внутренних дел, таможенной службы и пограничных войск; всемерно расширять контакты и взаимодействие «силовых» структур приграничных регионов России и Казахстана. Стоит поддерживать инициативы местных жителей к созданию добровольных народных дружин, которые уже проявили свою эффективность в борьбе с «трансграничными» кражами скота.

Позитивное влияние на безопасность приграничья могла бы оказать межгосударственная интеграция на региональном уровне. Например, интеграция в рамках так называемого Большого Алтая, включающего в себя Алтайский край и Республику Алтай России, Восточно-Казахстанскую область Казахстана, Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая, а также Ховдинский и Баян-Ульгийский аймаки Монголии.

Важным фактором преодоления этнополитических напряжений в приграничных регионах, в том числе и ирредентизма, должна стать выработка и внедрение в массовое сознание россиян общероссийской надэтничной общенациональной идеологии.

Примечания

¹ Прозрачные границы. Безопасность и трансграничное сотрудничество в зоне новых пограничных территорий России. М., 2002. С. 520, 525.

² Там же. С. 17.

³ *Модоров Н.С.* Россия и Горный Алтай: политические, социально-экономические и культурные отношения (XVII — XX вв.). Горно-Алтайск, 1996.

⁴ *Воронин О.Л.* Новая власть и новые бандиты (этническая преступность — региональное измерение) // Восточносибирский регионализм: социокультурный, экономический, политический и международный аспекты. Иркутск, 2001.

⁵ *Боронин О.В., Быков А.Ю.* Локальные проблемы «нового пограничья» России (по материалам полевых исследований в Кулундинском районе Алтайского края) // Россия — Центральная Азия: проблемы миграций и безопасности. Барнаул, 2002; *Боронин О.В., Быков А.Ю.* Региональные аспекты российско-казахстанского пограничья (на примере Алтайского края Российской Федерации) // Центральная Азия и Кавказ. 2003. № 1.

⁶ *Гельбрас В.Г.* Новый этап китайской эмиграции в регионы России // Российская Западная Сибирь — Центральная Азия: новая региональная идентичность, экономика и безопасность. Барнаул, 2003; *Алексеев А.Н.* К вопросу об эми-

Фактор этно-группового ирредентизма...

- рации казахов в Россию // Россия — Центральная Азия: проблемы миграций и безопасности. Барнаул, 2002.
- ⁷ *Стефашин В.В.* Основные политические аспекты военной доктрины Китая // Восток. 1992. № 6. С. 97, 104-105.
- ⁸ *Стефашин В.В.* Современная военная доктрина Китая // Военная мысль. 1993. № 1. С. 67.
- ⁹ *Богатуров А.Д.* Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны. М.: Конверт-МОНФ, 1997. С. 283.
- ¹⁰ *Швецов С.П.* Горный Алтай и его население. Т. 1. Вып. 1. Кочевники Бийского уезда. Барнаул, 2000. С. 33; Святогорье. История Республики Алтай в документах Центра хранения Архивного фонда Алтайского края XVII — начала XX веков. Горно-Алтайск, 2000. С. 91.
- ¹¹ *Октябрьская И.В.* Казахская проблема. Этнополитическая и этноконфессиональная ситуация на юге Сибири // Россия — Центральная Азия: проблемы миграций и безопасности. Барнаул, 2002. С. 169.
- ¹² Подробно см.: *Боронин О.В.* Межэтнические взаимоотношения в Алтайском регионе России: история и современные проблемы. Барнаул, 2004.
- ¹³ См.: *Мангейм Дж.Б., Рич Р.К.* Политология. Методы исследования. М., 1999.
- ¹⁴ Подробно см.: *Боронин О.В.* Межэтнические взаимоотношения в Алтайском регионе России...; *Боронин О.В., Быков А.Ю.* Региональные аспекты российско-казахстанского пограничья...; *Быков А.Ю., Боронин О.В.* Об этнических стереотипах населения Кулундинского района Алтайского края: восприятие русскими и казахами друг друга // Российская Западная Сибирь — Центральная Азия: новая региональная идентичность, экономика и безопасность. Барнаул, 2003.
- ¹⁵ См.: *Октябрьская И.В.* История устная и письменная. Опыт межэтнических контактов народов Алтая сквозь призму фольклора // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2003; *Шерстова Л.И.* «Джунгарское время» в алтайском фольклоре: этнический опыт интерпретации прошлого // Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур. Барнаул, 2001; *Зиновьев В.П.* Казахи Чуйской долины (конец XIX — начало XX в.) // Россия, Сибирь и государства Центральной Азии (взаимодействие народов и культур). Барнаул, 1997; *Моисеев В.А.* «Урянхайский вопрос» в русско-китайско-казахских отношениях (конец 50-х — начало 60-х гг. XVIII в. // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Кн. II. Барнаул, 2003; *Боронин О.В.* К вопросу о взаимоотношениях алтайцев и казахов во второй половине XVIII в.: исторические корни современного восприятия казахов алтайцами // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири...; *Боронин О.В., Быков А.Ю.* Исторические предпосылки сложения негативных элементов в восприятии казахов алтайцами // Население, управление, экономика, культурная жизнь Сибири XVII — начала XX в. Барнаул, 2003; *Боронин О.В.* Межэтнические взаимоотношения в Алтайском регионе России: история и современные проблемы...

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

¹⁶ Алтайдын Чолмоны (Горноалтайск). 1997. 24 мая.

¹⁷ *Октябрьская И.В.* Казахская проблема...; *Боронин О.В.* Межэтнические взаимоотношения в Алтайском регионе России: история и современные проблемы...

¹⁸ Об этом см.: *Боронин О.В.* К вопросу о формировании российского внешнеполитического курса в отношении Республики Казахстан // Безопасность постсоветского пространства: реалии и стереотипы // Ежегодный выпуск Центра региональных и трансграничных исследований Волгоградского государственного университета. № 2. Волгоград, 2003; *Боронин О.В.* Перспективы российско-казахстанских отношений в контексте безопасности и национально-государственных интересов России и Казахстана // Современная Россия и мир: альтернативы развития. Дневник АШПИ. № 18. Барнаул, 2003; *Боронин О.В.* К вопросу о приоритетах российской политики в постсоветской Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2003. № 3 (27); *Боронин О.В.* Растерянные приоритеты. Что делать России в Центральной Азии? // Международные процессы. 2003. № 2.

¹⁹ *Быков А.Ю., Боронин О.В.* Вопросы образования в казахской диаспоре Алтайского края и национально-государственные интересы России // Россия — Центральная Азия: проблемы миграций и безопасности...

²⁰ *Тадина Н.А.* Народы Республики Алтай: опыт и перспективы межэтнического общения // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 28.

²¹ *Октябрьская И.В.* Казахская проблема... С. 174.

²² *Назарбаев Н.А.* В потоке истории. Алматы, 1999. С. 190.

²³ *Октябрьская И.В.* Казахская проблема... С. 175.

²⁴ Подробно см.: *Быков А.Ю., Боронин О.В.* Вопросы образования в казахской диаспоре Алтайского края и национально-государственные интересы России...

Глава 4. «Новая граница» России как фактор межэтнического взаимодействия (на примере Омской области)

Появление новых государств и изменение контуров их границ считается едва ли не самой значительной из новаций политической жизни современности. Значение перемен во многом еще только предстоит осмыслить. Новое качество обретает, в частности, проблематика трансграничного взаимодействия на постсоветском пространстве. Это новая сфера анализа как для практиков, так и для ученых. Региональный (локальный) анализ процессов миграций, межэтнического взаимодействия и факторов трансграничной безопасности позволяет расширить и дополнить складывающуюся тематическую область. Первые интересные опыты такого изучения уже состоялись¹. А недостатки локальных исследований такие же, как у любого кейс-стади. Задача этой статьи – установить, как новая пограничная ситуация отразилась на состоянии межэтнических взаимоотношений в «новом» приграничном регионе Сибири – Омской области, какое влияние эти взаимоотношения могут оказать на саму границу.

Омская область – новые тенденции в этнической ситуации

После распада СССР Омская область, как и четверть других регионов России, стала приграничной. Исторически это не ново (Омск в XVIII-XIX вв. был одним из пограничных форпостов, центром имперской экспансии в качестве столицы Западносибирского генерал-губернаторства, впоследствии Степного края), но проблематика современного приграничного региона складывается в совершенно ином контексте. Это можно проследить по самым различным параметрам политики, экономики, культуры, в том числе и по процессам межэтнического взаимодействия.

Непосредственный результат общих перемен – в области появились новые этнические группы, положение «старых» претерпело значительную эволюцию. Масштабы перемен были разными. Допустим, статус омских немцев (третьей по численности этнической группы) или сибирских татар (пятой по численности) не изменился.

К числу совершенно новых групп можно отнести китайцев. Точных данных о динамике их численности нет. Официальная статистика не отражает масштабы миграции граждан КНР, что связано и с техническими причинами, и с их малочисленностью в облас-

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

ти. Известно, что трудовая миграционная квота китайцев на область в последние годы не превышала 1,5 тыс. человек. Если добавить сюда тех, кто приезжал по туристическим визам (т.е. нелегальную составляющую), то можно оценить их среднегодовую численность в несколько тысяч человек.

Для их изучения применялся метод интервьюирования. Респонденты (их было немного) пожелали остаться анонимными. Это люди с относительно высоким социальным статусом и владеющие русским языком, что отличает их от большинства группы, которая не является постоянной и устойчивой. Однако и такой материал важен для понимания проблем формирования китайской диаспоры в регионе. Под диаспорой понимается наличие локальной этнической группы за пределами государства, в рамках которого проживает основная часть этноса, идентифицирующих себя в национальном отношении не как члены однородной группы, а как носители определенной национальности и объединенных между собой нормами национальной культуры, языка, общим местом проживания.

Материалы исследования позволяют говорить о диаспоральном характере поведения мигрантов. Это проявляется в компактности проживания, наличии внутренних социокультурных норм, ценностей, иерархии, групповой дисциплине. Но сама миграция носит временный (не более полугода) и неустойчивый (постоянное обновление состава) характер. Большую часть составляют люди, приехавшие в поисках заработка, в основном, на несколько месяцев. Они обладают низким либо средним уровнем профессиональной квалификации, не владеют вообще, либо слабо владеют русским языком. Инициатива их работы целиком связана с предпринимателями, прожившими в России несколько лет. Говорить об устойчивости норм, ценностей, моделей поведения здесь сложно. А то, что в другой стране они идентифицируют себя как китайцы, представляется лишь одним из внешних проявлений самосознания. Этническое самосознание и самоидентификация в этих условиях не одно и то же.

Из интервью становится ясным, что миграция связана с возможностью разового, высокого по китайским меркам заработка и личным имущественным положением дома. Это рефрен всех интервью. Для китайских предпринимателей на омском рынке они интересны как источник дешевой рабочей силы. Не хочется называть основную часть китайских мигрантов маргиналами, поскольку использование их труда на селе оказывается более эффективным, чем местных жителей, а в городе они заняты в сфере строительства, среди них есть каменщики, бетонщики, штукатуры, то есть это люди, которые обладают определенной квалификацией и навыками.

«Новая граница» России как фактор межэтнического взаимодействия

Собственное будущее они с Россией не связывают. Существующий тип общины либо временный, случайный, неустойчивый, либо (что скорее всего) переходный к тем моделям взаимодействия с местным населением, которые распространены на Дальнем Востоке и Восточной Сибири.

Появление новой границы качественно изменило положение издавна проживавшего на территории области (и соседних Новосибирской, Тюменской и Курганской областей) казахского населения. Граница отделила эту группу от Казахстана, ставшего независимым и соседним государством. В каком-то смысле о ней можно говорить теперь в категории «новой диаспоры».

Изучение казахской и китайской этнических групп проводилось разными методами. Для казахской диаспоры в первую очередь применялся анализ статистических данных². Привлекались материалы переписи населения, статистические данные, собранные омскими этнографами в 1990-е годы, материалы переписи населения Казахстана 1999 года, аналитические статьи казахстанских политологов, использовавших статистический анализ. Сравнение российских и казахстанских источников по первой половине 1990-х гг. не выявило существенных расхождений в цифрах. Среди методов обработки материала применялся факторный анализ.

Значительная часть казахского населения Западной Сибири проживает в городах, в том числе почти половина – в Омске и Новосибирске. Последняя из волн миграций казахского населения (по мнению омских этнографов, в XX в. их было две) пришлась на 1960-1980 гг. и была связана с политикой укрупнения деревень. Ряд казахских поселений был тогда ликвидирован. Следствием стала миграция в города, где казахи селились как компактно, так и дисперсно. В этих условиях функционирование устойчивых социальных сетей на этнической основе было заторможено, социокультурные нормы размывались. Массовый приток сельских мигрантов привносил деревенские черты жизни в городское сообщество³. В Омске сформировались анклавы казахского населения в Кировском, Центральном и Ленинском районах. Компактные поселения имеются в селах Марьяновского, Москаленского, Исилькульского, Называевского, Черлакского и других районов.

В 1993 г. 2% этнических казахов-горожан считали себя русскими. Можно говорить не только об индивидуализации уклада жизни городских казахов, проживающих рассеяно, но и о формировании особой городской субкультуры. Есть и этнографические гипотезы о складывании в результате этих процессов особой западносибирской группы казахского населения⁴. Представление о том, что вся этническая группа после распада СССР оказалась в диаспо-

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

ре, некоей однородной среде, сохранившей тесные контакты с «материнским» государством и внутренне объединенной устойчивыми связями и отношениями, представляется поэтому не совсем корректным. Даже уровень идентичности, связанный с ближайшим окружением (локальной этнической группой), оказался внутренне дифференцированным. Распад СССР для коллективного сознания группы стал одним из факторов, способствовавших развитию и укоренению уже запущенных процессов сегментации национальной культуры в приграничном регионе⁵.

Незавершенность формирования «новых» диаспор можно интерпретировать двояко. С одной стороны, как «замороженность», растянутость, слабость резонанса от образования независимого Казахстана в степном пространстве Сибири. Но такая ситуация может рассматриваться и как выход на стабильный и умеренный уровень процессов межэтнического взаимодействия после их обострения в первой половине 1990-х годов. Данные интерпретации не исключают друг друга. Но первая аналитически акцентирует внимание на вопросах трансграничных миграций и их влияния на безопасность субъекта РФ как части государства, а вторая связана с безопасностью в приграничье как продуктом межэтнического взаимодействия внутри данного региона – состоянием общества в терминах С.А. Панарина⁶. Таким образом, при изучении вопросов миграций, межэтнического взаимодействия и трансграничной безопасности с точки зрения формирования «новых» диаспор есть смысл по отдельности уделять внимание внутренним и внешним факторам воздействия на приграничный регион, за рамками вопросов общегосударственной политики.

Внутренние факторы стабилизации процессов межэтнического взаимодействия в приграничном регионе

Внутреннюю ситуацию в Омской области, а также в приграничных с Казахстаном Новосибирской, Тюменской, Курганской областях, с точки зрения процессов взаимодействия с местным казахским населением, можно охарактеризовать как стабильную. Причем более стабильную, чем в также граничащих с РК Волгоградской, Астраханской областях, Республике Алтай и Алтайском крае.

В первую очередь эта стабильность обеспечивается этническим соотношением русского и казахского населения. В Омской области, по данным переписи 1989 года, оно составляло 80,3% русского к 3,5% казахского населения. И хотя в приграничных районах области на 59,6% русского приходится приблизительно от 10 до 20% казахского населения, это не должно вводить в какие-то

«Новая граница» России как фактор межэтнического взаимодействия

ложные представления об угрозе ирредентизма, учитывая – даже сегодня – фактор сильного этнического русского присутствия в Северном Казахстане. В Тюменской, Новосибирской, Курганской областях доля русского населения еще выше, а казахского – ниже⁷. В абсолютных цифрах доля казахского населения составляет приблизительно 76 тыс. человек, в том числе около 46 тыс. человек проживают в городе Омске⁸.

Последующие годы внесли коррективы в это соотношение, но не слишком значительные. Во-первых, имел место общий демографический спад, затронувший все группы населения. Во-вторых, усилился приток населения из Казахстана. На долю мигрантов из РК в Омскую область за 1997 – 1999 гг. пришлось 86% всех внешних мигрантов, или 43908 человек. В 2002 г. численность мигрантов из РК снизилась и составила 3193 человека, в структуре внешних мигрантов это 82,7%. Этническое соотношение мигрантов в период 1997-1999 годов: 56,2% русские, 5,6% казахи⁹. Даже с учетом более высокой рождаемости в казахских семьях это не могло нарушить сложившиеся этнические пропорции. Этнодемографическая динамика последнего десятилетия влияла больше на ценностные установки в отношении диаспоры, чем на этническое соотношение русского и казахского населения.

Вторым фактором стабилизации межэтнического взаимодействия в омском приграничье является своеобразие общих миграционных процессов в области. Появление новых границ стало важной чертой трансграничного и межэтнического взаимодействия. В составе внешних мигрантов в области преобладали выходцы из Центральной Азии (в 1990-1997 гг. – 95%), в том числе из Казахстана – 70%¹⁰. В этническом отношении преобладали русские, затем с существенным отрывом шли украинцы и немцы. По данным Федеральной миграционной службы, доля лиц, сменивших прописку в 1994-1997 гг. в связи с обострением межнациональных отношений, возросла в 1,8 раза¹¹. В абсолютных цифрах из Республики Казахстан в 1997 г. прибыло 20445 человек, в 1998 г. – 15565, в 1999 г. – 7898, в 2000 г. – 6565¹².

Эта статистика позволяет зафиксировать два промежуточных положения. Во-первых, используя терминологию Равенштейна, можно определить основной «полюс выталкивания» в регион. Во-вторых, такие размеры миграционного потока способны повлиять на изменение социально-политического климата в отношении «новой диаспоры». Тем более, что мигранты – особенно в СМИ – часто рассматривались как носители конфликтного потенциала.

На практике оба данных положения оказались для области скорее гипотетической возможностью, чем реальностью. Помимо того,

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

что казахская диаспора не воспринимается как единое целое и сегодня, необходимо отметить наличие в 1990-е гг. любопытного механизма социальной саморегуляции миграционных потоков в регионе.

1. Внешние миграционные потоки не «захлестывали» область, они не доминировали по отношению к миграции внутренней (из других регионов России). Так в 1997 г. из 71301 человека, прибывших в регион, доля Казахстана составила 20445 человек (28,7%). Соответственно, в 1998 г. – 23,8%, в 1999 г. – 14,5%, в 2000 г. – 13%¹³. Из других районов Западной Сибири (и России в целом) в Омскую область мигрировало больше людей, чем из Республики Казахстан.

2. Достаточно значительным был отток населения из области. Так, в 1997 г. в связи с изменением места жительства из области выехало 59631 человек. Таким образом, миграционный прирост был не очень значительным. Валовой миграционный оборот – основной показатель мобильности населения – уступает аналогичному показателю последнего советского десятилетия. Однако в 1990-е гг. за счет устойчивого миграционного прироста удавалось перекрывать ситуацию демографического спада и депопуляции населения в области. Это отличается от общероссийской ситуации. Даже численность этнических русских в 1997 – 1999 гг. возрастала¹⁴. Угроза выживанию этноса, нации, отражающая представление о безопасности как состоянии общества, не озвучивалась населением.

3. Далеко не все из тех, кто переселялся в Омскую область, обосновывались здесь постоянно. «Полюсом притяжения» для мигрантов из Центральной Азии область была в период обострения вопросов гражданства, проблем межнациональных отношений, дезинтеграции СССР и т.д. Стрессовые факторы способствовали миграции из прежних мест проживания. Однако адаптация на новом месте жительства затруднялась под воздействием иных новых социальных факторов, которые теперь становились стрессовыми, хотя и не приводили к реэмиграции прибывшего населения. К числу новых факторов, определяющих социальную адаптацию на «полюсе притяжения», для Омска можно относить те же, что и в других регионах Российской Федерации.

Попытки выделения таких факторов не просто были предложены в литературе, но и апробированы по одинаковой методике в пяти областях России на русских мигрантах из республик бывшего СССР. Так, Г. Витковская к ним относит: наличие социальных сетей (родных, друзей) в принимающем обществе, ситуацию на рынке труда, возможности трудоустройства и самозанятости, жилищное обустройство, миграционная политика властей, отношения с местным населением и другие¹⁵.

«Новая граница» России как фактор межэтнического взаимодействия

Значительная часть мигрантов в условиях разницы цен на недвижимость в РФ и РК и при относительно среднем уровне экономического развития, заработной платы в омском регионе по отношению к более богатому сибирскому северу, останавливалась в области лишь временно. Возможности заработка и перспектива получения жилья на севере выглядели привлекательными еще и потому, что миграции способствовали росту цен на жилье в Омске, особенно в середине и второй половине 1990-х годов. Поэтому далеко не все прибывшие обосновывались здесь навсегда. Часть населения мигрировала дальше уже по России, остановившись в регионе транзитно.

4. Много мигрантов из Казахстана оседало в селах: 24,5 тыс. из 43,9 тыс. человек, прибывших в 1997-1999 гг. (56%)¹⁶. Это был результат не столько вмешательства властей, сколько «ножниц цен» на жилье. В то же время 58,7% всех казахов Западной Сибири проживают только в Омске и Новосибирске¹⁷. Их доля в составе городского населения незначительна. Достаточно большой процент казахского населения проживает в других городах Омской и Новосибирской областей. Поэтому *a priori* конфликтный потенциал вокруг мигрантов оказался рассредоточенным в пространстве, а неприязнь не выходила за рамки отдельных бытовых проявлений, отеснялась проблемами адаптации к новым условиям у переселенцев и трудностями социально-экономического характера у всего населения региона. Проявления бытового национализма минимальны в сравнении с другими регионами России.

Таким образом, ни избыточного перенаселения, ни угрозы выживаемости нации в условиях депопуляции, ни острой нехватки рабочих мест из-за притока переселенцев, ни резкого увеличения количества преступлений в результате миграции не наблюдалось. Внешняя миграция не несла в регион кризисных последствий, которые могли вылиться на казахскую диаспору. Напротив, она скорее сглаживала конфликтные тенденции. Хотя были и негативные последствия: рост цен на недвижимость, консервация низкого уровня оплаты труда и другие. Но эти обстоятельства в целом не повлияли на проблематику межэтнического и трансграничного взаимодействия в силу комплексного воздействия иных факторов.

Третий фактор, обеспечивающий внутреннюю стабильность процессов межэтнического взаимодействия, – это наличие иных этнических групп и разнообразие вариантов взаимодействия между ними. По переписи 1989 года, на территории Омской области проживали представители около 80 национальностей¹⁸. Казахская этническая группа не является по отношению к ним доминирующей. Второй по численности группой были украинцы, третьей – немцы,

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

четвертой – казахи, затем – татары. Если доля казахского населения составляла 3,5%, то немецкого – 6,3%, татарского – 2,3%¹⁹. Как и у казахов, у немцев и татар существуют компактные поселения.

В литературе отмечалось, что наличие третьей этнической группы усложняет функционирование моделей межэтнического взаимодействия на микроуровне и может играть роль как катализатора конфликтов, так и фактора стабилизации этнической ситуации. Поэтому есть смысл остановиться на процессах взаимодействия казахов с немецкой и татарской этническими группами.

Немецкая этническая группа сложилась в результате сталинских репрессий и депортации в годы Великой Отечественной войны. По преимуществу это были немцы Поволжья, многие прошли через трудармии, испытали поражение в правах, занимались заготовкой леса и строительством дорог. В сельских районах есть места их компактного проживания. Около 15 лет назад был создан Азовский немецкий национальный район. К нему примыкают районы степной и лесостепной зоны, где также имеются значительные компактные группы немецкого населения (Марьяновский, Москаленский, Исилькульский, Полтавский, Называевский, Любинский, Щербакульский районы). Через три первых района проходит транссибирская магистраль, строительство которой в начале XX в. стимулировало приток сюда казахского населения. Через Любинский и Называевский районы проходит железная дорога Омск – Тюмень. Исилькуль и Называевск имеют статус городов Омской области; остальные районы – это муниципальные образования, но они близко расположены к городу, и количество населения там больше, чем в северных районах области. Компактные поселения немцев либо соприкасаются, либо соседствуют с казахскими анклавами вдоль железных дорог и в степи. В 1960-1980 гг. в связи с политикой укрепления центральных усадеб совхозов и колхозов был ликвидирован ряд казахских аулов, что стимулировало процессы межэтнического взаимодействия. Казахи стали более мобильными. Началась волна цепного переселения. Омским немцам удалось, однако, сохранить социокультурную самобытность по отношению к русским и казахам, хотя некоторая ассимиляция имела место. До сих пор особый характер расселения немцев проявляется даже в названиях деревень – Гауфхутор, Нойдорф, Розенфельд и др. Количество межэтнических браков с казахами у немцев было почти единичное. По данным на 1993 год, в городах они составили Западной Сибири 1,2% от зарегистрированных браков, в области – 2,7%²⁰. Это в десятки раз уступает доле браков русского и немецкого населения. В последнее десятилетие число немцев заметно сократилось в связи с выездом на постоянное жительство в ФРГ. В 1997-2000 гг.

«Новая граница» России как фактор межэтнического взаимодействия

выезжало по 7,5 – 9 тыс. этнических немцев в год²¹. Это добровольное переселение, которое не вызывается состоянием межэтнических отношений.

Что касается татарского населения (главным образом это барабинские татары), то данная немногочисленная этническая группа (2,7% населения области) локализуется в основном в восточных сельских районах. На селе имеются места их компактного проживания, в городе – проживают дисперсно. Процессы межэтнического взаимодействия с казахами в 1990-е гг. протекали интенсивнее, чем у немцев. Этому способствовала единая религия, социокультурная близость. Высок показатель межэтнических браков. На 1993 г. это соответственно 38,5% в городах Западной Сибири и 33,5% в Омской и Новосибирской областях²². Это второй показатель, после русско-казахских браков. А если взять в процентном отношении на душу населения, то первый. Если принять во внимание гипотезу омских этнографов²³ (не бесспорную и подвергавшуюся критике) о формировании особой западносибирской группы казахского населения, характер миграций в 1960-1980 годы, распространенность браков с сибирскими татарами, то все это объясняет, что вопросы взаимодействия с ближайшим окружением (межэтническое взаимодействие на микроуровне) было более значимым фактором для существования диаспоры, чем появление новой границы. Как минимум констатируем, что миграции казахского населения в регионе, согласно статистике, носили в основном внутренний характер в 1990-е годы.

Все это не означает отсутствия проблем в межэтнических отношениях. Стоит отметить, например, трения последних лет, вызванные тем, что три мечети Омска по традиции считаются казахскими. Этнический оттенок присутствовал в спорах о кандидатурах священнослужителей, о доле в финансировании строительства соборной мечети. С завершением строительства трения уменьшились.

Сам факт наличия иных этнических групп, по отношению к которым казахская диаспора не является доминирующей, неоднородные, но главное мирные и добрососедские отношения между ними в последние 20-30 лет; смешанный характер национального состава населения области; доминирование русской этнической группы – все это в данном случае благоприятно сказалось на стабильности и безопасности процессов межэтнического взаимодействия приграничного региона.

Четвертым фактором, обеспечивающим ситуацию внутренней стабильности в регионе, являются процессы внутри казахской диаспоры. Это ассимиляция и препятствия на пути консолидации диаспоры.

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

Во-первых, высокие темпы урбанизации казахского населения способствовали размытию норм национальной традиционной культуры. Это характерно и для Новосибирской области. В Омске за 1979-1989 гг. число казахов увеличилось на 71%. В Новосибирске этот рост был менее значительным. Но в 1989 г. 43,8% казахского населения соответствующих областей проживало в Омске и 35,4% в Новосибирске²⁴. В общей структуре городского населения доля казахской группы оставалась небольшой. Урбанизация изменила традиционный уклад казахов в сторону его унификации с нормами и ценностями индустриального общества. Активно развивались процессы имущественной и социальной дифференциации. Следует признать, что еще не сформировались собственные экономические и социальные ниши. Казахи присутствуют во всех социальных группах, разумеется, не в одинаковом соотношении. Господствует дисперсный тип расселения. Омские этнографы, проводившие в 1989-1993 гг. специальное обследование, оценили уровень знания казахской культуры у казахов города как низкий. Так, часто в число казахских писателей попадали Ч. Айтматов, К. Кулиев, Ч. Валиханов²⁵. Традиционную одежду на улице можно увидеть только на селе. Предметы традиционной национальной материальной культуры встречаются только в семьях, где есть представители пенсионного и старшего пенсионного возраста.

По данным тех же опросов, свободно владели русским языком 91,5% казахов Западной Сибири, а казахским – лишь 38,6%. При этом свободно владели казахским 63,1% людей старше 60 лет, но 23,9% – молодежь до 25 лет. Более четверти представителей последней группы вообще не знали казахского языка²⁶. Это важно для понимания характера возможных связей с независимым Казахстаном. Казахский язык является там государственным, владение им – обязательное условие для занятия государственных вакансий. Это условие вертикальной мобильности. Поэтому переход сибирских казахов на русский язык стал фактором, сдерживающим их миграционную активность.

Таким образом, основной приток казахов в Омскую область произошел до распада СССР. Тогда это была внутрисоюзная миграция. Здесь они вовлекались в процессы урбанизации, что подталкивало ассимиляцию. Поэтому в 1990-е гг. не сформировалось таких важных для возникновения межэтнических конфликтов предпосылок, как фрустрация в общественном сознании, кризис ожиданий или резкий распад социальных связей. Обратная миграция в Казахстан намного ниже притока казахов оттуда. Например, в 1993 г. эти цифры составляли соответственно 3000 и 4500 человек²⁷.

«Новая граница» России как фактор межэтнического взаимодействия

Культурная, социальная и экономическая интеграция казахов в принимающее общество, далеко зашедшие процессы ассимиляции, слабое знание казахского языка, отсутствие ярких национальных лидеров, способных мобилизовать группу на этнической основе, – все это не способствовало формированию этнонационализма и ирредентистских настроений после того, как казахов региона отделила от Казахстана государственная граница.

**«Новая граница» и внешние факторы
межэтнического взаимодействия в регионе**

На межэтнические взаимоотношения оказывают воздействие и внешние факторы, непосредственно связанные с существованием границы. Их можно объединить в два блока:

1. Наличие государственной границы и режима трансграничного взаимодействия.
2. Этнополитические и миграционные процессы в современном Северном Казахстане и их влияние на область.

Уникальность российско-казахстанской границы уже отмечалась в исследовательской литературе²⁸. Из семи с лишним тысячи ее километров на Омскую область приходится более тысячи. Область непосредственно граничит с Северо-Казахстанской и Павлодарской областями, и всего 70 километров отделяет ее от Акмолинской области Казахстана. Их связывают 3 железные дороги, причем транссибирская магистраль проходит через казахстанский Петропавловск, но принадлежит РФ. Границу пересекает ряд автодорог и река Иртыш. Никаких «естественных границ», ландшафтных барьеров. Это и не «фронтир» в европейском значении термина – как линия, разделяющая народы и отражающая своеобразие лингвистического, культурного или исторического характера. Нельзя говорить и о «подвижной границы» в терминах концепции Тернера.

В советский период административная граница между РСФСР и КазССР зачастую проводилась в соответствии с соглашениями между председателями колхозов и совхозов. Тогда это зависело от хозяйственного использования земель, а не от политической ситуации. Это затруднило процесс демаркации границы как государственной и до сих пор порождает массу проблем.

Режим пересечения границы в 1990-е гг. был для населения относительно свободным. Трансграничная торговля сталкивалась с трудностями, но торгово-экономические связи не разрушились. Внешнеторговый оборот области ориентирован на Казахстан (86% экспорта). Это заставляло не просто поддерживать формальные

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

контакты между руководителями приграничных регионов, но и развивать новые формы трансграничного сотрудничества. Омск и Петропавловск имеют неформальные связи как города-побратимы.

Область экономически заинтересована в кооперации в топливно-энергетической сфере. Уголь из казахстанского Экибастуза дешевле и технологически более приспособлен для ее ТЭЦ, чем кузбасский. Поэтому возможное ужесточение пограничного режима может создать комплекс социально-экономических сложностей. Однако и переоценивать эту взаимозависимость не стоит. Экономика области носит комплексный характер. Внешнеторговый баланс с областями Республики Казахстан все эти годы оставался положительным. При этом доля внешней торговли с РК у Омска в Сибири одна из самых высоких. Другое дело, что общий объем внешнеторгового оборота со странами СНГ у области меньше, чем аналогичный показатель соседей (Тюменская и Новосибирская области). Больше, чем у соседей, и доля лиц с доходами ниже прожиточного минимума, ниже и размер валового регионального продукта на душу населения²⁹. Поэтому развитие экономического приграничного сотрудничества с РК связано не только с характером трансграничного взаимодействия, но с потребностями и возможностями внутреннего развития экономики Омской области и прилегающих областей Казахстана.

Появление государственной границы принесло области и весь круг неизбежных при этом проблем и угроз: контрабанда, наркотрафик, трансграничная преступность. Протяженность, необустроенность и открытость границы увеличивают значение этих проблем. Но их решение возможно не через ужесточение режима трансграничного взаимодействия, а за счет создания и развития совместных механизмов взаимодействия между сопредельными государствами и их территориями. Уже имеется практика контактов между силовыми службами соседних областей России и Казахстана.

Периодически проводятся совместные мероприятия по задержанию наркоторговцев и изъятию наркотиков. В последние годы такие контакты стали приносить результаты. Формирование и существование наркотрафика было связано в первую очередь с Афганистаном и появлением «северного коридора» транспортировки в Европу через страны Центральной Азии и Россию. Масштабы этого явления оценить сложно. Результаты деятельности силовых служб измеряются в тоннах изъятых товаров. Доля Афганистана в мировом объеме производства наркотиков оценивается в 75-80% . До 70% афганского героина поступает на европейский рынок³⁰. По оценке казахстанских экспертов, свержение режима талибов, похоже, не сильно повлияло на эту ситуацию. Более того, есть информация о росте масштабов наркоторговли в 2002-2003 годы³¹.

«Новая граница» России как фактор межэтнического взаимодействия

Пока ситуация для Омского региона складывается относительно благоприятно, поскольку основные пути транспортировки проходят через те области Казахстана, которые не граничат с областью³². Но это не успокаивает хотя бы потому, что маршруты быстро меняются. Между трафиком и потреблением существует прямая зависимость. До 15-20% наркотиков, проходивших через территорию Казахстана, оседает в стране³³. Причем на лиц в возрасте от 17 до 26 лет приходилось 42,5% наркозависимых, а каждый четвертый наркоман был в возрасте 12-16 лет. Доля женщин составляет приблизительно 10%³⁴. Синтетические и тяжелые наркотики в последнее время стали распространяться и с севера на юг, что так же усложняет ситуацию в российско-казахстанском приграничье. Наркотрафик – это та проблема, справиться с которой на региональном уровне невозможно.

Серьезной проблемой для безопасности региона может стать строительство канала Черный Иртыш – Карамей (в Синцзян-Уйгурском автономном районе КНР), ввод которого в эксплуатацию предусмотрен в 2005 году. Китайская сторона намерена осуществлять забор воды из Иртыша в объеме более 450 млн. кубометров, а в дальнейшем – 1,5 млрд. кубометров³⁵. Это неизбежно приведет к обмелению Иртыша. Учитывая, что уровень воды в нем и так ежегодно снижается, для Омской области это может иметь катастрофические последствия в экономике и экологии.

Еще хуже ситуация для Казахстана. Во-первых, здесь речь уже сегодня идет о двух реках. Кроме Иртыша, это еще проблема реки Или, бассейна озера Зайсан – территории Павлодарской области, Семипалатинска, Усть-Каменогорска. Вопрос о трансграничных реках может приобрести принципиальное значение, так как количество рек связывающих Казахстан и СУАР КНР исчисляется тремя десятками, а в планах КНР развитие этого района³⁶. Во-вторых, на омском участке течения Иртыша имеется ряд притоков (Тара, Оша), в том числе в черте самого города (Омь). Поэтому сегодня речь о катастрофе не идет, но в РК уровень реки уже сегодня на 5% ниже, чем на момент начала строительства. В-третьих, Казахстан уже имеет печальный опыт обсуждения этой проблемы с КНР (май 1999 г.). Китайская сторона идет на переговоры неохотно, затягивая решение проблемы.

Перспективно разрешение проблемы возможно через Шанхайскую организацию сотрудничества. Это напоминает советский опыт сдерживания китайской стороны в вопросах водопользования, так как много рек Китая берут начало в Киргизии. Решение вопроса об использовании общих водных ресурсов представляется важным и для отдельных регионов, и для действительной интеграции в совре-

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

менной Центральной Азии. Других механизмов пока не видно, так как решение проблемы на региональном, двухстороннем уровне оказывается невозможным. Таким образом, учитывая характер и сложность вопроса, можно сказать, что это тоже предпосылка для сохранения и укрепления контактного режима трансграничного взаимодействия для Омской области и сопредельными территориями РК и даже с КНР. Здесь важна в первую очередь идея координации усилий.

Эти вопросы не исчерпывают проблем трансграничного взаимодействия. Но они важны, поскольку потенциально могут обострить и проблемы межэтнического взаимодействия. Пока же они не интерпретируются населением в категориях угроз и вызовов, а носят скорее проблемный характер. Сложившийся в регионе режим трансграничного взаимодействия для 1990-х гг. можно охарактеризовать как относительно открытый, создающий представление о границе не как о барьере, жестко разделяющим государства, а остающимся место понятию «контактная зона». Такая ситуация в целом благоприятно сказывалась на процессах межэтнического взаимодействия в омском регионе.

Сложившийся режим на границе повышает статус вопросов об аналогичных процессах на сопредельной территории и их влиянии на Омскую область. Ситуация в Северном Казахстане существенно отличается от процессов, характерных для республики Казахстан в целом, в двух основных аспектах – политическом и этническом.

На основные тенденции политического развития Северного Казахстана (Павлодарская, Северо-Казахстанская и Костанайская области) в 1990-е гг. оказывали влияние социально-экономическая ситуация и миграционные процессы. Уровень социально-экономического развития в Северном Казахстане, связанном в советский период с промышленным комплексом, существенно снизился. Пик снижения зафиксирован в финансовой сфере в 1993 году, в экономике в целом – в 1995-м, когда индекс ВВП РК составил 61,4% по отношению к 1990 году³⁷. Эти данные взяты из казахстанских источников, близких к президентским структурам. По политическим предпочтениям населения Северный Казахстан попал в зону «красного пояса» республики по итогам парламентских выборов 1999 года³⁸. Социоконфликтный потенциал в этом районе РК продолжает оставаться высоким. Индикатором социальной напряженности выступают в данном случае акции протеста, доля которых здесь наибольшая по стране после Алматы и Восточно-Казахстанской области. Это отражает в том числе и этническую и этновозрастную специфику структуры населения региона.

В 1999 г. доля русского населения в Павлодарской области составляла 41,87% (1989 г. – 45,38%), в Северо-Казахстанской обла-

«Новая граница» России как фактор межэтнического взаимодействия

сти 49,79% (51,49%). Доля украинцев в среднем в этих областях составила приблизительно 7%, немцев – чуть выше 5%. Доля казахского населения в Павлодарской области – 38,65% (было 28,49%), в Северо-Казахстанской – 29,57% (было 22,59%)³⁹. Эти данные также отражают не только изменения национального состава населения в Северном Казахстане, но и специфику миграционных процессов в республике. Здесь также играла важную роль внутриказахстанская миграция. Именно поэтому доля русскоязычного населения Северного Казахстана снизилась незначительно, несмотря на высокие темпы эмиграции начала 1990-х годов. Аналогичным образом доля казахского населения в северных областях увеличивалась не столько за счет более высоких темпов естественного прироста населения (как и в России, здесь отмечается депопуляция населения), но за счет внутренних миграций. Таким образом, и сегодня Северный Казахстан остается по преимуществу русскоязычным. Этническая ситуация по обе стороны границы стабилизирует положение казахской диаспоры в приграничных областях российской Сибири (как минимум – ее степной части) и русскоязычного населения в Северном Казахстане. В силу отмеченной этнической картины в приграничье можно говорить о формировании контактной зоны – широкой полосы для межэтнического и этнополитического взаимодействия в современном приграничье с относительно одинаковым комплексом проблем. Этот ареал не совпадает с линией раздела государств по политико-государственным критериям. Политический и этнический фронтиры оказываются до сих пор не тождественными понятиями.

В этой контактной зоне для Северного Казахстана можно отметить и специфику. Доля людей старше 60 лет у русских, украинцев и белорусов в 3-4 раза выше, чем у казахов⁴⁰. Степень политической активности русскоязычных пенсионеров, как социально наименее защищенной части населения, продолжает оставаться высокой. Наиболее значимыми проблемами оказываются повышение коммунальных платежей, безработица, уровень цен и доходов населения. Но, с другой стороны, конфликтная политическая активность вызвана в первую очередь социально-экономическими причинами и на межнациональные отношения проецируется не всегда. По мнению казахстанских политологов, одна из наиболее назревших для Казахстана угроз внутреннего характера – это проблема бедности, а не ирредентизма. До 30-35% населения РК, по данным директора КИСИ официально признаются бедными⁴¹.

Миграционные процессы в Северном Казахстане в 1990-е гг. протекали интенсивно и имели большое значение⁴². Первый этап пришелся на 1990-1993 годы. Для него характерна масштабная

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

эмиграция из Казахстана, в связи с актуализацией вопросов языка, гражданства в период и после распада СССР. Второй (1994-1996) – масштабы эмиграции остаются значительными, так как к предыдущему комплексу вопросов добавляются проблемы экономического кризиса. Третий этап (1997-2001) – медленное снижение эмиграции из РК и увеличение внутренней миграции населения, причем и казахской и русскоязычной части. Пик оттока русскоязычного населения пришелся на 1994 год, однако миграции русскоязычной части населения были направлены не только в направлении за пределы республики, но и с юга на север в самом Казахстане в 1990-е годы.

За период с 1989 по 1998 г. в Павлодарскую область всего прибыло 44 455 человек, из них приблизительно 23,5 тыс. казахов (из них 13 тыс. из других районов Казахстана, и 3,5 тыс. из стран бывшего СССР); русских – 13 679 человек, из них 6717 из Казахстана и 6 916 из бывшего СССР⁴³. В Северо-Казахстанскую область прибыло 26 958 человек, из которых 9049 казахи (внутренних мигрантов 3749, внешних из бывшего СССР 2548) и 11510 русские (здесь 5223 внутренние мигранты и 6236 из бывшего СССР)⁴⁴. Таким образом, в течение последнего десятилетия происходило нарастание внутренней миграции на фоне значительного в первое пятилетие и постепенно снижающегося во второе пятилетие количества эмиграции русскоязычной части населения.

Почему же казахская диаспора на территории Омской области почти никак не прореагировала на эти процессы? Напротив, продолжались явления, характерные для второй половины XX века. В новых условиях диаспору связывают с остальной частью этноса, живущую в РК, по преимуществу родственные связи. Для индикации данного фактора использовался жузовый критерий. Он не является безукоризненным, но в целом приемлем. Тем более, что есть отдельные работы, где доказывается его воздействие на современную политическую и научную элиту Казахстана⁴⁵. Роль родственного (жузового) фактора на селе сохраняется, в городе она меньше. И чем выше уровень урбанизации, тем сильнее влияние села на город. На территории Омской области традиционно проживали казахи Среднего Жуза. Это в основном кипчаки, киреи и некоторые другие группы. В Северном Казахстане тоже по преимуществу проживали группы населения, принадлежащие к Среднему Жузу. Миграции казахского населения в Казахстане в 1990-х гг. протекали в основном в направлении с юга на север. Перенос столицы в Астану также иногда трактуется как попытка укрепления влияния Старшего Жуза (более широко – южан) в районах традиционных соперников, возможность разрешения некоторых проблем социальной напряженности на юге страны за счет миграции части населения

«Новая граница» России как фактор межэтнического взаимодействия

(уменьшение безработицы, отток маргинальной части населения и другое)⁴⁶. Поэтому и без того слабое влияние родственного фактора на жизнь диаспоры стало тормозиться возможными групповыми антагонизмами в Северном Казахстане, помимо проблем знания государственного языка, возможностей адаптации к новым условиям и другим упоминавшимся факторам. Кроме того, влияние клановой лояльности интерпретируется в литературе как одно из проявлений роста маргинальности населения⁴⁷. На этом фоне резкой маргинализации казахского населения в Омском регионе не произошло. Напротив, в последние десятилетия XX в. происходило ослабление традиционных связей внутри казахской общины. Это отчасти объясняет трудности миграции омских казахов в РК сегодня.

* * *

Таким образом, ситуация нового приграничья в Омской области в отличие от других регионов Российской Федерации не стала фактором резкого обострения межнациональных отношений. Своеобразно данная ситуация отразилась на проживающих здесь народах. На положение «новых» диаспор оказывали влияние многие факторы. Стоит признать, что среди них на состояние безопасности общества в 1990-е гг. оказывали большее воздействие внешние процессы, нежели внутренние факторы регионального развития. При этом миграционная динамика после распада СССР влияла скорее позитивным, нежели негативным образом на вопросы этносоциального взаимодействия: позволяла разрешить некоторые демографические и социально-экономические задачи. А это, в свою очередь, позитивно отражалось на сфере межэтнических отношений.

Среди проблем, которые таят в себе угрозу состоянию безопасности общества в области, выделяются вероятность обострения этнополитических проблем в Северном Казахстане, неблагоприятное развитие вопросов использования общих водных ресурсов, общее или одностороннее ухудшение режима трансграничного взаимодействия. Именно данные проблемы могут проецироваться на сферу межэтнических отношений конфликтным образом. Но одновременно внутри региона имеются внутренние факторы, сдерживающие проявления межэтнических конфликтов, общая проблематика трансграничного взаимодействия, минимизирующая проявления идей ирредентизма внутри казахской диаспоры в Омской области, десятилетний опыт стабильного сосуществования в новых условиях при специфических миграционных процессах. Межэтническое взаимодействие в области границы оставляет место понятию контактной зоны, представлениям, противоположным по смыслу идеям трансграничной барьерности.

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

Примечания

- ¹ *Панарин С.А.* Русскоязычные у внешних границ России: вызовы и ответы (на примере Казахстана) // *Дiasпоры*. 1999. № 2-3, С. 135-169; *Мукомель В. Косач Г., Кузьмин А.* Российско-казахстанские приграничные связи: опыт трех российских областей // *Вестник Евразии*. 2001. № 2. С. 73-122; *Миграции и безопасность в современной России* / Под ред. Г. Витковской и С. Панарина. М., 2000; *Прозрачные границы. Безопасность и трансграничное сотрудничество в зоне новых пограничных территорий России*. М., 2002; *Кавказ-Россия: миграция легальная и нелегальная* / Под ред. В. Искандеряна. Ереван, 2004.
- ² *Миграционные процессы в Омской области. Аналитическая записка. Омский областной комитет статистики*. Омск, 1998; *Миграция населения Омской области. Статистический сборник*. Омск, 2000.
- ³ *Юхнева Н.В.* Изучение города как этнографическая проблема // *Этнографические исследования Северо-Запада СССР*. Л., 1977. С. 146.
- ⁴ *Томилов Н.А.* Этническая история, этносоциология и этнические процессы: некоторые теоретические и методические аспекты // *Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Тезисы докладов*. Омск, 1984. С. 13-18; *Провоторова О.М.* Современные этнические процессы у казахов Западной Сибири. Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1986.
- ⁵ Термин «приграничный регион» используется здесь и далее в значении, предложенном в монографии «Прозрачные границы. Безопасность и трансграничное сотрудничество в зоне новых пограничных территорий России» (М., 2002. С. 528-529). Под ним понимаются не только районы, непосредственно прилегающие к границе, но факты воздействия границы на деятельность всего региона.
- ⁶ *Миграции и безопасность в современной России*. С. 34-35.
- ⁷ *Мукомель В., Косач Г., Кузьмин А.* Российско-казахстанские приграничные связи: опыт трех российских областей // *Вестник Евразии*. 2001. № 2. С. 107.
- ⁸ Рассчитано по статистическим данным в работе: *Ахметова Ш.К.* Казахи Западной Сибири и их этнокультурные связи в городской среде. Новосибирск, 2002. С. 24.
- ⁹ *Прозрачные границы*. С. 483.
- ¹⁰ *Миграционные процессы в Омской области*. С. 6.
- ¹¹ Там же. С. 5.
- ¹² *Миграция населения Омской области*. С. 15.
- ¹³ Рассчитано по: *Миграция населения Омской области*. С. 15-16.
- ¹⁴ Там же. С. 30.
- ¹⁵ *Витковская Г.* Кавказские мигранты в России: оценки и факторы адаптации, отношение местного населения // *Кавказ-Россия: миграция легальная и нелегальная*. С. 21-22.
- ¹⁶ Там же. С. 483.
- ¹⁷ *Ахметова Ш.К.* Указ. соч. С. 5.

«Новая граница» России как фактор межэтнического взаимодействия

- ¹⁸ Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989. М., 1990. С. 136.
- ¹⁹ Прозрачные границы. С. 418.
- ²⁰ *Ахметова Ш.К.* Указ. соч. С. 64-65.
- ²¹ Миграция населения Омской области. С. 16.
- ²² *Ахметова Ш.К.* Указ. соч. С. 65-66.
- ²³ *Томилов Н.А.* Указ. соч. С. 13-18.
- ²⁴ *Ахметова Ш.К.* Указ. соч. С. 24-25.
- ²⁵ Там же. С. 30.
- ²⁶ Там же. С. 29.
- ²⁷ *Ахметова Ш.К.* Указ. соч. С. 25.
- ²⁸ Прозрачные границы. С. 406-488.
- ²⁹ Там же. С. 561,571.
- ³⁰ *Ashimbaev M.* Security in Central Asia: Do the Risks of Destabilization Remain? // Central Asia Affairs. Almaty, 2003. Т. 1. Р. 3
- ³¹ Ibid. Р. 3.
- ³² *Baibulov B.* Illegal Drug Trafficking as a Threat to National Security // Central Asia Affairs. 2003. Т.1. Р. 6.
- ³³ *Ashimbaev M.* Op. cit. Р. 3.
- ³⁴ *Baibulov B.* Op. cit. Р. 6.
- ³⁵ *Темирболат Б.* Между Казахстаном и Китаем может начаться конфликт из-за воды // Центральная Азия: политика и экономика. Алматы, 2000. № 1. С. 41.
- ³⁶ Там же. С. 42.
- ³⁷ *Мустафаев Н.И.* Социально-политическая ситуация в Северном Казахстане // Analytic. Аналитическое обозрение. Алматы, 2001. № 6. С. 29.
- ³⁸ Там же. С. 30.
- ³⁹ Национальный состав населения Республики Казахстан. Т. 1. Итоги переписи населения 1999 / Стат. сб. под ред. А. Смаилова. Алматы, 2000. С. 132,168, 180.
- ⁴⁰ *Мустафаев Н.И.* Указ. соч. С. 30.
- ⁴¹ *Ashimbaev M.* Op. cit. Р. 3.
- ⁴² *Мустафаев Н.И.* Указ. соч. С. 29-30.
- ⁴³ Миграция населения Республики Казахстан. Итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан. Статистический справочник / Под ред. А. Смаилова. Алматы, 2000. С. 119.
- ⁴⁴ Там же. С. 122.
- ⁴⁵ *Масанов Н.* Казахская политическая и интеллектуальная элита: клановая принадлежность и внутриэтническое соперничество // Евразия. Люди и мифы / Под ред. С.А. Панарина. М., 2003. С. 365-380.
- ⁴⁶ Там же. С. 372-380.
- ⁴⁷ Там же. С. 379-380.

Глава 5. Республика Тува: социально-экономический кризис и потенциал этнической напряженности

В конце XX в. самый высокий потенциал этнической напряженности в России, за исключением Северного Кавказа, наблюдался, очевидно, в Туве. Это был единственный регион в Сибири, откуда произошел массовый отток русскоязычного населения, а для сохранения стабильности и борьбы с преступностью были привлечены дополнительные правоохранительные силы из других регионов. Столь высокая степень этнической напряженности была напрямую связана с пограничным положением республики как в прямом (географическом), так и в переносном (культурном) смысле этого понятия. Со стабилизацией общей ситуации в стране напряженность в межатнических отношениях пошла на спад. Однако особое пограничное положение, когда сохраняются претензии других государств на Туву¹, напряженность на границе и высокий уровень преступности (в т.ч. трансграничной), выделяют данный регион. Социально-экономический кризис, поразивший республику Тува в 1990-е годы, в полной мере отразил проблему взаимовлияния факторов пограничного положения и противоречий в межатнических взаимоотношениях.

* * *

Республика Тува, или Тыва² – согласно современному официальному наименованию, расположена на крайнем юге Центральной Сибири, в верховьях Енисея³. Регион, по сибирским меркам, небольшой, площадью чуть менее 170 тыс. кв. км. Административно делится на 17 районов (хошунов или кожуунов) и 2 города республиканского подчинения (Кызыл и Ак-Довурак). Всего имеется 5 городов и более ста сельских администраций. Тува граничит с Республикой Алтай, Хакасией, Красноярским краем, Иркутской областью и Бурятией, а около половины границы республики приходится на государственную границу Российской Федерации с Монголией.

Вхождение Тувы в состав России было долгим, процесс этот был связан с комплексом международных проблем. Впервые русские побывали на территории современной Тувы уже через несколько лет после окончательного разгрома Кучума⁴. В XVII в. Москва считала, что Алтын-ханы, правившие в том регионе, признали верховную власть русского царя⁵. В начале XVIII в. Петербург

Республика Тува: социально-экономический кризис и потенциал...

приказал построить остроги в Засаянском крае, но против этого восстали казаки. При пограничном размежевании в 1727 г. Россия уступила территорию современной Тувы Цинскому Китаю, но интерес к Урянхаю (так в XVIII – начале XX в.) официально называлась Тува, не исчез. В этот период серьезное влияние на российско-китайские отношения оказывал фактор «утраченных территорий», и «Урянхайский вопрос» стоял в одном ряду с «Амурским вопросом». До начала XX в. посещение Тувы китайцами и монголами было запрещено, а линия пограничных караулов Цинского Китая проходила по южной границе Урянхая. Во второй половине XIX в. началось русское экономическое освоение и крестьянская колонизация края. В начале XX в. началась китайская колонизация, при этом Россия оказалась сдерживающим фактором от разрушающего влияния новых капиталистических отношений, носителем которых были в первую очередь китайские купцы.

После гибели Цинской империи и изгнания в 1912 г. китайцев из соседней Внешней Монголии халха-монголы обрели фактическую независимость. Тува оказалась перед выбором пути развития, а «вакуум власти» заставил представителей тувинской элиты искать новые формы государственности. Уже в начале 1912 г. в обращении амбын-нойона⁶ к русскому правительству говорилось о намерении создать свою государственность под российским покровительством. Так как Петербург первоначально не поддержал эту инициативу, то нойоны⁷ обратились за покровительством к Внешней Монголии⁸, только что провозгласившей свою независимость от Китая. В 1913 г. Россия выступила против этого и в дальнейшем старалась пресекать все действия монгольских властей по установлению контроля над тувинскими хошунами. Осенью 1913 г. тувинские нойоны по инициативе самого влиятельного в регионе буддийского ламы вновь обратились в Петербург за покровительством. В 1914 г. был объявлен протекторат России над Урянхайским краем⁹, где уже шел процесс развития собственной государственности¹⁰.

Революция 1917 г. в России вновь поставила вопрос о принадлежности Тувы, на которую по-прежнему претендовал Китай и номинально входящая в его состав Внешняя Монголия¹¹. Местные Советы в поисках новых форм интеграции тувинского общества в составе России признали за тувинцами право на самоопределение. Антисоветские силы попытались ликвидировать тувинскую автономию. И советские, и антисоветские силы в регионе вступали в вооруженные конфликты с монгольскими и китайскими отрядами, попытавшимися отделить Туву от России. Власти Советской России (СНК и Сибревком) настаивали на присоединении Тувы к Монголии или Китаю¹². Местная русская община во главе с представи-

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

телем Сибревкома И.Г. Сафьяновым, опираясь на демократические традиции сибирского общества и декларируемые установки Советской власти, при поддержке значительной части тувинской элиты во главе с нойоном Буян-Бадыргы, этого не допустила¹³.

Многолетняя борьба закончилась провозглашением в 1921 г. Тувинской Народной Республики под покровительством Советской России. Но еще в 1924 г. официальные представители Москвы в Кызыле заявляли о будущем «воссоединении Урянхая с Монголией»¹⁴. В 1925 г. СССР формально признал новое государство, заключив с ним договор, а затем это сделала и Монгольская Народная Республика. Следует отметить, что русское население в Туве осталось вне юрисдикции нового государства, жило по советским законам. В апреле 1941 г. тувинские власти обратились к Москве с просьбой о вхождении в состав СССР, что и произошло в 1944 году. Сначала Тува входила в состав России на правах автономной области, а в 1961 г. была образована Тувинская Автономная Советская Социалистическая Республика. В декабре 1990 г. Верховный Совет Тувинской АССР принял Декларацию о государственном суверенитете республики в составе Российской Федерации. 28 августа 1991 г. официально было принято новое название – Республика Тува.

В истории русско-тувинских взаимоотношений были периоды не только стабильности и сотрудничества. Проникновение российского торгово-ростовщического капитала в Урянхайский край во 2-й половине XIX в. вело к формированию противоречий, которые зачастую принимали формы межнациональных конфликтов. Первые конфликты между купцами и местными тувинцами произошли уже в 1867 году¹⁵. Наиболее серьезные столкновения произошли в 1876-1878 годах¹⁶. Доказательством классового, а не национального характера противоречий и конфликтов в Туве служит, например, тот факт, что во время восстания 1883-1884 гг.¹⁷ «разбойники», которых называли «кайгалы» («удальцы»)¹⁸, отбирали скот как у богатых тувинцев, так и у русских торговцев, а от преследования властей укрывались в России. В 1907-1909 гг. русских попытались изгнать из Урянхая, а инициатором этого выступили тувинские власти¹⁹. Это была попытка воспользоваться поражением России в войне с Японией для укрепления китайской и прокитайской власти в регионе.

В 1918 г. в Усинско-Урянхайском крае, объединившим после введения протектората Урянхайский край и Усинский пограничный округ Енисейской губернии²⁰, тоже началась гражданская война. Ситуацию осложнила иностранная интервенция, ввод в Туву китайского и монгольского военных отрядов. Социально-экономический кризис в условиях гражданской войны и иностранной интервенции привел в 1919 г. к русско-тувинскому вооруженному

Республика Тува: социально-экономический кризис и потенциал...

противостоянию. Весной-летом 1919 г. шли бои между русскими дружинами, сформированными колчаковской властью, и тувинскими отрядами, поддержанными китайцами и монголами. Дружины были вытеснены из Западной Тувы²¹. Причиной конфликта стало распоряжение о передаче значительной части тувинских земель создаваемому местному казачьему войску. Эти планы не были поддержаны и русскими крестьянами, а рост антирусских выступлений в тувинском обществе совпал с ростом антиколчаковских настроений среди местного русского крестьянства. Это говорит о том, что националистические выступления были искаженной формой социального протеста. Кроме того, в 1919 г. в ситуации общего кризиса русской власти активизировались антирусски настроенные политические и криминальные силы.

Летом 1919 г. Белоцарск, административный центр Урянхая, заняла красная Крестьянская армия Кравченко и Щетинкина, отступавшая из Енисейской губернии. Ей удалось стабилизировать ситуацию в межнациональных отношениях. Разгром колчаковского отряда поднял авторитет новой русской власти и обеспечил нейтралитет со стороны руководства монгольского и китайского отряда. Осенью 1919 года, после ухода русской по составу Крестьянской армии из Тувы, возобновились антирусские погромы, насилия и грабежи²², распространившись даже на территорию Усинского края. Противостояние в 1919 году, очевидно, было самым масштабным и кровопролитным в истории русско-тувинских взаимоотношений. Опыт выживания русских селений того периода был бы интересен и для современности²³. Выход из кризиса в Туве был найден не на основе разделения по национальному признаку, а через сближение и компромиссы. Уже в 1920 г. оформилось сотрудничество тувинцев и русских в борьбе за региональные интересы²⁴.

Строительство нового тувинского государства привело к формированию новых проблем и противоречий²⁵. Внешне антирусский характер носили массовые выступления в Туве в 1924 году²⁶. Но они были направлены против социально-экономических преобразований, идущих из Советской России, при этом и в русской, и в тувинской общинах были и сторонники, и противники этих преобразований. Интересен опыт предотвращения развития межнационального конфликта в тот период. Например, в 1924 г. Москва, приняв во внимание мнение местного руководства, запретила вооруженное подавление антисоветского восстания на Хемчике для того, чтобы социальный конфликт не перерос в межнациональный²⁷.

Таким образом, в истории русско-тувинских взаимоотношений было достаточно напряженных периодов и конфликтных ситуаций, что является важным фактором для современного развития

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

Туву. Однако противостояние никогда не было длительным, в конфликтных ситуациях всегда доминировали социально-классовые и региональные интересы. В современной Туве нет исторических предпосылок для крупномасштабного межнационального конфликта, имеется исторический опыт не только конфликтных ситуаций, но и успешной политики по их разрешению.

* * *

Численность населения Республики Тува сегодня немногим превышает 310 тыс. человек. В отличие от остальной России, русское население здесь находится в меньшинстве, а в ряде районов полностью отсутствует. Более двух третей населения Тувы составляют представители коренного этноса – тувинцы.

Тувинцев можно считать прямыми потомками древнего народа дубо-губа, но как современный этнос они сформировались лишь в XVIII веке, а самоназвание официально утвердилось менее ста лет назад. До первой четверти XX в. тувинцев называли урянхайцами (урянхами)²⁸ и соётами (сойотами)²⁹. Это тюркский по языку, но буддистский по вероисповеданию народ. Тувинцы – классические кочевники, но с древним ирригационным земледелием, для части же народа основным традиционным занятием является оленеводство и таежные промыслы. Часть тувинского народа, субэтническая группа тувинцы-тоджинцы, постановлением Правительства РФ в марте 2000 г. была включена в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации (Народов Севера). В отечественной науке господствует точка зрения об общности происхождения и близком родстве тувинцев с коренными народами Юга Сибири. Некоторые современные монгольские ученые доказывают, что «тувинцы – одно из исторических племен Монголии, с древности жившее на ее территории»³⁰.

Русская община в Туве имела свои отличительные особенности. Среди первых русских колонистов XIX – начала XX вв. преобладали староверы, возможно, «уймонские инородцы», в составе которых были обрусевшие народности, вышедшие в XVII в. с Саян. Православная община в первое время в подавляющем большинстве состояла из обрусевших минусинских инородцев, в первую очередь представителей этнокультурной группы туба (тува). В начале XX в. русская община разделялась на старожилов и переселенцев. И до, и после образования Тувинской республики местное русское население не менее активно, чем тувинцы, выступало против новых переселений из России.

В советский период население республики росло быстрыми темпами (1945 г. – 95,4 тыс. человек, 1970 г. – 230,9 тыс. человек,

Республика Тува: социально-экономический кризис и потенциал...

1989 г. – 309,1 тыс. человек). Затем, как и по всей Сибири, было зафиксировано уменьшение населения (1991 г. – 306,6 тыс. человек, 1994 – 306,3 тыс. человек). Однако уже с середины 1990-х гг. вновь наметился устойчивый рост (1995 г. – 308 тыс. человек, 1999 г. – 311,2 тыс. человек)³¹. Таким образом, в плане развития демографических процессов Тува отличается от остальных регионов Сибири. Здесь сохраняется относительно высокая рождаемость, при довольно высокой смертности. Средняя продолжительность жизни в Туве меньше, чем в среднем по России, однако за все последние годы число умерших никогда не превышало числа родившихся.

* * *

Развитие межнациональных отношений в Туве в период распада СССР имело значительную специфику по сравнению с другими российскими, в том числе и сибирскими регионами. К концу 1980-х гг. они ухудшились. Из этого единственного в Сибири региона произошел массовый отток русскоязычного населения. Громкие уголовные преступления получили национальную окраску. В республике были легализованы политические силы, поставившие вопрос о выходе Тувы из состава России³².

Негативные процессы в сфере межнациональных отношений были отмечены задолго до гибели СССР. Уже в 1980-е гг. было зафиксировано сокращение числа тувинцев, свободно владеющих русским языком. А число смешанных браков у них с 1970 по 1995 г. сократилось почти в два раза³³. Отток русского населения из Тувы начался еще в 1970-е годы, однако этот процесс отчасти компенсировался встречной миграцией. При этом за 1970-1980-е гг. доля русского населения уменьшился во всех без исключения районах республики, а численное преобладание сохранилось лишь в городе Кызыле, тогда как в 1979 г. русское население численно преобладало еще в трех районах республики³⁴.

Проблемы в межнациональных отношениях проявлялись и в структуре кадрового состава руководства республики. К началу 1990-х гг. тувинцев, работавших на ответственных должностях (49% в Совмине, 55% в республиканском комитете партии, 57% в аппарате Верховного Совета), в процентном соотношении к населению республики было немного меньше, но при этом 8 из 9 министерских постов занимали тувинцы³⁵. Отчасти можно согласиться с мнением современных исследователей: «Объективные причины неприятного для русских изменения ситуации на рынке труда связаны, в частности, с их исторически сложившимся элитным положением в социальной иерархии республики. До недавнего времени высока была доля русских в "престижных" отраслях и на "чистых" рабочих

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

местах»³⁶. Несомненно, отмеченные в 1970-1980-е гг. процессы сами по себе не являлись показателем межэтнической напряженности, они во многом соответствовали общим тенденциям развития отдаленных сибирских регионов³⁷. Однако в условиях Тувы это стало серьезной предпосылкой к будущей конфликтной ситуации.

Летом 1990 г. в Туве произошел всплеск межэтнической напряженности. Самыми первыми и одновременно самыми крупными «беспорядками», принявшими форму межнационального конфликта, стали события в рабочем поселке Хову-Аксы. Все началось с того, что 12 мая для прекращения дискотеки, где было много пьяной молодежи, милиция призвала на помощь дружинников. Это переросло в столкновения с использованием холодного и огнестрельного оружия, затем начались массовые беспорядки, продолжавшиеся несколько дней³⁸. Очень быстро конфликт принял формы межнационального противостояния³⁹. Для наведения порядка милиция вынуждена была вооружиться, одеть бронежилеты, в поселок приехало все руководство республики.

Большой общественный резонанс вызвало убийство четырьмя тувинцами двух русских рыбаков с ребенком на озере Суг-Холь. Оно произошло после совместного распития спиртных напитков. Этот трагический бытовой конфликт был расценен частью русского общества как столкновение на межнациональной почве, как пример конфликтности русско-тувинских взаимоотношений в целом.

Показателем состояния межнациональных отношений были случаи, подобно тому, что описала в письме в газету «Тувинская правда» мать тувинского мальчика, покаленного сверстниками в Кызыле за то, что тот не знал тувинского языка и дружил с русскими подростками⁴⁰.

Проблемы в межнациональных отношениях признали и попытались объяснить лидеры республики. В конце лета 1990 г. «Тувинская правда» вышла с передовицей: «Гармонизации межнациональных отношений – главное внимание. Отчет о работе пленума Тувинского республиканского комитета Компартии РСФСР»⁴¹. Первый секретарь Тувинского республиканского комитета КП РСФСР Г.Ч. Ширшин в интервью «Тувинской правде» (февраль 1991 г.) так оценил состояние межнациональных отношений: «Да, прошлым летом мы имели осложнения. Они появились в результате роста преступности, различных слухов и домыслов, подогреваемых преступными элементами, а также односторонними искажающими факты публикациями в некоторых средствах массовой информации»⁴².

В августе 1990 г. в Туве работала комиссия Верховного Совета РСФСР. Она представила аналитическую записку о положении в Тувинской АССР, в которой, в частности, говорилось: «Подавляю-

Республика Тува: социально-экономический кризис и потенциал...

щая часть совершенных в республике преступлений (за исключением единичных случаев, как, например, в селах Сосновка, Элегест) не носила националистического характера и не была направлена против какой-то одной национальности»⁴³.

Исследователи в Туве полагают: «Поводом для конфликта между представителями основных этносов – тувинцами и русскими... послужило чисто уголовное преступление... Почвой для обострения межнациональных отношений стали серьезные промахи в национальной политике, проводившейся в Туве с середины 1930-х годов, а именно откровенная линия на подавление и нивелирование любых проявлений тувинской культуры, традиций, обычаев»⁴⁴. Показательно, что исследователи пишут о поводе к конфликту и его «почве», но не говорят о причинах межэтнической напряженности. Ими стало неблагоприятное сочетание различных факторов, самих по себе напрямую не связанных с межнациональными отношениями. В условиях общего кризиса государства и общества обострились противоречия между поколениями, между городом и деревней, между местной элитой и центром. Ситуацию осложнил всплеск преступности и навязываемая из центра модель национально-государственного строительства. С гибелью СССР гибла и советская система межнациональных отношений. Очевидно, все эти катаклизмы одинаково больно ударили и по русской, и по тувинской общинам. Какая-то часть обеих общин увидела выход из ситуации в размежевании по национальному признаку. Для русских это стало миграцией из Тувы, для тувинцев – сепаратистские настроения.

Партийно-советское руководство республики в кризисный период 1990-1991 гг. старалась остановить негативные процессы. В 1990 г. на внеочередной сессии Верховного Совета Тувинской АССР было принято решение «О неотложных мерах по борьбе с преступностью в республике». 12 июня 1990 г. в газете «Тувинская правда» было опубликовано «Обращение обкома КПСС, Президиума Верховного Совета и Совмина Тувинской АССР к коммунистам, всем трудящимся, молодежи республики», в котором население призывалось остановить рост преступности и не допустить развитие негативных процессов в регионе. К решительной борьбе с ними призвали в начале 1991 г. депутаты Верховного Совета республики.

Население Тувы, как и всей России, болезненно реагировало на события в стране, выступая против социальной несправедливости. Большинство не желало ни развала СССР, ни размежевания по национальному признаку. В начале 1990 г. одной из самых актуальных была проблема сепаратизма в Прибалтике, представители общественности запрашивали руководство местного КГБ: «Приезжают ли в Туву эмиссары из Прибалтики?»⁴⁵.

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

Власти и общество пытались сохранить стабильность посредством развития культурных контактов. В феврале 1991 г. министр культуры Тувы подписал договор о сотрудничестве в сфере культуры с Красноярским краем. Как писала газета «Тувинская правда»: «Главная цель договора – улучшение межнациональных отношений»⁴⁶. Подписание этого документа откладывалось несколько месяцев, но даже в самые напряженные моменты тувинские власти старались демонстрировать дружелюбие по отношению к северным соседям. Например, в течение всего 1990 г. Тува и Ермаковский район Красноярского края обменивались коллективами художественной самодеятельности. Печатные издания в Туве старались дать как можно больше «позитивного материала», рассказывая о межнациональных браках, о русско-тувинской дружбе.

Таким образом, в начале 1990-х гг. интересы власти и общества в Туве по сохранению стабильности в межнациональных отношениях и единства страны совпали. Республика весной 1991 г. выступила за сохранение СССР, а в «Заявлении участников совместного пленума Тувинского республиканского комитета компартии РСФСР и Контрольной комиссии республиканской парторганизации по поводу выступления Б.Н. Ельцина по центральному телевидению» был осужден курс Ельцина на развал СССР⁴⁷. Но местная элита не обладала достаточным «кредитом доверия» у населения, они не смогли объединить своих усилий. В обществе сложно было определить грань между национально-культурным возрождением и межнациональной рознью, недаром поднимались вопросы: «Какую ответственность должны нести руководители, которые необоснованно обвиняют граждан в национализме?»⁴⁸.

Общество в ситуации слабой самоорганизации и недостатка авторитета лидеров, сильной оппозиции власти, сильного внешнего воздействия и других факторов не могло сохранить устойчивость своих позиций. Асоциальные элементы оказались настолько сильны, что могли оказать серьезное воздействие на общество, их действия стали восприниматься как проявление общественных настроений. Показателем данной ситуации стало парадоксальное явление, когда жестокие преступления или хулиганские выходки осуждались всеми слоями общества, но воспринимались как определенная общественная позиция. Таким образом, к 1990 г. в Туве сформировалась определенная напряженность в русско-тувинских взаимоотношениях, как проявление в искаженной форме социально-экономических и политических противоречий. Однако общество стало воспринимать в качестве проявления межнациональных противоречий преступность, которая таковой не была по сути, а зачастую и по форме.

Республика Тува: социально-экономический кризис и потенциал...

Ухудшение межэтнических взаимоотношений привело к значительному сокращению русскоязычного населения в республике. В 1990 г. выехало около 11 тыс. человек, то есть около 10% русских жителей Тувы⁴⁹. По другим данным, выехало 27811 или 15420 человек, а цифра в 11153 человека составила разницу между числом выехавших и въехавших⁵⁰. В последующие годы выезд русских из Тувы постепенно сокращался, однако темпы сокращения числа въехавших в республику к концу 1990-х гг. привели к увеличению отрицательных миграционных показателей. Отток населения происходит из всех регионов Азиатской России. Специфика Тувы заключается в том, что значительная часть мигрантов направляется не на запад, а в соседние сибирские регионы. Это отражает местные особенности межэтнических отношений. Очевидно, что часть мигрантов (вероятно, по субъективным причинам) покидает именно районы совместного проживания с тувинцами.

На сегодняшний день отток русского населения резко сократился. В самой Туве местные жители считают, что выезд русскоязычного населения был остановлен введением северных надбавок. Тем не менее, часть городского русского населения все же не связывает будущее своих детей с тувинской землей. Согласно всем социологическим опросам, почти половина из выехавших покинули Туву по причине плохих межнациональных отношений.

На сегодняшний день русские составляют менее 1/3 численности населения республики, а тувинцы составляют более 2/3 населения. Русские стали национальным меньшинством во всех районах, даже там, где они раньше преобладали. В некоторых районах вообще не проживает ни одной русской семьи (за исключением потомков смешанных браков, носящих русские фамилии)⁵¹. Миграция же тувинцев за пределы своей республики традиционно незначительна: в соседних республиках, Хакасии и Бурятии, проживает всего около 1 тыс. тувинцев. В последние годы заметным явлением стало оседание в столичных городах тувинской интеллигенции, и в Абакане – тувинских коммерсантов.

* * *

Не остается Тува в стороне от международных миграций. По численности посетивших республику иностранцев на душу населения Тува не уступает другим российским регионам. Пик посещаемости Тувы иностранцами – до 9 тыс. человек в год – пришелся на 1993-1994 годы⁵². Подавляющее большинство иностранцев представлено гражданами Монголии. В 1995 г. был введен визовый режим с Монголией, в 1996 г. в республике было зарегистрировано лишь 1,4 тыс. зарубежных гостей. И только с 1997 г. их числен-

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

ность начинает повышаться. С 1999 г. стабильно регистрируется около 2,7 тыс. иностранцев, в 2002 г. – 3,7 тысячи, и за 9 месяцев 2003 г. – 4,8 тысячи иностранцев. Кроме монголов, которых с 1994 г. зафиксировано 22 тыс. человек, Туву за это время посетило 2,8 тыс. граждан Киргизии, 0,9 тыс. граждан США. Из Германии, Китая и Узбекистана за эти годы в республике побывало более 400 человек. Численность граждан Грузии и Литвы превысила 200 человек, от 100 до 200 человек, посещавших Туву, представляли Украину, Турцию, Казахстан, Италию, Великобританию, Азербайджан. Таким образом, почти половину всех иностранцев, посещавших Туву последние 10 лет, составляли граждане Монголии, из других государств дальнего зарубежья по этому показателю лидировали США, заметным было присутствие граждан Германии, КНР, Турции, Италии и Великобритании. Из граждан ближнего зарубежья вне конкуренции оказались киргизы, далеко опередившие идущих за ними узбеков, грузин и литовцев⁵³.

В свете современных «геополитических построений» особое внимание общественности привлекают китайцы. В начале 1990-х гг. китайцам и Китаю в Туве уделялось особое внимание. В 1990 г. в Кызыл по контракту с научно-техническим центром «Тувасистем» из Шэньяня прибыла группа специалистов в области традиционной китайской медицины, из Китая приглашались повара, инструкторы по ушу⁵⁴. Браки китайцев с тувинцами хоть и не многочисленны, но в процентном соотношении с другими народами России встречаются чаще. Однако до сегодняшнего дня в республике не выделяется заметной китайской общины, а динамика посещений не выделяется из общего ряда, о чем говорят данные статистики. Например, в 1999-2000 гг. зафиксировано по одному въезду граждан КНР⁵⁵. Правда, официальные данные вряд ли полны. Китайцы занимаются бизнесом, в первую очередь незаконной скупкой сырья.

Граждане Киргизии и Узбекистана заняты в торговле на рынках города, рост киргизской диаспоры – факт реальный, его возможные последствия пока не вызывают «общественных опасений». Представители Армении работают на стройках. Отметились скандалом граждане Сирии, уличенные в незаконном отлове и вывозе из республики редких видов птиц. Присутствие представителей стран Запада в Туве объясняется геополитическими реалиями сегодняшнего дня. На постоянное жительство в Туве иностранцы остаются редко, а с введением в 2002 г. нового федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в России» этот процесс стал более управляемым. На 2003 г. для Тувы квота на выдачу разрешений на временное проживание иностранцев составила 200 человек. Таким образом, общая ситуация с международными

Республика Тува: социально-экономический кризис и потенциал...

миграционными процессами в Туве, будучи важным фактором безопасности для приграничного региона, не создает серьезных предпосылок для дестабилизации общего положения в республике.

* * *

Тува окончательно вошла в состав России всего 60 лет назад. До этого, на протяжении нескольких веков, она находилась в центре международных противоречий. Последствия прошлых споров до сих пор остаются. На территорию Тувы претендует Китайская Республика на Тайване⁵⁵, и в случае политических потрясений в материковом Китае эта проблема может актуализироваться. Сейчас же КНР не имеет официальных территориальных претензий к России, в том числе и на Туву. На неофициальном уровне «территориальные споры» присутствуют в тувинско-монгольских взаимоотношениях, хотя линия границы закреплена договорно-правовыми документами⁵⁶. Во время визита тувинской делегации на высшем уровне в Монголию в конце 1991 г. стороны фактически признали существование «территориальных вопросов»⁵⁷. В сборнике материалов международного исследовательского семинара недавно была опубликована статья с характерным названием «Пограничный конфликт Монголии и Тувы и его причины». Правда, посвящена она проблемам трансграничной преступности⁵⁸.

Современная тувинская государственность начала оформляться еще в XVIII в. и прошла через ряд противоречивых этапов. Но за всю историю существования Тувы, никогда жестко не ставился вопрос о необходимости полного суверенитета, полной независимости от соседей. Даже в 1921 г. республика официально провозглашалась под российским протекторатом⁵⁹. Однако тувинская элита со времен «Урянхайского вопроса» всегда старалась использовать международный фактор и играть на межгосударственных противоречиях. При внимательном рассмотрении событий 1912-1914 годов, периода провозглашения Тувинской республики, антиправительственных выступлений в 1920-х годы, видно, что тувинская элита жестко не делилась на сторонников и противников российской (советской) власти, все тувинские лидеры старались использовать свое пограничное положение для сохранения реальной автономии. Подобная ситуация, возможно, наблюдалась и в начале 1990-х годов, когда председатель Верховного Совета республики Тува К. Бичелдей заключал договоры с Монголией для наполнения реальным содержанием только что провозглашенного «суверенитета»⁶⁰. Но когда Москва осенью 1991 г. предложила брать суверенитета «сколько унесешь», Тува не прельстилась «перспективой полной независимости», к власти пришли сторонники единства России.

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

Важным фактором развития региона является то, что тувинский участок российской государственной границы уже несколько лет является сложным и конфликтным. Главной проблемой на тувинском участке российско-монгольской границы является преступность (угон скота)⁶¹ и контрабанда (мяса). Эта проблема существовала даже в советские времена. Например, в начале 1990 г. один из руководителей республиканского КГБ в своем интервью сообщал: «Не искоренено скотокрадство с угоном скота за границу, притом нередко в преступления вовлекается молодежь. Случалось, границу пересекали выпивохи в поисках “архи”»⁶². В 1996-2002 гг. пограничниками задерживалось по 123-127 нарушителей в год, причем граждан Монголии в несколько раз меньше, чем граждан России. В 2001 г. задержан и один гражданин КНР. На границе каждый год есть убитые или раненые, в том числе и при нападении на пограничников, и сами пограничники. Следует отметить, что на границе налажено эффективное взаимодействие пограничников с обеих сторон. Например, когда в 1993 г. скотокрады из Монголии угнали табун лошадей из совхоза «Чодураа». Похитителей задержали монгольские пограничники, вернули 70 коней, не нашли лишь 8.

Сейчас действует договор «О режиме советско-монгольской государственной границы и сотрудничестве по пограничным вопросам» от 1980 года. Кроме того, 10 августа 1994 г. было подписано «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии о пограничных пунктах пропуска и упрощенном сообщении через российско-монгольскую государственную границу», заменившее подобный документ от 1986 года. На тувинском участке российско-монгольской границы не устанавливалось пунктов пропуска для международного сообщения, а для двухстороннего пассажирского и грузового сообщения были утверждены переходы Хандагайты – Борщо, Цаган-Толгой – Арц-сурь, Шара-Сур – Тэс. Жителям четырех районов и еще двух сельсоветов других приграничных районов было предоставлено право на упрощенный порядок перехода границы. В 1999 г. было подписано «Соглашение об организации работы совместных комиссий по розыску и возвращению угнанного и перепасшегося через государственную границу скота».

Развитие трансграничной преступности сделали проблему укрепления границы в Туве актуальной для всей Сибири. Решением Совета Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» «О мерах по укреплению российско-монгольской границы» 1996 г. было намечено строительство в Туве комендатуры и 7 застав за счет средств регионов⁶³. Но эта программа по большей части не выпол-

Республика Тува: социально-экономический кризис и потенциал...

няется, очевидно, не только из-за отсутствия средств, но и по причине некоторой стабилизации ситуации на границе.

Таким образом, в России на сегодняшний день остро не стоят вопросы тувинского национального сепаратизма или претензий других государств на территорию Тувы. Наиболее сложным и «раздражающим» дестабилизирующим фактором безопасности остается проблема границы, особенно в части пограничной преступности.

* * *

Современное состояние межэтнических отношений в Туве довольно противоречиво. Русско-тувинские взаимоотношения не отягощены расовыми предрассудками, отсутствует какие-либо проблемы межконфессиональных отношений. Российская община в Туве изначально была полиэтнична и многоконфессиональна. В прошлом постоянно отмечалось, что и православные и буддисты в Туве были гораздо менее религиозны, чем их единоверцы в Сибири и Монголии. В чем же причина периодически возникавшей напряженности? Очевидно, главное – различие культур, отсутствие длительного опыта совместного проживания двух народов. История показывает, что русские с большим трудом и далеко не все могут адаптироваться в этой тяжелой для жизни горно-степной местности, среди настолько отличного по ментальности народа. Еще одним важным фактором было постоянное негативное отношение Москвы к местному регионализму, ставшему реальной объединяющей силой в Южной Сибири в начале XX века⁶⁴. Ухудшение межнациональных отношений, согласно устоявшемуся мнению, в значительной части было обусловлено усилением борьбы между центром и регионом за контроль над ресурсами. Но всплеск межэтнической напряженности произошел за год до развала СССР, что позволяет говорить о доминанте внутренних предпосылок к этому. События лета 1990 г. сыграли отрезвляющую роль, республика крайне сдержанно отреагировала на московские события 1991 и 1993 годов.

Сейчас в Туве потенциал межэтнических противоречий как фактора в противостоянии центр-регион, очевидно, исчерпан. В случае продолжения этого противостояния на первый план выйдут кланово-территориальные группировки. Перспектива развития «теневых клановых группировок» вызывается тем, что единое «имперское» пространство в «советской» форме почти разрушено, а создание гражданского общества по сценарию московских демократов в условиях этого азиатского региона пока бесперспективно. Если возрождение традиционных институтов, в первую очередь родственно-земляческих структур, не будет «легализовано» и адаптировано в современную политическую систему, то будет соз-

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

дана благоприятная почва для формирования «новых вызовов» российской государственности. В интересах России обеспечить поддержку развитию и укреплению единого тувинского этноса, находящегося сегодня в непростой ситуации⁶⁵.

В Туве отсутствует религиозный экстремизм, что снижает уровень конфликтности. Но он может существовать не только на исламской почве. Тибетский буддизм также может быть использован для решения политических задач всеми доступными средствами⁶⁶. В XX в. он уже применялся в качестве символа для воинствующих политиков не только в Японии или Юго-Восточной Азии, но и в Тибете и в Монголии⁶⁷. В красноярских газетах начала 1990-х гг. появлялись заметки о ритуальных убийствах русских в рамках распространённого в Туве шаманизма. Появлялись даже телепередачи на эту тему. Что за всем этим стояло, до сих пор сказать сложно, возможно, и «погоня за сенсацией».

Определённый уровень конфликтности поддерживается, и в перспективе будет поддерживаться алкоголизмом, против которого тувинское население имеет меньше защитных барьеров, чем многие другие народы России. Перспектива улучшения ситуации в этой сфере видится лишь в возрождении традиционного хозяйства, которое позволит, в частности, вернуться и к традиционным «анти-депрессантам» в виде слабоалкогольного напитка араки.

* * *

Этнополитическая конфликтность в Туве отчасти была обусловлена спецификой экономических процессов, протекавших в республике в 1990-е годы⁶⁸. Экономический кризис в Туве проявился позднее, но протекал острее, чем в других регионах страны. Согласно официальным данным, впервые спад промышленного и сельскохозяйственного производства в Тувинской АССР произошел в 1990 году. Темпы падения объемов промышленного производства в республике были выше подобных показателей по России. Например, крупнейшее в республике предприятие – комбинат «Туваасбест» раньше давал по 135 тыс. тонн сортового асбеста, а в 1996 г. он произвел лишь 10 тыс. тонн⁶⁹. Работа комбината «Тувакобальт» была полностью остановлена. Показатели развития сельского хозяйства также удручающие. Кызыльский молококомбинат работает зимой на привозном сухом молоке⁷⁰. По сей день самый большой урожай зерновых в республике был собран в 1970 году: 208 тыс. тонн зерна⁷¹. О темпах деградации региональной экономики говорят и такие цифры: если в 1989 г. 2/3 республиканского бюджета формировалось за счет внутренних доходов, то уже бюджет 1991 г. был на 2/3 запланирован дотаци-

Республика Тува: социально-экономический кризис и потенциал...

онным⁷², а к концу 1990-х гг. республиканский бюджет стал дотационным более чем на 4/5.

Вариант подъема национальной экономики посредством возрождения традиционного сельского хозяйства не работает, главным образом из-за преступности. Во многих тувинских поселках обычным является полное отсутствие огородов и домашнего хозяйства, местные жители объясняют это невозможностью оградить урожай, скот и птицу от воровства. Добротное хозяйство имеется лишь в отдаленных аалах, у тех, кто в состоянии защитить его от воров и грабителей.

В настоящее время наметилась стабилизация в экономике республики, но по-прежнему производящаяся здесь продукция неконкурентоспособна на внешних рынках, а емкость внутреннего рынка крайне ограничена. Пока не просматривается перспектива восстановления разорванных хозяйственных связей, существовавших в советский период. Таким образом, одним из самых тревожных факторов является крайне низкий уровень интеграции экономики республики в единое российское экономическое пространство⁷³. Сейчас вновь активно заговорили о возможном начале строительства железной дороги через Западный Саян. Однако об этой дороге говорят и пишут уже почти полтора века, но строительство не начинали и в гораздо более благоприятных экономических условиях. В качестве перспективной сегодня рассматривается идея создания транзитного пути через Туву, который свяжет Сибирь с западными районами Китая. Первым шагом к реализации этого проекта стало строительство рынка в районе пограничного перехода Эрзин. Однако, учитывая опыт реализации подобных проектов в других регионах, пока не видно перспектив развития данной идеи.

Напряженность в межнациональных отношениях в республике напрямую зависит от состояния экономики. Например, наиболее сложная криминогенная обстановка и самые серьезные проявления агрессии на почве национального неприятия были зафиксированы в самых экономически пострадавших и экологически неблагоприятных районах. Крайне тяжелая обстановка сложилась в Хову-Аксы, а именно там было полностью закрыто крупнейшее в республике предприятие – комбинат «Тувакобальт», на котором было отмечено наибольшее загрязнение радиоактивными отходами. Следует иметь в виду, что причинно-следственная связь здесь более сложная. И гибель комбината, и всплеск межнациональной напряженности явились единым следствием экономических диспропорций и неправильной социальной политики. С другой стороны, именно в 1990 году, в период наибольшей межэтнической на-

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

пряженности, фиксировался и самый высокий рост преступности. Рост тяжких преступлений за год составил 34,2%, за совершение преступлений было задержано 1022 несовершеннолетних.

* * *

Негативные тенденции в сфере интеграции в единое культурное пространство России обусловлены определенной «тувинизацией» местной интеллигенции, которая связана не столько с сокращением процента приехавших из других регионов специалистов, сколько с появлением значительной прослойки специалистов, получивших образование в самой республике, а зачастую и никогда не бывавших за ее пределами. Немаловажным фактором является переориентация значительной части монгольской интеллигенции с России на Японию и Запад. Близость культур, общность исторического прошлого Монголии и Тувы делают монгольское влияние на Туву важнейшим фактором развития региона, прозападно-ориентированная монгольская интеллигенция может потянуть за собой часть тувинского общества.

Давно заметно, что «барьер» практически отсутствует в отношениях тувинцев с русскими, владеющими тувинским языком. В современной ситуации в Туве основную функцию «моста» между двумя общинами будут играть не столько «русскоязычные» тувинцы⁷⁴ как прежде, сколько «тувиноязычные» русские. Но таковых пока менее 1% в составе русскоязычного населения. К «тувиноязычным» русским пока относятся в подавляющем большинстве члены смешанных семей и их дети, русские выросшие в тувинской среде. Но в перспективе таковыми могут быть и русские выпускники высших учебных заведений в Кызыле. В этой связи особую актуальность приобретают вопросы развития системы образования в республике, причем образования, учитывающего местную специфику⁷⁵.

Знакомство с местными средствами массовой информации и общение с местным населением позволяют отметить, что крайне болезненно воспринимаются обвинения в национализме, в склонности к агрессии, пьянству, преступности. В республике постоянно обращают внимания на публикации подобного рода, появляющиеся за пределами республики. Например, в газетной заметке об «Атласе-путеводителе для автомобилистов и туристов, рыболовов и охотников», изданном в Красноярске, приводится цитата из этого издания, относящаяся к «достопримечательностям» Тувы: «В начале девяностых в республике прошла необычайно сильная волна агрессивного национализма, не имеющая аналогов в новейшей истории России. Сейчас она спала, и русских больше не вырезают целыми семьями. Но национализм остался в молодежной среде, пове-

Республика Тува: социально-экономический кризис и потенциал...

рившей в то время сепаратистской пропаганде. Забывать это нельзя для правильного понимания обстановки. Русские бежали от погромов, и теперь на улице их не встретишь. В республике высокий уровень преступности, в значительной степени обусловленной известной проблемой тюркских народов – неспособности организма перерабатывать алкоголь. Здесь принято носить нож и использовать его в качестве инструмента коммуникации и обоснования своих взглядов. Тюрки вообще тяжело переносят плотские искушения...». Журналист так комментирует этот материал: «Создается впечатление, что Тува проживает в каком-то неведомом остальном миру мире режиме, где нет власти и российских законов»⁷⁶.

Болезненная реакция подобного восприятия Тувы соседями имеет и вполне материальную составляющую. В заметке об этом Атласе делается вывод: «В целом, по прочтении путеводителя, только крайне отважные люди осмелятся посетить Туву... Привлечет ли это туристов и потенциальных инвесторов – очень сомнительно...». Но данная проблема опять же не нова, например, первый секретарь Тувинского республиканского комитета КП РСФСР Г. Ч. Ширшин, отвечая на вопросы корреспондента газеты «Тувинская правда» в феврале 1991 году, сетовал: «в стране и за рубежом... складывается стереотип негативного отношения к тувинцам. Дескать, что это за люди, то с русскими не ладят, то голодовки устраивают»⁷⁷.

Подъем ксенофобии в России, бесчинства скинхэдов также осложняют русско-тувинские взаимоотношения. Тувинцы считают, что угроза со стороны фашиствующей молодежи существует для них не только в столицах, но и в соседнем Красноярске, а особое внимание правоохранительных органов к местам «отдыха» тувинской молодежи рассматривается ими через призму межнациональных отношений. При этом местные власти явно недостаточно уделяют внимания проблемам тувинской культуры в сибирских регионах. Например, в красноярском Межнациональном культурном центре зарегистрированы национально-культурные общества, представляющие самые разные народы Кавказа, Поволжья, Сибири, но нет тувинского общества.

Ученые Тувы также нередко акцентируют внимание на негативном влиянии средств массовой информации. В изданной в 1995 г. монографии отмечалось: «Здесь нельзя не сказать о том, что как в период обострения, так и после, крайне негативное влияние имели газетные публикации в ряде центральных и региональных изданий. Авторы статей, не потрудившиеся детально разобраться в причинах и механизме конфликта, из статьи в статью приводили искаженные, надуманные факты, допускали необоснованные обвинения в адрес тувинцев. Особенно отличились журнал «Столица»,

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

газеты «Собеседник», «Голос» и некоторые другие»⁷⁸. В 1999 г. в Кызыле было опубликовано специальное исследование известного республиканского государственного деятеля Д.Л. Тинмей, которое так и называется – «Отравленные стрелы (Газетная война против Тувы в 1990-1991 годах и попытки разжечь ее позже)». Автор доказывает, что с 1990 г. проводилась «антитувинская дезинформационная диверсия»⁷⁹.

* * *

На сегодняшний день ситуация в Туве стабилизировалась. Напряженность межэтнических отношений в республике спала, экономический кризис перешел в стагнацию, отсутствуют серьезные вызовы на международной арене. Однако стабильность не является устойчивой, а оторванность республики от остальной России не позволяет обеспечить экономическое развитие даже в случае общих благоприятных тенденций в экономике страны. Все это может привести к росту межрегиональных противоречий внутри Тувы. Серьезным препятствием для развития экономики является преступность. В ситуации низкой степени самоорганизации общества или падения авторитета власти высокий уровень уголовной и бытовой преступности вновь может стать важнейшим фактором всей общественной жизни, в том числе и межнациональных отношений. И еще один фактор: в тувинском обществе господствует мнение о том, что в своей истории они не завоевывались, а всегда добровольно входили в состав более крупных государств. Это дает право свободного выхода из состава России, если верховная власть их не будет удовлетворять. Сегодня многие тувинцы убеждены, что республика могла бы выйти из состава России во время развала СССР, если бы того захотела.

Для устранения межэтнической напряженности, для устойчивого развития Тувы в составе России российская власть и общество должны понять и принять уникальность этого региона. Европейская и русская составляющие в Туве не являются сегодня доминантой. При грамотной политике, опирающейся на знание истории Азии и Азиатской России, политике, уважающей культурные, политические, правовые традиции, – это отнюдь не ослабляет позиции единого государства. Для защиты Тувы от внешних вызовов России необходимо проводить активную и грамотную политику в отношении Монголии и Китая. При формировании своей внешней политики Москве необходимо учитывать тот факт, что интересы центра и региона в ней далеко не всегда совпадают. Именно полноценный регионализм, которого традиционно так боится центральная власть, может быть реальным противовесом национальному се-

Республика Тува: социально-экономический кризис и потенциал...

партизму. Возрождение экономики региона и грамотная политика центра могут в ближайшее время свести до минимума потенциала этнической напряженности в Туве.

Примечания

¹ Китайская Республика (Тайвань) считает территорию Тувы входящей в состав Китая. См.: The Republic of China Yearbook. Taipei, 2000.

² Наименования Тува и Тыва по конституции равнозначны.

³ Центральная Сибирь чаще всего в истории и традиционно на сегодняшний день относится к Восточной Сибири.

⁴ Очевидно, только в 1608 г. русские впервые узнали о существовании государства Алтын-ханов, в состав которого входила и территория Тувы. Тогда же из Томска было снаряжено первое русское посольство к Алтын-хану, которое не смогло добраться до Засаянского края. В 1616 г. через долину реки Хемчик проследовало первое русское посольство, возглавляемое Василием Тюменцем.

⁵ Тувинцы и маторы согласились принять русское подданство в 1609 году, но вскоре оказали упорное сопротивление русскому продвижению на юг, а затем ушли в Саяны. В 1617 г. Москва согласилась принять под свою власть Алтын-хана, правителя монгол-хотогойтов, чья власть распространялась и на Саяны. На протяжении XVII в. Алтын-ханы не раз обращались за покровительством к русским и выполняли некоторые ритуалы по принятию вассалитета.

⁶ Наследственный верховный правитель четырех хошунов Урянхайского края, утверждаемый Цинским правительством. В данный период эту должность занимал Оюннарский угерда Комбу-Доржу.

⁷ Наследственные князья, главы хошунов.

⁸ Обращение к Монголии за покровительством было не случайным. Тувинская культура исторически оказалась настолько тесно связанной с материальной и духовной культурой монгол, что ряд монгольских историков считают, что тувинцы являются частью единого монгольского народа. С XVIII в. тувинцы признали верховенство высших монгольских церковно-религиозных иерархов во главе с настоятелем Ургинского монастыря. Длительное пребывание в составе единого с монголами административно-территориального образования Внешней Монголии, непосредственное подчинение части тувинского населения монгольским князьям, заимствование через монголов тибетского буддизма, совместная с монголами борьба против китае-маньчжурской власти и другие факторы предопределили тесные связи между тувинским и монгольским народами.

⁹ 4 апреля 1914 г. царь Николай II одобрил всеподданнейший доклад министра иностранных дел С.Д. Сазонова, в котором было предложено удовлетворить прошения тувинских нойонов принятием населения Урянхайского края под русское покровительство. В июле 1914 г. комиссар по делам Урянхайского края объявил нойонам о принятии их под русское покровительство и взял с них расписки о том, что они не будут иметь самостоятельных отношений с Монголией и

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

прочими странами. Нойоны дали письменные ручательства в верности русскому престолу.

- ¹⁰ После включения Тувы в состав Цинской империи вместе с завершением формирования тувинского этноса оформились и тувинские хошуны (княжества). С 1787 г. тувинские хошуны были объединены под властью одного тувинского наследственного князя. Родоплеменное устройство тувинцев было полностью заменено административно-территориальным. После начала Синьхайской революции, в январе 1912 г. был созван съезд тувинских нойонов и других авторитетных представителей тувинского общества, на котором было принято решение объявить Урянхайский край «независимым», но под покровительством и защитой России.
- ¹¹ Согласно Кяхтинскому соглашению, подписанному Россией, Китаем и Монголией, Внешняя Монголия формально осталась в составе Китайской республики, но на правах широкой автономии, под покровительством России.
- ¹² Во время Гражданской войны Москва признавала «формальные права» Китая на Туву, в начале 1921 г. руководители Сибревкома И.Н. Смирнов и Б.З. Шумяцкий телеграфировали Г.В. Чичерину, что они «полагали бы необходимым, чтобы независимая Монголия включала в свой состав и Урянхайский край».
- ¹³ И.Г. Сафьянов заставил китайские и монгольские отряды покинуть Урянхай и организовал съезды русского и тувинского населения, которые должны были самостоятельно принять решения о будущем государственного устройства Тувы. Таким образом, местные лидеры смогли пресечь попытку большевистских центральных властей пренебречь интересами региона и сделать Туву «разменной монетой» в «большой игре». И.Г. Сафьянов вскоре был лишен своего поста, исключен из партии и выслан из Тувы, но пренебречь волеизъявлением большинства населения новая власть на тот момент не решилась. См.: *Дацышен В.Г., Ондар Г.А. Саянский узел: Усинско-Урянхайский край и российско-тувинские отношения в 1911-1921 гг.* Кызыл, 2003.
- ¹⁴ В июле 1924 г. Я.Х. Давтян писал в Совмин Тувы, опровергая слухи о том, что Советская Россия признала немедленное вхождение Урянхия в состав Монголии.
- ¹⁵ Первые русские селения в этот период вообще были ликвидированы.
- ¹⁶ «Беспорядки» в Туве были вызваны недовольством сумона Монгуш назначением цинскими властями на пост правителя Хемчикского хошуна Хомушку Базыра, которое шло вразрез с местной традицией. В 1878 г. на волне общего недовольства были разгромлены русские торговые фактории.
- ¹⁷ Самое известное в XIX в. выступление тувинского народа против власти и социальной несправедливости, традиционно называется восстанием «Алдан маадыр» («60 богатырей»). Повстанцы создали военный лагерь на горе Кара-Даг, откуда делали набеги. Затем они вместе со своим предводителем Кожагар-Комбулдаем пытались уйти от карательных отрядов в пределы России.
- ¹⁸ Современных грабителей в Туве также называют кайгалами, однако тувинцы всегда подчеркивают, что в отличие от прежних «удальцов», грабивших богатых и помогавших бедным, современные «кайгалы» грабят в первую очередь слабых и бедных.

Республика Тува: социально-экономический кризис и потенциал...

- ¹⁹ В 1908 г. нойон Хайдуб предложил всем русским покинуть Хемчикский район и собрал с купцов подписки об обязательном выезде за границу. Подобные меры предприняли и многие другие тувинские чиновники. Кроме этого, Хайдуб поставил пограничные караулы на русской территории, в устье р. Ус. Под давлением русских властей и по другим причинам цинские власти удалили Хайдуба и не пошли на обострение отношений с Россией.
- ²⁰ Законом от 18 июня 1914 г. была учреждена должность комиссара по делам Урянхайского края, резиденцией которого долгое время оставалось село Верхне-Усинское. Но еще раньше в официальных документах употреблялся термин Усинско-Урянхайский край. В мае 1917 г. Управление Усинского пограничного начальника окончательно было упразднено. Летом 1917 г. была учреждена Усинско-Урянхайская земская управа. Осенью 1918 г. комиссар по делам Урянхайского края А.А. Турчанинов объединил Усинскую волость и Урянхай в административно-полицейском отношении. Вопрос о присоединении Усинского края к Туве последний раз обсуждался в 1923 году.
- ²¹ Газета «Минусинский край» в июле 1919 г. сообщала: «Восстание сойотов, вспыхнувшее в первые дни июня, потоком и разграблением пронеслось по Кемчикскому району, миновав лишь населенные пункты по Чжедану, в нижнем течении которой находились наши военные силы. В первые три дня восстания разграблено и сожжено 34 русских жилых заимки и фактории и убито — по моим сведениям, — 44 мирных жителя, преимущественно мужчин, и семьи владельцев уводились в плен, откуда по прошествии 3-10 дней они направлялись к нашим передовым позициям. О насилиях над женщинами и издевательствах вырвавшихся из плена не говорят, хотя зверская расправа с семьей К. Валеева, пять человек которой (владелец, его мать, брат и две сестры — подростки) были связанными брошены в р. Кемчик и утоплены, накладывает определенную печать на действия восставших. После 4-го июня сойоты сожгли еще до 30 заимок, оставленных русскими, бежавшими к штабу и бросившими почти все свое имущество. Какова судьба остальных заимок Кемчика, — неизвестно, но факт, что эвакуированные поселки Джакуль и Шагонар сожжены, предопределяет эту судьбу...» [Минусинский край. 1919. 24 июля].
- ²² В письме-ультиматуме, направленном на имя командующего монгольским оккупационным отрядом и подписанном А.Д. Кравченко и П.Е. Щетинкиным, говорилось: «...с уходом нашей Армии из Белоцарска правонарушение достигло ужасающих размеров, что в настоящем сайоты не ограничиваются кражей скота и имущества и насилия над русскими женщинами, но и убивают и зверски замучивают русских не только взрослых, но и их детей, — вырезывая целые семейства и сжигая целые селения...» (Минусинский городской архив. Ф. 61. Оп. 1. Д. 11. Л. 6-об.).
- ²³ 3 октября 1919 г. было принято постановление схода жителей Усинской волости, в котором говорилось: «в виду угрожаемой опасности от нападения сайот на Усинские селения выезд жителей Усинской волости, за исключением женщин и детей, у коих не имеется мужей — воспретить». Запрещен был и вывоз какого-ли-

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

бо оружия за Саяны. Крестьяне, православные и староверы, сами защитили свои селения от бандитов, отказавшись даже «от услуг» русских военных отрядов. См.: *Дацышен В.Г.* Революция и межнациональные отношения. Проблемы русско-тувинских взаимоотношений в 1917-1921 гг. // Личность, творчество и современность. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 6. Красноярск, 2003.

²⁴ В конце 1920 году, сразу после русско-китайского вооруженного конфликта, тувинские власти перестали поддерживать китайское военное командование и пошли на сотрудничество с И.Г. Сафьяновым, отстаивающим региональные интересы в противостоянии с Пекином, Ургой и Москвой. В начале 1921 г. тувинские отряды во взаимодействии с партизанами разбили китайские оккупационные части, летом 1921 г. тувинские солдаты вошли в состав русского сводного партизанского отряда.

²⁵ Современники отмечали: «Переход Монголии и Урянхая на самостоятельное государственное хозяйство по методам /внешне/ культурных народов вызывает новые огромные расходы, которые и покрываются тяжелыми таможенными сборами и прямыми налогами. Все это искусственно относится на счет русских, давая хороший агитационный прием китайцам» (Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края. Ф. 1. Оп. 1. Д. 642. Л. 180).

²⁶ См.: *Дацышен В.Г.* К проблеме межнациональных отношений в Туве в первые годы существования Тувинской Народной Республики // Россия и Восток: взгляд из Сибири. 2004. / Материалы и тезисы докладов. Иркутск, 2004.

²⁷ В апреле 1924 г. секретарь Урянхайского Райбюро РКП(б) Чугунов писал партизанскому командиру Кочетову: «Районное Бюро ставит Вас в известность о своем постановлении, состоявшемся 12 апреля 1924 года по вопросу военных действий Кемчикском районе. Принимая во внимание политическую обстановку Урянхая, РайБюро находит невозможным ведение военных операций, характер которых будет иметь вид «объявления войны Кемчуку» при активном участии колониетских частей. Указанное положение ясно, что должно вылиться в форму войны русских с тувинцами отчего мы безусловно должны в настоящей обстановке воздержаться... нельзя исключать в дальнейшем возможности выступления Кемчужан в роли объявивших войну Колонистам после чего вполне естественно должны последовать иные действия с нашей стороны» (Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края. Ф. 7031. Оп. 1. Д. 12. Л. 6).

²⁸ Монгольское название, очевидно, происходит от слова вперед (ср. боевой клич «ура»), то есть живущие впереди, на окраине. В Западной Монголии есть монголоязычная субэтническая группа урянхайцы.

²⁹ Пришло в русский язык в XVII в. от тюркоязычных соседей. Происходит, очевидно, от названия «саянцы», возможно от имени одного из правителей, или обозначало промысловиков-охотников.

³⁰ *Гантулга Ц.* Тувинцы Монголии в период маньчжурского господства // Монголия — Бурятия — Тува — Иркутская области: развитие, взаимодействие и вызовы внутри и вокруг Байкальского региона / Материалы международного семинара. Улан-Батор, 2002. С. 86.

Республика Тува: социально-экономический кризис и потенциал...

- ³¹ В публикациях даются различные цифры. Кроме того, в 2001 г. отмечалось некоторое падение численности населения (Социально-экономическая характеристика Байкальского региона: информационно-статистический сборник. Москва-Иркутск, 2002. С. 190).
- ³² Имеется в виду Народный фронт «Хостуг Тыва».
- ³³ См.: *Балакина Г.Ф., Анайбан З.В.* Современная Тува: социокультурные и этнические процессы. Новосибирск, 1995. С. 106, 116.
- ³⁴ См.: *Анайбан З.В., Губогло М.Н., Козлов М.С.* Формирование этнополитической ситуации. Т.1. Очерки истории постсоветской Тувы. М., 1999. С. 37.
- ³⁵ Тувинская правда. 1991. 14 февраля.
- ³⁶ *Анайбан З.В.* Этносоциальные аспекты миграционных процессов в Республике Тува в 90-е годы // Ученые записки ТИГИ. Вып. XIX. Кызыл, 2002. С. 47.
- ³⁷ Например, доля представителей русского старожильского населения (чалдонов) в соседних русских регионах в руководстве и «престижных сферах» была еще ниже. В годы «застоя» и «перестройки» начался отток населения из всех сибирских территорий на запад.
- ³⁸ Тувинская правда. 1990. 15 мая.
- ³⁹ Проблемы трансформации «бытового» конфликта в межнациональный требуют специального исследования. В данном случае, очевидно, свою роль сыграл тот факт, что дружинники в основном были представителями русской национальности, а пьяная молодежь — тувинцами. В условиях значительного отличия культур и заметного разделения «русский город» и «тувинская деревня», консолидация по этническому признаку представляется наиболее простой и удобной. При общем недовольстве недостатки власти каждой стороной связывались с ее принадлежностью к другой общине: Российская Федерация — значит власть русских, Тувинская республика — значит власть тувинцев, а авторитета гибнущей наднациональной структуры — СССР, в 1990 г. было недостаточно.
- ⁴⁰ Тувинская правда. 1990. 31 мая.
- ⁴¹ Тувинская правда. 1990. 24 августа.
- ⁴² Тувинская правда. 1991. 13 февраля.
- ⁴³ *Тинмей Д.Л.* Отравленные стрелы (Газетная война против Тувы в 1990-1991 годах и попытки разжечь ее позже). Кызыл, 1999. С. 5.
- ⁴⁴ *Балакина Г.Ф., Анайбан З.В.* Указ. соч. С. 82.
- ⁴⁵ Тувинская правда. 1990. 17 апреля.
- ⁴⁶ Тувинская правда. 1991. 12 февраля.
- ⁴⁷ Тувинская правда. 1991. 22 февраля.
- ⁴⁸ Тувинская правда. 1990. 17 апреля.
- ⁴⁹ Уже летом 1990 г. тувинские власти отметили эту проблему, сообщив, что если за 1989 г. республику покинуло 2 тыс. человек, то за 7 месяцев 1990 г. уехало уже более 4 тыс. жителей (старше 16 лет).
- ⁵⁰ *Анайбан З.В.* Указ. соч.
- ⁵¹ Например, в Самагалтайском районе живут из «русских» лишь Захаровы. Основатель рода, Григорий Семенович приехал в Туву в 1945 году, женился на Дра-

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

сиде Федоровне Агаповой, в числе их потомков 7 сыновей и 29 внуков. Три их сына в Туве женились на тувинках, один в Бурятии на бурятке. Захаровы известны как коневоды. Внуки основателя рода, Мерген и Алексей Васильевичи Захаровы в 90-х гг. делали свадьбы уже по тувинским обрядам.

⁵² Для примера, за весь 1987 г. республику посетило лишь 15 иностранцев, в 1989 г. — 300 иностранцев.

⁵³ Эти данные начальник отделения виз и регистраций ОПВС МВД РТ Е.М. Шырап сообщила корреспонденту кызыльской газеты «Плюс Информ» А. Чимит. См.: Плюс Информ. 2003. № 40.

⁵⁴ В Госкомспорте ТувАССР Федерация ушу в начале 1990-х гг. была самой успешной в коммерческом плане, что во многом объясняется и национальным характером тувинцев.

⁵⁵ Миграция населения Республики Тыва за 1999 год (статистический бюллетень). Кызыл, 2000; Миграция населения Республики Тыва за 2000 год (статистический бюллетень). Кызыл, 2001.

⁵⁶ На карте Республики Китай Тува (как и Монголия) обозначена как ее часть, но находящаяся под властью «некитайского правительства».

⁵⁷ «Договор между СССР и МНР о советско-монгольской государственной границе на участке между вершиной горы Асхатийн-Дабани-Хяр на западе и хребтом Большой Саян на востоке (тувинский участок)» от 26 марта 1958 года.

⁵⁸ *Alatalu T. Tuva. A State Reawakens // Soviet Studies. 1992. Vol. 44. No. 5.*

⁵⁹ *Оюунбилэг Т.* Пограничный конфликт Монголии и Тувы и его причины // Монголия — Бурятия — Тува — Иркутская области: развитие, взаимодействие, и вызовы внутри и вокруг Байкальского региона. Материалы международного семинара. Улан-Батор, 2002.

⁶⁰ См.: *Дацышен В.Г., Ондар Г.А.* Указ. соч.

⁶¹ *Alatalu T.* Op. cit.

⁶² Ежегодно пограничникам поступают сотни заявлений от граждан России и Монголии о кражах несколько тысяч голов скота.

⁶³ Тувинская правда. 1990. 17 апреля.

⁶⁴ Погранотряд в Кызыл передислоцировался из Минусинска сразу же после вхождения Тувы в состав России, тогда было образовано 7 пограничных застав. Однако граница с Монголией так до конца и не была оборудована и закрыта.

⁶⁵ В 1920-х гг. из Тувы выслали И.Г. Сафьянова только за то, что тот был реальным лидером в регионе, авторитетным и в русской и тувинской среде.

⁶⁶ Современные исследователи отмечают: «возрождение принципов родовой организации дает основание думать в целом, скорее о регрессе, чем о складывании и упрочении внутринациональной консолидации тувинской национальности. Вместе с тем... данное явление на наш взгляд следует рассматривать как позитивное... способствующее восстановлению истории народа, этнических истоков его происхождения» (*Анайбан З.В., Губогло М.Н., Козлов М.С.* Указ. соч. С. 108).

⁶⁷ Пропаганда тибетского сепаратизма, лидером которого является глава тибетского буддизма, постоянно присутствует в нашей стране. В качестве примера

Республика Тува: социально-экономический кризис и потенциал...

можно привести не только до неприличия тенденциозные «полуподпольные» фильмы Е. Масюк, но западные фильмы такого же содержания, которые демонстрируются по телеканалу «Культура». Обычно говорят лишь о репрессиях китайцев против тибетцев, но не вспоминают других фактов, как, например, в 1913 г. сторонники далай-ламы устроили резню прокитайски настроенных тибетских монахов.

⁶⁷ Летом 1993 г. в республике впервые побывал посланник Далай-ламы XIV. Но на современном этапе Москва препятствует деятельности представителей духовного главы Тибета в России по причине сложности политических проблем, связанных с тибетским сепаратизмом.

⁶⁸ Показательно, ближайшим союзником наиболее радикальной организации «Хостуг Тыва» было «Общество бездомных».

⁶⁹ *Шойгу К.* Перо черного грифа. Кызыл, 1998. С. 155.

⁷⁰ Парадоксальной такая ситуация выглядит лишь на первый взгляд, в степную часть Забайкалья молоко круглый год завозится из Красноярска.

⁷¹ *Шойгу К.* Перо черного грифа. Кызыл, 1998. С. 154.

⁷² Тувинская правда. 1991. 22 февраля.

⁷³ Низкий уровень интеграции не означает «экономической независимости». Около 80% розничного товарооборота республики обеспечивается ввозимой продукцией, почти 85% электроэнергии Тува получает от своих северных соседей. Фактически, республика сегодня живет за счет дотаций, не считая «натурального хозяйства».

⁷⁴ Практически все тувинцы знают русский язык, но не используют его при общении внутри своей общины. В последние годы из-за уменьшения русско-тувинских контактов степень владения русским языком у молодежи стала ниже.

⁷⁵ Показательным представляется факт, когда в период роста межэтнической напряженности в Усинско-Урянхайском крае в 1918-1919 гг. Сибирское правительством и местное русское общество подготовили открытие первых в регионе средне-специальных учебных заведений с преподаванием тувинского языка. Победа Советской России надолго отсрочили реализацию данных планов.

⁷⁶ Плюс Информ. 2003. № 40.

⁷⁷ Речь шла о политической забастовке и голодовке демократически настроенной интеллигенции с требованием отставки руководства республики в начале 1991 г. в здании республиканского научно-методического центра народного творчества и культурно-просветительной работы. (Тувинская правда. 1991. 13 февраля).

⁷⁸ *Балакина Г.Ф., Анайбан З.В.* Указ. соч. С. 86-87.

⁷⁹ *Тинмей Д.Л.* Указ. соч. С. 3.

Глава 6. Благовещенск — форпост империи или зона свободной экономики?*

Исторически Россия долгое время была империей, то есть сильно централизованным государством, с иерархизированным пространством (центр — провинции), с выделением главного государствообразующего народа, разделением культуры на высокую и простонародную¹. На протяжении последних пятнадцати лет власть декларирует стремление к построению гражданского общества и федеративного государства и стремится при этом сохранить свою обширную территорию. Поскольку эта задача чрезвычайно сложна и связана с различными рисками и даже потерями, то политика центра остается противоречивой: он то активно наделяет регионы полномочиями и обязанностями, самостоятельностью в принятии решений, то «укрепляет вертикаль власти». При этом движение в обе стороны «маятника» сопровождается консолидацией доходов у федерального центра, а регионы все больше должны опираться на свои, внутренние ресурсы. Но у одних этих ресурсов больше, а у других объективно значительно меньше.

У Амурской области, о которой идет речь, ограничены финансовые, людские, производственные ресурсы, а ее общее социально-экономическое положение значительно ухудшилось за последние пятнадцать лет. Поэтому ее стали относить к «депрессивным». Население было поставлено в условия выбора: либо уезжать, либо балансировать на грани выживания, либо изобретать свои рецепты адаптации к новому социально-экономическому устройству. Здесь мы опишем один из «относительно оригинальных амурских рецептов», а именно «челночество»². Для Амурской области эта сфера деятельности и этот образ жизни имеют особое значение в силу ее непосредственного соседства с Китаем.

*В процессе формирования социальных сетей «челноков», опры-
вычивания, легитимации их практик происходит формирование*

* Данная статья подготовлена при поддержке АНО «ИНО-Центр» в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках» совместно с Министерством образования Российской Федерации, Институтом перспективных российских исследований им. Кеннана (США) при участии Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фондом Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США). Точка зрения, отраженная в данной статье, может не совпадать с позицией вышеперечисленных благотворительных организаций.

Благовещенск – форпост империи или зона свободной экономики?

новой социально-экономической реальности – института трансграничного рынка и социального симбиоза двух приграничных территорий. Чтобы показать, как это происходит, и попытаться в первом приближении проанализировать, к чему может привести, и подготовлена данная статья. В первой ее части описано, как выстраиваются сети и как они перерастают в институт. Во второй представлены заинтересованные в развитии трансграничного рынка акторы, в третьей – для объяснения причин этого развития дана характеристика формирования депрессивного состояния экономики Амурской области. И, наконец, четвертая часть работы посвящена оценке возможного влияния изучаемых феноменов на регион и государство в целом.

При проведении исследования были использованы методология и методы качественной социологии, в частности включенное наблюдение, интервьюирование. Всего с начала изучения феномена «челночного» бизнеса взято более 30 интервью у российских и китайских предпринимателей, подставных торговцев, таможенников, работников банков, специалистов отделов по борьбе с экономическими преступлениями. Поскольку плотность сетей «челноков» невозможно изучать по данным официальной статистики, а распространенность феномена для достижения поставленных в работе целей исключительно важна, были использованы вторичные количественные данные, а также некоторые оценочные характеристики. Многое для понимания проблемы дал собственный опыт работы валютным отделом банка.

Исследование задумывалось и проводилось при поддержке Виктора Иннокентьевича Дятлова, за что я не устаю его благодарить.

От построения деловых сетей к институту трансграничного рынка

После либерализации внешнеэкономической деятельности в Амурской области начал активно развиваться «челночный» бизнес. Он строился на переплетении социально-экономических сетей, о выстраивании которых я и предполагаю рассказать в этой части работы. Сетевой подход³ часто используется экономистами и социологами при изучении социально-экономических практик, особенно в транзитивных обществах. Нередко «сетевой» метод противопоставляется «институциональному»⁴, однако институты не рождаются на «пустом месте» и в исследуемом случае они трансформируются из устойчивых сетевых взаимосвязей и правил, их сопровождающих.

Маятниковые миграции (с различными временными периодами постоянного проживания) стали средством извлечения дохода, а так-

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

же фактором социальной мобильности задействованных в них граждан обоих государств. В свою очередь средством для начала этого миграционного, или более корректно – «трансграничного предпринимательства», становятся различные социальные связи. Конечно, вариантов начала строительства или встраивания в сети – множество. Здесь реконструированы и представлены лишь некоторые из них.

Вариант «самодетельный», в настоящее время малораспространенный, но часто использовавшийся ранее, когда предпринимателю необходимо было самому завязать контакты и организовать транзакции. Для этого «челнок» должен был познакомиться с посредниками (например, с китайскими «помогающими»), представителями бизнеса, выстроить наиболее удобный транспортный путь. Наконец, стараясь сбыть партии товара быстрее и минимизировать налоговые затраты, они выстраивают сеть подставных предпринимателей-торговцев.

Информант Н., 55 л. (Кяхта): *«Да сами и познакомились. Приехала я в Китай, на вашу (т.е. Благовещенскую – Н.Р.) таможню. Смотрю стоят китайцы, которые готовы помочь... все маленькие такие... Один большой только. Думаю, я сама – мелочь, зажмут меня в уголке и обдерут как липку. Подхожу, кое-как объяснила, что мне надо, он тогда по-китайски только лепетал, это сейчас уже другое дело, по-русски с ним объясняюсь, они учат языку то наш... И мы с ним уже 8 лет вместе... И на Суйфеньхэ тоже помогая у меня крупный, толстый даже».*

Конечно, этот вариант более продолжителен и рискован. Предпринимательские риски значительно ниже в следующем варианте сетевой организации. **Вариант «коллективный»** характерен в большей степени для маятниковых мигрантов из КНР, когда группы торговцев формируются, например, для целей выстраивания канала сбыта продукции некоторой китайской фирмы.

Информант А., 40 л.: *«Да, многие китайцы с рынка... они на самом деле скорее продавцы. Китайская какая-нибудь фирмочка... ну по футболкам там или, неважно... чтобы сбыть здесь свою продукцию просто нанимает таких, ...у кого ни работы, ни денег раскрутиться... я не говорю, что все такие... многие и сами по себе...».*

Таким образом, китайская фирма как бы нанимает торговых представителей, подбирая их из безработных претендентов. Ясно, что этот вариант не дает его акторам возможности значительного заработка. В том случае, если предприниматель ориентирован на более высокий уровень дохода и более цивилизованный вариант бизнеса, он может обратиться к посреднику.

Вариант «через посредника», когда поиском сетевых контактов занимается постороннее лицо, имеющее подобные ресурсы.

Благовещенск – форпост империи или зона свободной экономики?

После того, как посредник свел будущих акторов сети, получил какое-либо вознаграждение, он, как правило, навсегда из этих взаимодействий выбывает. На изучаемом трансграничном рынке действует большое количество разнообразных посредников. Это и грузоперевозные фирмы, бизнес которых построен на том, что они помогают собрать группу туристов («кэмелов» или «кирпичей»), которые перевезут товар через границу без коммерческих таможенных пошлин. Это и различные акторы, подыскивающие партнеров, товары, услуги различного свойства. Этот вариант позволяет экономить время, дает некоторые гарантии, предоставляет более широкие возможности в поиске нужных людей, что конечно, в значительной мере зависит от посредника, его связей.

Случай А., 45 л.: В 1996 г. он, инженер-строитель по образованию, оказался без работы. В это время особо привлекательным бизнесом в области была продажа на экспорт «металлолома». Друг А., руководитель туристических китайских групп, познакомил его с супружеской парой из Хэйхэ, у которых были деньги и желание вести бизнес в России. Китайка вполне сносно разговаривала на русском, впоследствии она представляла «свою семью» здесь, в России, а муж находился в Китае. Сев за стол переговоров, партнеры договорились о первоначальных вкладах и распределении прибыли. Поскольку у А. капитал был весьма незначительным, то и его доля в прибыли невысока (хотя и несколько больше доли внесенного капитала, ведь А. оформлял все документы на себя). Они открыли стационарный пункт приема металлолома, где руководили процессом совместно. А. иногда сам, иногда вместе с партнершей приходили в банк и на таможню. А. никогда не задерживал поступление экспортной выручки, хотя перевод валюты для них был лишь формальностью, необходимой для создания видимости исполнения экспортных контрактов. Доля А. в доходах ежегодно возрастала, он накопил свой капитал, обновил квартиру, купил машину (старую пришлось продать, чтобы вложить деньги). Немного выучил язык (для чего специально ходил на курсы и ежедневно общался с живыми носителями языка). Партнеры неоднократно бывали друг у друга в гостях. Затем этот бизнес в связи с введенными ограничениями прекратился, и они занимались соей, сейчас открыли небольшое совместное производство.

Вариант «служебное положение». Как и предыдущий он помогает создавать бизнес более цивилизованного характера, что обусловлено спецификой социальных связей, социального капитала, накопленного акторами официальной внешнеэкономической деятельности. Капитал этот достаточно разнообразен: бизнес-контакты, личное знакомство с чиновниками, руководителями, в том чис-

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

ле и бывшими, государственных и частных предприятий, определенное знание культуры, норм, этикета, правил поведения.

Случай Б., 41 г. (гражданин России). *Образование и специальность этого информанта позволили ему в совершенстве овладеть китайским языком. Впервые в Китай он выехал еще до широкомасштабной либерализации внешнеэкономической деятельности, цель поездки – служебная командировка. Уже тогда начали закладываться будущие деловые связи, по его же собственному выражению «широкие неформальные контакты в Китае значат все». Сейчас у него несколько видов бизнеса, в том числе экспорт техники, импорт продуктов питания (правда, в последнее время значительно сократившийся). И важным направлением его текущей деятельности является помощь предпринимателям обоих государств в нахождении партнеров, в оформлении документов, так как за это время он изучил законодательство обеих стран.*

Связи с руководителями предприятий, чиновниками позволяют получать конкурентные преимущества, крупные заказы. Знание обычаев позволяет снижать недоверие, характерное для предпринимательской деятельности. Здесь стоит также подчеркнуть, что этот вариант часто связан с наличием важнейшего коммуникационного ресурса, столь необходимого для создания социальных связей. Речь идет о знании языка.

Из интервью с Б., 41 г. *«Интересный пример... Семья...(имя) жена в 70-е была секретарем в правительстве Хэйхэ... она сейчас всем бизнесом руководит. Бизнес, конечно, с Россией, и связи остались и язык русский... конечно, язык, обычаи важно... Вот еще пример – ...(имя) его папа – русист, он в совершенстве русский знает, поэтому бизнес намного легче вести. Вообще если ты не мешочником собрался становиться, то язык нужен, это совсем другие возможности... и китайцы это даже лучше нас понимают, кажется... Вообще-то есть масса и других китайцев, наших, которые здесь давно. Например, ... (имя), учась в Хэйхэ еще в школе, перебежал границу, остался в СССР, потом соответственно в России. Отсидел, но остался жить здесь. Поскольку китайцу в чужой стране нужен язык, то его бизнес таким и был. Он помогал вести переговоры, потом помогал делать сделки и т.д. Отдавал 80% от полученной суммы, конечно, себе остальные 20% оставлял».*

Наконец, был выделен еще один вариант, характерный как для «челночества», так и для относительно крупного бизнеса, как для китайских, так и для российских акторов. Этот вариант особенно важен, так как он показывает, что в процессе социализации происходит создание «новичков» рынка, которые принимают созданные правила, нормы и практики и таким образом последние укореняют-

Благовещенск – форпост империи или зона свободной экономики?

ся. Этот вариант был маркирован как **«круг посвященных»**, он действует в том случае, если будущий предприниматель вначале поработал в качестве подставного лица, помощника, то есть актора-исполнителя действующей сети, а затем сам вписался в нее в качестве полноправного участника, создав свою подобную структуру. Нередко фирмы, занимающиеся переправкой груза через границу, создают бывшие наемные работники этого бизнеса. Аналогично, подставной торговец на рынке, как правило, пробует себя в качестве коммерсанта, отправляясь за товаром в Китай. Останется ли он «подставным», станет ли действовать на свой страх и риск – зависит от множества обстоятельств, но вхождение в сеть облегчается его знанием неписанных законов, практик и норм поведения, а также связями, которые он получает во время «челночных» поездок.

Подводя предварительный итог, перечислим выявленные ресурсы, необходимые для поддержания сети. Кстати, они «действительны» для любого из вариантов начала строительства. Во-первых, это, как уже упоминалось, знание языка и обычаев, правил. Во-вторых, коммерческая целесообразность (выгодность, удобство, надежность), из-за которой сети и создаются, и перестраиваются. Третьим важным ресурсом сетевых взаимодействий является доверие. Устанавливается оно по-разному, но даже во время первой встречи можно услышать декларации относительно честности партнеров:

***Интервью Е., 35 л.** «Вообще уже к середине 90-х внешнеэкономическая деятельность стала обычным предпринимательством, рискованным... и китайцы старались подчеркивать, какие они честные, игра у них такая. “Я вот честный парень, хочу, чтобы все было по-честному”, – это первое, что приходилось слышать от партнеров».*

Деловые сети не остаются неизменными, а интерпретация знаний наших информантов об этих изменениях позволяет сделать вывод, что основным вектором изменений остается совершенствование бизнеса (предлагаемых услуг, номенклатуры товаров, методов их продвижения), и в процессе этого трансграничные бизнес-практики все более опривычиваются, то есть институционализируются.

***Случай Г., 38 л.** (гражданин КНР, Харбин, услуги гида, переводчика, турагента, посредника). Начинал Гена, как он себя называет, с «помогая», стоял и поджидал около гостиницы российских граждан, предлагая услуги: показать какое-либо место, организовать досуг... Постепенно обзаводился связями в России, и туристы передавали друг другу его телефон с самыми наилучшими рекомендациями. В настоящее время у него есть небольшая фирма, офис при гостинице. Информация о ней распространяется уже и через российское турагентство (правда, неформально – через ра-*

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

ботников). Сеть постоянно расширяется, увеличивается штат наемных работников, доходы растут, бизнес крепнет. Гена старается ориентироваться уже не на «челноков», которых нужно отвезти на фабрику, а на туристов, которым можно показать парки, рестораны, боулинги и т.п.

Случай С., 43 г. (гражданка РФ, Благовещенск, продажа непродовольственных товаров). Начиная С. в 1993 г. с мелкого «челнока», вместе со своей подругой ездила в шоп-туры в Хэйхэ, привозила небольшие партии товара и реализовывала их на рынке. В начале это были самые разнообразные товары, в последствии С. специализировалась на «детском». Со временем арендовала, а затем приобрела в собственность торговое место, обзавелась штатом торговцев, начала производить некоторые вещи в собственном цехе, часть товара стала закупаться в России. Однако так же, как и прежде С. не завозит партии товара из КНР официально, таможенную пошлину полностью не выплачивает, частично завозя товар «карго», частично прибегая к услугам «кирпичей». Естественно, что валюту своим партнерам в КНР по импортным контрактам не перечисляет.

Оба приведенных случая – не исключительны, и даже в моих эмпирических материалах аналогичных примеров несколько. Таким образом, деловые сети, выстраиваемые поначалу для решения основной проблемы – проблемы коммуникаций – со временем перерастают в институты, которые в свою очередь решают уже другую основную проблему – проблему легитимации (а со временем, вероятно, и легализации) порядков, создания общих для локального рынка принципов и механизмов, социализации его «новичков».

На изучаемом трансграничном рынке созданы особые, постоянно действующие нормы и правила игры и контроля, вполне легитимизированы институты, которые для других регионов могут показаться неприемлемыми. Механизмы перевода валюты в Китай китайскими же «народными торговцами» настолько распространены в нашей области, что стали причиной решения Центрального банка России о проведении на территории области эксперимента, заключающегося в разрешении открывать корреспондентские счета банков «лоро» и «ностро» в валюте КНР, что во всех остальных регионах России запрещено. И хотя эксперимент в целом не был удачным, сам факт его проведения говорит о многом.

Другой пример легитимации неприемлемых для многих других регионов России институтов касается механизмов инвестирования китайских денег в экономику Амурской области. Механизм прост: амурский предприниматель, имеющий свой бизнес, обраща-

Благовещенск – форпост империи или зона свободной экономики?

ется к посредникам с просьбой найти партнера, или покупателя бизнеса, или поставщика оборудования.

Реальный пример коммерческого предложения (оформление не сохранено). «Угледобывающее предприятие, имеющее лицензию на добычу 1 млн. тонн угля бурогоугольного месторождения в Амурской области, предлагает сотрудничество. Месторождение бурого угля находится на расстоянии 65 км от Благовещенска (российский город напротив Хэйхэ) в 7 км от р. Амур, запасы бурого угля в нем составляют 291 млн. тонн, прогнозные ресурсы 689 млн. тонн, способ добычи – открытый. Условия добычи угля технически несложны, экономически выгодны, себестоимость добычи равна 2 доллара США. Предприятие готово рассмотреть следующие варианты сотрудничества: приобретение оборудования для производства угольных брикетов, создание совместного предприятия по добыче и реализации угля и угольных брикетов (в том числе на экспорт в КНР), глубокая переработка бурого угля, уступка права добычи согласно имеющейся лицензии (продажа доли в уставном капитале предприятия)».

В качестве посредников могут выступать либо коммерсанты, часто выезжающие в Китай, либо юридические лица, специализирующиеся на оказании подобных услуг. В результате в полной или совместной собственности, или долгосрочной аренде китайских граждан, либо китайцев, получивших в недавнем прошлом российское гражданство, находятся небольшие мастерские, предприятия по добыче природных ресурсов, мелкие и относительно более крупные торговые точки. Поскольку официальный путь инвестиций затруднен с российской стороны бумажной волокитой, а с китайской – ограничением на вывоз капитала, эти сделки часто остаются в теневом секторе экономики. Однако согласно рыночным законам, капитал стремится туда, где выше эффективность для собственника. Анализируя данные интервью и наблюдений, мы полагаем, что сейчас такая ситуация характерна для нашей приграничной территории. Этот вывод, конечно, достаточно спекулятивен, и поэтому необходим соответствующий экономический анализ и специальное изучение причин складывающейся ситуации. Но как будет показано далее, для целей данной работы даже такой, предварительный вывод, весьма важен.

Кому нужен институт трансграничного рынка?

Через созданные сетевые структуры институционализируется приток китайского капитала в экономику области, созданы легальные каналы для перевода денег, заработанных китайскими «народны-

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

ми торговцами» на амурских рынках, успешно функционируют механизмы перевоза товаров через границу, все более укореняются практики пересечения границы для покупки «одежды для себя», для получения развлекательных услуг. Таким образом, экономические и социальные взаимодействия жителей приграничных территорий переплетаются, национальные границы становятся более прозрачными, создается объединенное социальное и экономическое пространство, институт трансграничного рынка. Кому и зачем нужен этот рынок?

Реальной экономике и бизнесу области. Согласно официальной статистике⁵, за последние восемь лет количество наблюдаемых участников ВЭД в Амурской области постоянно сокращалось, внешнеторговый оборот по сравнению с 1995 г. снизился на 32,2%.

После принятия ряда ограничительных мер в 1999-2002 гг. объемы внешней торговли Амурской области с КНР резко сократились, в соседних же дальневосточных регионах наблюдался рост объемов товарообмена с Китаем. Его доля во внешнеторговом обороте Дальневосточного федерального округа в 2002 г. составляла 23,8% (в 1995 г. – 12,5%). На внешнеторговый оборот Амурской области в 1995 г. приходилось 12,8% внешнеторгового оборота Дальневосточного региона с Китаем, а в 2002-м – лишь 4,8%. Если говорить о вкладах дальневосточных региональных таможен в федеральный бюджет, то Благовещенская таможня в 2002 г. занимала еще более скромное место: лишь 1,7% от доходов дальневосточного таможенного управления.

Из публикаций в китайской прессе: «По данным Народного правительства Хэйхэ, в 1999 г. через погранпереход Хэйхэ – Благовещенск по линии “народной торговли” вывезено товаров на 203 млн. долларов. Можно сравнить: по сведениям Благовещенской таможни, сумма официального импорта за этот же период составила 11,2 млн. долларов»⁶.

По оценкам банковских служащих, суммарный ежедневный объем продажи наличной и безналичной валюты по всем банкам города составляет около 450-500 тыс. долларов. По мнению тех же специалистов, основная ее часть идет на обеспечение оборота приграничной торговли, однако, помимо продаж через банки, есть и другие источники! А 500 тыс. долларов в день дают уже 180 млн. долларов в год. Цифра впечатляет: не менее 200 млн. долларов товарооборота ежегодно, более половины которого – не наблюдаема. Официально регистрируемая внешнеэкономическая деятельность сужается, а не регистрируемая, по крайней мере, остается на том же уровне.

Значимость импортируемых из КНР товаров в структуре общего товарооборота области можно продемонстрировать также и на

Благовещенск – форпост империи или зона свободной экономики?

следующих данных. Вся торговля области более чем на 40% процентов представлена импортными товарами⁷, а удельный вес китайских товаров составляет 80%⁸. Но поскольку статистически учесть товары, завозимые по неформальным каналам, чрезвычайно сложно, то можно предположить, что китайский импорт занимает в общем товарообороте еще большую долю.

Жителям. Когда в 2002 г. из-за изменений в региональном законодательстве китайские торговцы не работали, многие амурчане с низким уровнем дохода выражали крайнее неудовольствие решением местных властей: *«Не одобряю, пускай китайцы работают. У них мы покупаем хоть что-то дешевое, пусть и не сильно качественное»*⁹. Немало благовещенцев «трудоустроено» в трансграничном бизнесе: здесь и «фонари», и «кирпичи», и грузчики на рынках, и продавцы («реализаторы»), и таксисты. «Челночество», по сути, является механизмом самозанятости населения, а наличие трансграничного рынка обеспечивает работой и средствами к существованию жителей населенных пунктов области. Населенных пунктов – потому, что не только в Благовещенске функционируют «китайские рынки», да а «челноки» проживают не только в областном центре.

Особенно ярко значимость сложившихся трансграничных связей и практик проявилась во время эпидемии атипичной пневмонии. Общеизвестно, что в Благовещенске был зарегистрирован единственный в России больной SARS. Несколько месяцев была закрыта граница. Многие предполагали, что шумиха вокруг границы и китайцев – продуманный шаг, направленный на временное закрытие таможенного коридора. *«Мы их просто вынуждаем уехать – кому-то это нужно, я думаю»*. По местным новостным телевизионным программам ежедневно показывали репортажи о потерях, которые несут казино. А «челноки» проводили едва ли не ежедневный «мониторинг» – какие пункты перехода границы еще открыты, когда ждать открытия границы.

Бюджету области. Амурская область является дотационной¹⁰, бюджет Благовещенска – один из самых дефицитных среди городов Сибири и Дальнего Востока¹¹.

Власти области и города нередко находятся в оппозиции «по китайскому вопросу», что связано с желанием передела доходов от торговли на рынках. «Деловые практики челноков» оцениваются в категориях получения больших бюджетных доходов, но эта вполне понятная риторика разбивается о неявное нежелание принятия законов, направленных на формирование постоянных условий для этого бизнеса.

Опишем ситуацию вокруг «китайского вопроса», сложившуюся в апреле 2002 года. После многочисленных и продолжительных

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

консультаций, прений, обсуждений¹² торговля на рынках области была ограничена Постановлением «Об упорядочении торговой деятельности иностранных граждан на рынках Амурской области»¹³. Губернатор так прокомментировал документ: «Идеология постановления проста: деньги в бюджет, а не в карман. Каждый китаец должен быть на счету. Мы должны знать, какой товар он привез, сколько заработал, куда ушли деньги. А не так: пришел, неизвестно что продал, со «смотрящим», с «крышей» рассчитался – и слинял»¹⁴. В рамках Постановления для легализации деятельности китаецам рекомендовалось трудоустроиться на российскую фирму.

Муниципальные органы власти категорично отвергали разумность этого законопроекта. Вот официальное мнение городских властей: «Масса китайских туристов занимается торговлей, что обеспечивает более чем десятую долю всех доходов городского бюджета. Если прибавить сюда доходы предприятий, в частности, рынка от аренды торговых мест, то это будет 150 млн. рублей в сумме всего города. Сегодня ситуация усложняется в результате миграционной политики. Разрабатывается новый механизм, и мы можем потерять эту часть доходов... Но терять доходы преступно»¹⁵. Они считали, что для торговли на вещевом рынке достаточно иметь «коммерческую визу», на что областные власти отвечали: коммерческая виза для заключения коммерческих договоров. Не пытаясь дать оценку этого «спора», отметим, что он бы не состоялся, если бы реальные доходы от данного рынка были незначительными.

Осенью 2004 года, накануне выборов мэра, вопрос о «трудовой визе» вновь актуализировался. Торговцам с «китайского рынка» визу не продлили, те несколько дней не работали, но затем вновь вышли на рынок. В новостных передачах обсуждается вопрос о том, что будет с городом и его жителями, если торговцы уедут в другой город. Общая тональность официальной прессы такова, что лучше, конечно, не станет.

Таким образом, созданный трансграничный рынок значит очень много для реальной экономики области, ее бюджета и жителей. Этот рынок на «нормативном языке» можно было бы назвать свободной экономической зоной, но официально, юридически она отсутствует. Прежде чем переходить к вопросу о том, какие возможности и угрозы несет феномен трансграничного рынка, его возможная легализация посредством создания свободной экономической зоны, проанализируем, почему описываемые неформальные практики настолько сильно распространились в области?

Амурская область: особенности социального, территориально-географического и институционального положения

Исследователи относят область к числу наиболее проблемных регионов России¹⁶. В соответствии с подходом Совета по изучению производственных сил, она уже в 1994 г. была отнесена к Восточному кризисному поясу¹⁷, что характеризовалась большей динамикой падения доходов на душу населения, большей отрицательной динамикой производства, значительным размером вынужденной эмиграции населения по сравнению со средними по стране показателями.

Согласно другому подходу к проблемному районированию, Амурская область на протяжении всего пореформенного периода оставалась депрессивной: уровень безработицы в 1996-1998 гг. составлял 14,3%, падение производства за тот же период к уровню 1990 г. составило 34,32%, эти же показатели в 1999-2000 гг. составили 14,8% и 33,4% соответственно¹⁸. В 2001-2002 гг. падение индекса промышленного производства продолжилось и составило 38% к 1990 году, уровень зарегистрированных в центре занятости безработных составил 12,8%¹⁹. Если опираться на данные Рейтинга социально-экономического потенциала, Амурская область с 41 места в 1994 г. переместилась на 59 в 2000 г. и вошла в двадцатку наименее благополучных субъектов Федерации²⁰.

За десятилетие преобразований, Амурская область из «относительно богатых» (уровень производства был выше среднего по России) переместилась в группу «относительно беднеющих регионов» (среднедушевое производство снизилось ниже среднероссийского уровня)²¹. Итак, произошло ухудшение по подавляющему большинству относительных и абсолютных наблюдаемых статистических показателей. Депрессивное состояние стало проявляться именно в период институциональных преобразований. Но предпосылки для этого были заложены в советское время, обусловлены естественными территориально-географическими факторами и развита в период трансформации. Выделим эти факторы.

Во-первых, основная отраслевая специализация области – агро-промышленный комплекс²², который в наибольшей мере пострадал от проводимых реформ из-за диспаритета цен. В 2000 г. 71% всех крупных и средних сельхозпредприятий области были убыточными. Значительно сократилось количество крупных сельскохозяйственных предприятий. Производство продукции сместилось в мелкие хозяйства (крестьянско-фермерские и подсобные хозяйства населения)²³: в 2000 г. они произвели 82% молока, 68% мяса²⁴. Впрочем, даже при этом Амурская область находилась на первом

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

месте среди дальневосточных регионов по производству молока и мяса²⁵. Население области, поставленное в жесточайшие условия кризиса, было вынуждено развивать натуральное хозяйство и заниматься мелким предпринимательством.

Во-вторых, область, хотя и обладала в 1990 г. диверсифицированной структурой промышленного производства²⁶ (электроэнергетика, цветная металлургия, машиностроение, лесная и деревообрабатывающая, стекольная, пищевая, легкая промышленности), была ориентирована на добычу и первичную переработку, а также (межрегиональный) экспорт. За реформенный период удельный вес добывающих отраслей постоянно повышался в ущерб обрабатывающим²⁷. И хотя с 2000 г. начался постепенный рост удельного веса обрабатывающих отраслей, львиную долю в них занимают отрасли первичной переработки: электроэнергетика²⁸ и цветная металлургия. Согласно анализа специализации субъектов РФ²⁹, в 1990 г. Амурская область имела относительно развитую стекольную промышленность, а в 2000-м стекольного производства в области не было в принципе³⁰. В 1990 г. Амурская область занимала второе место по производству деловой древесины в Дальневосточном регионе (более 19% от общего производства) и четырнадцатое в России (около 2%), в 1998 г. – область стала третьей на Дальнем Востоке (около 9%), а по России доля составила 0,6%³¹.

Эти структурные изменения связаны с застойным спросом на продукцию, производимую в регионе, как на локальном, так и на общероссийском уровне. Они также объясняются не адаптированной к рыночным условиям, а обусловленной плановой целесообразностью структурой промышленности (стекольная продукция не находила рынка сбыта в пределах Дальневосточного региона), а также разорванностью хозяйственных связей и неэффективностью размещения производств (например, до 1995 г. существовала планово-убыточная Хлопкопрядильная фабрика в г. Благовещенске).

Не меньшее влияние на структурные изменения области оказали ее приграничное расположение и проведенная быстрыми темпами либерализация внешнеэкономической деятельности. Потребительский рынок области и всего дальневосточного региона быстро насытился китайскими продовольственными товарами и ширпотребом именно в тот период, когда разрушение хозяйственных связей играло критическую роль в продуктовой безопасности и товарном дефиците области. Но с другой стороны, низкие, в сравнении с внутренними, цены на импортируемые товары и полное отсутствие в начале реформ таможенных пошлин и тарифов вело к тому, что местные производители не смогли конкурировать на рынке и либо резко ухудшили показатели своей деятельности, либо выбыли из

Благовещенск – форпост империи или зона свободной экономики?

конкурентной борьбы. В результате воздействия этих факторов отраслевая структура области стала еще более примитивной, экспортно-ориентированной.

В-третьих, до реформы Амурская область обладала относительно развитым военно-промышленным производством (Судостроительный завод им. Октябрьской революции в г. Благовещенске, Автозапчасть в г. Свободном и др.³²). И если в других регионах Дальнего Востока (Хабаровском и Приморском краях) конверсионные предприятия продолжали выпускать продукцию ВПК, а значит, получали централизованные ресурсы, то в Амурской области уже в 1995 г. военно-промышленное производство полностью прекратилось³³. Для предприятий, где доля продукции ВПК в общем объеме промышленной продукции была значительной, отсутствие господдержки в начале реформ привело к полной их ликвидации³⁴.

В-четвертых, область является периферийной, что связано со значительным влиянием транспортных тарифов как на цены ввозимой продукции, сырья, материалов, комплектующих, так и на конкурентоспособность продукции, возможной к вывозу за ее пределы. Малая плотность населения, низкий уровень его дохода ограничивают спрос на региональном рынке, а территориальная удаленность формирует межрегиональные спросовые ограничения.

В-пятых, область из-за значительного удельного веса северных районов в составе своей территории традиционно получала значительные средства из Федерального бюджета, а из-за его дефицитности в период кризиса лишилась существенной доли этих ресурсов³⁵.

В-шестых, область характеризуется худшими, чем многие другие регионы России институциональными особенностями. Не затрагивая здесь проблемы функционирования рынка капиталов, рынков финансовых и страховых услуг, которые в целом неблагоприятны, остановимся на процессах создания частной собственности. В период, предшествующий радикальным экономическим реформам, количество предприятий в Амурской области сократилось: в 1990 г. их было 2575, а в 1992-м стало 2542 (по Дальнему Востоку за эти же два года количество микроэкономических объектов увеличилось на 4%, а по всей России возросло более чем в 2 раза)³⁶. По этому признаку можно косвенно судить, что уже в реформенный период Амурская область вошла с некоторым временным лагом в проведении институциональных преобразований. В Амурской области приватизировано предприятий меньше (по доле приватизированных объектов в общем их количестве), чем в целом по стране³⁷.

В результате процессов преобразования собственности и создания частных бизнесов, в области сложилась весьма специфическая структура хозяйствующих субъектов: в 2003 г. около 68% всех

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

субъектов – это предприниматели без образования юридического лица (по России – 50%), 25% – крупных и средних предприятий (по России – 39%), 7,2% малых предприятий (по России – 11%)³⁸. Всего на территории области на конец 2003 г. функционировало более 38 тыс. индивидуальных предпринимателей (на каждое крупное и среднее предприятие приходилось 2,7 ПБОЮЛ).

Специфичность структуры хозяйствующих субъектов можно объяснить тремя причинами. Первое – жителям Амурской области приходилось приспосабливаться к более жестким социально-экономическим условиям из-за ярче выраженной здесь депрессии, а индивидуальное предпринимательство является известным способом адаптации. Второе – большая часть индивидуального предпринимательства сконцентрировалась в «челночном» бизнесе, предпосылкой развития которого стало приграничное расположение региона. Третье – многие зарегистрированные предприниматели не являются таковыми в действительности, а лишь играют роль подставных лиц (речь идет о «неформальных схемах бизнеса», не дивидендных формах выплаты дохода и т.п., распространенных как на трансграничном рынке, так и вне его).

Из краткой характеристики потенциала Амурской области мы склонны сделать два важных вывода. *Во-первых, в условиях экономической трансформации населению области приходилось выживать в предельно критических условиях, гораздо худших, чем во многих других регионах России. Среди широко использовавшихся стратегий адаптации жителей был «челночный» бизнес, который вырос и трансформировался в институт неформального трансграничного рынка. А во-вторых, у Амурской области по большому счету было и остается только одно существенное конкурентное преимущество – ее приграничное положение. Поэтому формально, или неформально, но его использовали, и, вероятно, будут использовать далее и региональный и местный бюджеты, и бизнесы, и жители.*

Трансграничность – конкурентное преимущество или угроза стабильности?

Конечно, однозначного ответа на поставленный вопрос у меня нет, и, очевидно, быть не может. И хотя в предыдущем абзаце было заявлено, что приграничное положение данной территории – ее единственное конкурентное преимущество, оно, безусловно, связано и с рядом рисков. Что это за риски?

Полагаю, что их можно разделить на два больших блока. Первый – макро-риски, имеющие отношение к геополитической стабиль-

Благовещенск – форпост империи или зона свободной экономики?

ности, экономическим последствиям развития трансграничного взаимодействия (в масштабах Дальневосточного региона и России). Что означает экономическое пространство, теснее связанное с экономикой соседнего государства, нежели с федеральным центром и с другими субъектами федерации? Какие эффекты в структуре отраслей экономики области, а значит и в социальной организации общества, еще будут получены в связи ориентацией на экспорт, на дальнейшее сужение сельского хозяйства, перерабатывающих отраслей? Каковы отдаленные последствия миграционных потоков? Как на институционализированные³⁹ в нашей области практики будет реагировать федеральный центр, ведь они отличаются от среднероссийских? И как будут реагировать основные акторы трансграничного рынка на возможные попытки «причесать» регион под единую гребенку?

Впрочем, микро-уровневые риски не менее значительны, и, в отличие от возможных макро- последствий, проявляются уже сейчас. Например, в обывательских представлениях россиян Дальний Восток вообще, а приграничный Благовещенск в особенности, едва ли оккупирован «выходцами из Поднебесной». Автору статьи не раз приходилось слышать сочувствующие вопросы: «Говорят, китайцы на ваших костях свои города строят?», «у вас китаец, наверное, каждый второй?». Конструируемая таким образом реальность может вызывать и уже вызывает желание использовать ситуацию в своих спекулятивных целях.

Из материалов, распространяемых Движением против нелегальной иммиграции (ДПНИ):

«Напряженность же в отношениях между незваными гостями и жителями Дальнего Востока существует уже сейчас. Информационные агентства регулярно рапортуют о разного рода конфликтах, появлении в российских городах заведений с вывеской «только для китайцев», вопиющих случаях неуважительного отношения китайцев к российским гражданам. В России идет целенаправленная работа по приуменьшению значения проблемы китайских мигрантов. Одновременно началась серьезная подготовка общественного мнения как у нас в стране, так и за рубежом к возможной аннексии некоторых российских регионов».

Попытки создания ДПНИ были предприняты и в Амурской области, но что весьма показательно – до сих пор они были unsuccessful. Ниже представлены «способы и методы работы Амурского отделения ДПНИ на первоначальном этапе» (выделено автором. – Н.Р.):

«1. Сбор и доведение информации о нелегальных иммигрантах, незаконно проживающих и занимающихся коммерческой деятельностью до властей (милиции, иммиграционной службы, налоговых органов, СЭС, пожарников и т.д.).

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

2. Оперативное проведение, совместно с представителями вышеуказанных структур, рейдов с целью пресечения противоправной деятельности иностранных граждан.

3. Выявление фактов «крышевания» нелегальных иммигрантов.

4. При систематическом нарушении нелегальными иммигрантами российского законодательства, блокирование силами ДПНИ принадлежащих им или арендованных ими объектов, с целью лишения их возможности получения незаконного заработка на территории Амурской области.

5. Освещение результатов деятельности Движения в СМИ».

Это образчик «кодекса по дискриминации» и он вызывает ряд вопросов: стала бы развиваться «нелегальная» коммерческая деятельность, если бы она не была легитимизирована десятилетием своего существования? Неужели указанные органы (кстати, не понятно, почему они названы властями, и какое отношение пожарники имеют к нелегальным мигрантам?) ничего до сих пор не знали о коммерческой деятельности граждан Китая? Почему ДПНИ планирует подменять собой силовые структуры, участвуя в проведении рейдов, и каковы их реальные цели в этих мероприятиях? И самое главное – на основании чего движение будет блокировать принадлежащие мигрантам объекты, и почему заработок, извлекаемый на принадлежащих им объектах, назван незаконным?

Из интервью: «Вот в 2003 году в Благовещенске зарегистрировалась организация против нелегальной иммиграции, или только собиралась зарегистрироваться. Е точно не знаю. Но людей, которые этим занимались, знаю лично. Так вот, они хотели развернуть антикитайское движение, и с китайцев же деньги брать за то, чтобы их в покое оставили. То есть китайцев трясти, но население вообще не отреагировало. Е отклика это не нашло!».

То, что не нашло отклика сегодня, может найти завтра. Процесс нагнетания ксенофобских настроений постепенно идет, основную проводящую роль в этом играет пресса. Еще два года назад подавляющее количество упоминаний в амурских газетах о Китае и китайцах было нейтральным, в последнее время «антикитайские тексты» появляются все чаще. Условно их можно разделить на три типа.

Первый тип – «Китай виноват во всем» (в социальных, экономических, демографических проблемах):

«Еще один завод “пошел... на корм” Китаю». «Свободный прекратил свое существование как крупный, второй по величине промышленный центр Приамурья. Последнее предприятие – вагоноремонтный завод еле дышит, а накануне Первомайских праздников продан на металлолом. Свободненский завод силикатного кирпича и стеновых блоков... Заштатный городок Хэйхэ уже вдвое

Благовещенск – форпост империи или зона свободной экономики?

превзошел Амурскую область по численности населения, и процесс этот продолжается. А в Свободном население стремительно сокращается, растет безработица. С уничтожением еще одного завода лишаются последних шансов на трудоустройство выпускники трех профтехучилищ и техникума. Зато новые рабочие места теперь появятся в Китае, потому что там, а не у нас строят дома и заводы, открывают аэропорты, фермы и фирмы»⁴⁰.

Не вступая в полемику с автором текста, заметим, что в статье ничего не сказано о реальных причинах банкротства указанного предприятия, ни слова о собственниках или мероприятиях руководства по его оздоровлению. Видимо, демографический рост в Хэйхэ имеет большее отношение к экономике завода и города Свободного.

Второй тип – «китайцам предоставляют конкурентные преимущества». В настоящее время основная часть подобного рода статей сконцентрирована вокруг строительного бизнеса, так как функционирование китайских нерезидентов в этой отрасли наиболее «заметно». Примером служить статья «Поддержите российских строителей»⁴¹, в которой говорится о том, что конкуренцию со стороны китайских фирм российским строителям не выдержать. Стоит заметить, что Благовещенск строится очень активно, об этом говорят и статистические данные и наблюдения со стороны гостей города. В последние годы лет активизировались и амурские строительные предприятия.

Третий тип статей – статьи откровенно расистского характера:

«103 года назад благовещенские казаки убили около пяти тысяч китайцев. Их штыками загоняли в ледяные бурные воды Амура – реки Черного дракона. Почти все они утонули. Тех, кто упирался, убивали на месте. Так русские насаждали свое господство в этом районе Восточной Азии, выдворяя китайское население за установленные Россией границы. Сегодня об этом никто не вспоминает. В последнее время в Россию окончательно заселилось больше пяти тысяч китайцев...»⁴². (выделено автором. – Н.Р.) Это «введение к статье», которой нет. Далее Е. Кузнецов, журналист газеты «Амурский комсомолец» приводит выдержки из своего «общения с народом», некоторые факты и цитаты из интервью представителей администрации. Если соотнести введение с текстами под ним, то понимаешь, что журналист едва ли не призывает повторить «подвиг» благовещенских казаков.

Сейчас уже явно видны как минимум две реальных, осязаемых причины, по которым ситуация в области может дестабилизироваться в самое ближайшее время. Первая – желание получения **экономической выгоды** от расшатывания маятника стабильность-конфликт. Здесь и *ситуации, подобные ДПНИ*, здесь и возможно-

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

сти нечестной, неценовой конкуренции, черного PR, с которыми уже сталкиваются строительные организации – нерезиденты. Вторая возможная причина для нагнетания ксенофобии – желание получить *политические дивиденды*. И пока я работала над данной статьей, использование ситуации в черном политическом PR стало осязаемой реальностью. Здесь и «китайский разведчик Ко Ля Дин»⁴³, и «пособники китайских коммунистов», и «желтая саранча» и т.п.

Впрочем, нельзя закрывать глаза на то, что ситуация может осложниться не только заинтересованными в этом россиянами. Так или иначе, получая экономическую свободу, приобретая имущество, вкладывая деньги в производство, но не имея прав, китайские предприниматели оказываются в условиях, которые бесспорно конфликтны. Из двадцати девяти интервью только в одном есть термин «диаспора», однако важно, что информант использовал, предложил его сам:

Из интервью: «База ...(название) была выкуплена неким ...(имя) Он, кстати, является, неофициальным лидером китайской диаспоры в Благовещенске... это образование... диаспора ни диаспора... ну она экономическая, вообще пока здесь именно экономические механизмы работают, понимаете. Поставили уважаемого, умного человека, к которому раньше за советом обращались в качестве директора ...(базы – Н.Р.), каждый китаец, если ему остановиться негде, может там остановиться, дешево и прожить там несколько дней и риса поест. Не дадут там ему пропасть».

Но если действительно процессы самоорганизации начались, маловероятно, что они останутся только в экономической плоскости. Попытки экономического притеснения, даже вполне законные (если предположить, что государство «возьмется» за эксполлярные структуры, теневые практики, которые чрезвычайно распространены во всех сферах экономики, а не только в бизнесе, организованном китайскими гражданами), могут спровоцировать политические мероприятия организованных структур. Сейчас присутствие китайского бизнеса (мелкого и среднего) скорее стабилизирует экономическое, а значит и политическое состояние области. Однако ситуация, при которой трансграничный бизнес может функционировать только в ненаблюдаемой, серой и черной экономической сфере, не может восприниматься как норма. Сейчас этого бизнеса как бы нет – его не наблюдают, не анализируют, не пытаются просчитать его последствия. В федеральном законе о свободных экономических зонах, находящемся на рассмотрении, нет места созданным у нас эксполлярным бизнесам. Их легализация, очевидно, не является частной задачей данного нормативного акта. Закон наце-

Благовещенск – форпост империи или зона свободной экономики?

лен на «привлечение инвестиций», а региональные амурские органы власти предполагают, что создание свободной экономической зоны в соответствии с этим законом может способствовать их притоку в область. Но средства китайских граждан инвестируются в экономику области уже сейчас, но это происходит по неформальным схемам. Почему же предполагается, что легче построить новое, чем использовать уже созданное?

Думаю, что строить здание свободной экономической зоны на фундаменте неформальных бизнесов было бы значительно легче. Какие преимущества для населения области имела бы свободная зона? Во-первых, отпала бы необходимость постоянной трансформации (читай – деформации) правил и схем ведения внешнеэкономической деятельности. На данный же момент эти процессы идут постоянно, деформализованные правила закрепляются, превращается в легитимные нормы (вспомним, что о существовании «кирпичей» и «фонарей» знают практически все). Но следует понимать, как это часто обсуждается в рамках институционального направления научной дискуссии⁴⁴, деформация одних правил часто ведет к пересмотру других (никак не связанных с ВЭД). Можно добавить, что «народная», «челночная» торговля функционирует на так называемом «черном нале», который вносит свой вклад в дестабилизацию денежного рынка региона. Во-вторых, в случае создания СЭЗ появилась бы возможность анализа, мониторинга ситуации, ужесточения контроля там, где это действительно необходимо (например, в экспорте леса), так как для того, чтобы получить преференции в таможенном оформлении товара, банковском переводе валютной выручки, снижении или отмене налоговых выплат, нужно официально зарегистрироваться и предоставлять информацию о своей деятельности. В-третьих, других источников экономической стабилизации и экономического процветания у депрессивной, дотационной, аграрной, демографически сужающейся Амурской области крайне немного.

Основное возражение, которое может быть высказано против создания в области свободной зоны, – это опасность нарастания экспансии Китая в Россию и выполнение Благовещенском роли проводника для мигрантов. Но авторитетные исследования⁴⁵ говорят о том, что в условиях депопуляции Дальнего Востока, именно миграционные вливания из дальнего внешнего зарубежья могут стабилизировать ее демографическое состояние, а значит улучшить экономическое. «Обновить основные производственные фонды легче, чем изменить демографическое поведение людей. Перспектива естественного прироста населения на ближайшее десятилетие закрыта бесспорно; единственным средством, с помощью

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

которого можно было бы стабилизировать нынешнюю численность населения до того чисто гипотетического момента, когда улучшение условий воспроизводства населения начнет стимулировать рост рождаемости, является миграционный приток»⁴⁶. Здесь вновь хочется сказать, что необходимо продуманное законодательство как на региональном, так и на федеральном уровне, а также адекватная стратегия и тактика развития Дальнего Востока вообще и Амурской области в частности. От того, что этого законодательства нет, трансграничные взаимодействия не прекратятся, они лишь останутся в ненаблюдаемой зоне.

* * *

Имперские стратегии России относительно ее дальневосточных окраин в современных условиях вряд ли оправданы. Дальнейшее использование крупного, богатого сырьевыми запасами региона лишь как источника ресурсов, пренебрежение его экономическими и социальными проблемами может обернуться неприятными последствиями. И дело отнюдь не в том, что крепнущее китайское государство «имеет виды» на пустеющие и деградирующие российские территории, а в том, что экономические трансакции влияют и на организацию пространства. Люди создают «капитализм» и организуют выход на рынок сбыта или доступ к ресурсам из того, что есть «под рукой», эксперименты, осуществляемые «снизу», могут оказывать влияние не меньшее, чем планируемые трансформации или стабилизационные программы. Но как будет выглядеть пространство Амурской области в результате текущей неконтролируемой самоорганизации через десяток лет?

Примечания

¹ Паин А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2003.

² В статье использован ряд специфических, сленговых «терминов». А именно: «челнок» — мелкооптовый маятниковый торговец. В российском научном дискурсе сложился соответствующий термин «челночный бизнес». Китайскими учеными для определения сходного феномена употребляется «народная торговля». «Кирпич» — подставное лицо в «челночном бизнесе», осуществляющее переправку грузов через границу (в некоторых регионах используется другой термин — «кэмел»). Является своеобразным руководителем подставных лиц другого рода — «фонарей». В «народной торговле» широко распространены различные посреднические услуги, а лиц, которые их предлагают, принято называть «помогаями» («помогайками»).

Благовещенск – форпост империи или зона свободной экономики?

- ³ Среди авторов, представляющих «сетевой метод», можно назвать: *Пауэл У., Смит-Дор Л.* Сети и хозяйственная жизнь // Экономическая социология. 2003. Т. 4. № 3. С. 61-105; *Гранноветтер М.* Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 3. С. 44-58; *Олейник А.* Модель сетевого капитализма // Вопросы экономики. 2003. № 8. С. 132-149.
- ⁴ См., например: *Флигстин Н.* Поля, власть и социальные навыки: критический анализ институциональных течений // Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 4. С. 28-55.
- ⁵ Внешнеэкономическая деятельность Амурской области в условиях рыночных реформ. Записка /Амурский облкомстат. 2003. С. 5-7, 13-14.
- ⁶ Цит. по: *Ковалев В.Н.* Современные проблемы правового и экономического взаимодействия России и Китая (на примере Амурской области и провинции Хэйлунцзян) // Россия и Китай на Дальневосточных рубежах / Амурский государственный университет. Благовещенск, 2001. С. 445.
- ⁷ Внешнеэкономическая деятельность... С. 77.
- ⁸ Там же. С. 94
- ⁹ Благовещенск (газета). 2002. 19 апреля.
- ¹⁰ Амурский статистический ежегодник: Сборник / Амуроблкомстат. Благовещенск, 2003. С. 159.
- ¹¹ *Бабун Р.В.* Экономика и финансы российских городов: состояние – 2001 и задачи – 2002 // Официальный сайт Ассоциации городов Сибири и Дальнего Востока (АСДГ) (<http://www.ASDG.ru>, последний доступ 15 октября 2003 г.).
- ¹² «...к этому постановлению мы шли почти два года. И все это время проводились бесконечные совещания...» // Благовещенск. 2002. 19 апреля.
- ¹³ Амурская правда. 2001. 29 декабря.
- ¹⁴ Благовещенск. 2002. 17 мая.
- ¹⁵ Благовещенск. 2002. 22 марта.
- ¹⁶ *Гранберг А.Г.* Трансформация экономического пространства России / Путь в 21-й век. М.: Экономика, 1999; Пространственные трансформации в российской экономике / Общ. ред. П.А. Минакира. Российская Академия наук. Дальневосточное отделение. Институт экономических исследований. М.: ЗАО «Экономика», 2002.
- ¹⁷ Анализ тенденций развития регионов России. Типология регионов, выводы и предложения. Проект TACIS. М., 1996
- ¹⁸ Пространственные трансформации... С. 175-178.
- ¹⁹ Амурский статистический ежегодник... С. 221; Промышленность Амурской области. 2003: Статистический сборник / Амурский облкомстат. Благовещенск. 2003. С. 9.
- ²⁰ Пространственные трансформации... С. 113.
- ²¹ Там же. С. 148.
- ²² В области в 1994 г. суммарная стоимость произведенных сельскохозяйственных товаров составила 24,6% от всех произведенных товаров, а валовая добавлен-

Раздел II. Формирование новой полиэтничности в приграничных регионах

ная стоимость в сельском хозяйстве составила 28,2%. (Рассчитано по: Макроэкономические показатели экономики Амурской области за 1994-2001 гг.: Сборник. Амурский облкомстат. Благовещенск. 2003. С. 15). Удельный вес валовой добавленной стоимости сельского хозяйства в 1997 г. в валовом региональном продукте составил 9,2 %. (См.: Сельское хозяйство Амурской области за 1997-2002 годы: Сборник / Амурский облкомстат. Благовещенск. 2003. С. 12). На территории области производилось 20% от всей сельскохозяйственной продукции Дальнего Востока в 1991 г. В 1999 г. удельный вес сельхозпродукции даже увеличился и составил 25% от всей производимой в регионе. (Рассчитано по: Регионы России: Статистический сборник в 2 т. Т. 2 / Госкомстат России. М., 2000. С. 453-454).

²³ Всего сельскохозяйственных предприятий в 1997 г. было 482, в 2002-м стало 536. При этом сельскохозяйственных кооперативов в 1997 г. было 2, а в 2002 г. стало 177, число товариществ, акционерных обществ за этот период сократилось с 305 до 137. (См.: Сельское хозяйство Амурской области за 1997-2002 гг.). В Амурской области при этом в пользовании крестьянско-фермерских хозяйств находятся наиболее крупные сельскохозяйственные угодья (в среднем более 100 га), тогда как, например, на Северном Кавказе их размер не превышает 3 га, в Липецкой, Курской — более 70 га, в Новосибирской, Оренбургской, Орловской — более 80 га. (См.: Пространственные трансформации... С. 383).

²⁴ См.: Пространственные трансформации... С. 383.

²⁵ Амурский статистический ежегодник... С. 377.

²⁶ Михеева Н.Н. Макроструктурные изменения в экономике региона // Вестник ДВО РАН. 1995. № 5. С. 34-43.

²⁷ Амурский областной ежегодник... С. 20-21.

²⁸ Амурская область после 1990 г. стала даже относиться к субъектам Российской Федерации, специализирующихся на электроэнергетике (См.: Пространственные трансформации... С. 132).

²⁹ Пространственные трансформации... С. 132.

³⁰ Амурский областной ежегодник... С. 27.

³¹ Регионы России... С. 411-412.

³² 3-е место по Дальнему Востоку. (См.: Гудкова Е.В. Конверсия оборонного комплекса российского Дальнего Востока // Вестник ДВО РАН. 1997. № 4. С. 40-50).

³³ В 1990 г. доля военной продукции в общем объеме промышленного производства предприятий ВПК области составляла 33,9%, то уже в 1995 г. она полностью была сведена к нулю (См.: Гудкова Е.В. Указ. соч.).

³⁴ Например, ОАО «Автозапчасть» не смогло адаптироваться к новым условиям и прекратило свое существование. Фактически основные фонды этого предприятия не послужили и созданию новых, рыночно-ориентированных предприятий, большая часть оборудования ушла на металлолом, а здания и сооружения разрушились.

³⁵ Леонов С.Н. Региональная экономическая политика и формирование новой региональной политики в отношении депрессивных регионов // Дальний Восток

Благовещенск – форпост империи или зона свободной экономики?

России: проблемы социально-экономической стабилизации. Вып. 2. Социально-экономическая стабилизация: региональный уровень. Хабаровск: ДВАГС, 1999. С. 144.

³⁶ Рассчитано по: Регионы России... С. 322-323.

³⁷ Трансформация отношений собственности и сравнительный анализ российских регионов. М., 2001.

³⁸ Составлено по: *Поповская Е.В., Калиновский Т.Н.* Новое в статистике: о формировании статистики индивидуального предпринимательства // Вопросы статистики. 2002. № 1. С. 53-57; Амурский статистический ежегодник... 2004. С. 336.

³⁹ Под институционализированными в данном случае понимаются не только «оперивыченные», но и выраженные в нормативных актах.

⁴⁰ Амурская правда. 2004. 7 мая.

⁴¹ Благовещенск. 2002, 5 апреля.

⁴² Амурский комсомолец (газета). 2003. № 48.

⁴³ Фамилия мэра города Благовещенска – Колядин.

⁴⁴ *Радаев В.В.* Социология рынков: к формированию нового направления. М.: ГУ ВШЭ, 2003. С. 113-147.

⁴⁵ *Витковская Г., Зайончковская Ж.* Новая столыпинская политика на Дальнем Востоке России: надежды и реалии // Перспективы Дальневосточного региона: межстрановые взаимодействия / Под ред. Г. Витковской и Д. Тренина. Московский Центр Карнеги. М.: Гендальф, 1999. С. 80-121

⁴⁶ *Панарин С.А.* Сибирь и Центральная Азия: задачи колонизации // «Мост через Амур». Внешние миграции и мигранты в Сибири и на Дальнем Востоке: Сборник материалов международного исследовательского семинара. Москва – Иркутск: Наталис, 2004. С. 128-140.

**РАЗДЕЛ III. МЕХАНИЗМЫ
РЕГУЛИРОВАНИЯ
И САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ
ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ
В ПРИГРАНИЧЬЕ**

Глава 1. Панмонголизм: идея государственного объединения монгольской историко-культурной общности как инструмент нациестроительства

С конца 1980-х гг. в Бурятии, как и в других национальных регионах России, бурно шли процессы, часто называемые «национально-культурным возрождением». Необходимость осмыслить итоги этнонационального развития в советскую эпоху, сформулировать ориентиры и приоритеты на будущее – эти задачи стали для национальной элиты несомненным приоритетом. Чередой шли собрания, конгрессы, создавались исследовательские и публицистические тексты, принимались резолюции и официальные документы, формировались партии и движения. Обсуждались проблемы родного языка, культуры, конструировались новые версии национальной истории. Дискуссии о сохранении, возрождении, развитии национальной культуры органично переходили в обсуждение вопросов государственности, характера власти. Говоря современным языком, формировался «проект», проект нациестроительства.

Специфика этого процесса в Бурятии заключалась в том, что здесь конкурировали не только модели «гражданской нации» и «этнонации». Среди части приверженцев «этнонации» были сильны представления о том, что она не может и не должна ограничиваться рамками существующих государственных границ. При таком подходе нация воспринималась как естественный, органичный и необходимый результат многовекового формирования и развития на гигантских просторах центра Азии феномена, который иногда называют «монголоязычными народами», «монгольскими народами». А мне представляется более точным название «монгольская историко-культурная общность».

Изучение истории, динамики развития, даже ключевых характеристик феномена – это гигантские темы, требующие отдельного анализа. Здесь же стоит констатировать, что при его огромном разнообразии, разнородности всегда существовало как представление о такой общности, так и некоторые объективные основания для этого – языковое родство, сходство культурно-хозяйственного типа, представления и мифы об общности истории. Гигантское значение имеет историческая память о некогда существовавшем государственном единстве, об империи Чингисхана. Ареал этой общности был рассеян в дальнейшем государственными границами, прежде всего, между Российской и Цинской империями. В XX в. ком-

Панмонголизм: идея государственного объединения...

позиция еще более усложнилась. И теперь можно говорить о том, что этот ареал простирается на Китай, Монголию, Россию. Это предопределило различные траектории дальнейшего развития отдельных частей общности, в том числе в культурном, социальном, геополитическом измерениях.

Тем не менее, существует представление о возможности и необходимости национальной консолидации, национального единства поверх государственных границ. Более того, границы становятся при таком понимании естественным ограничителем, препятствием, угрозой нации. Поэтому логичной и естественной становится идея о необходимости **государственного** объединения монголоязычных народов. Она существует в разных версиях – от «Бурятии в границах 1937 года» до государственного воссоздания всей монгольской историко-культурной общности.

Изыскивая надежную духовную основу единства, бурятская интеллигенция, как наиболее склонная к рефлексии социальная группа, обращается к историческому опыту, стремясь отыскать в прошлом аналоги сложившейся ситуации, «отталкиваясь от исканий предшественников, найти способы решения актуальных проблем сегодняшнего дня»¹. В этом одна из причин актуализации феномена, получившего в истории название «панмонголизм». Однако в данной статье основное внимание хотелось бы сосредоточить не на самом феномене как таковом (тем более, что многое уже сказано и написано²), а на одном из его аспектов – государственном строительстве как пути к нации. И здесь важен как сам проект, так и попытки использовать его идею в качестве инструмента нациестроительства.

* * *

Истоки появления проекта без труда можно отыскать в конце XIX – начале XX века. Тогда Бурятия (в этнокультурном понимании этого слова) вступает на путь модернизации. Важнейшей составной частью этого процесса стало формирование первого поколения европейски образованных бурятских интеллектуалов. Этот немногочисленный, но чрезвычайно активный и обладающий большим интеллектуальным потенциалом слой, внес огромный вклад в создание основ современной культуры и общественного сознания бурятского общества. Вряд ли этих людей можно рассматривать в категориях единой политической группы, идеологического движения. Это скорее была среда сложная, неоднородная, внутренне противоречивая.

В дальнейшем ее объединят общим названием «панмонголистов». В советские времена это слово стало ярлыком и политическим обвинением. Поводом к такому названию (а для некоторых

Раздел III. Механизмы регулирования и саморегулирования...

представителей этой среды – к самоназванию и самоопределению) стало то распространенное представление, которое сформулировал Ц. Жамцарано. Он писал: «Буряты как часть большого монгольского народа, имеющего письменность и своеобразную литературу, не могут в угоду обрусительной политике порвать со своей историей и со своим целым»³, имея в виду монгольскую историко-культурную общность с ее славной историей имперской государственности.

Исходя из этого, не просто осмысливалась, конструировалась, изучалась история своего народа, но и вырабатывались проекты его сохранения и дальнейшего развития. При всей сложности, противоречивости и разнонаправленности эти проекты можно охарактеризовать в категориях «нациестроительства» в современном понимании этого слова. Фактически речь шла о сознательном и целенаправленном преобразовании племенной среды в единую культурную и политическую общность, которая успешно вписалась бы в модернизационные процессы. Это предполагало создание единой культуры, общего представления об истории, единого литературного языка, преодоление родоплеменного партикуляризма.

По сути, это был политический проект, важное значение в котором придавалось созданию собственной государственности как необходимому атрибуту и предпосылке создания нации. Создать государство, чтобы создать нацию – достаточно распространенная и осмысленная в XIX в. стратегия. Специфика «панмонголизма» заключалась в том, что нацию предполагалось формировать на базе монгольской историко-культурной общности, давно и прочно разделенной государственными границами. Соответственно, проект создания собственного государства неизбежно предполагал масштабные геополитические сдвиги во всем регионе. Некоторые авторы таких проектов, уже в качестве политиков и государственных деятелей, пытались реализовать их на практике.

Суть политической доктрины «панмонголизма» была изложена Ц. Жамцарано и заключалась в том, что «объединение Монголии с Внутренней Монголией, Бурятией, Калмыкией, с монголами Синьцзяна и Тувы позволит восстановить исторический регион проживания монголов и превратить новую страну в действительно самостоятельное, суверенное государство»⁴. Такой подход к государственной интеграции монголыязычных народов в единое культурное пространство с целью постепенного нивелирования различий между отдельными региональными группами, а в перспективе – достижения большей этнической унификации и монолитности населения, отражал европейскую парадигму нации.

О существовании нескольких объединительных проектов можно судить по переписке лидеров «панмонгольского» движения.

Панмонголизм: идея государственного объединения...

Так, Э.-Д. Ринчино писал Д. Сампилоу: «Старый Нацком полагал, что Маньчжурия и Восточная Монголия будут всецело находиться в сфере ведения Японии. Монголия южная, северная и западная с включением бурят образуют самостоятельное, нейтральное буферное государство. Причем буряты должны переселиться в Халху или передвинуться к границам Забайкалья с обменом земель. И если не удастся объединить Юг и Север Монголии, то образуются два государства, причем Юг будет находиться под протекторатом Японии. Монголы и другие народы Центральной Азии слишком примитивны и изъедены буддийским клерикализмом и мало годятся, как активный материал для создания этого государства. Здесь мы, буряты, как наиболее культурная сравнительно нация сыграли бы и сыграем, по-видимому, большую роль»⁵. Это был еще один проект, в котором авторы с легкостью подходили к таким сложнейшим вопросам, как переселение целых народов, создание государств. Для них важнее была сама идея, хотя она актуализировалась также и в практических попытках конструирования общемонгольской этнополитической системы.

* * *

В начале XX в. желание реализовать объединительную идею стимулировалось потрясениями в Китае и России. В Китае рухнула империя, по существу произошел распад государства, завершившийся выделением юридически автономной, а фактически независимой Внешней Монголии. Русско-китайская декларация 1913 г. и Кяхтинское Тройственное соглашение 1915 г. окончательно определили международное правовое положение монгольского государства. Чуть позже произошла революция в России и началась Гражданская война.

Казалось, появился уникальный момент, когда идея создания общемонгольской государственности может реализоваться на практике. Гражданская война втянула европейски образованную элиту в активную политическую деятельность. Пытаясь отстаивать интересы своего народа (так как они их понимали) в бурной обстановке Гражданской войны, большинство из них объединили свои усилия вокруг Бурятского национального комитета (Бурнацкома). Лавируя, сотрудничая (или пытаясь сотрудничать) со всеми противоборствующими силами, они стремились добиться реальной внутренней автономии, в идеале – независимой государственности. Для многих эта государственность не ограничивалась масштабами Бурятии.

«Панмонголизм» как идеология и политическая практика, направленная на создание единого монгольского государства «поверх» существовавших тогда государственных границ, стал реаль-

Раздел III. Механизмы регулирования и саморегулирования...

ностью. Осознавая ограниченность собственных сил и возможностей, представители этого движения делали ставку на сотрудничество с различными (как правило, противоборствующими) внешними силами, пытаясь играть на их противоречиях. В свою очередь, на «панмонголизм» делали ставку атаман Семенов, барон Унгерн, генерал Чжан Цзолин, японцы, премьер ДВР Шумяцкий, Реввоенсовет 5-ой армии, все государственные, военные и коминтерновские деятели, вовлеченные в события в этом регионе. Каждая из этих сил преследовала собственные интересы.

По инициативе атамана Семенова и при содействии японцев в 1919 г. в Чите состоялась конференция, в которой приняли участие бурятские деятели различной политической ориентации и представители Внутренней Монголии. Характерно, однако, что отсутствовала делегация от Внешней Монголии, которая, казалось бы, «в силу своего географического положения и исторической судьбы была призвана быть центром движения панмонголизма»⁶. Конференция приняла постановление об образовании независимого федеративного «Велико-Монгольского государства». В него должны были войти четыре аймака: Внешняя Монголия, Внутренняя Монголия, Барга и земли забайкальских бурят. Даже был избран глава нового государства – монгольский князь Нейсэ-гэгэн.

Дальнейшие события показали, что эта попытка политической консолидации монгольских народов оказалась несостоятельной: во-первых, она не получила поддержки со стороны традиционной знати Внешней Монголии, проигнорировавшей конференцию; во-вторых, она не имела достаточной поддержки в массах; в-третьих, в самом панмонгольском движении «изначально был силен элемент провокации»⁷. Россия и Китай, несмотря на внутренние неурядицы, продолжали отстаивать свои интересы в регионе, в целом сохранив территории и границы. Колчаковское правительство и республиканский Китай, пользуясь несогласованностью действий участников съезда и саботажем Урги, успешно противодействовали осуществлению планов даурского съезда. Князь Нейсе-гэгэн был разбит китайцами, взят в плен и расстрелян.

Особого внимания заслуживает позиция Коминтерна. Какое-то время он пытался использовать «панмонголизм» в качестве своего инструмента для создания плацдармов мировой революции. Характерно высказывание члена исполкома Коминтерна Сэн Катаямы: «Гоминдан ничего не будет иметь против независимого существования Внешней Монголии. Идея воссоединения всех монгольских племен в одну самостоятельную федеративную республику с ближайшим курсом на советизацию и с отдаленной перспективой вхождения в СССР... это прекрасная идея... Пусть Внешняя Монголия

Панмонголизм: идея государственного объединения...

пойдет к своим сородичам во Внутреннюю Монголию и Баргу, Синьцзян и организует их всех против мирового империализма»⁸.

Несмотря на неудачную попытку создания в Синьцзяне Кашгарской и Джунгарской республик, в 1924 г. Внешняя Монголия была провозглашена республикой и избрала свой путь нациестроительства в рамках созданного государства. При создании МНП и образовании временного народного правительства Монголии были широко использованы знания языка, обстановки, организаторские способности, обширные связи в Монголии и за ее пределами видных деятелей бурятского национального движения Э.-Д. Ринчино, Б. Барадина и других.

Годом раньше в Советской России была создана Бурят-Монгольская АССР. Создавая республику, большевики, безусловно, руководствовались классовыми интересами, находясь под сильным влиянием теории «мировой революции». Некоторое время идея единства монгольских народов еще занимала определенное место в теоретических установках руководителей новой автономии.

* * *

Однако затем процесс нациестроительства как в Бурятии, так и в Монголии был направлен по совершенно другому руслу, отличному от проекта «панмонголистов», стремившихся к созданию государственности либо в форме государственного объединения монгольской историко-культурной общности, либо в форме культурно-национальной автономии с последующим выделением сплошной территории для заселения бурят.

Условно реализованную модель нациестроительства можно назвать «советской». Ее характеристика выходит за рамки данной статьи, но важно то, что и эта модель не исключала потенциальных возможностей объединения, впрочем, диктовавшихся совсем иными причинами. Вопрос объединения Монголии с Внутренней Монголией поднимался Чойбалсаном, а с Советским Союзом – Ю. Цеденбалом⁹. Но стратегически, дорожа обретенной с таким трудом государственностью, основанной на равновесии СССР и Китая, правящая элита Монголии с недоверием относилась к разного рода объединительным проектам. Хотя идея создания единого государства, объединяющего все монгольские народы, продолжала оставаться «мечтой монгольских ученых и интеллигентов, таких как С. Данзан, Ч. Дандаа, Н. Амар, Ц. Дамбадорж, Н. Жадамба, Д. Догсом, Б. Ринчен, Гомбожав и др.»¹⁰.

Со временем, к концу 1920-х годов, панмонгольский фактор, перестав представлять ценность для СССР в геополитической игре, стал для его лидеров даже опасным. Одной из причин было уси-

Раздел III. Механизмы регулирования и саморегулирования...

ление внешнеполитической активности Японии на Дальнем Востоке, не скрывавшей своего интереса к национальному движению монгольских народов. Прямым следствием стало то, что органы НКВД «выявили и уничтожили» по обе стороны государственной границы так называемую «антисоветскую повстанческую панмонгольскую организацию», в результате репрессий пострадали тысячи граждан СССР и МНР. В историографии утвердилось определение «панмонголизм» = «буржуазный национализм», а слова «панмонголист» и «панмонгольский» стали одиозными политическими ярлыками.

Круто изменилась и ситуация в Бурят-Монгольской АССР. Первоначально она числилась в составе Сибирского, затем Восточно-Сибирского края, а с начала 1937 г. находилась в непосредственном подчинении Российской Федерации. Затем было принято решение изменить границы БМАССР. По постановлению ВЦИК от 26 сентября 1937 года Агинский и Улан-Ононский аймаки отходили к Читинской области (в качестве Агинского Бурят-Монгольского национального округа), а Аларский, Боханский, Эхирит-Булагатский и Ольхонский – к Иркутской (Усть-Ордынский Бурят-Монгольский национальный округ). При этом Ольхонский аймак передавался в прямое административное подчинение Иркутской области, а часть Улан-Ононского аймака, впоследствии получившая статус Ононского района, – в состав Читинской области. В виде «компенсации» республика получила некоторые малозаселенные территории к северо-востоку от Байкала. Спустя два десятилетия было изменено и само название автономной республики, она стала именоваться Бурятской АССР¹¹.

Создание национальных округов формально обеспечивало национально-административную автономию бурятскому населению отошедших от БМАССР районов. Реально же это имело негативные последствия для бурятского народа как этнического целого. Его этноареал был произвольно рассечен административными границами, а процесс консолидации бурят в нацию в значительной мере отставал от всемерно поощряемой властями интеграции в «новую историческую общность» – советский народ.

Правомерность и необходимость переименования республики до сих пор продолжает оспариваться частью интеллигенции и общественными организациями этнической направленности. Изменение названия республики и округов, по мнению некоторых бурятских исследователей, было продиктовано идеологическими и в какой-то степени внешнеполитическими мотивами. По мнению профессора Г.Л. Санжиева, Н.С. Хрущев настаивал на переименовании республики потому, что прежнее название могло быть ис-

Панмонголизм: идея государственного объединения...

пользовано китайским руководством в качестве предлога для претензий на этнические территории монголов Азии¹².

Таким образом, процессы нациестроительства активно шли в рамках существовавших государственных границ: отдельно в независимой (хотя до 1945 г. и не признанной мировым сообществом в этом качестве) Монгольской Народной Республике, отдельно – в различных национальных регионах СССР, отдельно – во Внутренней Монголии Китая. Казалось, что идея государственного единства монгольской историко-культурной общности ушла в историю, окончательно потеряла свою актуальность.

* * *

Однако события конца XX века реанимировали этот проект. С крахом социализма и распадом СССР ушла в прошлое советская модель нациестроительства. Необходимо было искать ей замену. Громадные перемены произошли в положении Монголии – от статуса «курицы – не птицы» она стремительно шла к обретению реального суверенитета, происходили радикальные перемены в политическом режиме и общественном строе.

Все это, естественно, вызвало напряженные дискуссии, обсуждения, формирование и пропаганду различных идеологических доктрин и политических платформ. Это был естественный, неизбежный и необходимый процесс. Его важнейшей составной частью стало переосмысление прошлого, создание новых версий национальной истории. Понятно, что жизнь, деятельность, идеологические доктрины выдающейся плеяды людей, вошедших в историю в качестве «панмонголистов», привлекли самое пристальное и широкое внимание. Реконструировались их биографии, публиковались сборники трудов, проводились посвященные им конференции. Это было не только данью памяти и восстановлением исторической справедливости. В их наследии искали методы и принципы подходов к решению современных проблем, аргументацию для подкрепления формирующихся идеологем. А.А. Елаев даже оценивает этот интерес как гипертрофированный. «В поисках национальной идеи народа вновь были запущены в ход модифицированные идеи “панмонголизма”. Однако общественная мысль идеологов бурятского возрождения была обращена преимущественно в прошлое. Осмысление будущего – редкое исключение» (курсив мой. – М.Б.)¹³.

В контексте этого процесса так или иначе идеи «панмонголистов» стремительно и неожиданно для многих актуализировались. Это относится и к их геополитическим проектам. Характерна в этой связи напряженная дискуссия об этнониме и названии республики. Содержание ее выражает название брошюры, утвержденной

Раздел III. Механизмы регулирования и саморегулирования...

к печати Советом Конгресса бурятского народа: «Вернуть название “Бурят-Монголия”»¹⁴. Суть подхода четко сформулировал Ш.Б. Чимитдоржиев: «Языковая проблема неразрывна связана с проблемой сохранения этноса. Надо понять, что если мы пойдем вместе с другими монгольскими народами, то мы, буряты, сохранимся как бурят-монгольский этнос. У нас потому языковой кризис, что мы далеко отошли от монгольского мира. Поэтому перед нами стоит задача: ради сохранения бурят-монгольского этноса сблизиться в языковом и культурном отношении в первую очередь с соседними монгольскими народами»¹⁵.

Это была не только академическая дискуссия. «В последние годы, начиная с конца 80-х годов Еперед соответствующими инстанциями властных структур ставился вопрос о возвращении прежнего наименования “Бурят-Монголия” республике. Однако он до сих пор положительно не решен. Требование бурятской общественности вернуть прежнее название народу и республике висит в воздухе. Поддержанное Советом Министров Бурятии предложение о восстановлении традиционного названия, к нашему стыду, было провалено депутатами Верховного Совета республики»¹⁶.

По мнению П. Варнавского, «Евведение данного этнонима предназначалось для более веского обоснования права бурятского народа на собственную государственность. И особую значимость он приобрел, когда речь заходила о возможности политической консолидации бурятского и монгольского народов. Таким образом, появление термина «бурят-монголы» в лексике бурятского национализма отчасти свидетельствовало о том, что «национально-культурное возрождение» уже не ограничивается исключительно этнокультурной проблематикой и вторгается в область политики» (курсив мой. – М.Б.)¹⁷.

Характерно, что Ш.Б. Чимитдоржиев, считая задачу государственного объединения монгольских народов политически не актуальной сейчас, позитивно относится к соответствующим попыткам первой четверти XX века¹⁸. Однако были и силы, стремившиеся вывести идею монгольского единства в плоскость непосредственного политического действия, сделать ее инструментом политической мобилизации. Среди первых лозунги национального возрождения бурятского народа выдвинули сторонники Инициативной группы Народного фронта содействия перестройке (НФСП), возникшей в ноябре 1988 г. на волне экологического движения. Радикальное крыло НФСП, в котором преобладали буряты, требовало повысить статус Бурятской АССР до уровня союзной республики, а также вернуть в состав Бурятии территории, отторгнутые в 1937 году. В политических кругах зазвучала и утвердилась в идеологическом дискурсе тема о разделенном народе.

Панмонголизм: идея государственного объединения...

В потоке политических движений начала 1990-х гг. в Бурятии возникли такие общественные организации, как общество «Гэсэр», позже оформившееся в Бурят-Монгольскую народную партию (БМНП) (1990), общественное движение национальной ориентации «Нэгэдэл» («Единение») (1992). Последнее выступило за выход Бурятии (с округами) из России, консолидацию монголоязычных народов и создание Центрально-Азиатской федерации, в которую – кроме Бурятии и Монголии – должны были войти Тыва, Калмыкия и два автономных района КНР¹⁹.

Один лидеров «Нэгэдэла» В.А. Хамутаев так формулировал задачи на будущее в своем докладе «К центральноазиатской интеграции и общемонгольскому возрождению через интересы народов Байкальской Азии» (Улан-Батор, 1993): «Еконсолидация всех монгольских народов нужна для выживания, т.е. этнического самосохранения монгольской нации: бурят-монголов, халх-монголов, ойрат-монголов, дотор-монголов, всех нас. В одиночку, разьединено, распыленно, даже в рамках наших государств нам сложно сохраниться как этносу, соответственно не может быть и речи о возрождении. Нам нужно вновь начать мыслить категориями общемонгольскими, задачами консолидации всех монгольских народов... Мы все хотим, по большому счету, быть вместе, возродить совместную жизнь, единую государственность... От гуманитарного сотрудничества монголов нужно идти дальше... к конфедеративному союзу, сообществу, объединенному на общих интересах мира и стабилизации в Центральной Азии. Объединив наши интересы и плюсы, откинув наши разногласия, предубеждения, границы». Дальше следует программа реализации этой цели. От «возвращения... к единому языку, письменности, культуре, образованию» до конфедеративного союза в экономическом развитии и создания общемонгольского парламента²⁰.

Идея эта не получила сколько-нибудь серьезной поддержки ни в массах, ни в политической и интеллектуальной элите республики. Однако был создан политический дискурс. И в рамках этого дискурса можно рассматривать тему, которая вызывает куда больший общественный резонанс. Раздел БМАССР рассматривается в значительной части бурятского общества, особенно его интеллектуальной и политической элиты, как национальная травма. Проблема эта активно и постоянно обсуждается, на различных уровнях звучат требования о восстановлении Бурятии «в границах 1937 года». Это требование содержалось, в частности, в Уставе БМНП.

В августе 1990 г. группа ветеранов республики направила письмо на имя Председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР Р.Н. Нишанова, в котором поднимался вопрос об от-

Раздел III. Механизмы регулирования и саморегулирования...

мене неконституционного акта 1937 г. и восстановлении республики в ее прежних границах. «Формальным поводом для дробления народа, – указывалось в письме, – была территориальная разбросанность, а фактически, судя по времени совершения этого чудовищного акта беззакония и произвола, инициаторы и организаторы дробления и без того маленького народа хотели ликвидировать экономическую и территориальную основу панмонголизма»²¹. Письмо получило широкий резонанс не только в республике, но и в округах. Раздел 1937 года был единодушно осужден первым Всебурятским съездом (1991). Созданный вскоре после второго Всебурятского съезда (1996) Конгресс бурятского народа поставил перед собой задачу расширения влияния на различные сферы общественно-политической жизни республики и округов. Особое внимание Конгресс уделил проблеме раздела БМАССР в 1937 году, восстановления республики в прежних границах и возвращения ей старого названия – Бурят – Монголия.

Получение округами статуса субъектов Федерации заметно снизило политическое звучание проблемы. Однако можно предположить, что разворачивающийся сейчас процесс укрупнения субъектов Федерации, скажем, объединение Усть-Ордынского бурятского автономного округа и Иркутской области, может актуализировать эту проблему, сделать ее инструментом политической мобилизации.

Первый, второй и третий (2002) Всебурятские съезды были своеобразными индикаторами этнополитических процессов в республике и округах. На первом была учреждена Всебурятской ассоциации развития культуры (ВАРК), что стало важным практическим шагом в области духовной консолидации бурятского народа и возрождения его культуры. На втором съезде его радикально настроенная часть сделала безуспешную попытку трансформировать ВАРК в политическую организацию. Однако эта идея нашла свое практическое воплощение несколько месяцев спустя, когда в июле 1996 г. был создан Конгресс бурятского народа, поставивший перед собой задачу расширения влияния на различные сферы общественно-политической жизни в республике и округах.

Конгресс и ВАРК выступают за тесное сотрудничество Бурятии с Монголией в области культуры. Так, на третьем Всебурятском съезде (Улан-Удэ, 16 февраля 2002 г.) была особо подчеркнута необходимость укрепления международных связей, прежде всего с родственными монголоязычными народами и диаспорами. Чрезвычайно важно отметить, что если начало 1990-х гг. было отмечено постепенным переходом от сугубо культурной проблематики в область политического дискурса, то с конца этого десятилетия наблюдается обратный процесс.

Панмонголизм: идея государственного объединения...

* * *

Что касается Монголии, то там наследие «панмонголистов» известно и является предметом активной интеллектуальной рефлексии. Характерна в этой связи статья Ц. Гурбадама и Л. Бат-Очира, опубликованная в Монголии в 1999 г. и вышедшая в 2003 г. в русском переводе в Бурятии²². Основные идеи авторов сформулированы настолько ясно и четко, что просто невозможно обойтись без пространного цитирования. «Монголы стали свидетелями того, как исконные монгольские земли были раздроблены на три отдельные части – Внешнюю Монголию, Бурят-Монголию и Внутреннюю Монголию и еще на более мелкие кусочки точно так, как режут торт во время пышного пиршества властителей». «Вот уже три века монголы испытывают горечь и тяжелейшие последствия насильственного разъединения. Вот откуда у них неудержимая тяга друг к другу и желание сблизиться». «В разные исторические периоды монголами делались (и неоднократно) попытки объединиться, и хотя последние не имели успеха, сама идея панмонголизма не могла и не может уйти в небытие, ибо эта идея – выражение вековых чаяний всех монголов, высший идеал их национального самосознания. Поэтому она жива и будет жить». Поэтому «необходимо возродить и обогатить идею панмонголизма новейшими положениями теорий национального движения, международного права, конвенции по правам национальных меньшинств и нового политического мышления». «...Можно полагать, что в XXI в. идея панмонголизма получит дальнейшее развитие, сделает существенные шаги на пути к реализации. Может быть, в XXI веке мир услышит новое неслыханное слово в деле объединения монголов как единой нации». «...Для объединения монголов сначала на духовной и экономической основе, а затем в территориальном плане не существует объективных препятствий, а есть только искусственно созданные барьеры. Объединение даст возможность избежать исчезновения нации. Возрождение монгольской нации немыслимо без объединения». «Создание нейтральной, независимой федеративной Монголии под международной защитой – такая постановка и разрешение общемонгольского вопроса не может не удовлетворять, по нашему мнению, такие крупные, влиятельные государства, как США, Япония, Англия, Франция, и Индия... Что касается России и Китая, то в результате создания такого сравнительно крупного буферного государства Монголия перестанет быть, как прежде, яблоком раздора между ними...».

Думается, что особого комментария здесь не требуется. Четко поставлены и аргументированы цели, намечены способы и этапы их реализации. Стоит выделить и прокомментировать только одну ли-

Раздел III. Механизмы регулирования и саморегулирования...

нию статьи. С одной стороны, постулируется, что «Монголия, в силу ее географического положения и исторической судьбы призвана быть центром движения панмонголизма». С другой стороны, глухо, но определенно и не раз отмечается, что эти идеи не встречают здесь надлежащего отклика или вообще отвергаются. Авторы пишут о статьях «нигилистического характера», о том, что «трудно поверить, что данные статьи написаны монголами». Там утверждается, что «необходимость в идеях панмонголизма ныне отпала, что она-де невозможная, никогда не осуществимая мечта, что она совершенно не нужна, так как необходимо уважать статус-кво политической карты мира после второй мировой войны, с одной стороны, а с другой, монголы, проживающие вне пределов Монголии, начали лингвистически и культурно растворяться в других народах».

Можно предположить, что это отражает то реальное обстоятельство, что идеи государственного объединения не находят особого отклика в элите Монголии еще со времен даурского съезда. Можно предположить также, что полученная с таким трудом государственность, чья устойчивость целиком зависит от равновесия между Россией и Китаем, представляется слишком большой ценностью, чтобы рисковать ею для осуществления объединительных проектов. Процессы нациестроительства в рамках существующей государственности зашли здесь так далеко, что это сняло с повестки дня другие варианты развития.

* * *

Таким образом, две попытки осуществить геополитический проект «панмонголизма» окончились неудачей. Как и в начале XX века, идея единства не нашла сейчас достаточного количества активных сторонников ни в Бурятии, ни в Монголии. А укрепление государственности России, рост мощи Китая, отсутствие реального интереса у политической и интеллектуальной элиты Монголии, которая видит будущее в рамках существующей государственности, показали иллюзорность объединительного проекта.

Но и в этих условиях идея политического объединения монгольской общности не отпала, она продолжала и продолжает существовать при полном понимании того, что осуществить ее невозможно. Для объяснения этого можно выдвинуть следующую гипотезу. Ее рассмотрение выходит за пределы этой статьи, поэтому здесь она только формулируется.

Она заключается в том, что сама идея объединения могла и может рассматриваться как самостоятельный и важный инструмент этнической мобилизации. Проект не исчез, а стал приобретать иную функциональную нагрузку, когда сама мечта об объединении

Панмонголизм: идея государственного объединения...

становилась своеобразным инструментом нациестроительства. Вспоминая о событиях начала 1990-х годов, один из лидеров движения «Нэгэдэл» В.А. Хамутаев в своем недавнем интервью автору (сентябрь 2004 г.) подчеркнул, что, «несмотря на определенную степень привлечения националистических лозунгов и этнических установок, особенностью бурятского национального движения в те годы было то, что его представители боролись в основном за создание политического сообщества нового типа».

История последних полутора веков показала, что объединительные идеи возникают в типологически сходных ситуациях, как часть неизбежных и необходимых процессов консолидации бурятского народа. Идеи «панмонголистов» оказались востребованными через целую эпоху их замалчивания и забвения. Это заставляет относиться к ним со всей серьезностью. Процесс нациестроительства в Бурятии отнюдь не завершен, еще не сделан окончательный выбор в пользу «гражданской нации», что предполагает возможность нового витка их актуализации.

Совершенно очевидно, что идея национальной государственности имеет массовую поддержку. В конечном счете, неважно даже – будет ли это общемонгольское государство, Бурятия в границах 1937 года или существующая Республика Бурятия. Само представление о том, что для процессов консолидации бурятской нации необходимы властные структуры в рамках независимого государства или субъекта федерации – идея жизненная, мощная. Для значительной части элиты, да и не только ее, это реальная ценность, за которую стоит бороться. И это заставляет задуматься о возможных перспективах и последствиях реализации проектов «укрупнения субъектов Федерации».

Примечания

¹ *Строганова Е.А.* Бурятское национально-культурное возрождение. Москва – Иркутск: Наталис, 2001. С. 68.

² См.: *Жамцарано Ц.* Народническое движение и его критики // Сибирские вопросы. 1907, № 24; *Ринчино Э.-Д.* Документы, статьи, письма. Улан-Удэ, 1994; Элбэг-Доржи Ринчино о Монголии. Улан-Удэ, 1998; *Амагаев Г.М.* Матвей Иннокентьевич Амагаев: Годы жизни и испытаний. 1897 – 1944 гг. Иркутск, 1997; *Чимитдоржиев Ш.Б.* Панмонголизм // Базар Барадин: жизнь и деятельность. Улан-Удэ, 1993; *Чимитдоржиев Ш.Б.* Панмонгольское патриотическое движение // VII международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, август 1997 г.). Доклады российской делегации. М., 1997. С. 90-92; *Цыбен Жамцарано.* Улан-Удэ, 1997; *Базаров Б.В.* Общественно-политическая жизнь 1920 – 1950-х гг. и развитие литературы и искусства Бурятии.

Раздел III. Механизмы регулирования и саморегулирования...

Улан-Удэ, 1995; *Базаров Б.В.* Неизвестное из истории панмонголизма. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002; *Базаров Б.В., Шагдуров Ю.П.* Панмонгольская организация 1937 — 1938 гг. // Базар Барадин: Жизнь и деятельность. Улан-Удэ, 1993; *Курас Л.В., Бабаков В.В.* Панмонголизм как социо-культурный фактор (первая четверть XX века) // Вестник БГУ. Сер. История. Улан-Удэ, 1997; *Курас Л.В.* Идеи панмонголизма в философских воззрениях Владимира Соловьева // Тез. и докл. междунар. науч. конф. «Банзаровские чтения», посвящ. 175-летию со дня рождения Д. Банзарова. Улан-Удэ, 1997; *Кузьмин Ю.В., Свинин В.В.* «Панмонголизм» как национальная идея консолидации народов Центральной Азии в XX веке. Иркутск, 1997; *Шагдурова И.Н.* История развития общественно-политической мысли Бурятии в первой четверти XX века. Улан-Удэ, 1997; *Жуковская Н.Л.* В поисках бурятской национальной идеи // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Улан-Удэ, 2000. Т. IV; *Жабаяева Л.Б.* Элбек-Доржи Ринчино и национально-демократическое движение монгольских народов. Улан-Удэ, 2001; *Железняков А.С.* К вопросу об отношении Коминтерна к панмонголизму // Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты. М., 1996. С. 66-70; Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (конец XIX — первая треть XX веков). Иркутск, 2003; *Гурбадам Ц., Бат-Очир Л.* Размышления об идее панмонголизма // Монголоведные исследования. Вып. IV. Сб. науч. стат. Улан-Удэ, 2003 и др.

³ Цит. по: *Шагдурова И.Н.* История развития общественно-политической мысли Бурятии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Иркутский государственный университет. Иркутск, 1995. С. 116.

⁴ Цит. по: *Чимитдоржиев Ш.Б.* Панмонгольское движение — это общемонгольское национальное движение // Монголоведные исследования. Вып. III. Улан-Удэ, 2000. С. 15-16.

⁵ *Э.-Д. Ринчино.* Документы. Статьи. Письма. Улан-Удэ, 1994. С. 143; Национальное движение в Бурятии в 1917— 1919 гг. Документы и материалы. Улан-Удэ: Изд-во ОНЦ «Сибирь», 1994. С. 107.

⁶ *Гурбадам Ц., Бат-Очир Л.* Размышления об идее панмонголизма. С. 147.

⁷ *Юзефович Л.А.* Начало панмонгольского движения и атаман Семенов // Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты. М., 1996. С. 182.

⁸ Цит. по: *Л. Шинкарев.* Цеденбал и Филатова: любовь, власть, трагедия. Москва — Иркутск, 2004. С. 219.

⁹ Там же. С. 79.

¹⁰ *Лувсандорж Ш., Энхбат А.* Национально-социалистическая мысль Цэвэна Жамсаранова // Монголия — Бурятия — Тува — Иркутская область: развитие, взаимодействие и вызовы внутри и вокруг Байкальского региона. Матер. международного семинара. Улан-Батор, 2002. С. 73.

¹¹ 7-ая сессия Верховного Совета Бурятской АССР 4-го созыва (Стенографический отчет). Улан-Удэ, 1958. С. 4.

¹² Правда Бурятии. 1991. 3 октября.

Панмонголизм: идея государственного объединения...

- ¹³ *Елаев А.А.* Бурятский народ: становление, развитие и самоопределение. М., 2000. С. 308.
- ¹⁴ Вернуть название «Бурят-Монголия» / Составитель д-р ист. наук Ш.Б. Чимитдоржиев. Улан-Удэ, 1998.
- ¹⁵ *Чимитдоржиев Ш.Б.* Бурят-монголы: история и современность. Улан-Удэ: ОАО «Республиканская типография», 2001, С. 73.
- ¹⁶ Вернуть название Е С. 4.
- ¹⁷ *Варнавский П.* Идея единства монгольского мира в националистическом дискурсе бурят // Евразийское пространство глазами молодых, или новое поколение о... / Альманах Школы молодого автора. М.: Наталис, 2002. С. 62.
- ¹⁸ *Чимитдоржиев Ш.Б.* Бурят-монголы... С. 112 -116.
- ¹⁹ *Елаев А.А.* Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. М., 2000. С. 271.
- ²⁰ *Хамутаев В.А.* Бурят-монгольский вопрос: история, право, политика. Часть 1. Улан-Удэ, 2000. С. 53-59
- ²¹ Правда Бурятии. 1990. 24 августа.
- ²² *Гурбадам Ц., Бат-Очир Л.* Размышления об идее панмонголизма. С. 146-169. (Любопытно редакционное послесловие к статье: «Статья Ц. Гурбадама и Л. Бат-Очира “Размышления о национальных меньшинствах монгольского происхождения в России и идее панмонголизма” была опубликована в Монголии... Учитывая злободневность проблемы панмонголизма и интерес к ней со стороны общественности Бурятии, мы включили в данный сборник эту статью под названием “Размышления об идее панмонголизма”. Статья отредактирована Ш.Б. Чимитдоржиевым, который внес в нее изменения и дополнения».)

Глава 2. Национально-культурные общества и организации Северного Кавказа в достижении межэтнической безопасности

Современная Россия как эволюционирующая федерация характеризуется отчетливой децентрализацией, ростом региональной самостоятельности и большим этнокультурным разнообразием. Как отмечалось на Гражданском форуме РФ (ноябрь 2001 г.), идея гармоничного гражданского общества для РФ может реализовываться в поликультурных и многоэтнических формах. В этой же связи актуален вопрос о содействии гражданского общества сохранению этнокультурной самобытности, включению этничности в рамки общегуманитарных социальных проблем.

Отмеченные аспекты выявляют общие принципы складывания институтов гражданского общества, а также их региональные особенности. Во многих регионах РФ сильны специфические этнокультурные и этнополитические интересы, в связи с чем предполагается *совмещение принципов гражданского общества и принципов этнокультурного развития российского социума*¹. Так, на Северном Кавказе отчетливо выделяются сегментированные по этническому принципу сообщества, которые различны по причинам образования, целям функционирования и методам достижения этих целей. Здесь функционируют этнические коллективы, делегирующие свои полномочия соответствующим национально-культурным объединениям.

В регионе актуально *конституирование самоуправляющегося общества в этнонациональных формах* с учетом интересов малочисленных этнических общностей². В этой связи Ю.Г. Волков отмечает, что Северный Кавказ демонстрирует индивидуальный сценарий «взаимодействия глобализации, включая демократизацию, формирование гражданского общества с этнической мобилизацией, различными типами этнонационализма и его идеологического обеспечения»³. Стоит подчеркнуть, что формирование гражданского самосознания, как и способность различных групп к защите коллективных интересов, в Северо-Кавказском регионе затруднены в силу определенных причин. Среди них:

- консерватизм общества, исторически сложившегося на строгих иерархических принципах;
- традиционализм отношений в статусной и половозрастной сферах, сохранение фамильной, клановой, тейповой организации, нормативов многопоколенной семьи;

Национально-культурные общества и организации Северного Кавказа...

- приверженность к авторитарным партийно-советским методам управления, идеологическая принадлежность к «красному поясу»;
- этнизация политического пространства и государственного аппарата, возрождение архаических форм этнической самоорганизации;
- противоречия между этнокультурным и религиозным традиционализмом и модернизацией.

Подчеркнем, что становление современных демократических институтов самоуправления происходит на фоне особых *северокавказских этнополитических рисков*. Среди них: конфликты, вооруженное противостояние различных уровней; политизация этнического фактора; терроризм, дрейфующий в сторону террора как системы устрашения общества и разобщения этносов и этнических групп, антитеррористические операции, высокая концентрация воинских и специальных соединений; масштабный миграционный приток.

Указанные факторы изменяют традиционный этнодемографический и этнокультурный баланс, привычную социокультурную иерархию этносов и создают целевые межэтнические страхи и конфликты. В субъектах региона отмечаются: повышение восприимчивости к экстремистским идеям, силовые методы решения межэтнических противоречий, непопулярность переговорных компромиссных практик. Исходя из отмеченных обстоятельств, предположим, что Северный Кавказ – *зона рискованной гражданской институализации* со специфическими механизмами формирования гражданского самосохранения, самоорганизации и самоуправления.

Тем не менее, и в этих условиях создаются институты социальной демократии, выполняющие важнейшие именно для региона функции достижения общей человеческой безопасности. Не случайно Ю. Жданов анализирует особенности гражданского процесса на Юге России, исходя из гегелевских представлений о гражданском обществе, включающем и категорию безопасности⁴. Именно добровольная, коллективная деятельность по достижению взаимной межэтнической безопасности является особым содержанием гражданских инициатив диаспор на Северном Кавказе. В этих условиях можно говорить о перспективах *северокавказской модели гражданского общества*, в которой преобладает стремление этнических коллективов к общественной безопасности. Обеспечение этнической и этнокультурной безопасности само по себе включает множество направлений – от свободной самоидентификации до коллективного волеизъявления на основе культурной идентичности.

Не взирая на конфликтогенные факторы, в регионе сохраняется инерция прошлых «мощных механизмов внутренней саморегуляции отношений»⁵. В прошлые исторические эпохи формы такой

Раздел III. Механизмы регулирования и саморегулирования...

регуляции (аталычество, прекращение кровной вражды и мести, межклановые и межтейповые браки и др.) были направлены на достижение взаимной безопасности, предотвращение и прекращение межэтнических конфликтов.

Отметим, что в практику достижения межэтнической безопасности вовлечены и диаспоры региона, жизненно заинтересованные в сохранении стабильности. В регионах Северного Кавказа этнические группы находятся в дифференцированных социально-политических обстоятельствах. Эти обстоятельства коррелируют уровень социальной организации, активность в политических процессах. Ареалы расселения национальных меньшинств расположены в разной удаленности от исторической родины, одноименных государственных образований или мест проживания материнского этноса. Многочисленные диаспоры региона (азербайджанцы, армяне, болгары, евреи, греки, грузины, корейцы, немцы, поляки, туркмены, украинцы и другие) принадлежат к разным этнолингвистическим группам и конфессиям. В разной степени они проявляют интерес и готовы к ассоциативному сегментированию. В среде диаспор (в первую очередь, «классических»):

- слабо распространены надежды на государственный патернализм и не популярны идеи огосударствления и бюрократизации (этатизма);
- отчетлива критика государственного произвола и авторитарных методов управления;
- распространена антропологизация гражданского общества в определенном типе личности – то есть в «человеке экономическом»;
- популярна индивидуальная автономия в отношении к государству и социуму;
- развита способность к эффективному диалогу и взаимодействию с другими членами общества во благо собственных и общих интересов и целей на основе компромисса и посредничества.

Таким образом, в среде диаспор распространены нравственно-конструктивные установки *социального прагматизма*, который имеет в применении к каждому этническому коллективу собственную природу. В этой связи для диаспор приемлема идея гражданского общества на Юге России как корпоративного общества, составленного из ассоциированных этнокультурных сообществ. На переходном этапе реформирования такой корпоративизм может быть противопоставлен патернализму, полицейству и этатизму⁶. Противовесом указанным явлениям может выступать «национально-культурная автономия, предусматривающая особый статус отдель-

Национально-культурные общества и организации Северного Кавказа...

ных этнических групп, являющаяся правовой формой разрешения национальных противоречий в многонациональном государстве»⁷.

Социальное поведение диаспор обусловлено новыми реалиями национальных и федеративных отношений. Так, в республиках Северного Кавказа оживление этничности часто выражается в провозглашении преимуществ титульного этноса. Диаспоры применяются к новым условиям жизни в субъектах федерации, а титульные народы не всегда в состоянии оценить значение базовых устоев малых этнических групп. Стремление национальных меньшинств к этнокультурному самоопределению, во многом обеспечивающему безопасность межэтнических отношений, зачастую рассматривается представителями титульных этносов как угроза их этнонациональному суверенитету.

Если в северокавказских республиках обозначен статус титульного и нетитульного населения, то в «русских» субъектах региона этнополитическая конъюнктура иная. Русские как основной массив населения в Ростовской области, Краснодарском и Ставропольском краях, отличаются общей социальной терпимостью. Однако количественное и качественное укрепление диаспор вызывает напряженность в межэтнических отношениях и прежде всего в «русских» субъектах.

Каждая этническая группа так или иначе вовлекается в этнополитические противоречия регионального, российского и международного масштаба. Поэтому легализация интересов диаспор через этнокультурные ассоциации способствует введению их в правовое, легитимное пространство. В этом пространстве осуществляется взаимодействие с органами государственной власти и муниципальными структурами, как равно и с региональными, российскими и международными неправительственными организациями. Национально-культурное самоопределение в условиях региона может толковаться в расширительном и углубленном смысле – то есть как этнокультурная самоорганизация в целях достижения стабильности и безопасности в межэтнических отношениях. Делегируя этнокультурным объединениям свои интересы и полномочия по их достижению, диаспоры:

- стремятся к преодолению внутренних противоречий, к интеграции в сообщество представителей новых миграционных волн;
- овладевают навыками организованной самозащиты и самопомощи (экономической, правовой, социальной, политической, психологической);
- развивают самоорганизацию, самоуправление;
- ищут пути разрешения межэтнических противоречий, осуществляют профилактику межэтнических конфликтов;

Раздел III. Механизмы регулирования и саморегулирования...

- сотрудничают с органами государственной власти и структурами местного самоуправления, с общественными объединениями и движениями.

На различных уровнях социальных отношений национально-культурными объединениями диаспор ставится комплекс целей, соответствующих идеологии социального гуманизма как идеологии постсоциалистического модернизирующегося пространства. Среди этих целей перспективными выступают межэтническая коммуникация, создание взаимных конструктивных образов, налаживание диалога между властью и обществом, выступающим в данном случае в своей этнокультурной институализации. Важнейшей целью реализации этих связей является также выработка «либеральной культуры споров», которая исторически не присуща России, где «конфликты имеют тенденцию к расколу, противостоянию и прекращению общения»⁸. Добавим, что на Северном Кавказе межэтнические конфликты имеют тенденцию к жестким сценариям, что усиливает значимость внутрирегионального диалога с участием этнокультурных объединений и ассоциаций диаспор приобретает идеологическую и политическую значимость.

В осуществлении широких социальных связей национально-культурные объединения (НКО) диаспор двигаются от традиционной этнокультурной деятельности к воплощению социальных целей широкого спектра. Среди них выделяются: достижение профессионального и социального разнообразия; патронирование своих членов; адаптация этнических мигрантов новой и новейшей волны. Особое значение имеет участие национально-культурных объединений в общественно значимых региональных и общероссийских мероприятиях, а также в специальных программах и акциях, осуществляемых органами власти и структурами местного самоуправления.

Складывание институтов гражданского общества на Северном Кавказе представляется нам эффективным именно через формы национально-культурной институализации, так как этническая идентичность и этнокультурная идентификация являются наиболее выраженными основами для обобществления интересов, позиций и действий. Очевидно, что коллективная этническая безопасность как наиболее актуальная в регионе является составляющей в комплексе общей человеческой безопасности. В то же время индивидуальная этническая безопасность наиболее эффективно реализуется в рамках этнической стратификации. При этом коллективные интересы этнических групп, с одной стороны, возвышаются над интересами индивидуума, а с другой стороны, обеспечивают

Национально-культурные общества и организации Северного Кавказа...

включение и достижение индивидуальных интересов представителей той или иной этнической группы.

Важнейшим направлением деятельности НКО диаспор является их взаимодействие с органами власти и структурами местного самоуправления. Формами такого взаимодействия выступают этнические, конфессиональные советы, советы старейшин как консультативные совещательные органы, которые действуют при различных структурах (администрации президентов и губернаторов, администрации городов и районов и др.). Представители диаспор активно участвуют в таких северокавказских переходных формах «демократии согласия», как Ассоциация «Северный Кавказ», Экспертный совет Федеральной целевой программы «Юг России», Южно-Российская Парламентская Ассоциация, совещательные структуры при Полномочном представителе Президента РФ в ЮФО (Коллегия руководителей территориальных органов власти, Совет старейшин, Консультативный совет, Координационный совет по казачеству, Миротворческий совет религиозных деятелей Юга России и т.д.), Совет старейшин, национальных общин, казачества и общественных организаций при Администрации Кавказских Минеральных Вод в Ставропольском крае, местные этнические советы, советы старейшин, общественные парламентские комиссии из представителей диаспор и казачества, дома и центра дружбы, центры культуры и др.

Все это, как подчеркивает Р.Г. Абдулатипов, определяет роль национальных общностей как «важнейших составляющих равновесия и стабильности в обществе, в структурах управления»⁹. Поэтому главными идеями региональной концепции гражданского общества на Северном Кавказе, на наш взгляд, могут быть *идея взаимной межэтнической безопасности, идея сосуществования и взаимодействия этнических групп, идея восстановления этнополитической стабильности и традиционной социальной и морально-нравственной устойчивости.*

Общественные движения и организации, в основе которых лежит этнокультурная идентичность, имеют как республиканский, так и межрегиональный и межгосударственный характер. Это – Конгресс народов Дагестана, Конфедерация народов Кавказа, Дом Кавказского Содружества, Конфедерация репрессированных народов, Ассамблея народов Северного Кавказа и т.д. На основе этнической идентичности сложились такие транснациональные объединения родственных народов, как Всемирная черкесская Ассоциация, Кавказско-Черноморское сообщество тюркских народов, Национальный Совет балкарского народа, Конгресс кабардинского народа, общество «Адыге Хасе», Съезд адыгейского народа, Всеосе-

Раздел III. Механизмы регулирования и саморегулирования...

тинское общественно-политическое движение «Аланты Ныхас», Международная ассоциация по связям с соотечественниками за рубежом «Родина» и др.

В связи с принятием федеративных законов «Об общественных объединениях» (1995) и «О национально-культурной автономии» (1996) в регионе формируется сеть разноуровневых этнокультурных объединений. Четко выражена эта тенденция в «русских» субъектах Северного Кавказа, где при большинстве русского населения (от 80 до 90%) представлены компактные и дисперсные группы диаспор дальнего и ближнего зарубежья, а также общины народов РФ.

Так, в Ростовской области, по данным Ростовского регионального ресурсного центра, зарегистрировано 30 национальных общественных организаций, среди них: Ассоциация корейцев Ростовской области, региональная общественная организация «Украинский национальный союз», объединение донских и приазовских греков «Танаис», Региональный татарский общественно-культурный центр «Нур», Ассоциация содействия еврейской культуре «Расек», «Автономия ассирийцев», Донское землячество народов Грузии «Вардизия», региональная общественная организация – осетинское культурно-просветительское общество «Алания-Ир», «Донское землячество народов Дагестана», национально-культурное караимское общество «Догьунма», «Союз ростовских швейцарцев», «Общество российских немцев Видергебурт-Дон», «Ново-Нахичеванская-на-Дону-армянская община», «Ассоциация народов Дона», «Аварская Диаспора», цыганское культурно-просветительское общество «Рома и мир», «Азербайджанская община», Культурный центр Мартыновского р-на «Вайнах» и другие. С 1992 г. в области работает Консультативный совет представителей общественных организаций национальных групп области при Губернаторе Ростовской области. В его состав входят 17 общественных национально-культурных объединений.

В Краснодарском крае зарегистрировано более 200 национально-культурных объединений, в том числе 160 национально-культурных автономий (НКА): адыгейские, азербайджанские, армянские, ассирийские, белорусские, греческие, грузинские, корейские, курдские, молдавские, татарские и др. В крае образованы 4 краевые НКА: немецкая, курдская, корейская, армянская. Всего 51 национально-культурное объединение осуществляет свою деятельность на территории Краснодара; все 10 наиболее многочисленных этнических групп, проживающих в Краснодаре (свыше тысячи человек), имеют национально-культурные объединения. В частности, это армяне (5 организаций), адыгейцы (4 организации), евреи (5 ор-

Национально-культурные общества и организации Северного Кавказа...

ганизаций), русские (6 организаций) украинцы (1 организация,) белорусы (1 организация). В 1992 г. по инициативе администрации города Краснодара и городского Совета народных депутатов создан Центр национальных культур, ассоциированный с 1995 г. с Департаментом общественной информации ООН, с 1995 г. – коллективный член Международной академии Информатизации, внесенный в каталог Совета Европы и ЮНЕСКО. К 2004 г. Центр включал около 30 национально-культурных объединений города, большинство из которых являются краевыми организациями.

В 1997 г. в целях взаимодействия с общественными объединениями, развития и взаимообогащения национальных культур, развития межнациональных и межрегиональных связей, организационного обеспечения деятельности НКО администрацией города было создано муниципальное учреждение «Общественно-информационный центр города Краснодара» с финансированием из городского бюджета. В 1998 г. при нем были организованы Совет старейшин и Ассоциация творческих коллективов национально-культурных объединений «Фольклорное соцветие». Центры национальных культур также функционируют в Новороссийске и Лазаревском р-не г. Сочи. В составе последнего работают русский, украинский, белорусский, армянский, адыгейский, греческий и казачий центры национальных культур.

В Ставропольском крае к началу 2004 г. зарегистрированы около 80 этнических общественных организаций, из них 40 – на Кавказских Минеральных Водах. Среди общественных объединений выделяются организации: славянских народов (общеславянские, болгары, русские, поляки, украинцы), тюркских народов (общетюркские, азербайджанские, карачаево-балкарские, ногайские, туркменские, татарские), адыгских народов (абазинские, черкесские), вайнахов (чеченцы и ингуши), народов Дагестана, армян, болгар, греков, грузин, корейцев, немцев, осетин и др. Многие общественные организации складываются как национально-культурные автономии, например: армянские (НКА г. Пятигорска, НКА г. Ставрополя, НКА г. Кисловодска, НКА Шпаковского р-на), греческие (НКА г. Ставрополя, НКА г. Ессентуки), корейские (НКА Ставропольского края, НКА Изобильненского р-на), немецкие (НКА Ставропольского края, НКА г. Пятигорска, НКА г. Невинномыска, НКА Георгиевского р-на), туркменские (НКА Ставропольского края, НКА Нефтекумского р-на, НКА Туркменского р-на) и др.

В Республике Северная Осетия-Алания зарегистрированы 26 национально-культурных обществ, представляющих славянские, азербайджанский, армянский, греческий, грузинский, еврейский, немецкий, татарский, ингушский, кумыкский, чеченский, ассирий-

Раздел III. Механизмы регулирования и саморегулирования...

ский и другие народы. Это – азербайджанский национально-культурный центр «Азери», армянское культурно-благотворительное общество «Эребуни», ассирийский национально-культурный центр «Ниневия», грузинский национально-культурный центр «Эртоба», греческое общество «Прометей», еврейское культурно-просветительское общество «Шолом», ингушский национально-культурный центр «Даймох», кабардино-балкарский национально-культурный центр «Намыс», национально-культурный центр «Дагестан», немецкая национально-культурная автономия, общественное объединение славян «Русь», татарский национально-культурный центр им. Тукая и др. С 1991 г. все этнокультурные организации объединены в межреспубликанское общественное движение «Наша Осетия». Во Владикавказе функционируют грузинская средняя, греческая и немецкая воскресные школы. В республике действуют два Дома Дружбы – Республиканский и Моздокского р-на.

В Карачаево-Черкесской Республике (КЧР) с начала 1990-х гг. происходил процесс объединения народов и этнических групп в общественные союзы. В этом приняли участие абазинцы, карачаевцы, ногайцы, русские, черкесы. В настоящее время в республике осуществляется формирование национально-культурных автономий. Так, с 1998 по 2003 г. были созданы последовательно НКА немцев, русских, ногайцев, чеченцев, карачаевцев, черкесов. Также функционируют автономная некоммерческая организация «Российско-немецкий дом» КЧР (с 2000 г.), еврейский благотворительный фонд Хэсед «Элино» г. Черкесска (с 2000 г.), карачаево-черкесская региональная общественная организация «Союз карачаевской молодежи» (с 1998 г.), общественная организация «Русская община» г. Черкесска (с 1998 г.) черкесский городской общественный благотворительный фонд «Святая Русь» (с 1999 г.) и т.д.

В Республике Адыгея созданы национально-культурные объединения армян «Общество армян Адыгеи», адыгов «Адыгэ Хасэ», татар «Дуслык», греков «Арго», немцев «Видергебурт» и др. В 2002 г. по инициативе общественности Адыгеи создана Ассоциация национально-культурных и общественно-политических объединений Республики Адыгея.

В Республике Дагестан созданы: в 1990 г. общественная организация «Лезгинский культурный центр «Ширвили», в 2001 г. региональная национально-культурная автономия ногайцев «Ногай Эл» и др.

В Кабардино-Балкарской Республике действуют: с 1997 г. Информационный культурный центр «Черкесс», с 1988 г. еврейский общественно-национальный культурный центр «Товуши» и др.

В субъектах Северного Кавказа функционируют Этнические советы, Дома и Центры дружбы, призванные выполнять следующие

Национально-культурные общества и организации Северного Кавказа...

функции: во-первых, координировать деятельность национально-культурных объединений, а во-вторых, соотносить задачи государственного управления и гражданского самоуправления. Самоорганизация этнических групп привела к созданию в регионе системы этнокультурных объединений, которые наряду с другими общественными институтами (социально-профессиональными, спортивными, переселенческими, благотворительными, миротворческими) стали ареной реализации коллективных интересов этнических групп. Стратегическими целями таких объединений являются легитимизация национально-культурных потребностей, сотрудничество с органами государственной власти и местного самоуправления, развитие общественной инициативы при государственной поддержке, создание средств массовой информации, образовательных и культурных учреждений и др. Важнейшим направлением этнокультурной институализации выступает предупреждение межэтнических конфликтов и упрочение взаимодействия между народами.

Опыт самоорганизации и самоуправления отдельных диаспор иллюстрирует включение этнических сообществ в многоуровневую систему общественных отношений, общий смысл которых состоит в сосуществовании, взаимодействии и сотрудничестве.

В частности, этнические группы азербайджанцев в субъектах Северного Кавказа пополнились и укрепились в связи с трудовой и этнической миграцией из районов межэтнических конфликтов (Армения, Азербайджан, государства Средней Азии). В различных субъектах региона в 1990-2004 гг. сложились национально-культурные объединения азербайджанской диаспоры как диаспоры страны ближнего зарубежья. В частности, в Республике Северная Осетия-Алания образовано Республиканское азербайджанское общество «Азери», в Республике Дагестан – Республиканского общество «Азери», в Краснодарском крае – Краевое общество азербайджанской культуры «Билик», в Ростовской области – Ростовская региональная общественная организация «Азербайджанский община», в Ставропольском крае – Краевое азербайджанское национально-культурное общество «Одлар-Юрду», Кавминводское азербайджанское историко-культурное общество «Гардшлыг», Минераловодское городское азербайджанское общество «Достлуг». Основные цели и задачи организации предполагают пропаганду и творческое развитие исторического, культурного и духовного наследия народов Азербайджана, их традиций, единства, а также укрепление дружеских связей народов Азербайджана и России (*Устав Ростовской региональной общественной организации «Азербайджанская община», утвержден 25 апреля 1997 г. Раздел 2. Основные цели и задачи организации. П.2.21-2.2.6*).

Раздел III. Механизмы регулирования и саморегулирования...

Как видно, выделяются этнокультурные векторы деятельности, а также участие в межгосударственном взаимодействии, приобретшем новое содержание после образования СНГ. Достаточно типичным является и провозглашаемый социально-политический и правовой патронаж своих членов в их отношениях с властными структурами, общественными объединениями. Новым направлением является также интерес этнокультурного объединения к экологическим проблемам, к общим программам гуманитарного развития. Членство в организации не ограничено этнической принадлежностью, а также допускает участие иностранных граждан и лиц без гражданства, что связано со спецификой статуса граждан Азербайджана, с положением мигрантов, не имеющих российского гражданства.

Явное тяготение к общинному образу жизни проявляют армяне Северного Кавказа, сохраняющие традиционные общинные идеи, такие, как образ исторической родины, геноцид армян в Османской империи, культура и этнокультурная реликтовость; единство с Россией, с русским народом как народом единоверцем и защитником. Также важны формирование и консолидация новых диаспор на основе этнической миграции, преодоление внутридиаспорных противоречий; сохранение статусных позиций и стабильных межэтнических отношений с этносами и этническими группами России; продвижение положительного группового имиджа в межэтническом взаимодействии; солидарность с Арменией со всей диаспорой.

В 2000-2004 гг. армянские диаспоры Северного Кавказа участвовали в дальнейшем структурировании армянских национально-культурных объединений. Так, в 2000 г. создан *Союз армян России* (САР) как объединение федерального уровня. Основные цели деятельности САР включают: укрепление мира, дружбы и согласия между народами, предотвращение социальных, национальных и религиозных конфликтов (*Свидетельство о регистрации общественного объединения Общероссийская общественная организация «Союз армян России» от 14 сентября 2000 г. № 3939*). Важнейшим направлением деятельности САР на региональном уровне является разработка социально-экономических программ «*Диаспора – Армения*», которые направлены на возвращение мигрантов-армян на родину. Такие программы реализуются прежде всего в «русских» регионах с высокой концентрацией армян – Ростовская область, Краснодарский и Ставропольский края.

В субъектах региона действует множество национально-культурных объединений армянской диаспоры. Наибольшую активность проявляют армянские общины Краснодарского и Ставропольского краев. Так, в Ставропольском крае действуют Армян-

Национально-культурные общества и организации Северного Кавказа...

ская община «Арагат» Кировского р-на, Ставропольская городская общественная организация «Общество армянской культуры «Эребуни-С», Зеленокумская городская общественная организация армян «Урарту», Буденновская районная общественная организация «Армянская община “Сурб-Хач”», Ставропольское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Союз армян России», Ставропольская краевая общественная организация «Гуманитарно-культурный клуб «Арцах». В крае действует Ассоциация общественных армянских организаций Ставропольского края, а также открыто представительство мэрии Еревана Республики Армения в Ставропольском крае. Также зарегистрированы национально-культурные автономии: Пятигорская городская НКА (1997), Армянская НКА «Гандзак» Шпаковского р-на (1998), Армянская НКА «Крунк» г. Кисловодска (1998), Армянская НКА «Наири» г. Ставрополя (2000).

В названиях армянских этнокультурных организаций региона отражаются, прежде всего, исторические, религиозные мотивы: *Эребуни, Айк, Канч, Сурб Хач, Ани, Арагат, Луйс* и др. Эти представления и воспоминания, объединяют диаспору вокруг этнонациональной идеи, которая для армян отождествляется с верой, родиной, родным языком и коллективными представлениями об этнокультурной безопасности. Армянские общины тесно сотрудничают с Армянской Апостольской церковью, упрочивают связи с краевыми, северокавказскими и иными российскими армянскими национально-культурными объединениями, участвуют в адаптации мигрантов новой и новейшей волны.

Мощным стимулом укрепления и развития армянских диаспор Северного Кавказа стало празднование 1700-летия принятия Арменией христианства как государственной религии. Подготовка к этому событию позволила обозначить присутствие армянской диаспоры в местах компактного проживания, выделить проблемы и перспективы самоорганизации и самоуправления. Комплекс значимых мероприятий был реализован региональными отделениями САР в Ростове-на-Дону, Краснодаре, Ставрополе, Владикавказе, Сочи, Армавире, Кисловодске, Пятигорске, Георгиевске и др. Торжества прошли с широким участием активистов армянских диаспор, священнослужителей, представителей органов власти и местного самоуправления, молодежи, других этнокультурных объединений. Мероприятия позволили акцентировать положительный имидж армян как народа и как диаспоры в составе полиэтничных обществ Северо-Кавказского региона.

Залповое пополнение армянских диаспор Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской области, с одной стороны,

Раздел III. Механизмы регулирования и саморегулирования...

обеспечивает упрочение диаспор, а с другой – создает внутридиаспорную дифференциацию и противоречия. В то же время, ускоренное образование новых и новейших армянских диаспор привело к напряженности в межэтнических отношениях с русским населением (прежде всего, казачеством), переходящее в конфликты. В некоторых районах региона (Кавказские Минеральные Воды, Шпаковский р-н Ставропольского края, Туапсинский р-н Краснодарского края) имеют место антиармянские настроения. Традиционная идея «вековой дружбы русских и армян» требует новых содержательных обоснований именно в целях обеспечения безопасности межэтнических отношений. Это является важной задачей деятельности национально-культурных объединений диаспор. Учитывая это обстоятельство, национально-культурные объединения стремятся к легализации интересов диаспор, к взаимодействию с окружающими народами и этническими группами, к контактам с органами государственной власти и местного самоуправления.

Успешную самоорганизацию демонстрируют греки региона, относящиеся к одной из старожильческих диаспор. Ее присутствие проявляется прежде всего в Краснодарском и Ставропольском краях, а также в Ростовской области. Существуют и компактные ареалы расселения греческих этнических групп в Карачаево-Черкесии, Северной Осетии-Алании. Институализация греческих диаспор состоялась во многих субъектах Северного Кавказа, где созданы многочисленные национально-культурные объединения – от местных до региональных. Среди целей организаций выделяются следующие современные этносоциальные и этнополитические ориентиры:

- реализация и защита гражданских, экономических и других прав членов общественного движения;
- расширение связей, в том числе международных, укрепление мира и дружбы между всеми народами, проведение мероприятий в связи со знаменательными датами истории Греции и Кипра участие в выработке решений органов государственной власти и органов местного самоуправления в порядке и объеме, предусмотренных федеральными законами;
- представление и защита своих прав, законных интересов своих членов, а также граждан греческой национальности в органах государственной власти, органах местного самоуправления и общественных организациях (*Устав регионального общественного объединения греков «Кали-Архи» КЧР, принят 23 марта 1996 г. Раздел 1. Название, цели общественной организации, его организационно-правовая форма. П.1.1-11.4.*).

Национально-культурные общества и организации Северного Кавказа...

В 2000-2004 гг. продолжалось создание и организационное укрепление региональных национально-культурных организаций, выстраивание горизонтальной и вертикальной структуры греческих объединений, формирование каркаса социальных связей. Среди национально-культурных организаций выделяются:

- **на региональном уровне:** Общество греков Краснодарского края – Объединение греков Кубани, Совет представителей греческих обществ Ставропольского края в Краснодарском крае, Общество греков Северной Осетии-Алании «Прометей», культурно-просветительное общество греков Ростовской области «Танаис», Национально-культурная автономия греков Ростовской области, Региональная общественная организация греков КЧР «Кали-Архи», Республиканское общество греков «Эллада» Кабардино-Балкарии и др.;
- **на местном уровне:** Ставропольское городское греческое общество «Анагенниси», общество греков г. Минеральные Воды «Энотис», Пятигорская община греков «Этнос», Ессентукская община «Феникс», Общество греков Предгорного района Ставропольского края «Эллада»; Краснодарское общество «Понтос», Сочинское греческое общество «Эноси», Новороссийское греческое общество, Геленджикское общество, Лазаревский центр греческой культуры, Анапское греческое общество; Владикавказская община греков «Прометей» и др.

Примечательно, что греческие этнокультурные организации носят этнические названия. Это – имена мифологических, исторических героев, античных гениев (*Аристотель, Афродита, Орфей, Иороклит, Прометей, Перикл, Феникс*), исторические или современные топонимы, обозначения понятий и категорий (*Патрида, Гларос, Ирини, Элита, Аэтос, Эллас, Энотис, Этнос, Анагенниси, Анатоли, Эллада*). Национально-исторический колорит названий, с одной стороны, отражает ностальгию по оставленной родине, с другой – свидетельствует о выраженной этнической идентификации диаспоры. Вероятно, привязанность к этническим лексемам способствует поддержанию благополучного этнокультурного самочувствия диаспор.

В уставах национально-культурных объединений греческих диаспор выделяется, в частности, участие в выработке решений органов государственной власти и органов местного самоуправления в порядке и объеме, предусмотренных федеральными законами. Также отмечается стремление к представлению и защите своих прав, законных интересов своих членов, а также граждан греческой национальности в органах государственной власти, органах

Раздел III. Механизмы регулирования и саморегулирования...

местного самоуправления и общественных организациях (*Устав регионального общественного объединения греков «Кали-Архи» КЧР, принят 23 марта 1996 г. Раздел 1*).

В системе Ассоциации греческих общественных объединений России (АГООР) созданы региональные центры и объединения – Новороссийский (на базе Ассоциации греков Кубани, греческих обществ Ростовской области, греческих обществ Адыгеи), Ставропольский (на базе греческих обществ Ставропольского края, Северной Осетии-Алании, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии), межрегиональный национально-культурный греческий центр «Ирини» (Ставропольский край). Греческие общины Северного Кавказа сотрудничают с *Советом по зарубежным грекам* (1989), с *Генеральным Секретариатом по вопросам греков зарубежья* (1983). Совместные инициативы нацелены на сохранение и укрепление связей греков Юга России между собой, на обеспечение гармоничной социально-экономической адаптации греков-репатриантов и поддержание духа *филэллинизма* во всем мире. Филэллизм может рассматриваться как идеологема национальной безопасности этнических групп, во-первых, как граждан стран проживания, во-вторых, как членов всемирного эллинского сообщества. В осуществление этих направлений с участием диаспор Юга России реализуется несколько целевых программ, учитывающих специфику российской диаспоры и диаспор из СНГ: «*Гостеприимство*», «*Образование*», «*Культура*», «*Поддержка обществ соотечественников*», «*Исследование*».

Важнейшую роль в консолидации греческих диаспор РФ с 1992 г. играет газета «Понтос» («Море»), в дальнейшем – «Эвксинос понтос» («Гостеприимное море»), которая с 1997 г. является газетой АГООР и Ассоциации общественных организаций греков Кубани. Идейное и тематическое содержание публикаций связано как с греческими, так и с российскими реалиями. Внутридиаспорный дискурс греков Северного Кавказа обусловлен общегреческой проблематикой: признание международным сообществом геноцида греков в Османской империи, реабилитация греческого народа, упрочение разноуровневых связей с Грецией, упрочение мирового присутствия и международных связей.

Прочную интеграцию в экономические и социальные структуры демонстрируют немногочисленные этнические группы евреев Северного Кавказа. При высоком уровне ассимиляции, евреи региона сохраняют этническое самосознание, связанное с религией, обрядностью и ведущей идеей еврейской диаспоры – идеей оставленной родины. В разных субъектах Юга России еврейские общины сформировали различные общественные объединения. Так, в Рес-

Национально-культурные общества и организации Северного Кавказа...

публике Северная Осетия-Алания создано еврейское культурно-просветительное общество «Шолом» (1991), женский клуб еврейской общины Владикавказа «Агава» (2001), в Краснодарском крае – Краевое общество еврейской культуры «Шолом» (1992), в Кабардино-Балкарской Республике – еврейский национально-культурный центр «Товуши» (1991) и Еврейская национально-культурная автономия КБР (1997), в Ростовской области – Еврейская национально-культурная автономия Ростовской области (1997) и др. Помимо общественных объединений, еврейская диаспора осуществляет объединение по религиозному принципу, например, горско-еврейская религиозная община г. Нальчик (Кабардино-Балкария), Кавминводская еврейская религиозная община «Геула», Еврейская религиозная община «Шолом» (Ставропольский край) и др.

Еврейские общины региона, как и еврейские общины вообще, реализуют диаспорную идентичность на основе традиционных внутренних связей. Выраженной традицией является движение милосердия и благотворительности. В регионе (Ростовская область, Ставропольский край, Карачаево-Черкесская Республика, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Северная Осетия-Алания) функционирует система еврейских благотворительных объединений хэседов Института общинных и социальных работников им. В. Розенвальда. В основе системы – помощь евреям в чрезвычайных ситуациях, физическая, психологическая и моральная реабилитация социально незащищенных слоев еврейского населения (*Книга Хэседа. Институт общинных и социальных работников им. В. Розенвальда. Джойнт. Предисловие*). Концепция «Хэсэд» как концепция самоорганизации диаспоры, с одной стороны, удовлетворяет этнокультурные потребности именно еврейских этнических групп, а с другой стороны, способствует достижению безопасности межэтнических отношений. Ее идеологическое воплощение составляют такие ценности, как еврейская религия, традиции, язык идиш, то есть целостной еврейской идентичности – идиш-кайт. Гарантацией сохранения диаспоры как самоопределяющегося сообщества является типичная для «классических» диаспор взаимответственность: «*все евреи несут ответственность друг за друга*» (*Книга Хэседа. Институт общинных и социальных работников им. В. Розенвальда. Джойнт. С. 15-21*).

Закономерно, что еврейские общины Юга России отзываются на террористические акты как в РФ, так и за рубежом. Эмоциональной и содержательной была реакция диаспор на взрывы в Москве, Каспийске, Минеральных Водах, Ессентуках, Пятигорске и др. Резкому осуждению диаспоры подвергают «плакатный», «кладбищенский» терроризм, проявления которого отмечаются в Краснодарском и

Раздел III. Механизмы регулирования и саморегулирования...

Ставропольском края. Так, религиозная община евреев на Кавказских Минеральных Водах «Геула» в связи с актами вандализма на кладбище г. Пятигорска выступала с публичными заявлениями и обращениями к Администрации и к Этническому совету города, к другим национально-культурным объединениям и в СМИ. В связи с проявлениями бытового национализма и ксенофобии среди диаспор распространяются заявления видных деятелей еврейского народа, религиозных вождей и тексты молитв за еврейский народ с призывами к разуму, справедливости, созиданию и миротворчеству.

Мотивы безопасности, стабильности, толерантности четко прослеживаются в «Газете Евреев Северного Кавказа» (ЕСК). Газета выступает региональным транслятором современных социальных заказов этнического сообщества, среди которых важнейшим является безопасность. При стратификации социально-профессиональных интересов разных слоев диаспоры, общие интересы этнических коллективов соответствуют плюралистическим, мультикультурным моделям гражданского общества, общественным идеалом которого является социальная толерантность.

Потребность в сохранении этнической идентичности и в свободном этнокультурном волеизъявлении проявляет немецкая диаспора региона. В частности, в Республике Северная Осетия-Алания создан «Немецкий культурный центр», в Краснодарском крае – Краевой центр Всероссийского общества немцев «Возрождение», в Ставропольском крае и Карачаево-Черкесии – местные и региональные национально-культурные автономии.

Среди целей общественных объединений помимо целей собственно культурного содержания, межкультурной коммуникации, межгосударственного взаимодействия выделяются цели политико-правового содержания. Это – реализация и защита конституционных прав и свобод граждан КЧР немецкой национальности. (*Уставы общественных организаций «Видергебурт» немцев г. Черкесска, Малокарачаевского, Зеленчукского р-нов, приняты 12 апреля 1998 г., 29 декабря 1998 г., 29 августа 1998 г.*). Особыми общественными инициативами являются содействие реализации и защите конституционных прав и свобод, национального достоинства, содействие борьбе с расизмом, национализмом во всех его формах и проявлениях, содействие развитию сотрудничества и взаимопонимания с другими национальными объединениям. Достижение этих целей обеспечивает благополучное социальное самочувствие диаспоры, которое является составляющей социальной безопасности этнического коллектива.

Участие в социальных и политических мероприятиях диаспора осуществляет через проведение публичных, общественно значи-

Национально-культурные общества и организации Северного Кавказа...

мых акций, например, посвященных Дню памяти о репрессированных немцах (День выселения – 28 августа). Как правило, общественные объединения организуют цикл мероприятий – общие собрания и митинги у Камня репрессированных народов, сбор гуманитарной помощи для «трудармейцев». Они проходят с участием работников органов государственной власти и местного самоуправления, советов ветеранов, представителей других репрессированных народов региона.

Особые усилия по обеспечению собственной безопасности диаспоры предпринимают в связи с обострением этнополитической обстановки в субъектах региона, в частности в Республике Северная Осетия Алания (1992), Карачаево-Черкесской Республике (1999). Так, немецкой диаспоре КЧР в период выборов Главы республики были адресованы многочисленные обращения со сторон разных общественно-политических сил. В этой связи общественным объединением немцев г. Черкесска «Видергебурт» было принято решение *«о невмешательстве в межэтнический конфликт, о неучастии в политических противоречиях, об ориентире на Конституцию РФ, решения Верховного суда РФ»* Община сделала заявление о возможном самороспуске в случае политического давления.

* * *

Анализ самоорганизации диаспор в Северо-Кавказском регионе в 1900-2004 гг. позволяет выделить следующие закономерности:

- Повышение гражданской активности, институализация и структурирование диаспор соответствуют потребностям гражданского процесса в российском обществе, а также демократизации всего комплекса национальных отношений.
- В гражданской институализации принимают участие этнические группы всех типов: диаспоры дальнего зарубежья, диаспоры ближнего зарубежья, а также общины, представляющие собственно российские народы.
- Первая половина 1990-х гг. XX в. отмечена складыванием национально-культурных общественных объединений (общин, обществ, центров) с традиционными этнокультурными задачами. Во второй половине 1990-х гг. XX в. и в 2000-2004 гг. формируются национально-культурные автономии на базе прежних этнокультурных объединений, либо на самостоятельной основе. НКА существуют параллельно с другими формами самоорганизации и самоуправления диаспор.
- Уставные документы и сама деятельность национально-культурных автономий и иных национально-культурных объединений приобретает выраженный социальный и соци-

Раздел III. Механизмы регулирования и саморегулирования...

ально-политический характер. Политизация деятельности национально-культурных объединений вызвана индивидуальными историко-политическими сюжетами, а также связана с современной этнополитической ситуацией в регионе, с состоявшимися межэтническими конфликтами на постсоветском пространстве.

- Гражданская активность диаспор, делегирующих свои интересы национально-культурным ассоциациям, направлена на достижение безопасности во внутридиаспорном этнокультурном аспекте и в межэтническом этнополитическом аспекте. Сочетание этих направлений обеспечивает благополучное социальное функционирование этнических общин в рамках стабильных и динамичных межэтнических отношений.

Примечания

¹ *Абдулатипов Р.Г.* Ассамблея народов России на пути собирания многонационального Отечества // Ассамблея народов России. 1999. Информационный бюллетень. № 1. С. 8.

² *Абдулатипов Р.* Управление этнополитическими процессами. Вопросы теории и практики. М.: Славянский диалог, 2002. С. 53, 328.

³ *Волков Ю.Г.* Государственная и региональная идеология в процессе модернизации общества на Юге России // Современное общество на Юге России: основные тенденции развития. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2001. С. 39.

⁴ *Жданов Ю.А.* Противоречия гражданского общества и кризис общественного сознания // Современное общество на Юге России: основные тенденции развития. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2001. С. 17-22.

⁵ *Абдулатипов Р.Г.* Ассамблея народов России на пути собирания многонационального Отечества. С.13.

⁶ *Лубский А.В.* Идея civil society: проблемы легитимизации на Юге России // Современное общество на Юге России: основные тенденции развития. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2003. С. 84-97; См.: *Кисриев Э.* Формирование демократической системы управления в посткоммунистическом Дагестане; *Дзидзиев А., Дзидзиев Р.* Органы власти и местное самоуправление в Северной Осетии // Местное управление многоэтничными сообществами в странах СНГ / Под ред. В. Тишкова и Е. Филипповой. М.: Авииздат, 2001; Место и роль гражданского общества. Северный Кавказ. Материалы рабочей встречи представителей общественных организаций Северного Кавказа и Москвы. Москва, 24-25 февраля 2001 года.

⁷ См.: *Федерализм.* Энциклопедический словарь М.: ИНФРА, 1997. С. 10.

⁸ *Симон Г.* Мертвый хватает живого. Основы политической культуры России // Общественные науки и современность. 1996. № 1.

⁹ *Абдулатипов Р.* Управление этнополитическими процессами. С. 337.

Глава 3. Функционирование силовых структур в условиях изменения этнополитической ситуации (на примере Главного управления внутренних дел Краснодарского края)

Распад Советского Союза, образование новых независимых государств и их национальная политика, этнополитические конфликты на постсоветском пространстве вызвали к жизни значительные миграционные потоки. Обладая рядом специфических экономических и социальных характеристик, Краснодарский край оказался в эпицентре этих потоков, выполняя роль принимающей территории¹.

Краснодарский край занимает важное геополитическое положение на южных рубежах РФ. Он имеет административную границу с Ростовской областью и Ставропольским краем, республиками Адыгеей и Карачаево-Черкесией. По периметру Краснодарского края проходит государственная граница РФ с Турцией, Украиной и Грузией общей протяженностью более 1000 км. Население Краснодарского края составляет около 5,1 млн. человек. Его отличает высокая степень этнокультурного многообразия, здесь проживают представители более 120 национальностей. Средняя плотность населения – 66,6 человек на 1 кв. км, что в 8 раз превышает среднюю плотность по Российской Федерации.

Наличие в крае пяти морских портов делает его единственным южным выходом РФ к теплым морям. Только через порт Новороссийск – главный порт России на Черном море – транспортируется треть товарного российского экспорта. Здесь же проходят основные магистрали трубопроводов, осуществляющих поставку нефти и газа за рубеж.

Велика роль Краснодарского края – как приграничного субъекта РФ – в решении важнейших государственных задач по обеспечению национальной безопасности страны, защите жизненных интересов России.

Таким образом, к специфическим особенностям Краснодарского края можно отнести следующие характеристики:

- приграничный регион²;
- близость к конфликтным зонам (чеченской, абхазской и др.);
- относительная экономическая стабильность, возможность занятости и трудоустройства, развитие перспективных сфер

Раздел III. Механизмы регулирования и саморегулирования...

- экономики (курортное дело и туризм), и, следовательно, инвестиционная привлекательность;
- пестрый этнический состав, наличие большого количества диаспор и национально-культурных автономий;
- территория транзита энергоносителей;
- идеологический консерватизм;
- особое отношение к земле;
- благоприятный климат.

Из далеко неполного списка вышеперечисленных особенностей, как минимум первые четыре, являлись стимулирующими факторами для миграционных процессов.

Цель данного исследования – проанализировать функционирование силовых структур (на примере Главного управления внутренних дел Краснодарского края, ГУВД КК) в условиях изменения этнополитической ситуации на региональном уровне в условиях приграничья.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие исследовательские задачи:

- дать характеристику Министерству внутренних дел (МВД) в целом и ГУВД Краснодарского края в частности как системному субъекту, то есть охарактеризовать его интересы, формы и методы деятельности;
- определить другие элементы системы, с которыми взаимодействует ГУВД Краснодарского края в условиях изменения этнополитической ситуации;
- выявить характер этого взаимодействия;
- охарактеризовать среду, в которой функционирует данная система.

Географически исследование касается территории Краснодарского края. Однако применение системного подхода, потребовало расширения географических рамок и включения в них территорий соседних субъектов РФ, стран СНГ (Украина, Грузия, Армения), государств Черноморского региона (Турция). Важное влияние на ситуацию в регионе оказывают международные организации (ООН, ОБСЕ, Совет Европы), Европейский Союз (ЕС), НАТО, США. Нельзя не учитывать роль глобальных сетевых акторов, функционирующих в различных сферах. Таким образом, анализ работы правоохранительной системы будет проводиться на четырех территориальных уровнях: местном, федеральном, региональном и глобальном.

Объектом исследования стало ГУВД Краснодарского края. Предметом изучения является функционирование силовых структур

Функционирование силовых структур в условиях изменения...

тур (МВД) в условиях изменения миграционных и этнических характеристик среды.

Как объект исследования, ГУВД Краснодарского края имеет сложную структуру и предстает перед аналитиком в нескольких ипостасях. Во-первых, ГУВД Краснодарского края – это часть МВД, то есть часть федерального государственного аппарата, чьи нормативные функции определены Конституцией РФ и Законом РФ «О милиции» и которая представляет интересы федерального центра. Во-вторых, МВД – как структура, имеющая свои ведомственные интересы. В-третьих, ГУВД Краснодарского края – как структурное подразделение МВД, находящееся на территории субъекта федерации, взаимодействующее с местными властями и учитывающее его интересы. И, наконец, в-четвертых, ГУВД Краснодарского края – как совокупность сотрудников, в основном коренных жителей, которые обладают своими позитивными и нормативными интересами и ценностями.

Исходя из сложной структуры исследуемого объекта, методологически целесообразно применение системного подхода, позволяющего рассмотреть его функционирование во взаимосвязи и взаимодействии с другими элементами системы. Такими системными элементами местного и федерального уровня являются местные и федеральные органы государственной власти, диаспоры, общественные организации мигрантов, коренное население и его общественные организации (прежде всего Кубанское казачье войско, ККВ). На международном региональном уровне такими системными субъектами являются приграничные страны СНГ и Турецкая Республика. На международном глобальном уровне к системным элементам можно отнести США, ЕС, международные организации, а также сетевые акторы различных видов.

Из всего многообразия взаимодействий главной целью исследования является рассмотрение влияния системных элементов на миграционные процессы, с одной стороны, и на функционирование правоохранительных органов – с другой. Поскольку МВД – это силовая структура, отвечающая прежде всего за безопасность, то анализ миграционных процессов будет вестись через призму трех уровней безопасности: личной, общественной и государственной безопасности (включающей социально-экономические и политические аспекты).

При анализе связей международного регионального и глобального уровня, касающихся вопросов безопасности использовались теоретические построения школы реализма, выраженные в таких категориях, как национальный интерес, сила, власть, борьба за ресурсы. Применение реалистских парадигм было обусловлено тем,

Раздел III. Механизмы регулирования и саморегулирования...

что Краснодарский край является пограничной территорией, весьма важной с геополитической и экономической точек зрения. Эти факторы обуславливают интерес региональных и великих держав к данной территории.

Для анализа процесса принятия решений на краевом уровне применялась теория рационального выбора, предусматривающая перенос в сферу политики отношений характерных для бизнеса, то есть максимизация прибыли при минимизации затрат. К сожалению, это характерная черта, связанная с деятельностью некоторых чиновников, служащих (в том числе и работников МВД), политиков как федерального, так и местного уровня, принимающих решения. В теоретическом плане проблема коррупции связана с несовпадением «нормативных интересов» (которые должны отстаиваться государственными структурами в соответствии с нормативными документами) и «позитивными интересами» (на достижение которых реально направлена их деятельность).

Отклонение позитивных интересов от нормативных, в большинстве случаев связано с существованием так называемой проблемы доверителя агента (*principal-agent problem*). Она заключается в том, что агенты (или субъекты, реально принимающие решения и осуществляющие действия) могут иметь целевые функции, не совпадающие с целевыми функциями доверителей, то есть лиц, доверивших агентам выполнение соответствующих функций³. Правда, применение методики рационального выбора имеет ряд ограничений. Необходимо, чтобы лица, принимающие решения, имели «стабильную систему политических предпочтений и долгосрочную стратегию поведения. На практике, местная политическая элита решает многие вопросы на межличностной основе, с помощью закулисных приемов, скрытых от посторонних глаз. В результате совокупные решения группы рациональных индивидов приводят к нерациональным результатам, то есть к последствиям, которые являются неожиданными и нежелательными для многих акторов»⁴. В структуре силовых ведомств, учитывая специфику их деятельности, процесс принятия решения закрыт почти полностью.

Институциональная теория также позволяет анализировать функционирование местных элит как внутри системы, так и (что более важно) в контексте трансграничных взаимодействий. Методологический инструментарий этой теории позволяет выявить роль сетевых акторов, работающих в теневом секторе, а также влияние миграционных потоков на взаимодействие мигрантов и коренного населения. Данная концепция рассматривает местные элиты в качестве «носителей как цивилизационных ценностей, так и текущих политических интересов, которые ставят перед собой

Функционирование силовых структур в условиях изменения...

прагматические цели умножения авторитета, безопасности и богатства»⁵. В данном контексте ГУВД Краснодарского края является инструментом для достижения вышеуказанных целей. Рассматривая миграцию как один из процессов, направленных на формирование трансграничных регионов, возникающих как результат взаимодействия и компромиссов властей различного уровня (федеральных, местных, муниципальных), при котором потоки мигрантов являются носителями капиталов, услуг, идей, угроз и т.д. Местная элита должна нацеливать органы МВД проводить мероприятия, направленные на перекрытие криминальных потоков, пресечение деятельности преступных трансграничных сетей, не мешая при этом «здоровым» экономическим связям.

Особое место в методологическом арсенале занимает школа мирных исследований, которая рассматривает проблему безопасности в контексте формирования так называемых «сообществ безопасности» (*security communities*), построенных в том числе и по территориальному принципу. Данная школа ориентирована на «поиск внутренних факторов безопасности, находящихся внутри самого общества (экономическое развитие, адаптация мигрантов в принимающей среде, языковая политика, борьба с преступностью, развитие инфраструктуры и т.д.)»⁶.

Пограничное положение делает Краснодарский край, с одной стороны, объектом геополитического соперничества глобальных и региональных международных акторов, с другой – территорией трансграничного сотрудничества, а с третьей (с учетом получения высоких доходов) – сферой деятельности разного рода криминальных сетей и группировок, организованных, в том числе и по этническому принципу.

В зависимости от этого миграция и диаспоры могли быть использованы:

- для дестабилизации ситуации на территории приграничного региона через стимулирование управляемых этнополитических конфликтов⁷, ведения агентурной и разведывательной работы, распространение определенных идеологических, религиозных концепций и доктрин;
- для развития экономических связей, сотрудничества, инвестиций;
- для преступного бизнеса: торговли оружием, наркотиками и «живым товаром».

В своих действиях в отношении миграционных процессов и диаспор каждый актор исходил из собственных интересов. Типология интересов различных системных субъектов представлена в Таблице 1.

Раздел III. Механизмы регулирования и саморегулирования...

Таблица 1

Типология интересов внешних и внутренних акторов

Субъект	Нормативные интересы	Позитивные прагматические интересы	Позитивные идеологические интересы
США, великие державы, региональные державы, военно-политические блоки	Национальные интересы, выраженные во внешне-политических стратегиях и стратегиях национальной безопасности.	Контроль над территориями, ресурсами и путями их транспортировки. Заинтересованность в ослаблении соседних государств и потенциальных противников.	Контроль над информационным пространством; Создание гомогенной идеологической среды. Проецирование своих цивилизационных ценностей на новые территориальные пространства.
Международные организации	Выработка международных правовых актов и наблюдение за их реализацией на практике.	Получение максимального финансирования со стороны государств участников. Повышение международного авторитета и статуса организации.	Реализация программных приоритетов.
Органы государственной власти федерального уровня	1. Защита жизни и имущества граждан РФ. 2. Соблюдение законодательства РФ. 3. Достижение стабильности. 4. Сохранение единства и территориальной целостности государства.	1. Максимизация шансов на переизбрание (для политиков). 2. Максимизация доходов, связанных с пребыванием в должности (для чиновников и политиков).	Следование идеологическим приоритетам правящей элиты страны.
Органы государственной власти регионального уровня	1. Защита жизни и имущества граждан РФ, прежде всего жителей края. 2. Соблюдение законодательства РФ и постановлений краевой власти.	1. Максимизация шансов на переизбрание (для политиков). 2. Максимизация доходов, связанных с пребыванием в должности (для чиновников)	Следование идеологическим приоритетам правящей элиты страны, но учитывая местные культурно-исторические традиции.

Функционирование силовых структур в условиях изменения...

Таблица 1 (продолжение)

	3. Достижение стабильности, прежде всего в конкретном регионе. 4. Сохранение единства и территориальной целостности государства и региона. Недопущение создания национально-территориальных образований.	и политиков).	
МВД как орган государственной власти РФ	1. Защита жизни и имущества граждан. 2. Соблюдение законодательства РФ. 3. Достижение стабильности. 4. Борьба с преступностью.	Защита ведомственных интересов: 1. Расширение штата. 2. Увеличение бюджетного финансирования.	Следование идеологическим приоритетам правящей элиты страны.
Региональная структура МВД (ГУВД КК)	1. Защита жизни и имущества граждан в крае. 2. Соблюдение законодательства РФ и постановлений местной администрации. 3. Достижение стабильности в крае. 4. Борьба с преступностью в крае.	1. Расширение штата; 2. Увеличение бюджетного финансирования, в том числе и за счёт местного бюджета. 3. Конструктивное взаимодействие с краевыми властями.	Следование идеологическим приоритетам правящей элиты страны с учетом интересов региональной элиты. Учет географических, социально-экономических и культурно-исторических особенностей региона.
ГУВД КК (личный уровень)	1. Защита жизни и имущества граждан. 2. Соблюдение законодательства РФ. 3. Достижение стабильности.	1. Личная безопасность. 2. Безопасность и благополучие родных и близких. 3. Карьерный рост.	Следование традициям и установлениям, которые присущи данному региону и той этно-конфессиональной

Раздел III. Механизмы регулирования и саморегулирования...

Таблица 1 (продолжение)

	4. Борьба с преступностью.	4. Максимизация доходов, связанных с пребыванием в должности.	общности, к которой принадлежит конкретный сотрудник (возможно, но не обязательно).
Местное население	Защита прав, изложенных в международных актах и в Конституции РФ.	1. Безопасность и благополучие. 2. Стабильность. 3. Сохранение традиций и обычаев. 4. Максимизация доходов.	Сохранение традиций и обычаев.
Общественные организации местного населения (казачество)	Реализация программных приоритетов и уставных положений организации.	Приобретение материальных и нематериальных выгод для членов организации. Максимизация ее доходов.	Сохранение традиций и обычаев.
Дiasпоры, как сетевой актор	нет	1. Личная безопасность и благополучие членов диаспоры. 2. Стабильность. 3. Сохранение идентичности. 4. Максимизация доходов. 5. Интеграция/или неинтеграция в принимающее общество.	Сохранение национально-культурной идентичности.
Общественные организации мигрантов	Реализация программных приоритетов и уставных положений организации.	Приобретение материальных и нематериальных выгод для членов организации. Максимизация ее доходов.	Защита идеологических установок организации, в том числе и религиозных.
Дiasпоры (личностный уровень)	Защита прав, изложенных в международных гуманитарных документах и в Конституции РФ.	1. Личная безопасность и благополучие. 2. Стабильность. 3. Сохранение идентичности.	Сохранение национально-культурной идентичности.

Функционирование силовых структур в условиях изменения...

Таблица 1 (продолжение)

		4. Максимизация доходов. 5. Интеграция/или неинтеграция в принимающее общество.	
Сетевые преступные акторы	нет	1. Максимизация прибыли. 2. Расширение сфер влияния. 3. Оказание влияния на государственные структуры.	Продвижение экстремистских религиозных или этнических идей.

Органы МВД (ГУВДД КК) оказались «зажатыми» между интересами федеральных и краевых органов государственной власти, местным населением, с одной стороны, и диаспорами, мигрантами и их организациями – с другой. На уровне нормативных интересов существовали противоречия, между международно-правовыми гуманитарными актами и законодательством федерального уровня и постановлениями краевых властей, принятых по миграционным вопросам. Эти противоречия нашли отражение и в программных, уставных документах общественных организаций. Мигранты требовали полного соблюдения своих прав, ссылаясь на международные документы и федеральное законодательство. А краевые власти и организации коренного населения высказывали позицию, что проблемы вновь прибывших не должны решаться в ущерб коренному населению края⁸.

В условиях отсутствия собственной концепции миграционной политики политическое руководство РФ в 1990-е годы стремилось следовать действующим международно-правовым стандартам. Но в условиях экономического кризиса это стремление не было подкреплено экономическими ресурсами. Более того, основные положения данной политики не согласовывалось с руководством субъектов федерации. В результате федеральный центр стремился переложить расходы по обустройству мигрантов и вынужденных переселенцев на субъекты федерации, что вызывало негативное отношение к переселенцам, так как подрывало социально-экономическую стабильность субъекта. Как следствие, стремление краевых властей избавиться от мигрантов на своей территории. Мотив – защита интересов коренного населения. В данной ситуации ГУВД Краснодарского края оказалось в весьма сложном положении. С од-

Раздел III. Механизмы регулирования и саморегулирования...

ной стороны, это орган государственной власти, который должен выполнять распоряжения федерального центра и федерального законодательства, а с другой – это орган, находящийся под влиянием краевых властей, и, следовательно, связанный с необходимостью выполнять их постановления.

Учитывая данную расстановку сил, органы МВД концентрировали внимание на своих непосредственных нормативных функциях. При этом неконтролируемые миграционные потоки рассматривались как дестабилизирующий фактор, усиливающий криминогенную обстановку. Необходимо отметить, что одной из причин неконтролируемой миграции на территорию Краснодарского края были этнические конфликты на Кавказе (нагорно-карабахский и грузино-абхазский). Исходя из анализа имеющихся документов⁹, под этническим конфликтом руководство ГУВД Краснодарского края скорее всего имело в виду такие столкновения, в которых конфликтующие стороны (или хотя бы одна из них) определялись в терминах этнической принадлежности. Замечу, что каких-либо самостоятельных теоретических изысканий руководство ГУВД не вело. Как правило, в документах повторялись соответствующие положения из материалов, подготовленных аналитическими службами Администрации Краснодарского края. Это объясняется ориентированностью на чисто практическую деятельность борьбы с преступностью. Выстраивалась своеобразная логическая цепочка: этнические конфликты за пределами Краснодарского края вызывали поток неконтролируемой миграции в край, что в свою очередь обостряло конкуренцию в экономической и социальной сфере, усиливало криминогенную обстановку, борьбу за передел собственности, сфер влияния и рынков. Мигранты через диаспоры и свои организации стремились воздействовать на власть всех уровней, чтобы упрочить свое положение. Аналогичное воздействие проводило и местное население, в основном через структуры казачества. В отдельных случаях будирование национальных вопросов, являлось формой давления и борьбы за экономические интересы. Однако постепенно восприятие межэтнических отношений в общественном сознании достигло такого уровня, что любой конфликт мог быть переведен в плоскость этнического. А если речь шла об экономических или властных отношениях, то и этнополитического конфликта. Отмечу, что были определенные отличия в оценке так называемой «этнической преступности» со стороны ГУВД (милиции) и краевой прокуратуры. В публичных выступлениях представителей ГУВД Краснодарского края (да и во внутренних документах) упор делался на формировании организованных преступных группировок по этническому принципу, что будоражило и без того неспокойное общественное мнение.

Функционирование силовых структур в условиях изменения...

Прокуратура, первоначально разделяя такую позицию, со временем внесла существенные коррективы в понимание этой проблемы. Прокурор Краснодарского края В.Г. Ульянов в ходе одного из интервью выступил с категорическим отрицанием идеи существования «этнической преступности»: «Хочу отметить, что мнение о том, будто криминал, организуется по национальному признаку, на мой взгляд, несколько устарело. Неужели вы думаете, что если ОПГ дагестанская или адыгейская, то там все исключительно дагестанцы или адыгейцы». Активное использование этнонимов для обозначения преступных групп со стороны правоохранительных органов имеет под собой совсем иные основания. «Это название дается по лидеру ОПГ, или по месту дислокации группы, зоны проживания, или по основному источнику дохода, где преступники организуют свой «бизнес». То есть в группировке могут быть все русские и при этом проживать в Дагестане. В данной ситуации ни в коем случае нельзя говорить, что ОПГ формируется только на основе национальной принадлежности». В криминальные сообщества людей объединяют преступные цели, но никак не этничность. Поэтому, как отметил прокурор, «борьба с преступностью, с теми или иными группировками не затрагивает национальный вопрос»¹⁰.

Таким образом, в оценке миграционной ситуации ГУВД Краснодарского края стояло на позициях региональной власти, которые разделялись большинством личного состава органов внутренних дел Краснодарского края, представляющих коренное население. Данная позиция подкреплялась и частью позитивных, прагматических и идеологических интересов. Это касалось как местной политической элиты, которая понимала что без акцентирования внимания на миграционном вопросе повторное переизбрание практически невозможно, так и руководства ГУВД Краснодарского края, которому было удобно объяснять ряд нерешенных проблем (в том числе и в сфере правопорядка) деятельностью мигрантов. Это позволяло расширять штат сотрудников и получать дополнительное финансирование. Что касается чиновников и служащих (включая работников МВД, паспортно-визовой, миграционной служб и т.д.) районного уровня, то имели место факты коррупции, связанные с позитивными, прагматическими интересами (максимизация доходов, связанных с занимаемой должностью). Выступая на совещании 30 января 2002 г. с докладом «О состоянии и мерах преодоления избыточной миграции и стабилизации межнациональных отношений в Краснодарском крае», заместитель главы администрации Л.В. Баклицкий отметил: «Отдельно хотел бы сказать о работе комиссий миграционного контроля. Казалось бы, они должны поставить заслон нерегулируемой мигра-

Раздел III. Механизмы регулирования и саморегулирования...

ции в край, а на деле иногда получается наоборот. Нередко комиссии без законных оснований предоставляют право на регистрацию иностранным гражданам, особенно из Закавказья, обрастают коррупцией, их работа приобретает негативный общественный резонанс. Это касается комиссий миграционного контроля в городах Сочи, Новороссийске, Славянске-на-Кубани, Кавказском, Отрадненском, Кореновском, Туапсинском, Крыловском и других районах». Анализируя работу паспортно-визовой службы затронул наиболее проблемные: «В ходе проверок, были вскрыты серьезные недостатки в работе паспортно-визовых служб в городах Анапе, Сочи, Новороссийске, Отрадненском и Кавказском районах. После проведенных в 2001 г. проверок начальники паспортно-визовых служб Новороссийска и Кавказского района подали в отставку и были уволены. В соответствии с приговором судебной коллегии по уголовным делам Краснодарского края от 17 июня 1999 г. бывший начальник паспортно-визовой службы Отрадненского района за злоупотребление должностными полномочиями, получение взяток был осужден и приговорен к лишению свободы сроком на четыре года»¹¹. Таким образом, неурегулированный правовой статус мигрантов и вынужденных переселенцев, вызванный противоречиями между федеральным и краевым законодательством, позволял ряду сотрудников государственных органов реализовывать свои позитивные прагматические интересы.

Одной из важнейших задач правоохранительных органов Краснодарского края были и остаются усилия по координации действий и выработке консолидированной стратегии. Это стало возможным только после смены политического руководства РФ. Исходя из анализа целого ряда документов, в частности «Постановления координационного совещания руководителей правоохранительных органов Краснодарского края» от 27 декабря 2001 г. (протокол № 3)¹², такая консолидированная стратегия была выработана.

Перед правоохранительными органами была поставлена конкретная цель – обеспечить политическую стабильность в регионе. Для этого необходимо решить следующие задачи:

- недопущение распространения идей исламского экстремизма;
- «сохранение этнического и конфессионального баланса интересов»¹³;
- приведение в соответствие с действующим законодательством РФ учредительных документов общественных и религиозных объединений;
- усиление надзора органов прокуратуры за расследованием уголовных дел о преступлениях, совершённых на религиозной или этнической основе.

Функционирование силовых структур в условиях изменения...

В качестве основных методов работы были определены следующие: проведение специальных, комплексных проверок и оперативных мероприятий. Например, «в 2001 г. согласно совместному (УФСНП, УФСБ, ГУВД, ЮРУБОП и Краснодарской таможни) плану “Преступное сообщество чеченское”, проведено 134 проверки хозяйствующих субъектов различных форм собственности, руководителями и владельцами которых являлись лица чеченской национальности»¹⁴. Кроме этого предписывалось:

- «осуществление адресной работы с конкретными организациями, группами и отдельными лицами, поддерживающими идеи исламского экстремизма»¹⁵;
- налаживание обмена оперативной информацией как между силовыми структурами внутри РФ¹⁶, так и осуществление сотрудничества по линии «Интерпола» с зарубежными коллегами;
- всесторонний мониторинг миграционных, этнических и религиозных процессов в крае;
- сбор информации;
- сотрудничество с «органами государственной, исполнительной власти и местного самоуправления, с населением, пользующимися авторитетом, политическими, религиозными и общественными деятелями, общественными и религиозными объединениями»¹⁷;
- «использование возможностей СМИ для пропаганды мира и согласия в крае на основе положительных примеров этнического и конфессионального баланса интересов»¹⁸.

Предполагалось, что финансирование будет осуществляться как из федерального, так и регионального бюджетов. Некоторые программы общественной организации «Кубанское казачье войско» получили финансовую поддержку из краевого бюджета.

Неопределенный правовой статус мигрантов и вынужденных переселенцев, объективные экономические трудности, связанные с легальным трудоустройством, религиозно-культурные особенности, мешавшие адаптации переселенцев, привели к тому, что многие из них были вовлечены в сферу влияния криминальных сетей и этнических преступных группировок. Борьба с этой угрозой требовала уже координации усилий правоохранительных служб на международном, федеральном и региональном уровнях. И такая работа велась на протяжении всего исследуемого периода.

10-13 октября 1994 г. в Сочи проходила совместная встреча экспертов МВД России (при участии сотрудников ФСК РФ) и МВД Турецкой Республики, организованная в рамках заключенных ранее соглашений двух ведомств. Подписанный 12 октября 1994 г.

Раздел III. Механизмы регулирования и саморегулирования...

итоговый договор предусматривал: 1) обмен оперативной информацией; 2) отслеживание главарей преступных групп на территории двух стран и своевременное информирование об их нахождении; 3) выявление предпринимательских и туристических фирм, занимающихся противоправным бизнесом (оружие, наркотики, проституция); пресечение преступлений, направленных против личности (особенно торговля «живым товаром»).

«Ответный визит представителей ГУВД Краснодарского края в Стамбул состоялся 28-29 июня 1995 года. Российскую делегацию возглавлял начальник отдела по борьбе с международной преступностью («Интерпол») полковник милиции Губенко В.И., который провел серию встреч с заместителем начальника Управления безопасности Стамбула М. Шанером. По результатам визита 29 июня 1995 г. был подписан Протокол о сотрудничестве, расширявший сферы взаимодействия служб безопасности двух стран. Следующая встреча представителей Российской Федерации и Турецкой Республики проходила 10-13 октября 1995 г. в Краснодаре. На этот раз встречались представители подразделений служб безопасности Стамбула и Краснодара. Турецкую сторону представлял начальник Управления безопасности Стамбула Н. Мензир, российскую – заместитель начальника ГУВД Краснодарского края Е.В. Полунин. Встреча завершилась подписанием совместного протокола, который предусматривал координацию действий двух служб по борьбе с организованной преступностью в Средиземноморско-Черноморском регионе. Были уточнены технические детали сотрудничества по линии ранее подписанных документов (имеется в виду Сочинский протокол 1994 г.)»¹⁹.

Активизация сотрудничества по линии Министерств внутренних дел была связана с усилением криминогенной обстановки в регионе, особенно в сфере незаконного оборота наркотических веществ.

Согласно «Справке о состоянии борьбы с незаконным оборотом наркотиков в Краснодарском крае в 2001 году», «количество только зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических веществ в период с 1993 (3925 преступлений) по 2000 г. (11656 преступлений) выросло почти в три раза. На 1 мая 2001 г. было зарегистрировано 3789 преступлений, связанных с наркотиками, или каждое 7-е от иных противоправных действий»²⁰.

Территория Краснодарского края стала транзитной для поставок наркотиков из Кыргызстана, Казахстана, Армении, Грузии в сопредельные регионы России, страны СНГ и Европы.

По данным правоохранительных органов Краснодарского края, «доминирующее положение в распространении наркотиков в крае занимали цыганские (43), армянские (19), таджикские (12),

Функционирование силовых структур в условиях изменения...

грузинские и греческие (каждая по 7) наркогруппировки общим количеством 88. Наиболее активно их преступная деятельность в Краснодаре, Новороссийске, Армавире, Анапе, Тимашевске, Тихорецке, Кропоткине, Темрюке, Гулькевичах, Славянске»²¹. Проблема наркомании представляла и представляет серьезную угрозу для безопасности жителей Краснодарского края. Однако благодаря координации действий всех заинтересованных сторон (МВД, ФСБ, спецслужб СНГ, Турции) удалось добиться определенных успехов.

В апреле 2001 г. Законодательным собранием Краснодарского края в первом чтении была принята «Программа комплексных мер противодействия распространению наркотиков на территории Краснодарского края на 2001-2003 гг.». Надо отметить, что благодаря действиям сотрудников Управление по борьбе с незаконным оборотом наркотиков (УБНОН) ГУВД края в сотрудничестве с их коллегами из стран СНГ «удалось создать определенный заслон доставке в Краснодарский край «тяжелых» наркотических веществ, что показывает цена на 1 г. героина. В Краснодаре она составляла около 1000-1200 рублей, в то время как в Ульяновске – 120 рублей, Самаре – 180 рублей, Казани – 300 рублей. В Санкт-Петербурге и Москве стоимость наркотика была еще ниже еще ниже. Результата удалось добиться путем проведения совместных комплексных операций «Моджахед», «Допинг», «Доза», «Канал»²².

В меньшем объеме, чем борьба с наркотиками, осуществлялось сотрудничество при осуществлении контртеррористической деятельности. В основном в виде обмена информацией. Так, согласно «Справке Отдела по борьбе с международной преступностью (ОБМП) УВД Краснодарского края» от 23 мая 1996 года, «в период с 16.01.1996 по 19.01.1996, в период захвата террористами пассажирского судна «Аврасия» происходил активный обмен информацией с турецкими службами в Стамбуле и Трабзоне. Именно из этих источников стало известно об участии в акции чеченских боевиков Ш. Басаева, участвовавших ранее в боевых действиях в Абхазии и Чечне». В документе отмечалось, что «своевременная и бесперебойная связь между правоохранительными органами Турции и Штабом МВД РФ позволила в полном объеме быть осведомленными о происходящем и своевременно принимать заинтересованным ведомствам правильные решения»²³.

К сожалению, координация действий в настоящее время осуществляется только между специальными службами Краснодарского края, других регионов России и иногда с некоторыми странами СНГ. Контакты с зарубежными партнерами эпизодически и пока малоэффективны. В определенной мере данная сфера сотрудничества тормозится из-за позиции некоторых турецких спецслужб,

Раздел III. Механизмы регулирования и саморегулирования...

Таблица 2

Характеристики взаимодействий ГУВД Краснодарского края с системными элементами в рамках миграционных проблем

Область	Кооперативное взаимодействие	Некооперативное взаимодействие
Социально-экономическая	Принятие решений, учитывающих цели всех заинтересованных сторон, и выработка механизмов, гарантирующих принятие таких решений.	Принятие решений, игнорирующих интересы некоторых сторон либо наносящих им ущерб.
Политическая	Использование политических инструментов для создания и поддержания механизмов, гарантирующих взаимовыгодный характер взаимодействия.	Использование принудительных методов, отстаивания экономических интересов политическими средствами (давление, сила, использование административного ресурса).
Экономико-политическая	Использование ресурсного потенциала сторон в повышение их совокупного благосостояния.	Использование ресурсного потенциала в интересах одной/некоторых из них.
Экономическая компенсация политических действий	Минимизация и компенсация потерь, понесенных одним субъектом в результате деятельности других.	Игнорирование негативных побочных последствий взаимодействия для некоторых сторон, причинение экономического ущерба в ходе политических действий.

которые часто действуют по инерции, исходя из логики «холодной войны». Стоит отметить, что геополитическая сфера отношений является конфликтной и по характеру взаимодействия – некооперативной. Тогда как экономические отношения практически невозможны без взаимных уступок, согласований и кооперации. Характер взаимоотношений между системными субъектами в рамках миграционных проблем представлен в Таблице 2.

Учитывая интересы системных субъектов (см. Таблицу 1), характер взаимодействия между ними можно характеризовать следующим образом: 1) взаимодействие по линии государственные органы федерального уровня – мигранты (федеральная миграционная политика). Оценивается как в целом кооперативное, основанное на международных правовых документах и Конституции РФ; 2) по линии государственные федеральные органы – государственные органы краевого уровня. Взаимодействия некооперативного характера, когда тяжесть экономического решения вопросов мигрантов

Функционирование силовых структур в условиях изменения...

перекладываются на местные бюджеты в ущерб местному населению (т.е. федеральная политика экономически не подкреплена ресурсами). Как следствие, напряженность по линии взаимодействия государственные органы краевого уровня – мигранты, их организации и диаспоры. И по линии мигранты, их организации и диаспоры – местное население и их организации. Причины объективные: экономический кризис 1990-х годов. Недостаток ресурсов как федерального, так и краевого уровней. Как следствие экономическое напряжение, низкие темпы интеграции мигрантов в принимающее общество (экономическая адаптация). Некооперативный характер взаимодействия усиливался этническим и религиозными особенностями, как мигрантов, так и принимающей среды.

Таким образом, противоречия между федеральным центром и краевыми властями по миграционным проблемам, противоречия между краевыми властями и мигрантами, между мигрантами их организациями и диаспорами и местным населением нашли отражение в деятельности краевых органов МВД. Реальная оперативная обстановка, рост преступности среди мигрантов, появление новых вызовов безопасности, связанных с неблагоприятной миграционной ситуацией, вынуждали местные органы МВД в 1990-е гг. действовать с позиций жесткого реализма в условиях некооперативного взаимодействия.

Однако действия сотрудников правоохранительной системы в отношении мигрантов подвергались серьезным ограничениям и регулированию. Политическая стабильность, сохранение мира, посреднические услуги при урегулировании конфликтных ситуаций, либеральная экономическая система (включающая свободное передвижение рабочей силы, капиталов, услуг) – все это имеет отношение к сфере глобальных общественных благ²⁴. Они востребованы на политических рынках разных уровней и являются предметом конкуренции между акторами: кто лучше сможет их гарантировать населению. Именно поэтому акторы более высоких политических рынков налагают ограничение на системных субъектов более низкого уровня (см. Таблицу 3).

Миграционные процессы, по существу являются неотъемлемой частью процесса глобализации. Они объективны по своей природе. Без них не возможно свободное движение капиталов, рабочей силы, услуг, инвестиций и т.д. Диаспоры и мигранты являются своего рода «авангардом» в процессе межцивилизационной конвергенции²⁵. Поэтому заказчиками определенного типа миграционной политики являются транснациональные бизнес-сообщества, поддерживаемые политической элитой развитых стран мира, которые являются лидерами глобализации. К ним примыкают политические элиты и де-

Раздел III. Механизмы регулирования и саморегулирования...

Таблица 3
Уровни политических рынков

Уровень политических рынков	Субъекты принятия политических решений	Субъекты, предъявляющие спрос на миграционную политику	Субъекты, решения которых налагают ограничения на доступные наборы мероприятий миграционной политики
Местный (Краснодарский край)	Исполнительные и законодательные органы Краснодарского края	1. Избиратели Краснодарского края. 2. Местные политические и бизнес элиты. 3. Общественные организации местного и неместного населения.	Исполнительные и законодательные органы РФ.
Федеральный (РФ)	Исполнительные и законодательные органы РФ	1. Избиратели РФ. 2. Политические и бизнес элиты РФ. 3. НПО (национальные и международные). 4. ТНК РФ.	1. Руководящие органы региональных интеграционных объединений (РИО). 2. Международные гуманитарные организации.
Международный (региональный)	Международные гуманитарные организации.	1. Правительства национальных государств. 2. Избиратели государств региона. 3. ТНК стран региона и компании стран. 4. НПО (национальные и международные).	1. Исполнительные и законодательные органы РФ. 2. Исполнительные и законодательные органы Краснодарского края. 3. Избиратели Краснодарского края. 4. Местные политические и бизнес элиты. 5. Общественные организации местного и неместного населения.

Функционирование силовых структур в условиях изменения...

Таблица 3 (продолжение)

Международный (глобальный)	Международные гуманитарные организации	1. Правительства национальных государств. 2. Руководящие органы Региональных интеграционных объединений (РИО). 3. Международные гуманитарные. 4. ТНК. 5. НПО. (национальные и международные).	1. Исполнительные и законодательные органы РФ. 2. Исполнительные и законодательные органы Краснодарского края. 3. Избиратели Краснодарского края. 4. Местные политические и бизнес элиты. 5. Общественные организации местного и неместного населения.
-------------------------------	--	--	--

ловые круги региональных интеграционных объединений. Они проецируют свои интересы в сфере миграционной политики на международные организации, которые моделируют и кодифицируют необходимые стандарты и нормы, определяющие эти процессы в гуманитарной сфере. Россия, признав приоритет международного права в гуманитарной сфере над внутренним законодательством, вынуждена корректировать миграционное законодательство и политику как на федеральном, так и на местном уровне.

Миграционные процессы сложны и конфликтны. Особенно если речь идет о взаимодействии гетерогенных сегментов. Их конфликтность, а также сохраняющиеся связи со странами, которые близки переселенцам в культурном, религиозном или экономическом плане, создает соблазн для этих стран использовать диаспоры и мигрантов в своих интересах. Таким образом, свой социально-политический заказ в миграционную политику вносят «отпускающие государства». Но в настоящее время роль классических акторов в лице государств сокращается, и уже готовую диаспоральную сеть могут использовать некоторые организации, фонды и дисперсные, сетевые акторы, в том числе и радикального или криминального характера. Появляется новый игрок на миграционном поле со своими интересами в этой сфере, имеющий к тому же ресурсный потенциал, который превышает бюджеты и ресурсные возможности отдельных стран. Дилемма для федеральных и местных элит РФ заключается в том, чтобы, с одной стороны, не оказаться в от-

Раздел III. Механизмы регулирования и саморегулирования...

рые от глобальных, экономических и политических процессов, а с другой – обеспечить безопасность населению. Задача правоохранительных органов, которые входят в более широкую систему, обеспечение безопасности на личном и общественном уровне.

Примечания

- ¹ Этнодемографические изменения в Краснодарском крае в 1989 – 2000 гг. // *Петров В.Н., В.Н. Ракачев В.Н., Черный В.И.* Мигранты в Краснодарском крае: проблемы адаптации и формирования толерантной культуры. Краснодар, 2002. С. 59-83.
- ² Это границы всех типов: «старая» государственная граница с Турцией, этаже граница с блоком НАТО, межкультурная граница между христианством и исламом, «новые» границы со странами СНГ (Украиной и Грузией).
- ³ *Афонцев С.* От борьбы к рынку: экономическая кооперативность в мирополитическом взаимодействии // *Международные процессы.* 2003. № 2. С. 19.
- ⁴ Прозрачные границы. Безопасность и трансграничное сотрудничество в зоне новых пограничных территорий России / Под ред. Л.В. Вардомского и С.В. Голунова. Москва – Волгоград, 2002. С. 13.
- ⁵ *Магомедов А.К.* Мистерия регионализма. Научные доклады № 114. М., 2000. С. 31-32.
- ⁶ Прозрачные границы. С. 30.
- ⁷ *Косолапов Н.А.* Конфликт как инструмент стабильности в международных отношениях // *Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А.* Очерки теории и политического анализа международных отношений М., 2002. С. 172-189.
- ⁸ См. подробнее: *Петров В.Н., Ракачев В.Н., Ракачева Я.В., Черный В.Н.* Мигранты в Краснодарском крае: проблемы адаптации и формирование толерантной культуры. Глава. 3. С. 157-192.
- ⁹ Доклад начальника ОМО УООП МОБ ГУВД Краснодарского края полковника милиции И. Мозгового «О состоянии межнациональных отношений на территории Краснодарского края»; «Основные направления государственной национальной политики в Краснодарском крае. (Проект). Документы находятся в архиве у автора.
- ¹⁰ Кубань сегодня. 2003. 17 июня. (www.xepo.sova.ru/213716E/24C2CF7/#3).
- ¹¹ Текст доклада Л.В. Баклицкого находится в архиве у автора.
- ¹² «Постановления координационного совещания руководителей правоохранительных органов Краснодарского края» от 27 декабря 2001 года. Протокол № 3.
- ¹³ «Постановления координационного совещания руководителей правоохранительных органов Краснодарского края» от 27 декабря 2001 года. Протокол № 3. С. 4.
- ¹⁴ «Постановления координационного совещания руководителей правоохранительных органов Краснодарского края» от 27 декабря 2001 года. Протокол № 3.
- ¹⁵ Там же.

Функционирование силовых структур в условиях изменения...

¹⁶ Там же.

¹⁷ «Постановления координационного совещания руководителей правоохранительных органов Краснодарского края» от 27 декабря 2001 года. Протокол № 3. С. 4.

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Ващенко А.В.* Формирование новой архитектуры региональной безопасности в 90-е годы (на примере Черноморско-Каспийского региона) // Проблемы региональной безопасности и сотрудничества как фактор развития гражданского общества. Черноморско-Каспийский регион. М., 2002. С.28-30.

²⁰ *Точка В.Е.* Справка о состоянии борьбы с незаконным оборотом наркотиков в Краснодарском крае. 3 мая 2001 года.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ *Прибылов А.Я.* Справка о проделанной работе ОБМП УВД края в период захвата террористами турецкого судна «Аврасия». 23 мая 1996 г.

²⁴ *Афонцев С.* Указ. соч. С. 19.

²⁵ *Ващенко А.В.* Принципы преодоления образа врага в системе межцивилизационной конвергенции // От образа врага к образу партнера. Материалы международного симпозиума «От образа врага к образу партнера через культуру мира и диалога», проведенного в рамках международной конференции «История холодной войны» 7-11 июня 2000 года. М., 2001. С. 102-104.

Глава 4. Международные институты и этнополитическая безопасность (на примере Северного Кавказа)

Проблема урегулирования международных конфликтов не нова. С крушением биполярной системы международных отношений возник вопрос о месте и роли международных институтов в урегулировании так называемых «новых вызовов безопасности» – внутренних этнических конфликтов. В центре этой проблемы лежит ряд вопросов, среди которых можно выделить несколько ключевых, вызывающих дискуссию в исследовательских кругах:

1) насколько международные организации подготовлены к урегулированию внутренних этнических конфликтов;

2) как далеко может простирается компетенция международных миротворческих и гуманитарных организаций во внутренних конфликтах, не нарушая принципа суверенитета и территориальной целостности;

3) насколько эффективна деятельность международных организаций и насколько возможно ее сочетание с целями самого государства по ликвидации конфликта и его последствий.

Обострение полемики среди исследователей по данным вопросам связано с изменением как места международных институтов в мировой политике, так и отношения к ним. Если раньше спор реалистов и либералов (а затем неореалистов и неолибералов) в основном вращался вокруг вопроса, являются ли международные институты самостоятельными акторами международных отношений, то с 1990-х гг. все больше затрагивается тема о необходимости самого существования международных организаций. Причиной тому являлась неудачная практика применения механизмов международных институтов при урегулировании внутренних конфликтов, или прямое игнорирование этих институтов. Цели и задачи как Организации Объединенных Наций, так и Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (до 1995 г. – Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, СБСЕ) не подкрепляются жизнеспособными механизмами. Нужно отметить, что этнические конфликты не новое явление, однако в последнее время они из разряда второстепенных выходят на центральное место. Парадокс заключается в том, что раньше они разрешались либо самим государством, на территории которого происходили, либо третьей стороной в лице одного или коалиции государств. Привлечение международных инсти-

Международные институты и этнополитическая безопасность

тутов (за небольшим исключением) в основном было связано с оказанием гуманитарной помощи. Такая ситуация не вызывала большого нарекания среди исследователей. С крушением биполярной системы международные институты в поисках своей ниши заявили об ответственности и готовности реагировать на новые вызовы. Появился ряд новых механизмов в структуре СБСЕ, инструментов по раннему предупреждению этнических кризисов, произошла ее институционализация, интенсивно шла ревизия самих институтов и выработка новых стратегий. Это осложнялось подрывом доверия к самим международным организациям как гарантам международного мира и безопасности, укоренением унилатерализма во внешней политики ряда государств. Ощущался недостаток ресурсов в самих организациях, деятельности которых стал присущ затяжной характер принятия решений. Отсутствие действующих стратегий урегулирования этнических конфликтов, необходимость быстрой адаптации привели к трансформации уже существующих механизмов. Произошел пересмотр концепции гуманитарной помощи, расширение ее понятий. Она становится составной частью инструмента постконфликтного миростроительства. Заявляется, что предупреждение, разрешение и урегулирование конфликтов зависит от хорошо функционирующих демократических институтов, уважения прав человека, национальных меньшинств, развитой экономики и т.д. Появляется понятие «гуманитарное измерение безопасности». Это спасло международные организации от краха, так как последствия конфликта становятся огромными проблемами, справиться с которыми государства сами порой не способны. Возрастает роль гуманитарных организаций, агентств ООН, занимающихся оказанием гуманитарной помощью, социальной, экономической и политической реконструкцией общества. События 11 сентября 2001 г. в США внесли некоторые коррективы в направление деятельности международных институтов, пересосредоточению их внимания на борьбу с международным терроризмом. Такое быстрое изменение среды международных отношений приводит к половинчатости, недоработке концепций поддержания мира и безопасности.

Показательным примером вовлеченности международных организаций в урегулирование внутреннего этнического конфликта является вооруженный конфликт на Северном Кавказе, начавшийся как выражение сепаратистских стремлений отдельных национальных сил и переросший затем в военные действия незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики против федеральной власти. Северный Кавказ – наиболее взрывоопасный регион Российской Федерации уже на протяжении ряда веков, так как является полиэтническим образованием. Территория

Раздел III. Механизмы регулирования и саморегулирования...

объединяет 10 самостоятельных субъектов РФ: Ставропольский и, Краснодарский края, Ростовскую область, Адыгею, Дагестан, Ингушетию, Чеченскую Республику, Кабардино-Балкарию, Карачаево-Черкесию. Наибольшую озабоченность вызывают ситуации, сложившиеся в приграничных областях вышеперечисленных территорий. Угрозы возникают чаще из-за религиозных, территориальных споров между самими республиками, либо внутри их между разными этническими обществами. Это несет опасность целостности России и создает трудности при их урегулировании.

С начала 1990-х гг. ситуация обостряется в связи с распадом СССР, отсутствием продуманной политики Центра, ростом сепаратистских настроений, нерешенностью территориальных вопросов, последствиями реабилитации депортированных народов. Первый взрыв произошел в связи с осетино-ингушским конфликтом из-за Пригородного района в 1992 году. Через два года федеральные власти начинают военную операцию по восстановлению порядка в Чечне, которая переходит в продолжительный вооруженный конфликт, описанный в международном гуманитарном праве как «вооруженный конфликт немеждународного характера». Основной причиной чеченского конфликта 1994-1996 гг. являлось стремление ряда чеченских лидеров к отделению от России. Однако за этим скрывались экономические причины (не только представителей Чечни, но и Центра), высокая роль религиозного фактора, неудачная политика Москвы, а также конфликт внутри самого чеченского общества за власть и распределение богатств.

Условно деятельность международных организаций на Северном Кавказе можно описать в двух областях: деятельность Группы содействия (ГС) ОБСЕ по содействию урегулированию чеченского конфликта и гуманитарная помощь агентств ООН, Международного Комитета Красного Креста и ряда международных неправительственных организаций. Опуская причины привлечения ГС ОБСЕ на территорию конфликта, постараемся проследить основные результаты ее деятельности.

Сообщение о возможном участии ОБСЕ в урегулировании конфликта было озвучено в прессе Генеральным секретарем организации 12 января 1995 года, который выразил обеспокоенность в связи с угрозой его разрастания, случаями нарушения прав человека и принципов международного права. Инициатива была проявлена западными странами, предложившими использовать механизм человеческого измерения. Возможно, это осталось бы лишь инициативой (так как предыдущие усилия ОБСЕ направить миссии в Турцию и Узбекистан в связи с нарушением прав человека не были успешными), если бы не нажим на российское правительство со стороны Европейского Союза,

Международные институты и этнополитическая безопасность

Совета Европы и отдельных государств по дипломатическим каналам. В результате на Северный Кавказ было отправлено нескольких миссий ОБСЕ по фактообнаружению (26-29 января, 28 февраля-8 марта, 20-27 марта 1995 г.), в ходе которых было достигнуто соглашение о дислокации ГС ОБСЕ в Грозном с 26 апреля 1995 года.

В этой ситуации Россия потребовала значительные ограничения Группы содействия и получила их: отстранение от урегулирования конфликта в качестве самостоятельного института, ограничение свободы передвижения путем контроля над перемещением международных сотрудников и обеспечение безопасности сотрудниками ГУИН (Главное управление исполнения наказаний Минюста РФ, сейчас – Федеральная служба исполнения наказаний). Даже было видоизменено название миссии. В документах ОБСЕ такой инструмент носит название «долгосрочная миссия», однако впервые за историю существования организации имеющийся механизм стал именоваться по-новому – «Группа содействия». Этим подчеркивалось то обстоятельство, что российские власти понимали деятельность «третьей» стороны как проявляемую ею помощь, содействие в урегулировании конфликта, а не как самостоятельное участие в его разрешении. В тоже время с самого начала у сотрудников ОБСЕ имелось свое видение ее роли в разрешении конфликта. Специальный представитель действующего председателя И. Гиармати считал, что организация должна не только предлагать опыт и поддержку, присутствовать в регионе, но и «быть за столом переговоров», обеспечивая гарантии достигнутых договоренностей. Именно такой подход и станет точкой преткновения между пониманием роли ОБСЕ между Западом и российскими властями, особенно военными структурами. Такое широкое толкование вовлечения ОБСЕ противоречило интересам России как суверенного государства и не могло быть принято. «Разночтения мандата» Группы содействия негативно скажутся на оценке ее деятельности и попытках влияния на ситуацию.

Группа состояла из шести человек, число которых в случае необходимости могло быть увеличено до двенадцати. Согласно основным документам, миротворческая деятельность данной организации может начинаться только после прекращения огня в зоне конфликта. В Чеченской Республике такое условие появилось после запрета Государственной Думой 12 апреля 1995 г. использовать вооруженные силы РФ. Однако практически вся деятельность международных представителей проходила в условиях ведения боевых действий. Мандат группы, принятый на 16-м пленарном заседании Постоянного совета ОБСЕ, включал следующие направления и цели деятельности:

1. Способствовать уважению прав человека и основных свобод, устанавливать факты относительно их нарушений; способствовать

Раздел III. Механизмы регулирования и саморегулирования...

развитию демократических институтов и процессов, включая восстановление местных органов власти; помощь в подготовке возможно нового конституционного соглашения, в проведении и контроле над выборами.

2. Облегчать поставку гуманитарной помощи международными и неправительственными организациями жертвам кризиса, где бы они ни находились.

3. Обеспечивать помощь федеральным властям и международным организациям в возвращении вынужденных переселенцев на прежнее место жительства.

4. Способствовать мирному решению кризиса в соответствии с принципом территориальной целостности Российской Федерации и нормами ОБСЕ. Содействовать установлению диалога, организации «круглых столов» и переговоров с целью прекращения огня и устранения причин напряжения.

5. Поддерживать создание механизмов, обеспечивающих верховенство закона, общественный порядок и безопасность¹.

Уже к 1995 г. ОБСЕ, несмотря на заявления действующего председателя, институционально была не готова к участию в урегулировании конфликта². Существующий Центр по предотвращению конфликтов в Вене еще не занял прочного места в системе европейской безопасности. Механизм мирного урегулирования споров не предусматривает принятия обязательных решений, под его действие не подпадает рассмотрение вопросов, касающихся территориальной целостности, суверенитета и национальной обороны, то есть самых «горячих» вопросов. Берлинский механизм для консультаций в отношении чрезвычайных ситуаций, в котором впервые была оговорена возможность вмешательства во внутренний конфликт (при условии, что кризис представляет угрозу безопасности другим государствам) носит лишь рекомендательный характер. Не было дано и четкого определения термина «чрезвычайная ситуация». Многие исследователи указывали на необходимость своеобразной «инвентаризации», унификации данных механизмов для повышения их эффективности³. Несмотря на существующую, хорошо разработанную политическую теорию урегулирования конфликтов, на практике было мало жизнеспособных, безотказно действующих стратегий, не только урегулирования, но и просто ведения переговоров в ситуациях внутренних конфликтов. Можно сказать, что в начале своей деятельности в Чечне Группа содействия находилась в кризисном состоянии адаптации существующих механизмов к изменившимся условиям.

Отправной точкой в содействии Группы федеральным и местным властям можно считать доклад последней миссии ОБСЕ в Рос-

Международные институты и этнополитическая безопасность

сии от 27 марта 1995 года. Тогда было сообщено о невозможности прекращения военных действий на территории Чечни (вплоть до ввода российских войск во все районы республики) и вероятности распространения конфликта на соседние регионы. И. Гиармати противоречил себе, когда заявил о необходимости начать политический процесс, направленный на прекращение военных действий, и о невозможности политического урегулирования конфликта. При этом он отметил, что ключевым моментом является вопрос с кем из чеченских лидеров вести переговоры.

Результатом деятельности миссий стала предложенная схема разрядки, состоящая из трех пунктов:

- 1) прекращение всех военных действий без оговорок;
- 2) начало ведения параллельных переговоров, направленных на формальное прекращение огня, учреждение уполномоченного политического органа, ответственного за процесс политического урегулирования кризиса;
- 3) проведение свободных, демократических выборов Чеченского парламента и правительства, с которыми в дальнейшем будет заключено соглашение с федеральной властью о статусе Чеченской Республики⁴.

Следует выделить два периода деятельности Группы содействия: с 26 апреля 1995 по декабрь 1998 г. и с 15 июня 2001 по 31 декабря 2002 года. В период 1998-2001 гг. ГС ОБСЕ, как и многие международные организации, покинула регион в связи с ухудшением ситуации безопасности. Россия дважды соглашалась на присутствие миссии в республике. Изменялись обстоятельства, внешнеполитический курс правительства РФ, менялись причины и условия, при которых достигалось согласие, а также основные направления деятельности ОБСЕ. Первый период характеризуется наибольшей вовлеченностью в политическое урегулирование конфликта и меньшим давлением со стороны международного сообщества: осуществление так называемой «политики взывания к совести», то есть апелляция к общественному мнению, диссидентам, поддержка правозащитных организаций, действующих на территории России, а также создание новых с целью распространения информации о нарушении прав человека. Правозащитные организации использовались в тот период как «марионетки», исполняющие информационную обработку общественного мнения. Основная цель ГС ОБСЕ реализовывалась через снятие остроты проблемы с помощью паллиативных мер и превращение его в тлеющий конфликтный процесс политических дебатов по поводу формирования взаимоприемлемых стратегий дальнейшего урегулирования, обеспечение прав человека, содействие переговорным процессам.

Раздел III. Механизмы регулирования и саморегулирования...

В тоже время в 1994-1995 гг. у федеральных властей не было ни тактики, ни стратегии решения чеченского конфликта. Если добавить к этому очевидную некомпетентность ряда представителей высшего командного состава российской армии, общий кризис в стране, отсутствие опыта ведения переговоров в связи с ухудшением ситуации в условиях внутреннего конфликта, неприятие многими политиками самого факта вмешательства международных организаций во внутреннее дело России, то мы получим тот фон, на котором складывались основные черты деятельности международных организаций.

Сотрудники ГС ОБСЕ неоднократно предлагали свои услуги по урегулированию кризиса. В мае 1995 г. по инициативе действующего председателя ОБСЕ Л. Ковакса был задействован механизм «добрых услуг» с целью установления прямого контакта между сторонами конфликта. Однако ничего существенного, кроме как обозначения двух пунктов, для дальнейшего ведения переговоров (прекращение огня, политическое урегулирование) не было сделано. Участники сослались на отсутствие представителей военных структур для обеспечения первого пункта соглашения – прекращения огня⁵.

Переговоры о перемирии возобновились лишь через месяц после трагических событий в Буденновске 14-20 июня 1995 года. Было заключено соглашение о прекращении военных действий, взаимном освобождении всех задержанных, прекращении всех террористических актов и саботажа, разоружении и поэтапном выводе войск. Председательствовал на заседаниях глава Группы содействия С. Мезарош. Согласно решению об установлении Специальной комиссии по контролю над выполнением соглашения, в нее вошли представители всех сторон и персонал ГС. Соглашение так и не было реализовано на практике. Трудности, нежелание, противодействия обеих сторон поставили результаты деятельности Группы содействия ОБСЕ в сложную, тупиковую ситуацию, а затем и вовсе были отвергнуты. Причем каждая сторона обвиняла в его срыве другую. ГС не могла осуществить роль гаранта выполнения соглашений

Основная проблема при содействии Группы властям в проведении переговоров заключалась в том, что стороны неодинаково видели суть противоречий, а значит, по-разному подходили к вопросу о том, по поводу чего они должны вестись. Если для российских властей главным стоял вопрос о разоружении незаконных формирований на территории субъекта РФ – Чеченской Республики, то для чеченской стороны вопрос был о недопущении вмешательства российской стороны в дела суверенного государства, коим они себя считали⁶.

Последней акцией Группы содействия ОБСЕ в 1995 г. было участие в подписании соглашения 31 июля о прекращении воен-

Международные институты и этнополитическая безопасность

ных действий в Чечне, под которым в качестве гаранта его выполнения поставили подпись сотрудники ГС – С. Мезарош и О.М. Пелен⁷. Однако, уже осенью ситуация в республике ухудшилась. Конфликт вышел за рамки республики, обострилась этническая напряженность в Ингушетии, Северной Осетии, Дагестане. Ситуацию усугубило появление большого числа вынужденных переселенцев. В октябре 1995 г. в результате ракетных атак была повреждена крыша и разбиты окна офиса ОБСЕ. Каждая сторона сваливала этот инцидент друг на друга. Из-за ухудшения состояния безопасности председатель Постоянного совета, посол Мартон Кражнай рекомендовал Действующему председателю временно сократить штат Группы содействия в Грозном и направить в Москву персонального представителя для содействия урегулированию кризиса⁸.

В феврале 1996 г. Б.Н. Ельцин в преддверии выборов официально признал Чечню своей ошибкой, объявил прекращение военных действий и заявил о готовности участвовать в переговорах с Д. Дудаевым. Личностный фактор в чеченском кризисе, по мнению ряда исследователей, был довольно значительным. Предложение Б.Н. Ельцина не могли устраивать в тот момент чеченского лидера, окрыленного рядом удачных кампаний и мнимой «поддержкой» международного сообщества. Ситуацию спасла смерть Дудаева в апреле 1996 года. Вся деятельность Группы содействия в тот период проходила в тесном сотрудничестве с чеченской стороной, из-за отказа российских силовиков и политиков международным сотрудникам участвовать в политическом урегулировании конфликта. Чеченцы же надеялись не столько на то, что «третья» сторона повлияет на Москву в благоприятную для них сторону, сколько на привлечение внимания мировой общественности.

В мае – июне 1996 г. при содействии миссии ОБСЕ были подписаны ряд соглашений, на которых стоят подписи международных сотрудников. Это – Соглашение о полном прекращении огня и боевых действий с 00 часов 1 июня 1996 г. (Т. Гульдман), Протокол по розыску пропавших без вести, освобождению насильственно удерживаемых лиц (З. Кухчака) – 27 мая 1996 г. в Москве; Протокол заседания Комиссий по переговорам о прекращении огня, военных действий и мерах по урегулированию вооруженного конфликта на территории Чеченской Республики (Т. Гульдман) – 10 июня 1996 г. в Назране.

31 августа 1996 г. в дагестанском городе Хасавюрт А. Масхадов и А. Лебедь подписали два итоговых документа переговоров: Совместное заявление и «Принципы определения основ взаимоотношений между РФ и Чеченской Республикой» в присутствии главы ГС ОБСЕ Т. Гульдмана⁹. Относительно хасавюртовских соглашений среди политиков и исследователей до сих пор идут споры¹⁰.

Раздел III. Механизмы регулирования и саморегулирования...

Многие считают, что в Хасавюрте чеченская война закончилась полным политическим и военным поражением России, ее капитуляцией перед чеченскими сепаратистами. И так как это произошло в присутствии международных сотрудников, им вменялось в вину «прочеченская позиция», проигрыш России. Представители военных структур и до того не желавшие сотрудничать с персоналом ГС, в дальнейшем начинают выражаться в самых резких терминах по поводу их деятельности, отказываться от диалога, препятствовать свободному передвижению. Центральная роль Группы содействия в подписании хасавюртовских соглашений более чем надумана: она не была их инициатором, так как все заключения и заявления ОБСЕ по Чечне носили рекомендательный характер; не участвовала в разработке основных пунктов соглашений. Недостаточно обоснована и позиция некоторых исследователей, утверждающих о существовании угрозы признания Чечни суверенным государством со стороны международного сообщества (иначе «разрешением» конфликта занималась бы не ОБСЕ, основным принципом которой является принцип территориальной целостности). Самая большая трудность для ОБСЕ в период чеченских кампаний являлся осторожный баланс между необходимостью оставаться гарантом мира и безопасности в регионе и понимание, что оспаривание нерушимости границ приведет к дезинтеграции и подрыву стабильности.

Хасавюртовские соглашения способствовали «замораживанию» конфликта (*frozen conflict*). Данная стратегия урегулирования появилась в зарубежной историографии в середине 1990-х годов. Однако нельзя делать прямую увязку между этим обстоятельством и обвинением ОБСЕ в планомерном, целенаправленном стремлении «заморозить» конфликт. Как показывает опыт, в последнее время укореняется схема «практика-теория», когда научное обоснование, описание стратегий урегулирования идет уже после свершившегося факта. Группа содействия в силу своих инструментальных слабостей не могла установить «тлеющий» конфликт, хотя он более чем устраивал западные страны.

Хасавюрт де-факто признал независимость Чечни. В 1997 г. налаживаются отношения между российским и чеченским правительствами практически на равноправной основе: банковские соглашения, соглашение по таможенным вопросам, соглашение по совместным действиям против похищения, терроризма, контрабанды, экономических преступлений и др. Кремль сквозь пальцы смотрел на провозглашение А. Масхадовым шариата. Однако Хасавюрт не мог решить и не решил конфликт, так как оставался неурегулированным политический вопрос – определение статуса Чечни. Предоставленная «независимость» не способствовала и нормализа-

Международные институты и этнополитическая безопасность

ции обстановки в регионе, которая резко обострилась в 1997 году: разбой, похищения людей с целью выкупа, наркоторговля, подделка денежных знаков, незаконный вывоз нефти и т.п. И если Россия «позволяла» подобное в Чечне, то расползание таких же угроз за пределы республики грозило взрывом всего Северного Кавказа. Отмечалось обострение этнической напряженности в соседних республиках, участились случаи перестрелок между ингушскими и чеченскими пограничниками, разбоя на дорогах. Ухудшение безопасности в регионе, а также нападения и хищения в офисе ОБСЕ в Грозном привели к эвакуации Группы содействия в Москву (16 декабря 1998 г.). С этого периода и до повторного возвращения в Чечню Группа проводила дистанционное управление программами, осуществляла редкие миссии в регион для оценки ситуации.

Другим направлением деятельности ОБСЕ было содействие – наряду с Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ и другими международными организациями – проведению свободных и демократических выборов. 27 января 1997 г. с ее технической и материальной помощью А. Масхадов был избран президентом Чеченской Республики. Во время выборов глава ГС ОБСЕ Т. Гульдман передал из своих личных средств около 350 тыс. долларов чеченской стороне. Это противоречило законодательству РФ о финансировании проведения выборов в субъектах Российской Федерации, превышало мандат ОБСЕ. Государственная Дума России рекомендовала министру иностранных дел Е.М. Примакову принять решение о прекращении пребывания главы ГС ОБСЕ на территории Чечни и информировать ОБСЕ о причинах применения данной меры.

Второй период деятельности ГС в содействии урегулированию чеченского конфликта, начавшегося осенью 1999 г. как антитеррористическая операция, связан с ее возвращением в Чечню 15 июня 2001 года. Одновременно произошли качественные изменения в самой структуре ОБСЕ. Было заявлено, что права человека не являются больше сугубо внутренним делом суверенных государств. Выдвигалась идея политико-правового обеспечения вмешательства во внутренние дела государств при нарушении ими норм международного гуманитарного права. Это стало лейтмотивом поведения западных стран, требующих возвращения ГС ОБСЕ в Чеченскую Республику. Выражалась обеспокоенность по поводу трех проблем: неразборчивое, непропорциональное использование вооруженных сил; нарушение прав человека и основных норм МГП; возможность распространения конфликта на соседние территории. Методом давления были заявления о возможном приостановлении сотрудничества в области экономики, торговли, политики, замораживании кредитов, приостановлении членства в ряде международных орга-

Раздел III. Механизмы регулирования и саморегулирования...

низаций, вплоть до изоляции РФ от международного сообщества. Вся зарубежная пресса изобиловала сообщениями о «злодеяниях» России на территории Чечни. Происходили демонстративные встречи западных политиков с чеченскими представителями, предоставлялось эфирное время Ш. Басаеву крупнейшей радиостанцией Би-Би-Си. В США был организован «Американский комитет по Чечни», чей предложенный план урегулирования конфликта назывался «Российская агрессия».

В 1999 г. действующий председатель ОБСЕ К. Воллебек заявил о ряде требований к российской стороне: установление стационарных миссий ОБСЕ в Ингушетии и Чечне и согласие России на политическое участие ОБСЕ в урегулировании конфликта¹¹. Такая позиция по чеченскому вопросу вызвала раздражение в России. И если в 1995 г. ОБСЕ могла найти поддержку в российском МИДе, то с 1999 г. в Кремле упрочилась позиция силовиков, которые выступали противниками какого-либо внешнего присутствия. Министр обороны И.Д. Сергеев сделал резкое заявление, указав, что в «нашей стране расширился внутрисоветский терроризм, финансируемый из-за рубежа»¹². Позицию Москвы по поводу места ОБСЕ выразил также министр иностранных дел И.С. Иванов: «Россия не приемлет никаких вариантов политического участия в чеченском вопросе – будь то посредничество или оказание давления каких-либо международных организаций»¹³.

Российское правительство на стамбульском саммите ОБСЕ (18 ноября 1999 г.) согласилось на возвращение международных сотрудников в Чечню: официально с мандатом 1995 года, неофициально – при условии концентрации их внимания только на оказании гуманитарной помощи и содействии возвращению перемещенных лиц. После повторного возвращения ГС ОБСЕ в Чеченскую Республику (ее офис находился в Знаменском – Надтеречный район), основным направлением ее деятельности были программы по социо-психологической реабилитации жертв конфликта, доставка гуманитарной помощи, содействие другим гуманитарным организациям, работающим в Чечне, сбор и анализ информации о текущей ситуации. 31 декабря 2002 г. мандат ГС ОБСЕ не был продлен из-за отказа российского правительства сотрудничать с ней. Г. Селезнев, председатель Государственной Думы, объяснил это тем, что «снова начнется натиск о необходимости переговоров российского руководства с бандитами, которые представлены в лице Масхадова и кампании»¹⁴.

Основным источником угроз стабильности на Северном Кавказе в 1990-е гг. был не только чеченский конфликт, но и вынужденная миграция населения (особо остро появившаяся в результате осетино-ингушского и чеченского конфликтов), ухудшение эконо-

Международные институты и этнополитическая безопасность

мики, систематические нарушения прав человека. Россия была экономически не в состоянии справиться с данными проблемами, и большую роль в нормализации обстановки сыграли международные гуманитарные организации. С 1995 г. на Северном Кавказе работали (и/или продолжают работать) более тридцати таких организаций. Основным направлением их деятельности было разрешение проблем, связанных с вынужденной миграцией. Из-за чеченского конфликта 1994-1996 гг. и контртеррористической операции 1999 г. Чеченскую Республику покинуло около 543 тыс. человек¹⁵. По другим данным, в 1994-2000 гг. миграция из республики составила 480-550 тыс. человек¹⁶. К ним можно добавить большое количество беженцев из Грузии и Северной Осетии.

По российскому законодательству, покинувшие Чеченскую Республику в 1995-1996 гг. люди получали статус «вынужденный переселенец», который давал право на получение единовременного денежного пособия на каждого члена семьи; право на проживание в Центрах временного размещения и получение питания по установленным нормам; содействие по трудоустройству; помощь в приобретении жилья и т.д. Тогда как лица, покинувшие Чеченскую Республику во время операции 1999 году, уже не смогли получить или продлить данный статус, так как экономические, природные, техногенные катастрофы, а также голод и эпидемии не рассматриваются законодательством РФ как причина вынужденной миграции. Правительство России объявило, что военные действия с 1999 г. на территории Чеченской Республики не ведутся, поэтому и не было необходимости предоставлять статус «вынужденный переселенец», хотя факт миграции был налицо. Позитивную роль в помощи данной категории лиц сыграли международные организации. С середины 2000 г. Управление Верховного комиссара (УВКБ) ООН по делам беженцев начало предоставлять персональный регистрационный номер для идентификации в базе данных, а также пластиковые карточки в качестве документа, по которому человек мог получать гуманитарную помощь¹⁷.

Условия проживания временно-перемещенных лиц были катастрофическими. В основном они размещались в лагерях, состоящих из железнодорожных вагонов, палаточных лагерях, пунктах временного размещения – нежилых зданиях, временно приспособленных для проживания, либо у родственников или в приютивших их семьях. Из федерального бюджета им выплачивалось 15 рублей в день на продовольственные нужды и 20 рублей на оплату аренды проживания, что не хватало для нормального существования. Северный Кавказ – трудоизбыточный регион, соответственно, переселенцы не могли получить работу, чтобы обеспечить себя прожиточным минимумом.

Раздел III. Механизмы регулирования и саморегулирования...

Основными международными организациями, работающими на Северном Кавказе, являлись агентства ООН (УВКБ ООН, МОМ, ВОЗ, ЮНИСЕФ, ВПП), Датский совет по беженцам, Армия спасения, Врачи без границ, Врачи мира, Международный корпус милосердия, Исламская помощь, Движение против голода, «Люди в нужде» и др. Их деятельность сосредотачивалась на следующих аспектах.

Во-первых, увеличение приемной способности для размещения временно-перемещенных лиц в лагерях. Международная организация миграции в 1995 г. обеспечила транспортировку более 45 тыс. человек. На средства УВКБ ООН в 1995-1996 гг. было модернизировано 26 лагерей¹⁸. С 1999 г. усилия на улучшение жилищной проблемы временно-перемещенных лиц были направлены Датским советом по беженцам (ДСБ), Чешской неправительственной организацией «Люди в нужде», Австрийской организацией помощи «*Hilfswerk*».

Во-вторых, обеспечение временно-перемещенных лиц гуманитарной помощью, которая состояла из продовольственных пакетов и непродовольственных предметов первой необходимости. Всемирная продовольственная программа (ВПП) охватывала в начальный период военных действий до 90 тыс. переселенцев из Чеченской Республики, Пригородного района Северной Осетии и беженцев из Грузии, размещенных в ряде северокавказских республик. Обеспечением гуманитарной помощью в 1995-1997 гг. занимались также такие организации, как Исламская помощь, Совместные действия церквей (*Action by churches together*), совместно с Венгерской церковной помощью (*Hungarian interchurch aid*), Международный Комитет Красного Креста (МККК). Однако в связи с ухудшением безопасности гуманитарная деятельность международных организаций приостановилась в конце 1997-го и возобновилась осенью 1999 года. Система распределений делилась на два вида: прямое распределение, то есть передача гуманитарной помощи непосредственно в руки получателя, и непрямое, когда гуманитарная помощь передавалась местной администрации, школам, больницам и т.п., которые в дальнейшем, обеспечивали доступ к ней всем временно-перемещенным лицам. Цикличность распределения была у каждой организации разной: от ежедневной раздачи хлеба (МККК), до ежемесячного предоставления продовольственного пакета. Получение помощи происходило строго по спискам, составленным международными организациями. В 1995-1997 гг. все списки основывались на данных миграционных служб и регистрации вынужденных переселенцев.

Второй период деятельности международных организаций связан с улучшением системы распределения. Учитывая негативные уроки первых лет, деятельности, когда гуманитарная помощь распределялась только лицам, имеющим статус вынужденного пере-

Международные институты и этнополитическая безопасность

селенца, и обходила стороной большую группу людей, произошел пересмотр подхода ряда организаций к распределению. В 1999-2000 гг. Датский совет по беженцам при финансовой поддержке УВКБ ООН и тесном взаимодействии с миграционной службой и местной администрацией провел регистрацию всех перемещенных лиц в Ингушетии и Чеченской Республике, а также семей приютивших их. В результате была создана доступная для всех желающих база данных, в которой собрана ценная информация относительно возраста, пола временно-перемещенных лиц, места проживания, их этническая и религиозная принадлежность, а также такие данные, как размер обуви и одежды. Это позволило наиболее эффективно распределять гуманитарную помощь в дальнейшем.

Вся гуманитарная деятельность международных организаций сталкивалась с рядом проблем:

- Со стороны республиканских властей происходило завышение числа временно-перемещенных лиц с целью получения дополнительных денежных вливаний в республику. Наиболее ярко это проявилось при президентстве Р. Аушева в Ингушетии, который нагнетал обстановку, заявляя о «гуманитарной катастрофе» в регионе.

- Участились случаи хищения гуманитарной помощи как местными сотрудниками гуманитарных организаций, так и представителями администраций при ее распределении. С 1999 г. в Ставропольском крае происходит бум появления магазинов «*second hand*», где продавалась в основном гуманитарная помощь, которая направлялась международными организациями, не имеющими аккредитации в РФ и работающими через местные неправительственные организации. Отмечались случаи продажи гуманитарной помощи на рынках, появление «мертвых душ» в списках получателей¹⁹.

- Рост коррупции на контрольно-пропускных пунктах. Отмечались случаи требования взятки за проезд гуманитарных конвоев.

- Мошенничество со стороны лиц, получающих гуманитарную помощь. Нередко люди, дважды зарегистрировавшись, намеренно изменяли буквы в своих именах или фамилиях, чтобы сбить систему компьютерного обнаружения. В связи с этим происходили неоднократные перерегистрации всех перемещенных лиц, база данных постоянно пополнялась и модернизировалась, на что уходили большие средства.

- Нецелевое использование гуманитарной помощи, а также поставка продуктов питания, имеющих истекший срок годности.

- При распределении помощи международные сотрудники зачастую не учитывали специфики местной культуры: предоставлялась свиная тушенка мусульманам, палатки на 20-40 человек (мужчинам приходилось ночевать на улице даже зимой).

Раздел III. Механизмы регулирования и саморегулирования...

В-третьих, практически во всех лагерях временного размещения острой проблемой был доступ к медицинскому обслуживанию. Отсутствие медикаментов, средств гигиены, скученность приводили к тому, что даже обычное простудное заболевание приобретало характер эпидемий. Без статуса «вынужденный переселенец» эти люди не могли получить полис обязательного медицинского страхования. Возросшая миграционная нагрузка в некоторых субъектах Российской Федерации создавала реальную угрозу распространения различных видов массовых заболеваний. Больше всего этому была подвержена так называемая «группа риска» – дети, старики, беременные женщины и кормящие матери, почти все они имели различную степень анемии. Много было больных с хроническими заболеваниями. Неизолированность больных туберкулезом создавала угрозу его распространения. Большой процент подростков и молодежи страдали заболеваниями, вызванными нарушениями нервно-психической сферы, а также психосоматическими нарушениями. Отмечалась гиперактивность, агрессивность, раздражительность среди детей. Поликлиники и больницы Ингушетии и Чечни не справлялись с таким объемом пациентов. Медицинскую помощь внутренне-перемещенным лицам обеспечивали такие международные организации, как Международный Комитет Красного Креста, Врачи без границ, Российский комитет Красного Креста, Ассоциация реабилитации и развития, Бюро ЕС по гуманитарной помощи, ОБСЕ и др. МККК начал осуществлять программы медицинской помощи еще в период первой чеченской кампании в соответствии с соглашением между организацией и всеми сторонами конфликта. Он предоставлял помощь больницам Чечни, Ингушетии, Дагестана, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии и другим регионам Юга России, а также поддерживал работу мобильных и стационарных медпунктов, совместно с российским обществом Красного Креста. Бригада мобильного медпункта состояла из врача (терапевта), медсестры и водителя. Штат стационарного медпункта включал двух врачей (терапевт и педиатр) и медсестру²⁰. За годы конфликта МККК предоставил медикаменты и медицинские материалы 75 госпиталям и медицинским учреждениям, участвовал в восстановлении больниц в Грозном, Аргуне, Гудермесе, Шали и других районов, а также оказывал помощь домам инвалидов и детским приютам. Деятельность Всемирной организации здравоохранения включала в себя контроль над инфекционными заболеваниями, прививки, лечение диархии и туберкулеза, а также помощь местному персоналу больниц (обучение, консультирование, обмен информацией)²¹. Врачи без границ помогали переселенцам санитарно-гигиеническими предметами, медикаментами, матрасами, одеялами, раз в два месяца выдали гигиенические пакеты. Ежеме-

Международные институты и этнополитическая безопасность

сячно проводили консультации по самолечению, выдавая при этом на руки медикаменты в среднем на 40 рублей, а также делали прививки всем детям. Кроме того, строились туалеты, вывозился мусор, ремонтировались водопроводы в компактных поселениях.

В-четвертых, большое значение имели проекты по социальной и психологической реабилитации общества, проводимые Группой содействия ОБСЕ, Центром по поддержанию мира и общественного развития и другими международными организациями. В основном программы были направлены на детей дошкольного возраста («Психомедицинская реабилитация детей», «Центры для дошкольников» и др.) с целью их адаптации к мирной жизни, снятия агрессии и психологических травм, включали в себя организацию досуга, тренинги с психологами и т.п.

В-пятых, с 1999 г. наиболее важным становится такое направление деятельности, как содействие российским властям в возвращении беженцев в Чеченскую Республику. Однако такие программы были в большей степени вынужденными из-за политики российских властей. Возвращение внутренне-перемещенных лиц включало в себя программы по восстановлению социального обеспечения и инфраструктур на территории Чеченской Республики²². Параллельно шла поддержка проектов правительства Ингушетии по интеграции переселенцев, желающих остаться. Датский совет по беженцам в 2000 г. реализовал программу интеграции для 35 тыс. внутренне-перемещенных лиц (в основном этнических ингушей) из Чечни. С этой целью для них было выделено 3 поселения: Горагорск, Аки-Юрт и Нестеровская²³. Однако программа не имела успеха из-за отдаленности поселений, нехватки школ и рабочих мест, что заставляло людей покидать места.

В-шестых, деятельность международных организаций также была направлена на снижение минной опасности. Этим занимались УВКБ ООН совместно с ДСБ, ЮНИСЕФ, Японская ассоциация помощи (AAR), Датская помощь (*Danish People's Aid*), Датская группа по разминированию (*Danish De-mining Group*), «Хэйло Траст», Бюро информационного и гуманитарного исследования по правам человека (БИГПЧ)²⁴. Программа состояла из трех частей: сбор информации относительно расположения мин, донесение информации о минной опасности (описание мин, способы их распознавания, их функции, карты их вероятного расположения, необходимое поведение при их обнаружении, правила передвижения по опасной области), создание базы данных, создание карт минирования²⁵. Со стороны ФСБ РФ было заявлено о неправомерной деятельности британской организации «Хэйло Траст» на территории Чечни, которая занималась обучением чеченцев минированию.

Раздел III. Механизмы регулирования и саморегулирования...

В 1995-2002 гг. происходила адаптация гуманитарных организаций к изменившимся условиям, приспособление их механизмов к внутренним конфликтам. «Чеченский опыт» способствовал корректировке деятельности некоторых из них. Если в 1995-1997 гг. отмечалось дублирование их усилий, то с 1999 г. происходит разделение обязанностей. Прогрессу способствовало принятие «Платформы по сотрудничеству» ОБСЕ на Стамбульском саммите (1999), а также понимание необходимости регулярных консультаций, обмена информацией, увеличения транспарентности деятельности. Простой обмен информацией, воспринимаемый как главный элемент сотрудничества в 1995-1997 годах, позднее оказался недостаточным. С 1995 г. роль координатора гуманитарной помощи на Северном Кавказе играл Отдел гуманитарных дел ООН (*DHA*), а с 1999 г. – Отдел по координации гуманитарной деятельностью (*OSHA*). В отличие от первого периода, с 1999 г. практически все международные организации, работающие на Северном Кавказе, активно сотрудничали между собой на полевом, штабном уровнях. Регулярно происходили консультации по конкретным вопросам: по вопросам продовольственной помощи (в офисах Всемирной продовольственной программы ООН), по проблемам безопасности (УВКБ ООН), по работе с внутренне-перемещенными лицами (ДСБ) и т.д.

Можно выделить следующие формы успешного сотрудничества гуманитарных организаций:

- *Координация усилий* – позволила избежать дублирования деятельности²⁶.
- *Обмен информацией*. В этом большую роль сыграли представители Совета Европы и Группы содействия ОБСЕ, которые нередко являлись единственными международными организациями, находящимися в Чеченской Республике на постоянной основе. Нередко представители ГС выступали на координационных совещаниях в качестве источника аналитических данных о гуманитарной ситуации. База данных, созданная и постоянно редактируемая Датским советом по беженцам использовалась не только международными организациями, но и местными администрациями и МЧС при выработке проектов помощи. Еженедельно УВКБ ООН информировало все организации относительно ситуации в Чечне.
- *Выполнение совместных программ помощи*.
- *Обмен опытом*. Организации, давно работающие на Северном Кавказе, приглашали представителей других неправительственных организаций с целью обучения своим механизмам и инструментам деятельности.
- *Проведение совместных оценочных миссий*.

Международные институты и этнополитическая безопасность

- *Взаимное использование инфраструктур и материально-технического обеспечения.* Часто организации, не имеющие собственного представительства на Северном Кавказе, использовали склады, транспорт и персонал своих партнеров.

В 1999 г. произошла перефокусировка внимания краткосрочных программ на их долгосрочное выполнение. В интервью с сотрудниками МККК в период чеченского конфликта 1994-1996 гг. последние сравнивали себя с санитарями, которые оказывают немедленную помощь, но оставляют раненых на поле битвы. Большинство организаций осуществляло практику «*Touch and go*» при предоставлении гуманитарной помощи. С 1999 г. большинство программ уже было нацелено на восстановление инфраструктуры, создания рабочих мест, обеспечение сельскохозяйственным инвентарем, поддержку местных НПО, программы социальной и психологической реабилитации. С 2000 г. ВПП начала осуществлять гуманитарные акции «еда за работу» – предоставление гуманитарной помощи как «оплату» за работы по восстановлению инфраструктуры Чеченской Республики.

С 1999 г. был значительно улучшен контроль над распределением гуманитарной помощи. Тогда же ДСБ разработал схему системы прямого распределения, которая позволила непрерывно раздавать гуманитарные пакеты шестерым человекам, проводить их регистрацию и контролировать ситуацию. Впервые подобная схема пунктов раздачи международной гуманитарной помощи была принята в Ингушетии и принята почти всеми организациями, а затем перенесена в Чеченскую Республику.

Вся деятельность гуманитарных организаций зависела от ситуации безопасности и взаимоотношения с местными и федеральными властями. Неоднократно происходила приостановка их деятельности из-за похищения сотрудников²⁷. Эскалация военных действий приводила к отказу многих организаций работать на территории Чеченской Республики. С 1997 г. деятельность практически всех международных организаций характеризовалась «дистанционным управлением» программами через местные НПО.

Наибольшую трудность составляли взаимоотношения с местной и федеральной властью. В первый период деятельности представители власти, не имеющие опыт сотрудничества с международными сотрудниками, избрали два пути построения взаимоотношений: игнорирование международных сотрудников, отказ от сотрудничества и попытка использования международных институтов. Во втором случае представители федеральных и местных властей стремились установить контроль над распределением гуманитарной помощи. Часто выступали против обеспечения помощью се-

Раздел III. Механизмы регулирования и саморегулирования...

мей, чьи родственники воевали на чеченской стороне. Отмечались случаи отказа в допуске конвоев с гуманитарной помощью, несмотря на наличие всех необходимых документов, из-за опасения ввоза оружия в Чеченскую Республику под предлогом гуманитарной помощи. В результате усложненной системы пропусков в республику (разрешение выдавалось сроком только на 2 недели, а их получение – долгая процедура) гуманитарная помощь приходила с большим опозданием и несвоевременно.

Сложными были и взаимоотношения с местным населением. Советское наследие проявилось в осторожном, недоверчивом отношении к «чужим». Часто внутренне-перемещенные лица отказывались от гуманитарной помощи, боясь в дальнейшем быть обвиненными в сотрудничестве с западными странами. Сотрудникам же международных организаций вменялся в вину шпионаж. Сотрудников организации «Врачи без границ» местные жители называли «шпионами в белых халатах», отказывались оставаться наедине с ними и ложиться в передвижные клиники. Быстротечность программ в 1995-1997 годах, а также отсутствие средств ухудшали шансы налаживания взаимоотношений международных сотрудников с местным населением.

Анализируя деятельность международных организаций на Северном Кавказе, нужно отметить, что все предлагаемые ОБСЕ планы урегулирования чеченского конфликта сводились к двум элементам: прекращение огня и начало двусторонних или трехсторонних (с использованием международных посредников) российско-чеченских переговоров. Параллельно предлагалось увеличить объем гуманитарной помощи и обеспечить свободный доступ к местам содержания временно задержанных лиц гуманитарным и правозащитным организациям.

Данная схема урегулирования конфликтов являлась производной от теории разрешения международных конфликтов в западной конфликтологии. Как показал чеченский опыт она не подходит к разрешению внутренних конфликтов из-за наличия большого количества акторов, действующих исходя из своих целей. Кроме того, чеченский конфликт находился в двух плоскостях: это конфликт между чеченцами и федеральной властью и борьба между самими чеченцами. Соответственно идентифицировать вторую сторону практически невозможно. Отметим, что механизмы, созданные для урегулирования международных конфликтов, в должной степени не соответствуют ситуации внутреннего конфликта.

Примером служит неудачное применение механизма посредничества. Для традиционных обществ (Чечня) не чуждо понятие «посредник», однако под ним понимается хорошо знакомый всем

Международные институты и этнополитическая безопасность

сторонам уважаемый человек, который в курсе конфликта и чье мнение и советы служат «принудительными средствами». Поэтому происходило недоверие и отказ от сотрудничества с Группой содействия ОБСЕ, либо ее использование в качестве «красной тряпки» со стороны чеченцев (приглашение Т. Гульдимана чеченскими лидерами на подписание Назрановских соглашений, в то время как ОБСЕ практически никакой политической роли не играла.

Более того, ГС ОБСЕ с самого начала проявила себя не как беспристрастная организация, чему способствовала элементарная русофобия у международных сотрудников на психологическом уровне, «черно-белое» видение конфликта, когда роль агрессора была определена еще до начала ее дислокации в Чечне. Гораздо сложнее оказалось создать условия для взаимного выполнения норм гуманитарного права всеми сторонами конфликта.

Группа содействия ОБСЕ не являлась структурой, самостоятельно принимающей решения в разрешении кризиса. Однако, согласно мандату, это и не входило в ее компетенцию. Она не смогла бы добиться прекращения боевых действий, использования запрещенных методов ведения войны. Тем не менее необходимо учитывать ограниченный характер возможностей ОБСЕ – как внутренний, так и внешний. Россия же особо обеспокоена относительно любого западного военного присутствия в кавказском регионе, и любая вовлеченность в конфликт воспринимается как подрыв российского влияния здесь. Конфликт можно было только заморозить (что и было сделано в Хасавюрте в 1996 г.), но не урегулировать.

Нельзя сказать, что деятельность гуманитарных организаций способствовала урегулированию конфликта. Гуманитарная помощь не является механизмом разрешения кризисных ситуаций, однако международные организации внесли большой вклад в восстановление социально-экономической жизни Чеченской Республики: создание рабочих мест, строительство и восстановление жилья, восстановление заводов по очистке нефти, строительство новых заводов для обработки сельскохозяйственной продукции. Большая работа была проделана в здравоохранительной, образовательной, культурной областях. Однако эти действия являлись только дополнением к усилиям федеральных и местных властей.

Примечания

¹ PCED035 PC.DEC/35 Organization for Security and Co-operation in Europe 11 April 1995 Permanent Council 16th Plenary Meeting // PC Journal No. 16, Point 5 (a) DECISION No. 35.

Раздел III. Механизмы регулирования и саморегулирования...

- ² OSCE Chairman-in-office offers OSCE help for Chechnya conflict (http://www.osce.org/news/generate.php3?news_id=648).
- ³ *van Mierlo Hans*. The significance of the OSCE in the European security structure // Helsinki Monitor. 1995. Vol. 6. № 4; *Siccama J.-G.* The OSCE: what will the adult look like? // Helsinki Monitor. 1995. Vol. 6. № 4; *Ясносокирский Ю.А.* Политико-правовые механизмы предотвращения и урегулирования конфликтов в рамках ОБСЕ (http://www.politstudies.ru/fulltext/1999/5/17.htm#_finref249 p.).
- ⁴ OSCE to deploy Assistance Group for Chechnya. 29.03.1995 (http://www.osce.org/news/generate.php3?news_id=666).
- ⁵ First round of OSCE talks concluded in Grozny. 26.05.1995 (http://www.osce.org/news/generate.php3?news_id=672).
- ⁶ *Лебедева М.М.* Политическое урегулирование конфликтов. М., 1999. С. 21.
- ⁷ Agreement to end hostilities signed at OSCE offices in Chechnya. 31.07.1995 (http://www.osce.org/news/generate.php3?news_id=683).
- ⁸ OSCE voices concern on increasing tension in Chechnya. 11.10.1995 (http://www.osce.org/news/generate.php3?news_id=687).
- ⁹ Согласно этому документу, политическое соглашение об основах взаимоотношений между Россией и Чечней должно было быть достигнуто до 31 октября 2001 года. Кроме того, до 1 октября 1996 г. должна быть сформирована Комиссия по контролю за выполнением достигнутых соглашений, которая будет заниматься восстановлением валютно-финансовых и бюджетных отношений между федеральным центром и Чечней.
- ¹⁰ См.: *Кольба А.И.* Проблемы политического урегулирования конфликта в Чеченской Республике: внутриполитические и внешнеполитические аспекты // Современные проблемы мировой политики: безопасность, конфликты и их анализ / Под ред. М.М. Лебедевой. М., 2002. С. 48-68; Хасавюртовский «мир»: благо или позор для России // Комсомольская правда. 2001. 31 августа; Читал ли кто-нибудь хасавюртовские соглашения? // Комсомольская правда. 1999. 23 октября.
- ¹¹ G-8: Отчет Воллебека о Чечне (<http://www.utro.ru/articles/politics/1999/12/17/199912170337134150.shtml>).
- ¹² *Горностаев Д.* США хотят сделать ОБСЕ инструментом давления на Россию // Независимая газета. 1999. 13 ноября.
- ¹³ *Иванов И.* России нечего скрывать в Чечне // Financial Times. 11 May 2000.
- ¹⁴ Сайт Г. Селезнева (<http://www.seleznev.ru/newsfull.asp?id=830>).
- ¹⁵ *Никитин Д., Хал Мухаммедов А.* Миграционные потоки как фактор дестабилизации положения на Северном Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. 2002. № 2. С. 189.
- ¹⁶ *Рязанцев С.В.* Современный демографический и миграционный портрет Северного Кавказа. Ставрополь: Сервисшкола, 2003. С. 86.
- ¹⁷ North Caucasus Situation Report № 27 / Danish Refugee Council. 4 September 2000.
- ¹⁸ Midterm review of the 1996 UN humanitarian programme for persons displaced as a result of the emergency situation in Chechnya, RF and programme strategy for 1997 (<http://isn-lose.ethz.ch>).

Международные институты и этнополитическая безопасность

- ¹⁹ Российская газета. 1995. 28 ноября.
- ²⁰ Деятельность движения Красного креста и Красного Полумесяца на Северном Кавказе и на Юге России. М. 2000. С. 3.
- ²¹ Midterm review of the 1996 UN humanitarian programme for persons displaced as a result of the emergency situation in Chechnya, RF and programme strategy for 1997 (<http://www.isn-lase.ethz.ch>).
- ²² Ibid.
- ²³ North Caucasus Situation Report № 21 / Danish Refugee Council. 21 May 2000.
- ²⁴ UNHC Regional Office in the Russian Federation. 24 august 2000.
- ²⁵ North Caucasus Situation Report № 22 / Danish Refugee Council. 4 June 2000.
- ²⁶ В феврале 2000 г. «Врачи без границ» Бельгии отказались от осуществления регистрации внутренне-перемещенных лиц в Малгобекском районе, узнав, что подобная деятельность ведется Датским советом по беженцам.
- ²⁷ 27 апреля 1996 г. были похищены два сотрудника организации «Врачи без границ», 27 июля 1996 г. — 2 сотрудника организации «Кампания против голода», 28 сентября — 3 сотрудника итальянской гуманитарной организации «Интерсос», декабрь 1996 г. — убито 6 врачей МККК, 2 августа 1997 г. — похищены 4 сотрудника «Экилибр», 29 ноября 1998 г. — похищен представитель УВКБ ООН Винсент Коштель, 22 октября 1998 г. — 2 сотрудника организации «Совместные действия церквей», январь 2001 г. — сотрудник организации «Врачи без границ» Кеннед Глак, 2002 г. — Н. Давыдович и др.

Глава 5. Концепция миграционной политики и интеграция мигрантов в приграничных регионах (на примере Северного Кавказа)

Главная особенность процесса интеграции мигрантов и представителей этнических меньшинств в приграничном Северном Кавказе заключается в том, что это один из самых многонациональных и многоконфессиональных регионов не только России, но и мира. Кроме того, среди многих групп населения сильно актуализирована этническая идентичность, что иногда приводит к обострению межнациональных отношений.

Возникает явное противоречие. С одной стороны, кардинальная трансформация этнической структуры миграционных потоков и состава населения в регионе требует снятия этнической напряженности через уменьшение этнической самоидентификации. С другой стороны, полное стирание этнической идентичности в условиях Северного Кавказа попросту невозможно.

В этих условиях можно предложить модель интеграции мигрантов в новое общество, в основу которой должна быть положена *концепция необходимости всестороннего развития межнационального и межкультурного «диалога» между мигрантами и старожильческим населением в местах их совместного проживания при условии сохранения определенной культурно-этнической самобытности*. В данном случае межкультурный «диалог» можно понимать в широком смысле этого слова как достаточно разностороннее и разноплановое взаимодействие в культурно-бытовой, социально-экономической и других сферах. Формы осуществления межкультурного или межнационального диалога могут быть весьма разнообразными, а осуществляться они должны ненавязчиво, в ходе повседневной жизни людей, проживающих на определенной территории.

Концепция преследует две основные цели. Первая цель – *«разбить» локализацию культуры, этническую замкнутость и «снять» излишнюю актуализацию национальной идентичности мигрантов и представителей этнических меньшинств и старожильческого населения*. Это позволит усилить межкультурный обмен, создать условия для людей лучше познать друг друга, ликвидировать этнические стереотипы, а в конечном итоге также снять межэтническую напряженность.

Вторая цель – *необходимо аккумулировать человеческие, финансовые, материальные, информационные «ресурсы» диаспоры,*

Концепция миграционной политики и интеграция мигрантов...

общины, общности, социальной группы, общества в целом и направить их на реализацию совместных социальных проектов и совершенствование социальной инфраструктуры региона (населенного пункта). Подобная кооперация усилий, действий и ресурсов позволит воспитать и сформировать, с одной стороны, чувство сопричастности переселенца к новому обществу, а с другой – осознать старожилам важность и «вклад» мигранта в местный социум.

Необходимым условием для реализации предлагаемой модели является легитимный статус всех участников «игры», наличие правового миграционного «поля», недопустимость исключения тех или иных групп легальных мигрантов за его пределы. Нелегальность положения порождает у мигрантов неуверенность в своем будущем, не способствует формированию в их сознании сопричастности и необходимости для данного общества, порождает недоверие, а иногда даже агрессию к коренному населению и власти.

Допускаем, что процесс легитимизации мигранта может и должен происходить после «проверки» обществом нового человека, то есть вселение мигранта на новое место жительства и натурализация мигранта должны быть разделены по времени. Кроме того, принимающая сторона вправе решать: каких мигрантов и в каком количестве она готова принять и «переварить». Эти параметры, предъявляемые к мигрантам, должны быть выдвинуты принимающим обществом еще до начала миграции, чтобы обеспечить «прозрачность» отношений между мигрантами и принимающей стороной. На деле зачастую получается так, что вначале мигранты оказываются на определенной территории беспрепятственно, а затем подолгу не могут легализовать свой статус или режим пребывания (здесь речь идет не столько о нелегальной миграции, а скорее о миграции в условиях наличия пробелов в миграционном законодательстве).

Становится все более очевидно, что регулирование будущих миграционных потоков на Северном Кавказе требует учета региональной специфики. Действительно необходимо признать, что в настоящее время в некоторых населенных пунктах миграция привела к серьезной перегрузке социальной инфраструктуры, обострению межнациональных отношений. В этих условиях имеет смысл на федеральном уровне принять акты по установлению квот для различных категорий мигрантов с учетом интересов и прав местного населения, потребностей региональных рынков труда, возможностей социальной инфраструктуры.

В этой связи весьма полезным может быть опыт многих развитых стран мира, имеющих достаточно отлаженную миграционную политику и режим доступа на свою территорию различных категорий мигрантов. Многие государства прежде чем предоставить ми-

Раздел III. Механизмы регулирования и саморегулирования...

гранту статус гражданина, дают ему возможность интегрироваться в общество, пройдя через «сито» других статусов (временно проживающий, постоянно проживающий с правом голоса и без него и т.п.), выдвигают требование о необходимости освоения языка, изучения культуры и обычаев страны. В этом контексте «клятва», которую, например, дают на верность государству и монарху «вновь испеченные» граждане Великобритании является весьма логичным и даже знаковым моментом для мигранта и общества в целом.

Первичными «ячейками» предлагаемой модели являются не отдельные люди, а структуры их объединяющие или отстаивающие их интересы. В частности, для старожильческого населения это могут быть сходы граждан, советы старейшин, диаспоры, общины, иные национально-культурные объединения. Среди мигрантов они имеют, по сути, те же формы организации. Единственное исключение, пожалуй, составляют объединения вынужденных мигрантов, самоорганизующийся потенциал которых на порядок выше, чем обычных мигрантов, поскольку представляет собой своеобразный иммунитет к тем жестким условиям, в которых они были вынуждены мигрировать и существовать.

В Пятигорске в рамках комплексной программы «Гармонизация межэтнических отношений в Ставропольском крае» создан этнический совет города, в котором принимают участие представители многих этнических групп и религиозных конфессий, проживающих в регионе. Проводятся регулярные заседания совета, на которых обсуждаются проблемы межэтнического взаимодействия, решающие текущие проблемы в данной сфере. Этнический совет работает в тесном контакте с Управлением внутренних дел Пятигорска¹.

Безусловно, очень важно, чтобы эти общественные институты были легитимны, и желательно, чтобы они максимально репрезентировали этнокультурную структуру социума, в рамках которого происходит интеграция мигрантов.

Опора именно на общественные объединения (или квазиинституты) важна с той точки зрения, что они порой аккумулируют значительные людские и материальные «ресурсы», обладают весомым авторитетом, опытом, знаниями, «изнутри» чувствуют проблему той социальной группы, которую представляют. Следовательно, они могут эффективно и оперативно влиять на членов своей группы, семьи, общности.

На первом этапе интеграции особенно важна, скорее даже жизненно необходима всяческая поддержка развития горизонтальных связей и взаимодействия данных общественных институтов между собой, путем развития культурно-бытового обмена, передачи информации друг о друге, развития взаимопомощи. Методы в данном слу-

Концепция миграционной политики и интеграция мигрантов...

чае могут быть различными: организация клубной работы, общественных дискурсов, праздников, обучение языкам и культуре, совместное участие в поддержании порядка. При этом необходимо постепенно перенести центр «тяжести» с этнического самосознания на формирование гражданской и региональной идентичности («Я – гражданин России», «Я – житель Северного Кавказа»). Подобный богатый опыт уже имеется в некоторых регионах Северного Кавказа.

В Ростовской области сход граждан Заветинского района решил организовать совместные русско-чеченские народные дружины, которые будут помогать милиции следить за порядком на сельских улицах. Ранее подобные решения были приняты в других районах области². Другой пример, в станице Голубинской Волгоградской области был образован совет старейшин из представителей русского и кавказского населения. Национальные общины решили помогать правоохранительным органам в регистрации и характеристике мигрантов³.

К сожалению, в приведенных выше примерах решения были приняты только после того, как прошли межнациональные конфликты. Тем не менее, это свидетельство того, что на низовом уровне возможна социальная кооперация мигрантов и старожильского населения. Гораздо продуктивнее все-таки межэтническая консолидация не после конфликта, а в условиях его предвосхищающих.

В нескольких городах Северного Кавказа при поддержке и участии местных властей, общественных организаций и представителей Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) были проведены несколько региональных Форумов «Дети Кавказа – за мир на Кавказе», в которых приняли участие представители тринадцати субъектов федерации⁴. Замечательной традицией на Ставрополье стало проведение в рамках празднования дня края или краевого центра выставки национальных подворий, на котором люди могут познакомиться с культурой, традициями, обычаями, кухней различных этнических групп, проживающих в регионе.

Описанный выше процесс горизонтального взаимодействия, как становится ясно, невозможен без участия государственных и общественных институтов. Это формирует вертикальную систему взаимодействия в миграционном «поле». Также огромно и влияние на процесс интеграции мигрантов и представителей этнических меньшинств государственных институтов, общественных организаций, частного бизнеса, международных организаций также огромно.

Государственные институты формируют правовое «поле», в котором происходит процесс интеграции; они обладают финансовыми и информационными ресурсами для стимулирования про-

Раздел III. Механизмы регулирования и саморегулирования...

цесса интеграции. Им по силам и средствами осуществление специальных программ экономического роста, привлечения инвестиций, создание новых рабочих мест. Кроме того, они должны и оказывают помощь вынужденным мигрантам, которые утратили имущество, жилье, здоровье.

Важная роль в интеграции данной категории мигрантов принадлежит специальным государственным организациям и департаментам. В России эту функцию выполняла ранее самостоятельная организация Миграционная служба, переданная сейчас в ведение Министерства внутренних дел, что многие ученые и представители неправительственных организаций рассматривают как «шаг назад» в миграционной политике государства. Многие эксперты опасаются, что «проблема растворится в этом ведомстве», «МВД будет регулировать миграцию исключительно репрессивными методами», «вынужденные переселенцы будут бояться обращаться в эту структуру».

Необходимо признать, что проблема миграции достаточно сложна и многогранна. Возможно, регулированием (точнее, пресечением) нелегальной или незаконной миграции должно заниматься МВД, но управление остальными видами миграции (трудоустрой, вынужденной) логичнее передать в ведение самостоятельной структуры (миграционной службы), у которой имеется опыт работы в этом направлении, специалисты, сформировались методы и подходы в работе. При всей узости прав и ограниченности возможностей миграционная служба была государственной структурой, оказывавшей реальную помощь вынужденным мигрантам в их адаптации в новых местах проживания.

Несомненно, весомую роль играют федеральные целевые программы, которые финансируются государством.

Федеральной целевой программой «Юг России» (2001) предусмотрен целый раздел мероприятий по решению проблем вынужденных переселенцев и беженцев. Документом предусматриваются меры по защите и обеспечению законных прав и интересов беженцев, раннему предупреждению конфликтов в регионах притока вынужденных мигрантов, их обустройством и интеграцией в местную среду. При этом уделяется внимание ситуации на рынках труда, жилья, развитию социальной, культурно-бытовой и инженерной инфраструктуры, информационному обеспечению местных властей и населения по проблемам адаптации и интеграции вынужденных мигрантов. В рамках программы предусмотрено осуществление помощи неправительственным организациям, оказывающим поддержку мигрантам и координация их деятельности.

Кроме того, местные и региональные власти могут и должны принимать активное участие в разработке и реализации программ интеграции мигрантов, однако часто они не имеют на это достаточ-

Концепция миграционной политики и интеграция мигрантов...

ных свободных средств и сильно зависимы от федерального бюджета. Вместе с тем и по данному направлению на Северном Кавказе имеется определенный опыт.

Разнообразные общественные (неправительственные) организации (НПО), обладающие значительным организационным потенциалом и имеющие доверие населения, также могут принимать активное участие в процессе интеграции мигрантов в новое общество. Анализ интервью представителей неправительственных организаций показал, что каждая из них ведет как минимум три-четыре разнообразных социальных проекта параллельно, а люди, их возглавляющие, работают зачастую на «гололом» энтузиазме и буквально одержимы своим делом, имеют массу идей, но не имеют денег на их реализацию.

На территории Южного федерального округа местными отделениями Минюста России зарегистрированы более 6 тыс. общественных объединений (политических, национальных, казачьих, религиозных, культурных, научных, профсоюзных, спортивных и т.д.). Причем их численность в различных субъектах федерации достаточно показательна с точки зрения развитости гражданского общества. В Астраханской области – 531 организация, в Ростовской области – 4180, в Краснодарском крае – 684 только религиозных организаций, в Адыгее – 238, в Ингушетии – 144. Значительное число общественных международных (например, «Врачи без границ»), общероссийских («Меджлис») и межрегиональных организаций имеют своих представителей, не зарегистрированных местными отделениями Минюста России и действующих в субъектах федерации по генеральной доверенности. Существуют и незарегистрированные организации, на мнение которых по политическим вопросам довольно часто ссылается пресса (например, Конфедерация народов Кавказа)⁵.

Здесь возникает следующая рекомендация к органам государственной власти – необходима тесная координация действий в вопросах интеграции мигрантов государственных служб и «сервисов» с неправительственными организациями, что позволит по максимуму концентрировать силы и средства. Многие руководители НПО с обидой говорили, что местные власти часто не рассматривают их всерьез, не замечать и не хотят вести диалог. Очевидно, что практика изоляции государственных структур от «третьего» сектора – тупиковый путь.

Достаточно актуальной проблемой для России и региона остается привлечение частного бизнеса к участию в разработке и реализации миграционной политики. Активность предпринимателей ог-

Раздел III. Механизмы регулирования и саморегулирования...

раничивается оказанием финансовой или материальной помощи вынужденным мигрантам, что, несомненно, также очень важно, но не является единственно возможным направлением участия этого сектора в миграционной политике. Вместе с тем, частный сектор имеет не только финансовые ресурсы, но и выступает в роли крупного работодателя. Многие мигранты находят применение своим силам и знаниям именно в частном секторе экономики. *Экономический интерес предпринимателей к проблеме миграции государства могло бы активнее привлекать к разработке и реализации мероприятий миграционной политики.*

Многие интервьюеры отмечали, что работникам НПО зачастую не хватает знаний, здесь возможна *тесная координация действий государственных структур и «третьего» сектора с наукой и образованием.* Кроме того, *процесс интеграции мигрантов в новое общество нуждается в мониторинге, который под силу организовать только нескольким субъектам гражданского общества.* В его организации и проведении могли бы принимать участие ученые, государственные структуры, общественные организации, частный бизнес, международные организации.

Наконец, *весьма значительную помощь в процессе интеграции оказывают многие международные организации, зарекомендовавшие себя как оперативно реагирующие и гибкие структуры* – Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), Датский совет по беженцам (ДСБ), Международная организация по миграции (МОМ), Институт «Открытое общество» (Фонд Сороса) и другие.

Интересный опыт интеграции мигрантов в новое общество накоплен в Южном федеральном округе. На протяжении нескольких лет программу «Интеграция» осуществляет здесь ДСБ (офисы в Ставрополье и Назрани). Основная цель программы – интеграция вынужденных мигрантов в новое общество путем поддержки их активной стратегии адаптации, формирование доброжелательного отношения к мигрантам со стороны коренного населения и толерантности в местном сообществе.

Программа «Интеграция» имеет несколько основных направлений. Среди них – поддержка инициативных социальных проектов, способствующих адаптации мигрантов и формированию толерантности в регионе, микрокредитование семей вынужденных переселенцев и социально незащищенных категорий населения путем предоставления беспроцентных возвратных ссуд на открытие собственного дела, поддержка неправительственных организаций по защите прав мигрантов, проведение обучающих тренингов для лидеров неправительственных организаций и молодежи.

Концепция миграционной политики и интеграция мигрантов...

ДСБ работает в тесной координации с УВКБ ООН, а также с государственными структурами (правительствами и Миграционной службой регионов), НПО, представляющими интересы беженцев и вынужденных переселенцев⁶.

Важное место в модели принадлежит средствам массовой информации, которые способны формировать толерантное отношение к мигрантам в регионе. Осознав необходимость влияния на прессу по данным вопросам, ученые и неправительственные организации реализуют целый ряд проектов по обучению журналистов, в том числе в регионах.

Представительство УВКБ ООН совместно со Ставропольской краевой студией телевидения регулярно готовит в эфир сюжеты о судьбах и повседневной жизни вынужденных переселенцев, поддерживает издание газеты «Беженец», что несомненно несет положительный социальный эффект и стимулирует интеграцию мигрантов.

В Ставропольском государственном университете в 2002 г. были проведены две школы для журналистов региональных СМИ. На них выступали ведущие ученые региона о проблемах миграции и мигрантах.

В предлагаемой модели именно процесс тесного горизонтального взаимодействия государственных структур, частного бизнеса, неправительственных организаций, науки и образования, международных организаций должен формировать миграционную политику.

В мае 2000 г. в Сочи состоялось совещание, организованное уполномоченным Верховного комиссара ООН по делам беженцев. В совещании приняли участие прокуроры субъектов Федерации на Северном Кавказе, представители МВД, Конституционного суда, Генеральной прокуратуры, Института этнографии и антропологии РАН, паспортно-визовой службы, ученые-юристы. Темой обсуждения было право на свободу передвижения и местожительства в России. В острых дискуссиях участники изложили свои точки зрения на поднятые вопросы. Подводя итоги, руководитель представительства УВКБ ООН А. Сильвестри оценил итоги дискуссии как плодотворные⁷.

В некоторых регионах Северного Кавказа в настоящее время существует механизм подобного горизонтального взаимодействия, который дает положительные результаты. Достаточно эффективным инструментом подобного механизма является Координационный совет при правительстве региона. Обычно он объединяет представителей государственных структур и органов, занимающихся проблемами регулирования миграции и оказания помощи мигрантам, неправительственные организации, переселенческие объединения, предпринимателей, ученых.

Раздел III. Механизмы регулирования и саморегулирования...

Основные направления миграционной политики

В качестве цели миграционной политики на Северном Кавказе должна выступать необходимость придания миграционным процессам управляемого и предсказуемого характера для обеспечения безопасности страны. При этом необходимо учитывать особый геополитический статус региона, который является южным приграничьем страны, обеспечивая выход в Закавказье, в Черноморский бассейн и на Ближний Восток. Придание управляемого характера миграции в регионе невозможно без учета современных и перспективных тенденций миграции населения. Учитывая, что Северный Кавказ является крупной и неоднородной в миграционном отношении территорией, в его пределах можно выделить как минимум три типа регионов, которые имеют отличные друг от друга цели, концепции и меры реализации миграционной политики.

На Северном Кавказе также можно выделить территории стабильного миграционного притока населения (Краснодарский край, Ставропольский край, Ростовская область, Адыгею, Северную Осетию), где традиционен проток мигрантов различных этнических групп, большое количество вынужденных мигрантов, кардинальная смена этнического состава населения в отдельных населенных пунктах, осложнение межнациональных отношений. Для таких регионов в качестве цели миграционной политики выступает стабилизация численности населения, придание миграции количественно ограниченного и качественно необходимого характера.

Концепция миграционной политики в отношении внешней миграции должна строиться на придании потокам ограниченного, но качественно необходимого для регионального рынка труда характера, то есть путем таких мер, как привлечение мигрантов по заранее установленным квотам, по контрактам, ограниченным по периоду времени, с необходимым уровнем образования и квалификации. Концепция в отношении внутренних миграций должна строиться на основе организованного характера межрегионального миграционного обмена населением путем подписания межрегиональных соглашений о приеме рабочей силы, и по возможности такие потоки должны быть нивелированы по этническому признаку.

Концепция в отношении интеграции иммигрантов и внутренних мигрантов должна строиться на основе снятия межэтнической напряженности в местах компактного проживания мигрантов различных этнических групп, путем формирования толерантности и развития «общественного договора», или нахождения компромисса между интересами коренных жителей и мигрантов. Учитывая

Концепция миграционной политики и интеграция мигрантов...

особую сложность, актуальность и масштабность, проблемы беженцев и вынужденных переселенцев должны решаться при поддержке федеральной власти, а сами вынужденные мигранты по возможности и согласованию с властями должны распределяться равномерно по территории регионов. Необходима подготовка и реализация федеральной программы обустройства и трудоустройства вынужденных мигрантов на Северном Кавказе, которая бы создала условия, благоприятствующие реализации их профессионального потенциала, предпринимательской инициативы и активности.

Второй тип регионов – территории устойчивого миграционного оттока населения, прежде всего этнических русских жителей (Кабардино-Балкария, Чеченская Республика, Карачаево-Черкесия), наличие открытых или латентных межнациональных конфликтов, значительное количество вынужденных мигрантов. Для регионов данной группы целями миграционной политики должны стать приостановка миграционного оттока русского населения, восстановление прежней численности населения, а также решение проблемы возвращения вынужденных мигрантов в места своего прежнего проживания.

Концепция в отношении внутренней миграции должна строиться на создании условий для прекращения оттока и возвратного притока в республики русского населения, переориентация миграционных потоков на потребности социально-экономического развития регионов. Главным средством сокращения миграции русского населения из республик Северного Кавказа (мерами миграционной политики) должно стать обеспечение всей полноты его гражданских, социально-экономических и политических прав через существующие институты государственной власти. Одной из форм реализации духовных потребностей русского населения в национальных республиках Северного Кавказа может стать создание русских национально-культурных автономий с государственной поддержкой, в том числе финансовой. В настоящий момент в регионе существует лишь одна подобная автономия в Карачаево-Черкесии.

Осознавая последствия, которые возникнут в результате миграционного оттока русских, правительство Дагестана создало специальную комиссию по проблемам русскоязычного населения. Она занимается разработкой и претворением в жизнь реальных проектов, призванных затормозить этот отток: для русской молодежи введены квоты для поступления в учебные заведения, решаются вопросы восстановления и расширения промышленности – основной сферы занятости русских, а также ужесточена борьба с национализмом и преступлениями против русских.

Раздел III. Механизмы регулирования и саморегулирования...

Не следует сбрасывать со счетов и экономический фактор. Учитывая, что русское население традиционно было занято в сфере материального производства и, как правило, не имеет источников дополнительных доходов (торговля, приусадебные участки, промыслы и др.), крайне необходимым представляется своевременное и полное финансирование мероприятий в области занятости и создания рабочих мест в рамках федеральных целевых программ.

Более широкое представительство русского населения на руководящих постах различных уровней является важным условием, сдерживающим его выезд из национальных республик Северного Кавказа. В этой связи целесообразно рекомендовать при формировании органов власти на региональном уровне, а также при решении кадровых вопросов в сфере строительства, нефтегазового комплекса, здравоохранения, образования активнее привлекать руководителей и специалистов, представляющих русское население. Одним из главных стимулов при этом должно выступать приоритетное выделение им квартир, восстановление разрушенного жилья.

Внутренние миграционные потоки также необходимо стимулировать через создание условий для повышения внутрирегиональной мобильности рабочей силы на основе межрегиональных соглашений. Концепция в отношении вынужденной миграции в этих регионах должна быть связана с ликвидацией условий ее возникновения – стабилизацией этнополитической обстановки, урегулированием кризисных ситуаций, предотвращением интернационализации межнациональных конфликтов, завершением контртеррористической операции в Чеченской Республике.

В данных регионах необходимо создать условия для возвращения внутриперемещенных лиц к местам постоянного проживания на территории Чеченской Республики. Во многом решение этой проблемы будет зависеть от разработки и введения в действие порядка оказания государственной помощи для граждан России, пострадавших в ходе проведения контртеррористической операции на территории Чеченской Республики, прежде всего для тех, кто лишился жилья и имущества.

Концепция в отношении внешней миграции для данных субъектов федерации должна строиться вокруг придания этим потокам ограниченного и качественно необходимого для регионального рынка труда характера, но с учетом особенностей истории и географии расселения народов. Аналогично первой группе субъектов Северного Кавказа для этих территорий важно привлекать определенное количество иммигрантов с необходимыми качественными характеристиками, исходя из интересов обеспечения экономики

Концепция миграционной политики и интеграция мигрантов...

этих республик квалифицированными трудовыми ресурсами. Кроме того, необходим особый (облегченный) порядок пересечения государственной границы для краткосрочных визитов представителями «разделенных народов», проживающих в пограничной зоне (Дагестан, Северная Осетия).

Примечания

- ¹ *Близнюк Н.* Нет поводов для свар // Ставропольская правда. 2002. 27 декабря.
- ² *Кармалин А.* Русско-чеченские дружины против русско-чеченских драк // Коммерсантъ. 2001. 23 августа.
- ³ *Андреева Н.* Кавказцы и чеченцы делят российскую глубинку // Общая газета. 2002. 31 января — 6 февраля.
- ⁴ *Евтушенко Н.* Дети Кавказа «выпустили» голубей мира — ловите их, взрослые! // Ставропольские губернские ведомости. 2000. 16 июня.
- ⁵ *Хоперская Л.Л.* Состояние федеративных, национальных и миграционных процессов в Южном федеральном округе // Вместе. Мир, единство, согласие. 2001. № 7. С. 9.
- ⁶ *Ryazantsev S.V.* External migration in Russia // ILO: International Migration Branch, 2003. (Доклад в виде рукописи)
- ⁷ Миграция на Северном Кавказе — вопрос горячий // Ставропольские губернские ведомости. 2000. 15 мая.

Заключение

Начиная этот проект, его организаторы и участники исходили из того, что в современной России сформировалась совершенно новая ситуация как в области этнонациональных процессов, так и в ситуации вокруг границы. И не случайно ощущение этого формулируется в категориях «новая полиэтничность» и «новые границы». Несмотря на то, что обе эти проблемы – и каждая по отдельности – уже активно обсуждались, их соотношение, взаимодействие, конкретные формы и проявления такого взаимодействия, должны были стать предметом научного анализа.

С самого начала было очевидно, что для реализации такой амбициозной задачи возможны самые различные подходы и исследовательские приемы. Специфика нашего проекта состояла в том, что он вырос из многолетней сетевой программы Школ по международным отношениям, что и предопределило принцип формирования авторского коллектива. Понятно, в свою очередь, что сама структура авторского коллектива является органической частью, даже несущей конструкцией концептуализации. Необходимо было найти такой жанр, такую форму проекта, которые позволили бы объединить усилия ученым из различных регионов, представителей разных научных специальностей, несхожих исследовательских культур и присущих им языков и терминологического аппарата, наконец, сторонников принципиально различных исследовательских подходов¹.

Как уже отмечалось в Предисловии, после напряженных дискуссий был избран жанр проблемного сборника, который позволял (хотя бы в теории) объединить все это разнообразие при сохранении единства цели и замысла. Риск был очевиден с самого начала – проект мог рассыпаться под тяжестью внутренних противоречий, конфликтов и взаимного непонимания, или, не рухнув формально, мог дать на выходе конгломерат внутренне не связанных текстов, что означало бы неудачу. Необходимо было также совместить отработку исследовательского инструментария с выявлением, описанием и анализом конкретных ситуаций. Принципиально важно было точно избрать исследовательские площадки. Все эти соображения определили логику проекта и сформировали структуру и композицию этой книги.

Прежде всего скажем о выборе исследовательских площадок. Северный Кавказ и Сибирь – соединение на первый взгляд парадоксальное. Раздираемый этническими (или этнически маркированными) противоречиями, конфликтами, даже вооруженными

столкновениями Кавказ, на первый взгляд, как-то сложно соотносится с Сибирью, чей давно и прочно сложившийся образ концентрируется в популярном слогане «Сибирь – территория согласия»². В массовом сознании и настроениях элит это подразумевает презумпцию изначальной стабильности и отсутствия межэтнических конфликтов. Перенаселенный и трудоизбыточный Кавказ, с его огромным давлением на природные ресурсы, и Сибирь, где самым дефицитным ресурсом были и остаются человек и его рабочая сила.

С другой стороны, их сближает то общее в историческом наследии и исторической памяти, что можно определить в категории фронта³. А это уже непосредственно соотносится с тематикой проекта. Сближает их и то, что они внезапно оказались на границе уже в том смысле, как это определено в законе: «Государственная граница Российской Федерации есть линия и проходящая по этой линии вертикальная поверхность, определяющая пределы государственной территории (суши, вод, недр и воздушного пространства) Российской Федерации, то есть пространственный предел действия государственного суверенитета Российской Федерации»⁴. Государственная граница и гигантский комплекс обусловленных ею отношений, связей, контактов, конфликтов, возможностей и ограничений, стали реальным фактором повседневности, обыденной жизни миллионов жителей этих регионов. Изменения в стране и мире ведут к тому, что меняется сама роль границы и отношение к ней, сформировавшееся в советские времена⁵.

Сближает эти регионы и огромная роль миграционных процессов в их экономической, социальной, политической жизни, в самоощущении жителей, в идеологической борьбе, языке⁶ и административных практиках властей всех уровней. Для пограничья особую роль играют трансграничные миграции, и рассматриваемые регионы могут предоставить уникальный материал как для изучения самих процессов внешних миграций, так и для понимания их актуальных и потенциальных, реальных и мнимых, явных или имплицитных результатов и последствий.

Можно сколько угодно (и во многом совершенно справедливо) протестовать против рассмотрения проблемы миграций, в том числе и внешних, исключительно в этнических категориях, но такой подход утвердился в общественном сознании и политике властей. И сам этот феномен, его причины, проявления и последствия тоже должны стать предметом анализа. Тем более важно попытаться выявить реальную этническую составляющую миграционных процессов, ее воздействие на все стороны жизни населения приграничных регионов. На состояние конфликтности, на динамику

Заключение

и вектор экономического развития, на проблемы целостности государства и т.д.

Новое качество этнической композиции приграничья («новая полиэтничность» по С.В. Рязанцеву) формируется не только в результате миграционных процессов, не только в результате того, что граница рассекла ареалы компактного проживания многих этнических групп, создав, таким образом, ситуацию, часто характеризующую в категории «разделенных народов». При всей своей неопределенности и политической ангажированности эта категория может стать реальным фактором, если так видят ситуацию более или менее многочисленные группы людей, особенно представители элит.

Еще более важным фактором формирования «новой полиэтничности» в приграничье стало радикальное изменение роли этничности вообще в нашей стране. Оценка этого феномена – предмет ожесточенных дискуссий. Нет единого подхода к нему и у авторов этого издания. Между тем, это вопрос не только высокой теории, но и конкретного прикладного анализа. Является ли этническая принадлежность данностью или это сложная и меняющаяся конструкция? Что/кто является субъектом социального, в том числе политического действия – люди, создающие связи и отношения, или нерасчлененные общности («этносы»)? Создают ли люди этнические общности или принадлежат к ним по факту рождения? Неизменны и константны ли эти общности во времени или они находятся в процессе постоянных перемен? Насколько образ жизни человека, его ценности, предпочтения, поведение, в том числе политическое, обусловлены его этничностью?

От ответа на этот вопрос зависит, например, оценка ирредентистского потенциала этнических групп, расчлененных границей, потенциал сепаратизма и сецессии. При одном из ответов сам факт этнической принадлежности, концентрации представителей некой этнической группы у границы является достаточным основанием для тревожных прогнозов и принятия соответствующих управленческих решений. При другом подходе следует тщательно и конкретно проанализировать – насколько значимо ощущение этничности для представителей этой группы? Насколько она реально является группой, а не механической совокупностью, статистической единицей? Насколько действия людей детерминированы их этничностью? Каков мобилизационный потенциал этничности? И уже исходя из этого, оценивать характер и интенсивность соответствующих рисков и угроз. Такой подход ставит сложные исследовательские задачи и диктует необходимость выдвижения соответствующих рабочих гипотез и исследовательских процедур.

Эти рассуждения можно проиллюстрировать на примере довольно широко распространенного представления о том, что *«превышение 10-процентного порога численности мигрантов от всего количества населения станицы, хутора, города считается в современной науке опасным пределом, после которого отношение к мигрантам становится враждебным»*⁷. Здесь, как и в других работах, аргументация этого важного и далеко ведущего тезиса заменяется ссылками на работы отечественных и зарубежных коллег. И если заняться реконструкцией, то скорее всего он введен в отечественный научный оборот В.И. Козловым со ссылкой на статью британского автора в качестве аргументации⁸.

Конечно, чрезвычайно заманчиво получить научно обоснованный, очень конкретный инструмент для измерения уровня этнической напряженности. Не случайно за него так ухватились практики, чиновники некоторых регионов. Однако гипотеза о том, что численность мигрантов и их удельный вес в составе населения напрямую определяют уровень нестабильности и конфликтности в обществе, пока не доказана. Более того, неизбежны критические соображения о том, что такой редукционистский подход игнорирует целый комплекс основополагающих факторов. Прежде всего – состояние принимающего общества. Его численность, национальную и социальную структуру, уровень развития экономики, внутреннюю конфликтность и социальную тревожность, состояние экономического и социального кризиса или, напротив, подъема, исторические традиции ксенофобии и толерантности. Давление на ресурсы, характер этих ресурсов. С другой стороны, и мигрант при таком подходе предстает среднестатистической единицей, а не носителем вполне определенных культурных, этнических, экономических и иных характеристик. Не учитывается величина культурной дистанции между ним и принимающим обществом: претендует ли мигрант на уже имеющиеся ресурсы или способен и готов создавать новые, как это оценивается представителями принимающего общества. И этот ряд можно продолжать долго. Также вполне резонно предположить, что численность мигрантов и их удельный вес в составе принимающего общества – это только одна из составляющих сложного и в каждом отдельном случае уникального набора факторов, определяющих конфликтогенный потенциал.

К вопросу о конфликтогенном потенциале. Если посмотреть на структуру и содержание нашего сборника, то станет очевидным, что именно этот аспект проблемы «новой полиэтничности» в приграничье оказался ключевым для проекта. Понятия этничность и конфликт оказались здесь неразрывно связанными. Доста-

Заключение

точно взглянуть на состав первого раздела сборника, чтобы убедиться в этом. Была поставлена задача посмотреть на этническое многообразие не только как на «ящик Пандоры», но и как на ресурс, а на диаспоры – не только как на «яблоко раздора» между государствами, но и как на мост их соединяющий. Следует признать, что она пока не решена. Самым заметным исключением в этом плане стала, пожалуй, статья Н.П. Рыжовой о формировании трансграничного не только экономического, но и социокультурного пространства в Благовещенске.

Возможно, это повод задуматься не только об удаче или неудаче отдельного проекта. Не исключено, что в его структуре и направленности отражено состояние умов в обществе и научном сообществе. Хорошо бы, конечно, провести соответствующие исследования на этот счет, но и сейчас, в качестве рабочей гипотезы, можно предположить, что преобладает опасливо-настороженное отношение к границе, к этническому многообразию, к трансграничным миграциям. В них видится прежде всего источник угроз и потрясений, а не потенциал новых возможностей. Скорее всего, это состояние умов в обществе диктует и современную государственную миграционную стратегию. В ней основанные на трезвом экономическом расчете декларации о том, что мигранты жизненно необходимы стране, причудливым образом сочетаются с реальными и мощными запретительными и дискриминационными практиками.

Другое дело, что любые государственные стратегии и программы ограничены реальной способностью власти управлять сложнейшими этническими и миграционными процессами в приграничных регионах. Статья А.В. Ващенко убедительно показывает, что на деле даже такой инструмент проведения общегосударственной политики, как органы внутренних дел, руководствуются в своей реальной практике и партикулярными интересами местных элит и тем обстоятельством, что формируются они из представителей местного населения, отражая его представления о должном. Фактически, они становятся во многом самостоятельным субъектом принятия решений и реальной самостоятельной силой при формировании региональной политики.

Появляются новые акторы в ходе общественной самоорганизации, и они также способны реально воздействовать на ход социальных, политических и экономических процессов. Это могут быть общественные организации, сформированные на этнической основе и претендующие на представительство общегрупповых интересов. Наиболее типичный и распространенный пример – национально-культурные общества и автономии. Как правило, это неформальные сети и структуры, обладающие реальным влиянием и

ресурсами. Иногда реальным игроком становятся международные организации, как это показано в статье Н.А. Коробий. Таким образом, процесс формирования «новой полиэтничности» привел и радикальному расширению спектра «действующих лиц», субъектов действия, способных реально воздействовать на ход социальных, политических и экономических процессов в приграничье.

Подводя итог, можно сказать, что жанр этой книги, ее неизбежно очерковый характер дали возможность сформулировать ряд серьезных вопросов для будущих исследований. Возможно, это и есть главный вклад проекта в исследовательский процесс. Многообразие подходов, подспудная, а иногда и открытая полемика между авторами, стали в данном случае тем инструментом, который и позволил получить новое знание о проблеме.

Примечания

- ¹ Ситуация осложняется и тем, что зачастую, как в случае со сторонниками примордиализма и конструктивизма в нашей стране, дискуссия вокруг исследовательских принципов и подходов выводится уже в плоскость идеологического противостояния. Наиболее ярко это демонстрируется в сборнике: *Расизм в языке социальных наук* / Под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова. СПб.: Алетей, 2002.
- ² Очень характерен и не случаен в этом слогане и взгляд на Сибирь через категорию «территория».
- ³ *Резун Д.Я., Ламин В.А., Мамсик Т.С., Шиловский В.М.* Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XV11 – XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2001; *Барретт Т.М.* Линия неопределенности: северокавказский «фронт» России // *Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология.* Самара, 2000.
- ⁴ Федеральный закон «О государственной границе Российской Федерации». Принят 1 апреля 1993 года.
- ⁵ *Гусейнов Г.* Карта нашей Родины и «граница на замке»: превращение идеологии // *Кочующие границы: Сборник статей по материалам международного семинара* / Под ред. О. Бредниковой и В. Воронкова. Центр независимых социологических исследований. Труды. Вып. 7. СПб., 1999. С. 73–79.
- ⁶ См. например: *Дятлов В.* Диаспора: экспансия термина в общественную практику современной России // *Диаспоры.* 2004. № 3. С. 126–138.
- ⁷ См. статью М.В. Саввы в настоящем сборнике.
- ⁸ *Козлов В.И.* Иммигранты и этнорасовые проблемы в Британии. М.: Наука, 1987. С. 163. (Со ссылкой на: *Mason P.* Strangers upon Earth // *Colour, culture and consciousness: Immigrant intellectuals in Britain.* London, 1974. Только здесь этот «порог» оценен в 15%).

Сведения об авторах

Авксентьев Виктор Анатольевич — доктор философских наук, профессор, заведующий отделом социально-политических проблем Кавказа Южного научного центра РАН (г. Ставрополь)

Аствацатурова Майя Арташесовна — доктор политических наук, профессор, заместитель директора по НИР Пятигорского филиала Северо-Кавказской академии государственной службы

Балдано Марина Намжиловна — доктор исторических наук, заведующая отделом истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ)

Белозеров Виталий Семенович — доктор географических наук, профессор, проректор по учебной работе Ставропольского государственного университета

Боронин Олег Валерьевич — кандидат исторических наук, докторант Алтайского государственного университета, сотрудник Алтайского центра востоковедных исследований (г. Барнаул)

Ващенко Александр Владимирович — кандидат исторических наук, доцент Кубанского государственного университета (г. Краснодар)

Дацышен Владимир Григорьевич — доктор исторических наук, профессор Красноярского государственного педагогического университета

Дятлов Виктор Иннокентьевич — доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета

Коробий Наталья Анатольевна — кандидат исторических наук, старший преподаватель Ставропольского государственного университета

Мионов Виктор Владимирович — кандидат исторических наук, старший преподаватель Омского государственного университета

Панин Александр Николаевич — старший преподаватель Ставропольского государственного университета

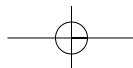
Рыжова Наталья Петровна — старший преподаватель Амурского государственного университета (г. Благовещенск)

Рязанцев Сергей Васильевич — доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом социальной демографии Института социально-политических исследований РАН (г. Москва)

Савва Михаил Валентинович — доктор политических наук, профессор Кубанского государственного университета (г. Краснодар)

Соловьев Иван Алексеевич — кандидат географических наук, старший преподаватель Ставропольского государственного университета

ПРИЛОЖЕНИЯ

Этнические конфликты на Юге России

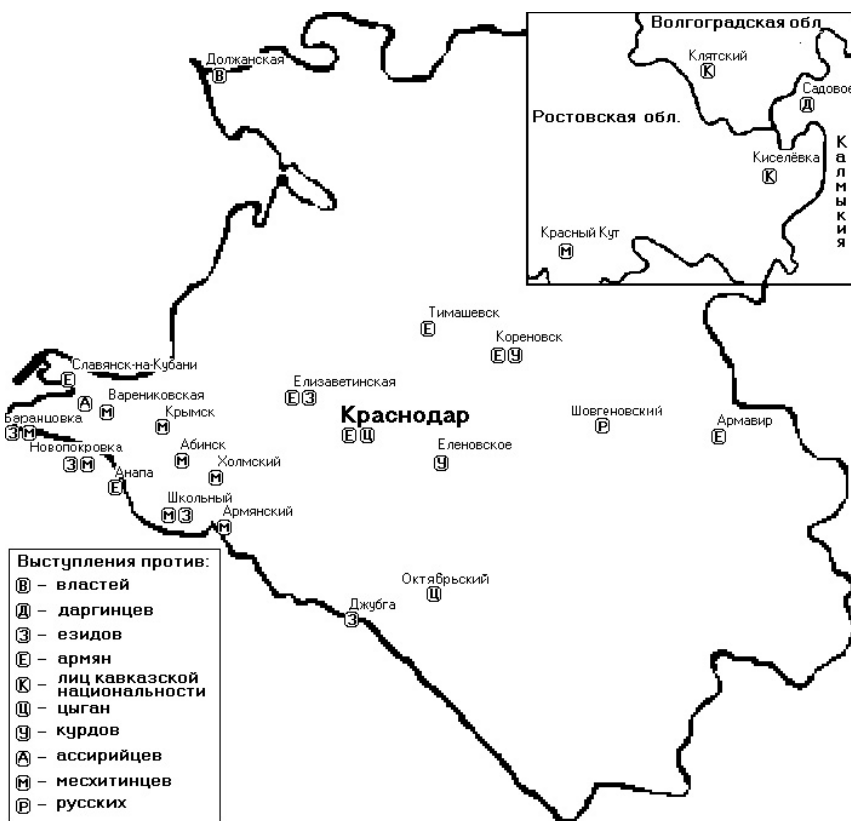

Рис. 2. Этнические конфликты на Юге России в 1990-2000-е годы

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Этнические конфликты в Ставропольском крае

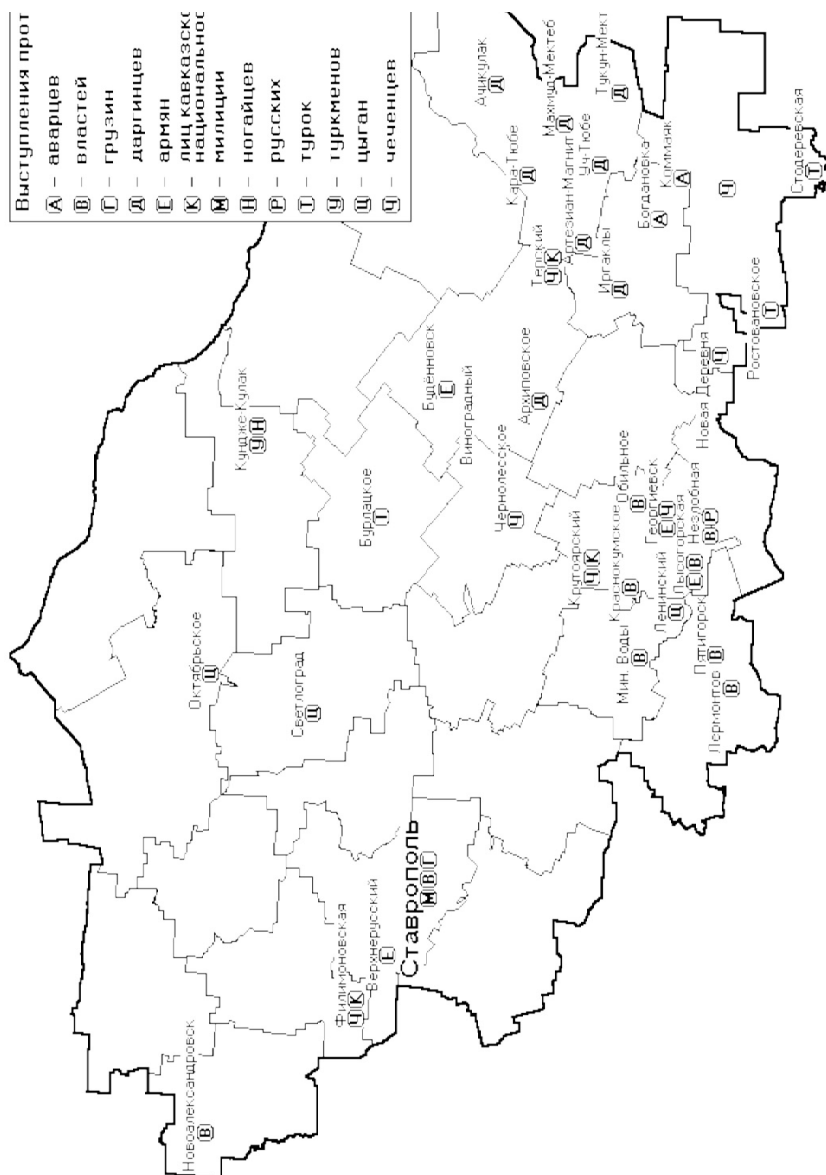

Рис. 1. Этнические конфликты в Ставропольском крае в 1990-2000-е годы

Этнические конфликты в Ставропольском крае

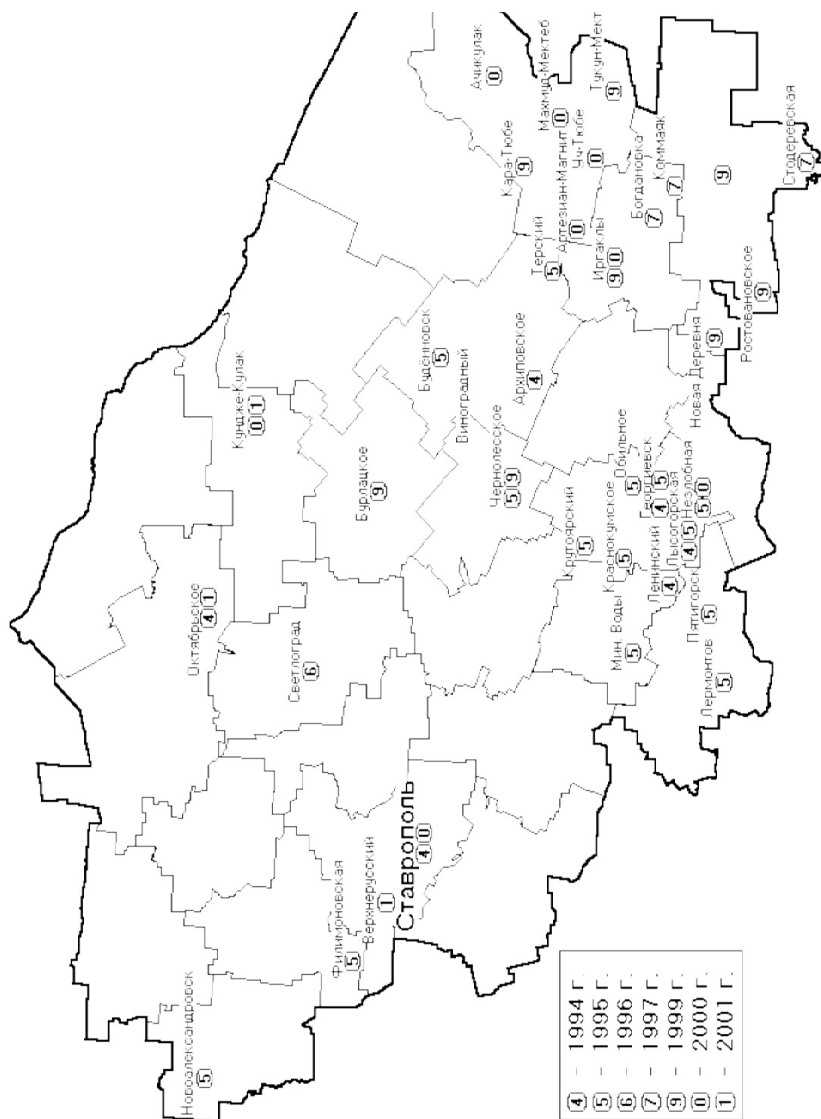

Рис. 2. Этнические конфликты в Ставропольском крае в 1990-2000-е годы (по времени проявления)

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Международные организации на Северном Кавказе

1	Action by churches together (ACT)	Совместные действия церквей
2	Action Centre la faim (ACF)	Движение против голода
3	Agency for Rehabilitation and Development (ARD)	Ассоциация реабилитации и развития (Нидерланды)
4	Association for Aid and Relief	Японская ассоциация помощи
5	Benevolence International Foundation (BIF)	Международный благотворительный фонд
6	Caritas Internationalis	
7	CPCD	Центр по поддержанию мира и общественного развития
8	Danish Church Aid (DCA)	Церковная помощь Дании
9	Danish De-mining Group (DDG)	Датская группа по разминированию
10	Danish People's Aid	
11	Danish relief agency (DANIDA)	Датское агентство помощи
12	DHA	Отдел гуманитарных дел ООН
13	Equilibre	Французская гуманитарная организация
14	European Community Humanitarian Office (ECHO EC)	Бюро ЕС по гуманитарной помощи
15	Handicap International	
16	HELP	Помощь из Германии
17	HIA	Венгерская межцерковная помощь
18	Hilfswerk	Помощь из Австрии (Австрия) – «Хильфсверк»
19	Humanitarian Aid and Swiss Disaster (HASD)	Швейцарская гуманитарная помощь
20	International humanitarian initiative	Международная гуманитарная инициатива
21	International Rescue Committee	Международный комитет спасателей
22	IOM	Международная организация миграции
23	Islamic Development Bank (IDB)	Исламский банк развития
24	Islamic Relief (IR)	Исламская помощь
25	Medecins du Monde (MDM)	Врачи мира
26	Mercy Corps International (MCI)	Международный корпус милосердия
27	Merlin (Medical emergency relief international)	

Международные организации на Северном Кавказе

28	MSF-B	Врачи без границ (Бельгия)
29	MSF-F	Врачи без границ (Франция)
30	MSF-H	Врачи без границ (Нидерланды)
31	Norwegian Church Aid	Норвежская церковь помощи
32	NRC	Норвежский совет по беженцам
33	People in Need (PINF)	Люди в нужде (Польша)
34	Polish Humanitarian Organization (PHO)	Польская гуманитарная организация (Польша)
35	Salvation Army (SA)	Армия спасения
36	SARC	Комитет помощи Саудовской Аварии
37	Stiching Vluchteling	(Нидерланды)
38	Swiss Agency for Development and Cooperation (SDC)	Швейцарское агентство развития и сотрудничества
39	UNHCHR	Верховный комиссар ООН по правам человека
40	UNHCR	Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев
41	UNOCHA	Департамент ООН по координации гуманитарных вопросов
42	World Vision (WV)	

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Деятельность международных организаций на Северном Кавказе

	Дагестан	Чеченская Республика	Ингушетия	Северная Осетия
ВПП	1995-1997 – чрезвычайная продовольственная помощь (мука, сахар, масло).	1995-1996 – программы продовольственной помощи через местные неправительственные организации. 1997 – работа через местные НПО. 1999-2003 – продовольственная помощь, горячее питание младшим школьникам, «Продовольствие за труд».	1995-1996 – продовольственная помощь. 1997 – распределение продовольственной помощи вынужденным переселенцам. 1999-2003 – продовольственная помощь, горячее питание младшим школьникам, «Продовольствие за труд».	1996, 1997 – распределение продовольственных пакетов.
УВКБ ООН (UNHCR)	1995 – сентябрь 1997 – программы размещения вынужденных переселенцев, продовольственная и непровольственная помощь, поддержка 102 резервуаров для питьевой воды, транспортировка желающих вернуться в Чеченскую	1995-1996 – распределение продовольственной и непровольственной помощи (непрямое). 1997 – работы через местные НПО. 1998 – непровольственная помощь (Ачхой-Мартановский район), помощь добровольной ретрадации, восстановление Чеченской Республики: поставка	1995-1997 – программы по размещению вынужденных переселенцев. 1998 – главный акцент на обеспечение вынужденных переселенцев жильем, содействие региональным миграционным службам при их регистрации, обновление баз данных. 2001 – обеспечение вынужденных переселенцев продовольственной помощью.	1995-2003 – распределение продовольственной и непровольственной помощи.

	Республику, поставка воды в Хасавюрт.	школам материалов, очищение воды. 2002-2003 – непроизводительная помощь.	2002 – непроизводительная помощь. 2003 – финансирование производств сборных щитовых домиков, предназначенных для использования в качестве альтернативного жилья.	
Всемирная организация здравоохранения	1995 – распределение аптечек.	1997 – восстановительные работы в Чечне через подрядчиков. 2003 – программы оказания помощи детям вынужденных переселенцев.	1995 – дистанционные программы (контроль путем посещения): вакцинация населения, снабжение медузачеждений лекарствами. 1997 (в конце года закрыт офис в Назрани) – распределение по больницам комплектов для прививок против дифтерии, лекарств; организация семинаров по повышению квалификации психиатров, работающих с жертвами конфликта; обеспечение пострадавших протезами. 2003 – курсы для врачей, программы оказания помощи детям вынужденных переселенцев.	1995 – 1996 – распределение аптечек, стройматериалов. 1999-2003 – медицинская помощь, проведение обучающих семинаров по психологической реабилитации, обеспечение пострадавших протезами.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4 (продолжение)

ЮНИСЕФ	1995 – начало 1996 – поставка медикаментов, оборудование проведения вакцинации населения, распределение обуви и одежды. 1995 – август 1995 – программы размещения вынужденных переселенцев.	1995-1996 – программы по вакцинации населения, обеспечение медикаментами службы здравоохранения. 1997 – работа через местные НПО. 1999-2003 – профессионально-техническое обучение подростков. 1995 – распределение стройматериалов, используя транспорт УВКБ ООН. 1996 – программы по эвакуации, продовольственная помощь, предоставление 240 палаток в лагерь Самашки.	1995 – обеспечение лагерей одеялами и палатками, центры для детского образования, вакцинация населения. 1999-2003 – программы противоминной безопасности. 1995, 1996 – программы по эвакуации населения, еженедельное распределение продовольствия, реконструкция с/х зданий для проживания вынужденных переселенцев, распределение обогревателей в лагерях, организация пекарней.	1995 - 1997 – программы размещения вынужденных переселенцев, вакцинация населения. 1999 - 2003 – программы противоминной безопасности, ортопедические центры. 1995 – программы размещения вынужденных переселенцев, организация пекарней.
Международная организация миграции (ИОМ)				
Международный Комитет Красного Креста	1995-1996 – распределение продовольственной и непродовольственной помощи, одеял, гигиенических пакетов.	1995-1996 – продовольственная и непродовольственная помощь. 1999-2003 – 1. Предоставление помощи населению Чечни в виде продовольственных посылок и непродовольственных наборов, состоящих из предметов гигиены. 2. Обеспечение местного населения питьевой водой. 3. Оказание помощи	1995-1996 – программы размещения вынужденных переселенцев, продовольственная помощь.	1995-1996 – программы размещения вынужденных переселенцев, программы продовольственной помощи.

		медицинским учреждениям в республике. 4. Программа «первичной медицинской помощи» («мобильные клиники», состоящие из врачей и медсестры, безвозмездная консультация населения в различных районах республики и доставка бесплатных лекарств) 5. Программа «посещения задержанных» (служашие Красного Креста бывают в следственных изоляторах и тюрьмах, чтобы контролировать, насколько условия содержания заключенных соответствуют общепринятым нормам). 6. Программа «Для вооруженных сил и сил безопасности». Задача программы – познакомить военнослужащих, участников вооруженного конфликта внутри страны с правовыми ограничениями их деятельности. С этой целью в 2000 г. были организованы курсы «Сенег» по международному гуманитарному праву.		
--	--	---	--	--

ПРИЛОЖЕНИЕ 4 (продолжение)

Центр по поддержанию мира и общественного развития (Center for Peacemaking and Community Development)	1999 – программы социальной и психологической реабилитации, организации семинаров по правам человека. 2003 – специальные курсы для учителей.	1999 – программы социальной и психологической реабилитации, организации семинаров по правам человека.	1999 – программы социальной и психологической реабилитации, организации семинаров по правам человека.
Французская гуманитарная организация Equilibre	1995-1996 – распределение продовольственной помощи, восстановление родильных домов в Хасавюрте.	1995 – центры для детского образования.	
Международный комитет спасателей (International Rescue Committee)	2003 – профессионально-техническое обучение подростков.	2003 – ремонт помещений для вынужденных переселенцев, открытие физкультурно-спортивного центра в Карабулаке.	
«Врачи без границ» (ВБГ)	1995-1996 – (ВБГ – Бельгия) – распределение продовольственной помощи, одеял, гигиенических пакетов, программы по восстановлению	1995 – (ВБГ-Франция) – вакцинация от дизентерии. 1996 – (ВБГ-Бельгия) – непроизвольственная помощь беременным женщинам и роженицам в Грозном. 2002 – снабжение лекарствами и расходным	1995-1997 – помощь местным службам здравоохранения. 1999 – (ВБГ-Голландия) – медицинская помощь через

	водных и санитарных сооружений, борьбы с чесоткой.	материалом медицинские учреждения, программы оказания социальной и психологической реабилитации населения.	местные НПО. ВБГ - Бельгия - медицинская помощь в Малгобекском районе, антимедикулезные, антигеркулезные программы. 2003 - ремонт помещений для вынужденных переселенцев.	
Врачи мира (Medecins du Monde)			1995-1998 - организация семинаров по повышению квалификации психиатров, работающих с жертвами конфликта.	1995-1998 - медицинская помощь, проведение обучающих семинаров по психологической реабилитации.
«Каритас Интернационалис» (Caritas Internationalis)			2003 - поддержка детских центров образования и досуга.	
«Польская гуманитарная организация» (Polish Humanitarian Organization)		2003 - снабжение питьевой водой больниц, школ и жилых районов.	2003 - снабжение питьевой водой больниц, школ и жилых районов.	
Норвежский совет по беженцам. В 2002 г. преобразован в общественную		1999 - продовольственная помощь (через Датский совет по беженцам).	1999 - продовольственная помощь (работали через Датский совет по беженцам). 2002 - программы поддержки начальных школ в лагере «Барт» и Карабулаке;	1999 - продовольственная помощь (через Датский совет по беженцам).

ПРИЛОЖЕНИЕ 4 (продолжение)

организацию «Дружба» (NRC)			предоставление школьно- письменных принадлежностей, обеспечение детей завтраками, научно-методическая и др. помощь.	
Датский совет по беженцам		2001 (на постоянной основе) – продовольственная помощь. 2002-2003 – обеспечение жильем.	2001 (на постоянной основе) – продовольственная помощь. 2002-2003 – обеспечение жильем.	
«Люди в нужде» (People in Need, PINF).		2001 (на постоянной основе) – продовольственная помощь. 2002 – продовольственная помощь.	2002, 2003	
«Хэндикап интернешнл» (Handicap International)		2002 – адресная помощь инвалидам.		
«Хелп» (Германия) HELP		2002 – продовольственная помощь.	2002 – продовольственная помощь.	
«Исламская помощь» (Islamic Relief)	1995 – продовольственная и непродовольственная помощь, распределение школьных принадлежностей.	1995, 1996 (офис до 1999, затем переезд в Нальчик) – продовольственная помощь. 1997-1999 – проекты по восстановлению и развитию (Development and rehabilitation project); отреставрировано отопление в 13 школах, прием больных	1999 – помощь вынужденным переселенцам из Чеченский Республики (Chechnya refugees relief programme); продовольственная и непродовольственная помощь, 4 передвижные клиники, доставка водных контейнеров.	

		в передвижных клиниках, создание учебного центра компьютерного обучения (Грозный) 2002 – строительство школ и больниц.		
Международный корпус милосердия (Mercy Corps International)	1999 – продовольственная помощь, гигиенические пакеты в небольшие поселения.	1999 – продовольственная помощь, гигиенические пакеты в небольшие поселения.		
World Vision	1999 – продовольственная и непродовольственная помощь.	1995 – снабжение одеждой (секонд хенд). 1999 – продовольственная и непродовольственная помощь.		
Merlin (Medical emergency relief international)	1996, 1997 – программы по вакцинации населения, обеспечение медикаментами 45 поликлиник.	1995 – обеспечение лагерей водными резервуарами.		
Движение против голода (Action Centre la faim)	1995-1996 – распределение продовольственной и непродовольственной помощи, горячей еды в Грозном (в 1997 – через местный штат и местные НПО). 2001 (на постоянной основе) – продовольственная помощь	1995-1998 – продовольственная помощь.	1995 – продовольственная помощь.	

ПРИЛОЖЕНИЕ 4 (продолжение)

Совместные действия церквей (Action by churches together) / Венгерская межцерковная помощь (Hungarian interchurch aid)	1995-1998 – программы продовольственной помощи и психологической реабилитации 1996 – продовольственная помощь пенсионерам.	1995-1998 – помощь детским садам и школам-интернатам, помощь в восстановлении разрушенных зданий и домов, поставка горячего питания, программы продовольственной помощи, распределение одежды и обуви, распределение инвалидных кресел жертвам конфликта.	1998 – продовольственная и непродуктовая помощь.
Армия спасения (Salvation Army)		1999 – распределение зимней одежды, передвижные амбулатории, продовольственная помощь и медикаменты.	

Научно-образовательный форум по международным отношениям — неправительственная некоммерческая организация, созданная для содействия научным, образовательным и просветительским программам, нацеленным на формирование в России современного профессионального сообщества международных и политологов.

Под нынешним названием Форум работает с 2000 года. В 1996-1999 годах он был частью Московского общественного научного фонда.

Директор Форума — доктор политических наук, профессор А.Д. Богатуров.

Форум дважды в год проводит зимние и летние школы по международным отношениям и политологии для университетских преподавателей и научных сотрудников исследовательских центров России и стран СНГ.

С 2003 года Форум издает журнал «Международные процессы».

Одновременно в рамках своих программ и приоритетов Форум поддерживает межрегиональные исследовательские коллективы.

За время работы Форум опубликовал 12 монографий и сборников, среди которых:

Системная история международных отношений. 1918-2003. События и документы. В 4-х томах / Под ред. А.Д. Богатурова. Том I (520 с.) и том II (274 с.). М.: Московский рабочий, 2000; том 3 (720 с.). М.: НОФМО, 2003; том IV (600 с.). М.: НОФМО, 2004.

Трансатлантический союз. Трансформация системы американско-европейского партнерства после распада биполярности. М.: НОФМО, 2004. 252 с.

Очерки теории и политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002. 384 с.

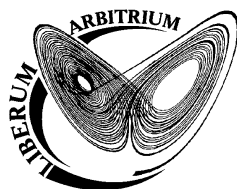
Прозрачные границы. Безопасность и трансграничное сотрудничество в зоне новых пограничных территорий России. М.: НОФМО, 2002. 480 с.

Сайт Форума: <http://www.obraforum.ru>

Адрес: 125009, Москва, Газетный переулок, д. 9, строение 7, офис 16

Телефон: (095) 790 73 94, факс: (095) 202 39 34

E-mail: info@obraforum.ru

LIBERUM ARBITRIUM
СВОБОДА ВЫБОРА

На эмблеме Форума изображен «аттрактор Лоренца» — фигура, воплощающая вариантность движения потоков частиц в неравновесных системах. Эмблема зарегистрирована как товарный знак.

Academic Educational Forum on International Relations is a Moscow-based non-profit organization working to promote education and research in the field of International Relations, Security Studies and Political Science and strengthen Russia's community of IR scholars and educators. Our overarching goal is to support younger academics and university faculty members from Russia's regions and CIS states in achieving maximum professional independence and sustainability. We do that by helping our target audiences to expand their professional tool-kits and develop their research agendas.

Our projects are grouped into five tracks:

- winter and summer schools on theory and methodology for younger scholars and faculty;
- publication of "International Trends" — a journal of international relations theory and world politics;
- networking and community-building among IR scholars and analysts;
- conferences and workshops on applied issues in international politics, and
- collaborative network research projects.

The Forum alumni network embraces over 200 personalities in 89 cities of the Russian Federation and 7 CIS nations. Since 1996, the Forum has published 12 monographs and occasional papers.

We receive support from the John D. and Catherine T. MacArthur Foundation, Open Society Institute — Russia and other grant-making institutions.

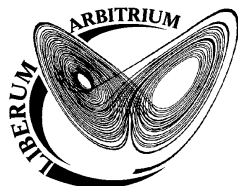
The Forum is directed by Prof. Dr. **Alexei D. Bogaturov**.

Visiting address: Gazetny pereulok, 9, bldg. 7, office 16, Moscow 125009

Phone: (095) 790 73 94, fax: (095) 202 39 34

E-mail: info@obraforum.ru

<http://www.obraforum.ru>, <http://www.intertrends.ru>

LIBERUM ARBITRIUM
СВОБОДА ВЫБОРА

«Международные процессы»

Журнал теории международных отношений и мировой политики

Главный редактор

доктор политических наук, профессор *А.Д. Богатуров*,
заместитель директора Института проблем международной безопасности РАН

«Международные процессы» — первый российский научный журнал, посвященный теории международных отношений и мировой политике. В журнале публикуются статьи, анализирующие новые тенденции в развитии международных отношений и мировой экономики, а также освещающие современные теоретические дискуссии по конфликтологии, международным организациям, этическому измерению внешней политики и международного права, международной безопасности, геополитике.

Журнал является независимым изданием, созданным для содействия научному общению между русскоязычными исследователями и преподавателями международных отношений и смежных дисциплин. Его цель — помочь становлению и развитию в России школ теоретического осмысления международных отношений и мировой политики.

Среди наших авторов — сотрудники образовательных и исследовательских учреждений России, стран СНГ, Западной Европы и Северной Америки. Помимо академической аудитории, журнал распространяется среди представителей российских федеральных и региональных органов власти, включая Министерство иностранных дел и Федеральное Собрание РФ.

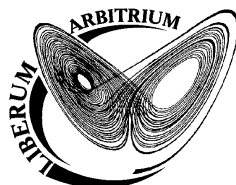
«Международные процессы» приглашают к сотрудничеству авторов. Объем рукописей, представляемых на рассмотрение Редакционного совета, не должен превышать 40 тысяч знаков с пробелами. К рассмотрению принимаются только ранее не публиковавшиеся материалы, не представленные одновременно к публикации в других периодических изданиях или в составе коллективных работ.

Журнал выпускается три раза в год Научно-образовательным форумом по международным отношениям при поддержке Фонда Макаруров.

ISSN 1728-2756

E-ISSN 1811-2773

<http://www.intertrends.ru>

LIBERUM ARBITRIUM
FREEDOM OF CHOICE

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОРУМ
ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ
ЖУРНАЛ «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ»
ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Научное издание

**СТАБИЛЬНОСТЬ И КОНФЛИКТ
В РОССИЙСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ**

Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе
в середине 2000-х годов

Ответственные редакторы *В.И. Дятлов и С.В. Рязанцев*

Лицензия № 05681

Подписано в печать 25.05.2005. Формат 60х90 ¹/₁₆
Бумага офсетная № 1. Гарнитура School Book, Text Book.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,5.
Тираж 700 экз. Заказ 000. Второй завод. Цена договорная.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГП «Облиздат», 248640, Калуга, пл. Старый торг, 5

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОРУМ
ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ
ЖУРНАЛ «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ»
ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Научное издание

**СТАБИЛЬНОСТЬ И КОНФЛИКТ
В РОССИЙСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ**

Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе
в середине 2000-х годов

Ответственные редакторы *В.И. Дятлов и С.В. Рязанцев*

Лицензия № 05681

Подписано в печать 25.05.2005. Формат 60х90 ¹/₁₆
Бумага офсетная № 1. Гарнитура School Book, Text Book.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,5.

Тираж 700 экз. Заказ 000. Первый завод. Распространяется бесплатно.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГП «Облиздат», 248640, Калуга, пл. Старый торг, 5